

АРЬЯ ШУРА
ГИРЛЯНДА ДЖАТАК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АРЬЯ ШУРА

**ГИРЛЯНДА ДЖАТАК,
ИЛИ СКАЗАНИЯ
О ПОДВИГАХ БОДХИСАТТВЫ**

Второе издание, дополненное

МОСКВА
Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2000

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ПЕРЕВОДЫ

VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

АРЬЯ ШУРА

**ГИРЯНДА ДЖАТАК,
или СКАЗАНИЯ
О ПОДВИГАХ БОДХИСАТТВЫ**

Перевод с санскрита
А.П.Баранникова
и О.Ф.Волковой

Предисловие
и примечания
О.Ф.Волковой

МОСКВА · 1962

**Федеральная программа
книгоиздания России**

*Ответственный редактор
Ю. Н. Рерих*

*Художественная съемка
Э. Басилия*

Арья Шура

А89 Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы. Пер. с санскрита А.П.Баранникова и О.Ф.Волковой. Предисл. и примеч. О.Ф.Волковой. 2-е изд., доп. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 367 с.: ил. (Памятники литературы народов Востока. Переводы. VII).

ISBN 5-02-017644-3

«Гирлянда джатак» («Джатакамала») — сборник буддийских рассказов (джатак), созданный около IV в. знаменитым древнеиндийским поэтом Арья Шурой. Джатаки — это литературно обработанные народные сказания и легенды о деяниях Будды, совершенных им в его многочисленных перерождениях, в облике различных людей, животных и богов. Занимательные сюжеты служат фоном для назидательных отступлений, для поучений в духе буддийской этики. Перевод, выполненный известным индологом акад. А.П.Баранниковым, был после его смерти завершен и доработан видным санскритологом О.Ф.Волковой и снабжен ее примечаниями. Книга была издана в серии «Памятники литературы народов Востока» в подсерии «Переводы» (1962 г.).

В новом издании впервые публикуются две тибетские иконы-танки из собрания Государственного музея искусства народов Востока, иллюстрирующие сочинение Арья Шуры, и статья о них Т.В.Сергеевой.

ББК 84(5Инд)4

© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2000
© Т.В.Сергеева, статья, 2000
© Э.Басилия, художественная съемка, 2000

ISBN 5-02-017644-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В литературе буддизма, создававшейся в течение многих веков на различных языках, значительное место занимают сказания и легенды, которыми была окружена личность основателя учения Будды Гаутамы. Среди них особый интерес представляют джатаки — повествования о легендарных событиях из прошлых рождений Будды.

Как специфический жанр литературы буддизма, отличающийся своей тематикой и своими определенными художественными особенностями, джатаки являются результатом синтеза литературных и фольклорных традиций, существовавших в Индии ко времени возникновения буддизма, с философско-этическими воззрениями последнего. Заимствуя из неисчерпаемой сокровищницы индийского народного творчества легенды, басни, сказки и создавая новые по их образцу, буддизм приспособил эти живые и увлекательные рассказы для изложения и проповеди своей морали. Нравоучения, преподносимые в виде занимательного повествования, были более доступны пониманию простого народа, чем сухие изречения.

Самые ранние произведения этого жанра, восходящие к первым векам до нашей эры, содержатся в каноне буддизма на языке пали в разделе *Кхуддака-никая Сутта-питаки*, куда входит сборник из 547 джатак. Собственно канонической частью этого собрания являются стихотворные строфы — *гатхи*, приписываемые самому Будде, а проза служит комментарием, разъясняющим, где и по какому поводу Будда произнес ту или иную *гатху*.

В основе джатак лежит свойственное буддизму, как и другим религиозно-философским течениям Индии, представ-

ление о бесконечной цепи связанных между собой причинно-следственной связью существований, через которые проходят все живые существа. Рождение в том или ином состоянии — в виде человека, животного, божества — определяется совокупностью поступков, совершенных в прошлых рождениях. Каждое существо создает самое себя, определяет свое будущее состояние своим поведением, своими действиями. Такая цель, как достижение высшего просветления, совершенного знания — *бодхи*, — согласно учению буддизма, требует огромных усилий и не может быть достигнута в течение одного рождения. Буддийские предания рассказывают, что сам Будда шел к этой цели через многие существования путем тяжелых подвигов и самосовершенствования. Идущий к высшему знанию, потенциальный будда в предшествующих рождениях и в последнем рождении до момента просветления (*бодхи*) получил название бодхисаттвы¹.

Все джатаки построены по одному плану: сначала идет «рассказ о настоящем» (*рассиррапнаваттху*), т. е. о событиях, давших повод к изложению Буддой какого-либо случая из его прошлых рождений; он служит рамкой для «рассказа о прошлом» (*атитаваттху*), в котором Будда на примере одного из собственных предшествующих существований наставляет слушателей в нравственном поведении, щедрости к просящим, кротости и терпимости, правдивости, воздержании от причинения вреда живым существам, от воровства, грубых речей и т. д. Таким образом, построение джатак соответствует излюбленному в древнеиндийской литературе композиционному приему «обрамленной повести». Оба рассказа связывались между собой отождествлением действующих лиц. Один из героев, наделенный высокими моральными и интеллектуальными качествами, объявлялся Буддой в прошлых рождениях.

Сюжеты и действующие лица, взятые из окружающей дей-

¹ О различных толкованиях этого термина см. Har Dayal, *The bodhisattva doctrine in Sanskrit buddhist literature*, London, 1932, pp. 4—9.

ствительности, реалистические картины, отражающие повседневную жизнь различных слоев индийского общества того времени, делают джатаки интересными не только как памятник, излагающий положения буддийской морали, но и как ценный исторический источник для изучения быта и социальных институтов древней Индии.

Палийские джатаки послужили основой для многочисленных переводов и пересказов. Их сюжеты и мотивы неоднократно находили отражение в изобразительном искусстве Индии и других стран, воспринявших буддизм. Значительное влияние оказали джатаки также на последующее развитие басенной и сказочной индийской литературы.

«Гирлянда джатак», хотя и относится к тому же жанру литературы буддизма, в значительной степени отличается от палийских джатак. Несмотря на то что сюжеты почти всех санскритских джатак взяты из палийского сборника, несмотря на совпадение многих стихов, иногда даже буквальное, перед нами не просто перевод с пали, а самостоятельное произведение, отличающееся и по своему стилю и, до некоторой степени, по своим идеям.

* * *

Вопросом времени написания «Гирлянды джатак» и выяснением личности ее автора занимались многие крупные ученые — индологи и тибетологи. Но до сих пор еще многое остается неясным и спорным. Не имея возможности делать какие-либо выводы из-за недоступности большинства материалов, мы попытаемся только подвести итог исследованиям различных ученых.

Опубликованный в 1891 г. Х. Керном текст «Гирлянды джатак» основан на трех рукописях², которые восходят к одному и тому же источнику, так же как и рукопись на дева-

² H. Kern, *The Jātaka-Mālā or Bodhisattvāvadāna-Mālā by Arya-Çūra*, Boston, 1891 (Harvard Oriental Series, vol. I).

нагари Парижской Национальной библиотеки³ и две петербургские рукописи, упоминаемые С. Ф. Ольденбургом⁴.

К тому же источнику восходят, по-видимому, и фрагменты из Турфанского собрания Берлинской академии наук, исследованные и опубликованные Ф. Веллером⁵. Делать какие-либо определенные выводы в этом случае невозможно из-за обрывочного характера фрагментов. Разночтения с текстом издания Керна не выходят за пределы вариантов внутри одной версии.

Рукопись, открытая в 1828 г. Х. Ходгсоном и описанная Раджендралалом Митрой в его труде «Непальская буддийская литература», содержит вначале еще джатаку о царе Супрабхаше⁶, но в остальном не отличается от указанных выше.

Неполная рукопись, содержащая пять джатак, начиная с джатаки об Авишахье, находится в библиотеке Королевского Азиатского общества Бенгалии (рук. D9980, на пальмовых листьях; шрифт — старый невари, очевидно конца XI в.)⁷.

К сожалению, как уже говорилось выше, все известные рукописи «Гирлянды джатак» восходят к одному источнику, и незначительные разночтения в них дают слишком мало материала для того, чтобы делать какие-либо выводы о первоначальном тексте памятника. А в том, что данные рукописи

³ J. Feer, *Studies Bouddhiques*, — JA, série VII, t. V, p. 413.

⁴ С. Ф. Ольденбург, *Буддийские легенды*, СПб., 1894, стр. 90.

⁵ F. Weller, *Die Fragmente der Jatakamala in der Turfansammlung der Berliner Akademie*, Berlin, 1935.

⁶ Вот начало ее. «В одном из прежних рождений наш Владыка был царем по имени Супрабхаша. Он был очень вспыльчив и в приливе гнева жестоко оскорбил погонщика, который в ответ подробно стал наставлять его в добродетелях щедрости, милосердия, кротости и т. п. Это произвело впечатление на ум царя, и он постепенно начал стремиться к просветлению» (R. Mitra, *The Sanskrit buddhist literature*, Calcutta, 1882, p. 49).

⁷ आर्यशूर — कृत जातकमाला, मूल संस्कृत और हिन्दी अनुवाद संपादक और अनुवादक सुर्यनारयण चौधरी, बनारस, १९५१, पृ० ६.

отошли от оригинала, сомневаться не приходится, хотя бы на основании подмеченного Х. Керном расхождения между действительным числом слогов и числом, указанным в конце каждой джатаки, начиная с джатаки XVII. Х. Керн и Я. С. Шпейер, переведший «Гирлянду джатак» на английский, отметили как явно позднейшие добавления только концовки джатак и редкие отождествления действующих лиц, бывшие, очевидно, замечаниями переписчиков на полях.

Мы не можем даже судить о количестве рассказов, входивших в «Гирлянду джатак», ибо характер сборника позволял менять порядок, выбрасывать и вставлять новые джатаки, что мы и видим в рукописи Х. Ходгсона и в использованной Х. Керном рукописи Парижской Национальной библиотеки, в которую после XVI джатаки вставлена джатака о Каччхале, взятая из *Махавасту* и совершенно отличающаяся по языку от остального памятника. Таранатха в своей «Истории буддизма» сообщает предание, что автор «Гирлянды джатак» хотел написать сто джатак — по десять о каждой из десяти *парамит* — совершенных достоинств Бодхисаттвы, но умер, не осуществив своего намерения⁸. В комментарии на «Гирлянду джатак» Ваджрасинхи, сохранившемся только в тибетском переводе, говорится, что первые тридцать джатак посвящены трем *парамитам*. Но если первые девять джатак, действительно, посвящены *dāna* — щедрости, даянию, то в дальнейшем этот порядок нарушается. В санскритских рукописях после каждых десяти джатак идет перечень (*uddana*), что говорит о каком-то делении джатак, но эти перечни могли быть также поздним добавлением переписчиков. В пользу того, что джатак должно было быть именно 34, говорит эпитет Будды — «знающий тридцать четыре рождения» — *catuṣ-
trīṃśajjātakajña*, приводимый Хемачандрой в его словаре синонимов *Абхидханахинтамани*⁹.

⁸ Дараната, *Буддизм, его догматы, история и литература*, пер. В. Васильева, СПб., 1869, стр. 100.

⁹ С. Ф. Ольденбург, *Буддийские легенды*, стр. 91.

Что касается времени написания «Гирлянды джатак», то здесь мнения всех ученых, занимавшихся этим вопросом, сходятся в том, что наиболее поздним пределом является VI в., так как, во-первых, в тибетском каноне есть комментарий Дхармакирти на этот памятник; во-вторых, под некоторыми фресками Аджанты, относящимися к VI в., имеются подписи со строфами «Гирлянды джатак» (строфы 4, 15, 19 и 56 из джатаки о Кшантивадине и 44-я строфа из джатаки о Майтрибале)¹⁰. И, наконец, ту же дату подтверждают турфанские фрагменты, из которых T1054 относится к IX в., а M1053 к VI в. н. э.¹¹.

Об авторе «Гирлянды джатак» мы не имеем никаких данных, кроме указанного в колофоне имени Арья Шура. Возникают сомнения в действительном существовании поэта с таким именем.

Дело в том, что китайский путешественник И-Цзин, посетивший Индию в VII в., т. е. очень близко к предполагаемому времени жизни Арья Шуры, не упоминает имени последнего, хотя говорит о широкой популярности «Гирлянды джатак», приводя как китайскую транслитерацию названия памятника — 社得摩羅 (*Шэ дэ цзя мо ло*), так и перевод — 本生贊 («Ряд предшествующих рождений»). Однако неясно, имеет ли он в виду нашу «Гирлянду джатак» или же употребляет слово *jātakamālā* как обозначение рода литературного произведения¹².

Ни словом не упоминают об Арья Шуре и более поздние сочинения по истории буддизма в Индии: ни *Манджушримулакальпа* (конец IX в.), ни «История буддизма» Путōна (1290—1364 гг.), основного кодификатора *Танджура*.

¹⁰ H. Lüders, *Arya-Sūras Jūtakamālā und die Fresken von Ajanta*, — «Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaft zu Göttingen», philol.-hist. Klasse, 1902, S. 758.

¹¹ F. Weller, *Die Fragmente der Jatakamala in der Turfansammlung der Berliner Akademie*, S. 8.

¹² P. Pelliot, [пер. на:] A. O. Ivanovski, «Sur une traduction chinoise du recueil bouddhique Jatakamala», — «Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-orient», t. IV, № 3, Juillet — Septembre, 1904, p. 753.

В *Махавьютпатти* имя Арья Шуры встречается в разделе «Первые учителя» (pūgvā upādhyayāḥ), рядом с именами Нагарджуны, Арьядевы, Васубандху, Ашвагхоши, Диннаги и т. д.

Таранатха в своей истории буддизма (1608 г.) несколько раз упоминает учителя по имени Шура (тиб. draḥ'bo), который, по его словам, известен также под именами Ашвагхоша, Матричета, Питричета, Дурдарша, Триратнадаса, Дхармика-Субхути и Матичитра. Этот учитель, согласно Таранатхе, собирався написать сто джатак, но умер, пожертвовав свое тело тигрице и написав перед смертью своей кровью гимн в 50 шлок. Далее Таранатха также приводит приписываемый Дхармакирти стих, где он с гордостью говорит, что он является достойным преемником искусного в просодии лирика Шуры. Таранатха называет также некоего Ачарья Шуру, который при царе Бенгала Гопале I основал храм Налендра около Отантапури¹³. Гопала I правил примерно в 750—770 гг., и потому последний Шура вряд ли имеет какое-либо отношение к автору «Гирлянды джатак», так как она создана, как говорилось выше, не позднее VI в.

Имена Питричета и Матичитра, приводимые Таранатхой, ученые считают вариантами имени Матричета, поэта II в. н. э. Имена Триратнадасы, Дхармика-Субхути и Дурдарши известны по тибетским переводам их произведений. Однако эти произведения по своему мастерству и известности значительно уступают «Гирлянде джатак».

Предположение о тождественности Ашвагхоши и Арья Шуры высказывалось Сильвэном Леви¹⁴ на основании сходства «Гирлянды джатак» и *Сутраланкары*. Но так как весьма спорной является принадлежность последней Ашвагхоше, а сходство между остальными его произведениями и «Гирляндой джатак» не выходит за пределы поэтического стиля, то

¹³ Дараната, *Буддизм, его догматы, история и литература*, М., 1954, стр. 200.

¹⁴ S. Levy, *Notes sur les Indo-Scythes*,— JA, série IX, t. VIII, p. 456.

можно лишь сказать, что автор последней принадлежал к поэтической школе последователей Ашвагхоши.

Наиболее правдоподобной является гипотеза об идентичности Арья Шуры с Матричетой. Д. Р. Шэкстон Бейли в своем предисловии к изданию и переводу *Шатапанчашатка* («Гимна в 150 шлок») ¹⁵ Матричеты приводит доводы в подтверждение подобного предположения: употребление в обоих памятниках таких редких в санскрите слов, как *khaṭvṇka* и *śauratyā*, буквальное совпадение некоторых фраз, аналогичные синтаксические конструкции, сходство метрики. Все это, а также отсутствие у И-Цзина и позднейших писателей упоминаний имени Арья Шуры ставит под сомнение его авторство.

Однако, как признает сам Бейли, И-Цзин, говоря о популярности «Гирлянды джатак», не называет в качестве ее автора и Матричету, которому он дает самую высокую оценку и произведения которого он переводил на китайский язык. Что касается сходства фраз и синтаксических конструкций, то Бейли также признает возможность влияния и заимствования. Кроме того, бросается в глаза и различие обоих памятников: «Гирлянда джатак» — типичное произведение стиля *кавья*, чего нельзя сказать о *Шатапанчашатке*. Также в отличие от последней в «Гирлянде джатак» довольно часто упоминаются детали небуддийских мифов и легенд: Кришна — убийца демона Нараки, мудрый наставник богов Брихаспати, кровавая междоусобица родов Вришни и Андхака, мифический первый врач Дханвантари и т. д.

Нельзя не согласиться со сходством метрики обоих произведений: близок процент *випула* ¹⁶ по отношению ко всему количеству полушлок. Также сравнительно часто встречается

¹⁵ D. R. Shakleton Bailey, *The Śatapathaśākhā of Māṇḍūkya*, Cambridge, 1951.

¹⁶ Размер *шлока* делится на две разновидности: в первой — *paṭhya* — вторая стопа должна иметь следующий вид /— — — — —/, а первая может принимать любую форму; во второй — *vīpula* — первая стопа строго определена и зависит от второй. Имеется пять разновидностей *випула*.

3-я разновидность *випула* (◡ — ◡ — / ◡ ◡ ◡ —), не употребляемая в эпосе и классической поэзии Индии: у Матричеты на 150 шлок — 8 раз, в «Гирлянде джатак» на 410 шлок — 13 раз, в то время как у Ашвагхоши в *Буддхачарите* (297 шлок) и *Саундарананде* (382 шлоки) всего три раза. Однако ни у Матричеты, ни у Ашвагхоши в первых четырех видах *випула* вторая стопа не оканчивается кратким слогом, а в «Гирлянде джатак» есть семь таких случаев. Кроме того, у Матричеты 3-я и 5-я разновидности всегда начинаются с краткого гласного, а в «Гирлянде джатак» из 50 полушлок 14 начинаются на долгий.

Таким образом, хотя возможность авторства Матричеты очень вероятна, но некоторые факты говорят и против нее.

Если обратиться к произведениям, автором которых предположительно является Арья Шура, то картина получается следующая: на санскрите, кроме «Гирлянды джатак», в колофоне которой автор указан как Арья Шура, есть два стиха поэта Шуры в антологии XII в. *Субхашиставали*. Сильвэн Леви обнаружил в Непале рукопись *Субхашитаратнакарандака*, в колофоне которой дано имя автора Ачарья Шура¹⁷. Этот памятник состоит из заключительных стихов *Двавиншатьяваданы*. К сожалению, ни *Субхашитаратнакарандака*, ни *Двавиншатьявадана* до сих пор не изданы. А их издание и исследование, возможно, пролили бы некоторый свет на эту проблему.

Кроме того, в *Танджуре* в колофоне трех произведений¹⁸ имя автора дается как Slob· dpon· drañ· bo, т. е. Ачарья Шура. Транслитерация, а не перевод имени автора, Арья

¹⁷ В *Танджуре* есть ее тибетский перевод, — Mdo XXIII, fol. 118—131; XLIV, fol. 210—223.

¹⁸ «Bodhisattvajātakasya dharmaghaṇṭī» — поэма из 35 стихов, 34 из которых соответствуют джатакам, нечто вроде стихотворного оглавления «Гирлянды джатак»; «Supathādeṣaparīkathā» — разъяснение к некоторым высказываниям Будды о благом пути; «Pratimokṣasūtrapaddhati» — комментарий на *Пратимокшу* школы *сарвастивадинов*.

Шура, дается в «Pāramitāsamāsa» (Mdo XXXI, fol. 246—266)¹⁹.

Имеются в тибетском каноне и два комментария на «Гирлянду джатак»: один, приписываемый Дхармакирти, второй — Ваджрасинхе.

Интересный материал содержится в китайской *Трипитаке*. В каталоге под № 1349 стоит произведение *Кармапхаласан-кишптанирдеша-сутра*, которого нет ни в индийском оригинале, ни в тибетском переводе. Оно было переведено на китайский язык в 434 г. Автором назван бодхисаттва 大勇 — Да Юн («великий храбрец»), что может означать Арья Шуру, но возможны и другие реституции.

Точное китайское соответствие имени Арья Шуры — Чэнь Юн встречается в колофоне другой работы 菩薩本生鬘論 *Пу са бэнь шэн мань лунь* («Рассуждение о предыдущих рождениях Бодхисаттвы»), переведенного при династии Сун (960—1278 гг.). По мнению П. Пельо²⁰, изучавшего этот памятник, в нем объединены два различных произведения: сборник из 14 рассказов, близких по сюжетам и композиции к джатакам, и философский комментарий на «Гирлянду джатак». Последнее дало название всему памятнику.

Таким образом, имя автора «Гирлянды джатак» Арья Шуры известно из индийских, тибетских и китайских источников. Но масса противоречивых фактов не позволяет пока сказать что-либо определенное о нем, тем более; что, к сожалению, в его произведениях нет никаких автобиографических сведений; ничего не сообщают нам и его комментаторы²¹.

Можно еще добавить, что Сомендра во введении к *Аваданакальпалате* Кшемендры говорит о существовании многих «Гирлянд джатак», написанных Гопадаттой и другими на-

¹⁹ F. W. Thomas, *The works of AryaSurā, Triratnadasa and Dharmika-Subhuti*, — в кн.: Album Kern, Leiden, 1903, pp. 405—408.

²⁰ P. Pelliot, [рец. на:] A. O. Ivanovski, «Sur une traduction chinoise du recueil bouddhique Jatakamala», pp. 752—755.

²¹ F. W. Thomas, *The works of AryaSurā, Triratnadasa and Dharmika-Subhuti*, pp. 405—408.

ставниками²². Но до нас дошла только одна, и можно думать, что она была наилучшим образцом произведений этого рода, если судить по многочисленным тибетским подражаниям ей и по фрескам Аджанты.

* * *

Основным мотивом «Гирлянды джатак», проходящим через все ее рассказы и отличающим ее от палийского сборника, является идея бодхисаттвы — спасителя, преисполненного безграничной любви и неисчерпаемого милосердия и сострадания ко всему живому. Личное спасение, достижение высшего просветления и нирваны, отходит на задний план, и на первый выдвигается стремление спасти мир, «измученный страданиями, не имеющий ни защитников, ни покровителя, ни руководителя, полный многих несчастий, как болезни, старость, смерть, разлука с приятным и т. п.», и «принести высшее благо и счастье даже противникам своим и незнакомым людям» («Гирлянда джатак», XXXII).

В джатаках все время подчеркивается, что в основе всех поступков Бодхисаттвы, проявлений его щедрости, кротости, правдивости и т. п. лежит сострадание. Все гибнет и исчезает в этом мире, но никогда не иссякает великое сострадание Бодхисаттвы. Сострадание — это суть дхармы, нормы нравственного поведения. «Сострадание к живым существам считаю я, — говорит Бодхисаттва-руру, — сжатым выражением дхармы, которая подразделяется на воздержание от причинения вреда, воровства и т. д.» (XXVI, 38). Сострадание способствует росту всех остальных добродетелей, как дождь — росту хлебов.

Проявляя и воспитывая в себе совершенные нравственные качества, Бодхисаттва поступает так ради блага мира. «Желанна щедрость мне на благо мира, а не та, что средством

²² J. S. Speyer, *The Jatakamala or Garland of birth-stories by Arya-Sura*, London, 1895, p. XXIII.

к собственному счастью служит», — говорит Бодхисаттва Маре, пытающемуся помешать ему совершать даяния (IV, 16). Больше всего Бодхисаттва желает, чтобы у него «всегда хватало сил уничтожать страдания и счастье миру даровать, как солнце, тьму уничтожая, свет дарует». Безразличный к собственному благу, «в своих страданиях огромных стойкость проявляя», Бодхисаттва «дрожит при виде самых незначительных страданий ближних» (I, 17). Его не так мучает рана, нанесенная ему предателем, как то, что он послужил косвенной причиной совершения подобного дурного поступка (XXIV, 32). Накормив своим телом тигрицу, Бодхисаттва спасает ее не только от голодной смерти, но и от греховного поступка — убийства собственных детей.

Различие между Бодхисаттвой палийских джатак, который только наставлял в нравственном поведении слушателей примерами из своих прошлых рождений, и героем «Гирлянды джатак», «ставшим бодхисаттвой ради живых существ», особенно наглядно видно, если сравнить соответствующие строфы из обоих памятников. На вопрос министров, зачем он хочет отдать свои глаза нищему брахману, царь Шиби отвечает: «Я этим не стремлюсь достичь владычества над всей землей, ни неба, ни конечного спасения, ни славы: спасти весь мир — единственная цель моя» (II, 28). А в палийской джатаке: «Не ради славы я даю, я не ишу ни сына, ни богатства и ни царства; издавна добродетельные так себя ведут, и поэтому в даяниях находит сердце радость» (499, 14). Или же в джатаке об Агастье отшельник говорит Шакре: «Повторное рождение — страдание ужасное, а также старости несчастье и различные болезни; рассудок помутить способна мысль о неизбежной смерти, поэтому стремлюсь спасти я мир». А в соответствующей строфе палийской джатаки: «Повторное рождение — страдание, о Шакра! а также тела разрушение; и заблуждение, и смерть — страдание, поэтому я подвигаюсь здесь, о Васава» (480, 2).

Щедрость Бодхисаттвы, проистекающая из его безграничного милосердия к страдающему миру, не останавливается

перед пожертвованием собственного тела, которое только потому и имеет ценность, что при помощи его можно принести благо ближнему. Характерно, что из четырех отсутствующих в палийском источнике сюжетов «Гирлянды джатак» три посвящены именно жертвованию собственного тела: о тигрице²³, о Майтрибале и о слоне.

Преклоняясь перед бескорыстной любовью и неисчерпаемым состраданием Бодхисаттвы, автор «Гирлянды джатак» заставил свое произведение звучать как гимн во славу великой нравственной сущности Бодхисаттвы — защитника и покровителя всего живого.

В остальном же «Гирлянда джатак», хотя и созданная на несколько веков позднее палийских джатак и отражающая более поздний этап в развитии буддизма, стоит близко к своему палийскому источнику. Так же как и там, в «Гирлянде джатак» проповедуются правила нравственного поведения, способствующие накоплению добродетельных заслуг (*puṇa*), которые «есть лучшая опора мира в его вращенье трудном по пути перерождений» и ведут к высшему спасению. В джатаке «О жертве» осуждается ритуальное жертвоприношение животных. Более сильно, чем в палийских джатаках, звучит осуждение мирской жизни, состояния домохозяина (*gārhāsthya*), «связанного с приобретением и сохранением богатств, и потому ведущего к легкомыслию и небрежению (*pramāda*), привязанности к дурным деяниям, являющегося мишенью для сотен стрел различных несчастий, мешающих умиротворенному спокойствию и удовлетворенно-

²³ Существует легенда о том, что автор «Гирлянды джатак», следуя примеру Бодхисаттвы, накормил своим телом голодную тигрицу (Дараната, *Буддизм, его догматы, история и литература*, стр. 100—101). Этот сюжет неоднократно встречается в различных произведениях северного буддизма (*Divyāvadāna*, 32; *Avadānakalpalatā*, 51 и 95; *Suvarṇaprabhāṣa*, 19; *Raṣṭrapālapiṇṇā*, 22; *Dsanglun*, 2; хотанская *Jātakastava*, 20), но в палийских текстах он не отразился, и неизвестно, из какого источника южного буддизма взял приведенную им легенду на этот сюжет Спенс Харди (*Spence Hardy. A manual of buddhism*, London, 1860, p. 92).

сти». И в противоположность этому восхваляется уединенная и чистая жизнь отшельника. Этому целиком посвящена джатака «О бездетном», отсутствующая в палийском сборнике.

В «Гирлянде джатак», затрагивающей вопросы морали, нельзя было ожидать более или менее последовательного изложения философских воззрений буддизма. Но в джатаке «О Махабодхи» (как и в ее палийском источнике) Бодхисаттва разбивает своих противников, излагая основные положения буддизма о причинно-следственной связи, отрицании верховного творца — *ишвары*, свободе воли, отрицании теории уничтожения (*ucchedavāda*).

Кроме подчеркивания безграничного и бескорыстного милосердия Бодхисаттвы, в «Гирлянде джатак» больше ни в чем не отражаются особенности северного буддизма: здесь нет ни сонма будд и бодхисаттв, ни концепции трех тел Будды, ни достижения спасения единственно через веру и преклонение перед буддами и бодхисаттвами. По некоторым чертам ²⁴ (познание через восприятие при помощи органов чувств и реальное существование объектов восприятия в прошлом, настоящем и будущем) можно предположить, что автор «Гирлянды джатак» принадлежал к школе *сарвастивадинов*, относящейся к хинаяне ²⁵.

Но «Гирлянда джатак» представляет интерес не как произведение, излагающее воззрения буддизма, а главным образом как выдающийся памятник классической литературы на санскрите. Ее автор, человек высокоталантливый и образованный, с большим мастерством и блеском изложил народные сказания, взятые из палийского сборника, в стиле, который в санскритской поэтике носит название *кавья*. Он выполнил те требования, которые, согласно индийской классической поэтике, предъявлялись к произведениям стиля

²⁴ Например, в джатаке «Об обитателе мира Брахмы», где Бодхисаттва приводит доказательства в пользу существования иного мира.

²⁵ В каталоге *Танджура* (раздел тибетского канона) упоминается произведение Ачарья Шуры «*Pratimokṣasūtrapaddhati*», — комментарий на *Пра timокишу* школы *сарвастивадинов*.

кавья. Здесь и герой, наделенный всеми высокими моральными и интеллектуальными качествами, и сюжеты, взятые из исторических преданий, ибо у правоверного буддиста не возникало сомнения в достоверности событий прошлых рождений Бодхисаттвы, и описания моря, гор, восхода солнца и луны, игр в воде, садов и рощ, путешествий, битвы и победы и т. д., которые были обязательны в художественном произведении этого жанра. Во вступительном гимне Будде сам автор называет свое произведение *кавья*.

Написана «Гирлянда джатак» на изобилующем длинными композитами классическом санскрите, с рядом лексических заимствований из буддийского гибридного санскрита. Автор умело использовал многозначность и синонимичность санскритской лексики, употреблял редкие слова, известные лишь из словарей. Все это говорит о его высокой культуре и образованности. Стихи и проза в «Гирлянде джатак» несут одинаковую нагрузку; автор свободно переходит от одной формы к другой, и, таким образом, «Гирлянда джатак» является одним из первых произведений того стиля изложения, который впоследствии получил название *чампу* и первые зачатки которого мы встречаем в палийских джатаках.

Стихотворные строфы «Гирлянды джатак» поражают применением самых разнообразных размеров²⁶, иногда украшенных причудливой рифмой. Например:

kālena copetya nṛpaṃ sa haṃsaḥ
parāṇukampāvyasanī sahaṃsaḥ
/jagāda dharmaṃ kṣītipena tena
pratyaśamāno vinayānatena || XXII. 100.
bhavanti lokasya hi bhūyasārthā
lobhācraṇād durgatimārgasāntḥaḥ/
parātmanor abhyudayaavahatvād
arthās tadyās tu babhur yathāntḥaḥ || V. 4.

²⁶ Шпейер в своем предисловии к переводу отмечает ряд редких размеров, использованных в «Гирлянде джатак» (см. J. S. Speyer, *The Jatakamala or Garland of birth-stories by Arya-Sura*, p. XXIV).

Изошренность и украшенность поэтического стиля «Гирлянды джатак» особенно ярко выступает при сравнении ее стихов с соответствующими местами из палийских джатак. Вот, например, Сумукха просит охотника-нишадца отпустить попавшего в сеть Бодхисаттву-лебедя:

Палийская джатака
«Увидят пусть его, тобой
освобожденного, отсюда уле-
гшего, большие стаи, ми-
нистры и друзья, слуги,
домочадцы и родные» (533,
31)

«Гирлянда джатак»
«Тогда увидят пусть его об-
радованные стаи лебедей, их
предводителя, тобой осво-
божденного, сияющего в чи-
стом небе, словно повелитель
звезд, отпущенный влады-
кой дайтьев»²⁷ (XXII, 51).

Или же сравним строфы из слова Айогрихи о неизбежности смерти и беспомощности всего существующего перед ней:

«Ядовитые, гневом распа-
ленные, они (змеи) людей
кусают и убивают, но смерть
не смеют укусить» (516, 19)

«Змеи людей кусают остры-
ми зубами, несущими огонь
смертельный яда, зажжен-
ный гневом; но даже не пы-
таются ужалить смерть, хо-
тя бы стоило ее убить за
зло, которое она искусно
причиняет» (XXXII, 30).

«Якши, пишачи, а также
преты, людей одолевают в
гневе; но смерть не могут
одолееть» (516, 21).

«Ужасные уродливые духи-
граха, вцепившись крепкой
хваткой, все жизненные си-
лы выпивают у людей; но
если смерть им предлагает
схватку, теряют свою наг-
лую, надменную ухватку»
(XXXII, 35)²⁸.

²⁷ Согласно легендам, владыка демонов-дайтьев Раху проглатывал во время затмения повелителя звезд — месяц.

²⁸ *pibanti nīpām vikṛto gravīrahā sahaujasāyūci dṛḍhagrahā grahāḥ*

В джатаке о Супараге мореплаватели, увидев незнакомое море, обращаются к кормчему Супараге:

«Мы видим море, похожее на простоквашу и на молоко. И спрашиваем у тебя, о Суппарака, что это за море?» (463, 5)

«Что это за море, которое волнами в пене потонувшими, словно укутано покровом белым из дукулы; как будто смех там ширится повсюду, несущий месяца лучи расплавленные» (XIV, 14) ²⁹.

Рядом с традиционными образами (месяц, заставляющий расцветать улыбкой лотосы; огонь с всклоченной кривой дыма черного; слон, подобный громаде облаков осенних, опоясанных молнией; взоры прекрасных женщин — пчелы, садящиеся на цветы; символ изменчивости, непостоянства — танцующие лианы молний, символ стойкости — покрытая снегом горная вершина, символ красоты — осенний месяц; черный цвет сравнивается с напоенными водой облаками, белый — с осенними облаками; бесчисленны сравнения с лотосом: лотосы — глаза, руки, ноги, пальцы; лицо царя, отдавшего свои глаза, подобно пруду, лишившемуся лотосов; клинок меча, как лепесток голубого лотоса, и т. д. и т. п.) можно встретить поэтические образы, подсказанные автору его талантом и наблюдательностью, поражающие своей выпуклостью, зримостью. Так, лев, с испачканными кровью пастью, когтями и гривой, сравнивается с темным облаком, освещенным отблеском вечерней зари; берега озера украшены

bhavanti tu prastutamtyuvigrahā vipannadarpotkaṭataparigrahāḥ; graha — название злых духов, а также цепкость, хватка; vigraha — форма, тело и схватка, распря; parigraha — хватание, хватка, власть; все это производные от корня grah — хватать.

²⁹ Дукула — легкая ткань из расстегивания того же названия. Здесь применен традиционный образ индийской поэзии: символом белизны служат молоко, лунный свет и смех Шивы.

золотой нитью, свитой пальцами волн из пылицы лотосов и лилий; не опят лотосы, ласкаемые лунным светом, напоминая осколки месяца в тени деревьев; синева моря — это небо, расплавленное жаркими лучами солнца, а синее небо подобно клинку меча. Интересны сравнения и параллели, взятые из социальной жизни: заяц (стремясь принести себя в жертву) при виде пылающего костра проникается такой же радостью, как алчущий богатств при виде сокровищ; люди, произнося учтивые, но лживые и лицемерные речи, поступают, как купцы, которые идут на издержки в надежде получить прибыль.

Неоднократно пользуется автор «Гирлянды джатак» приемом поэтической аллегории. Вишвантара идет на бой против страданий, окутавших мир, вооружившись луком — состраданием и стрелами — щедростью. Панцирь кротости добродетельных делает тупыми стрелы речей злодеев. А вот как оплакивает народ Вишвантару, изгоняемого из царства: «О, если мать-земля не постыдится топоров, которым позволили срубить такое дерево, тенистое и сладкие плоды дающее, то, без сомнения, она рассудок потеряла» (IX, 40).

Можно привести также многочисленные примеры игры слов, основанной на одинаковом звучании различных по смыслу слов или же на различных значениях образований от одного корня. Например: «*chāyāmayam iva ādarṣe rājate divi rājate*» (VI, 37) — «На небе, как в зеркале серебряном (*rājate*), сияет (*rājate*) это отражение».

*sārādanam dānam āhur dhanānām
aiçvaryāṇām dānam āhur nidānam
dānam çrīmatṣajjanatvāvadānam...*

«Даяние есть извлечение пользы из богатств;
даяние — величия причина основная;
даяние — есть подвиг благородства славных»

(*dāna* — даяние; *ādāna* — взятие, принятие; *nidāna* — основа, причина; *avadāna* — подвиг, героическое деяние).

«*ataḥ prajānakṣaṇadakṣiṇo 'sau çastram ca çastram ca parā-*

matatṛa (VIII, 1) — Поэтому, народ умело охраняя, по обстоятельствам за меч (çāstra) он (царь) брался или за закон (çāstra)».

Но не только смысловыми украшениями (*артхаланкарами*) изобилует «Гирлянда джатак». Ее автор проявил поистине блестящее мастерство и в звуковой организации поэтического языка своего произведения. Из многочисленных приемов звукописи мы приведем примеры наиболее часто встречающихся в «Гирлянде джатак» *анупраса* (аллитерации) и *ямака* — одного из видов звуковых украшений (*шабдаланкара*) в санскритской поэтике, заключающегося в повторении сочетаний омонимных слогов.

Примеры аллитераций:

patrāṇi citrayati ko 'tra patatṛiṇām (XXIII, 17).

ity'annapānaṃ padmākṣa yakṣānām akṣātavrata (VIII, 16)

...sataḥ sukumārasya sukhocītātmanaḥ (XX, 2)

udgarja parjanya gambhīradhīram (XV, 14) — «греми, Парджанья (громовая туча. — О. В.), раскатисто и глухо», — так закликает Бодхисаттва в облике рыбы дождевую тучу.

Ямака встречаются в «Гирлянде джатак» чрезвычайно часто и в стихах, и в прозе; bhavane vane va — «в доме или в лесу»; sukhendhanaṃ dhanam — «богатство, топливо для счастья»; sphurjatgrahaṇe ṇe — «в битве, где раздавались оружия грозные удары»; upaujya yaṃ madabalād abalā vīnibadhayed api taraṇi pitarāṇi (XVII, 17) — «им насладившись (хмельным напитком) в опьянении даже женщина способна оковы наложить и на родителей своих». Прекрасным образцом применения *ямака* являются строфы 50—55 джатаки «Об обитателе мира Брахмы», каждая половина стихотворной строки которых заканчивается сочетанием омонимных слогов:

manasya saddarṇanasamstute 'stu te
mucisthiraṃ sajjanasammatam matam
jahihi tam bāliṇarajanair janaiḥ
pravedito 'dharmaṇiṇiṇiṇiṇi ca yaḥ (XXIX, 51)

Если палийские джатаки привлекают читателя своей безыскусственной простотой, графической четкостью своего поэтического стиля, то «Гирлянда джатак» вызывает восхищение разработанностью поэтических образов, сложностью которых иногда доходит до вычурности, обилием красочных описаний, богатством метрики и звуковой организации своего языка.

В небольшой статье невозможно рассмотреть все художественные приемы, используемые в «Гирлянде джатак». Но и приведенные примеры дают до некоторой степени представление о стиле этого произведения и о поэтическом мастерстве его автора.

Издание русского перевода «Гирлянды джатак» открывает возможность для углубленного изучения философского содержания памятника, оценки его исторического и социального значения.

Русский перевод «Гирлянды джатак» Арья Шура издается впервые. Ранее существовал лишь пересказ этого произведения, имеющийся в книге С. Ф. Ольденбурга «Буддийские легенды» (СПб., 1898). «Гирлянда джатак» была переведена акад. А. П. Баранниковым еще в 20-х годах, в период, когда он занимался изучением буддизма. В последние годы жизни он намеревался завершить этот труд и подготовить его к изданию. К сожалению, в рукописи, оставшейся после смерти А. П. Баранникова, отсутствовали переводы джатак XXIV, XXVI, XXVII, XXXII, XXXIII, XXXIV, а джатака XXXI была переведена лишь наполовину. Эти джатаки при подготовке настоящего издания были переведены заново. Весь перевод был проверен и отредактирован О. Ф. Волковой в свете последних достижений лексикологии буддийского санскрита.

О. Волкова

В предисловии не преследуется цели дать социально-философскую оценку буддизма. Желая ознакомиться с этой стороной вопроса могут обратиться к ст. «Буддизм» (с библи.) в т. I «Философской энциклопедии». М. 1960 г.

**ГИРЛЯНДА
ДЖАТАК,
ИЛИ СКАЗАНИЯ
О ПОДВИГАХ
БОДХИСАТТВЫ**

Ом¹! Поклонение всем возвышенным буддам и бодхисаттвам!

1. Дивные и благодатные своим содержанием возвышенных качеств, восхваленья достойные, неповторимые, влекущие душу — чудесные подвиги, свершенные мудрым мун² в его прежних рождениях,— смиренно почту я поэмы своей горстью цветов!

2. Эти славные подвиги путеводными стали столбами: ими означен тот путь благой, что ведет к состоянию будды. Да снизойдет же благодать и на жестокие сердца, и да будут сказанья святого закона еще более пленительны.

3. «На благо людей!» — с этой мыслью я приложу все усилия к тому, чтоб заставить свое вдохновенье достигнуть благосклонности слуха путем беспорочным, согласным со священным писаньем, а также с преданьем, изображая величие подвигов высочайшего в мире.

4. Того, кто жизнью своей на благо других достиг добродетели столь дивного блеска, недоступного для тех, что стремится к личному благу: того, блеск славы которого в неложных слогах его именования «Всеведущий» передан, того несравненного, совместно с законом святым и общиной, почту я склоненьем главы.

I. ДЖАТАКА О ТИГРИЦЕ

«Наш Владыка еще в прежних рожденьях всей своей сущностью был исполнен безграничной и бескорыстной любви ко всему живому; он жил душою в каждом существе. Поэтому мы должны быть проникнуты величайшею верою во владыку Будду. Вот как повествуется о следующем подвиге, совершенном владыкой в его прежнем рожденье, подвиге, восхваляемом моим учителем, почитателем трех сокровищ¹, достигшим всеобщего высокого уважения своим глубоким изучением добродетели и любви своего учителя — своей высокодобродетельной жизнью.

Владыка наш, будучи еще бодхисаттвой, в соответствии со своим высочайшим обетом, осыпал мир излияниями своего сострадания: дарами, добрыми словами, помощью и другими безупречными деяниями, проявлениями своей проникновенной мудрости. Он принял рождение в великом, высоковыдающемся брахманском роде, отличавшемся чистотою жизни вследствие преданности своим религиозным обязанностям. Очищенный надлежащим образом *джатакарманом*² и другими священными обрядами, он вырос и, благодаря природной живости ума, превосходной помощи в занятиях³, своему высокому рвению к знанию и усердию, очень быстро достиг степени учителя в восемнадцати областях знания⁴ и во всех искусствах, которые соответствовали традициям его благородного рода.

5. Был чтим он брахманами как само священное писанье, а кшатриями — словно царь их⁵; для народа был он словно бог тысячеглазый⁶, для тех, кто к знанию стремился, — благодетелем-отцом.

Благодаря своей чрезвычайно счастливой судьбе он достиг поразительной славы, почестей и богатства. Но Бодхисаттва, ум которого был погружен в изучение святого закона, познавший отречение от мира, не наслаждался этими благами.

6. Разум его был прежней жизнью просветлен, он видел в наслаждениях земных источник многих зол и потому, покинув домохозяина ашраму⁷, словно она была болезнь, своим присутствием возвышенность лесистую украсил.

7. И там своею отрешенностью, спокойствием души, столь просветленной мудростью глубокой, он словно наставлял народ, который из привязанности к злым делам утратил добродетели спокойствие.

8. Спокойствие, проникнутое дружеской приязнью ко всему живому, казалось, изливалось из него, и находило доступ в сердца зверей лесных; словно отшельники-аскеты, там жили звери хищные, забыв взаимную вражду.

9. Своею жизнью добродетельной и чистотою чувств⁸, удовлетворенностью и состраданием достиг того он, что даже незнакомым людям, живущим в мире, дорог стал, равно как и весь мир был дорог для него.

10. От скромности его желаний зависть была неведома ему: он был свободен от стремлений к наслаждению, выгоде и славе, сердца самих богов склонил он к поклонению и вере.

11. Услышав, что он сделался отшельником-монахом, люди, сердца которых привлекли к нему его высокие достоинства, оставив семьи и родных, к нему стекались и, как спасенья, добивались счастья сделаться его учениками.

12. По мере сил своих учил учеников он поведению доброму и целомудрию, обузданью чувств своих, средоточению вниманья, удалению от мира, а также углубленным размышлениям о дружелюбии и прочем⁹.

Однажды, когда большинство его учеников, число которых очень возросло, было наставлено им на прекрасную стезю спасения и достигло уже совершенства; когда народ

был направлен им на благой путь отречения от мира; когда врата погибели были как бы закрыты и, напротив, путь к блаженству словно превратился в широкую царскую дорогу, Великосущный гулял в сопровождении Аджиты, своего тогдашнего ученика, среди поросших кустарником горных пещер, столь располагающих к созерцанию, желая насладиться существующим порядком вещей.

13. И увидел он в пещере горной тигрицу молодую, которая пришла в изнеможение полное от мук родильных и двигаться была не в силах.

14. От голода ее глаза ввалились, бока запали у нее глубоко; и даже на своих столь маленьких детенышей она смотрела как на пищу.

15. И с жаждой молока ее сосцов к ней приближались дети доверчиво, без страха, как к матери,— она же, как врагам, грозила им раскатами ужаснейшего рева.

16. Бодхисаттва, увидав ее, как ни был тверд он духом, от сострадания в великой скорби задрожал, как от землетрясения дрожит царь гор¹⁰.

17. Какое это чудо, что милосердные душой, способные твердость полную хранить в страданиях великих личных,— дрожат при виде самых незначительных страданий ближних!

И Бодхисаттва, в волненье повторяя слова, тут обратился к своему ученику с такою речью, проникнутой великим состраданием и проявившей чудесное величие его природы:
«Милый! Милый!

18. Смотри, как лишена достоинств всех сансара¹¹! Животное ведь это от голода готово съесть и собственных детей, закон любви тем преступая!

19. Увы! О сколь ужасна себялюбия жестокость, из-за которой даже мать своих детей пожрать готова!

20. Да как же можно воспитать врага такого, как себялюбие, если из-за него мы можем сделать шаг к подобным действиям?

Пойди ж скорей и поищи где-нибудь что-либо, чем утлить ей муки голода прежде, чем она успеет погубить своих детей и самое себя. Я в это время постараюсь удержать ее от безумного поступка». И тотчас же тот ученик послушно отправился на поиски пищи. А Бодхисаттва, под этим предлогом отослав ученика, так стал размышлять:

21. «Зачем искать мне мяса у кого-нибудь другого, если мое все тело пригодно для этой цели? Удастся ли ему добыть что-либо, от случая зависит, а я возможность потерю долг исполнить свой.

К тому же:

22. Ведь бренно, тленно и бессильно наше тело; оно является источником страданий, оно неблагодарно и всегда нечисто. И кто не рад его употребить на благо ближних, тот не достоин называться мудрым.

23. Мы можем мимо проходить и не заметить ближнего страданий, либо когда привязаны мы слишком к наслаждениям личным, либо когда нет сил помочь. Но не могу я счастлив быть, когда страдает ближний; и если у меня возможность есть помочь, зачем стою я равнодушно?

24. Когда бы равнодушным я остался к горю даже злодея, погруженного в страдания, меж тем как у меня была б возможность облегчить их, то по свершении такого злодеянья огнем великим бы горело мое сердце, как сухой кустарник!

25. И потому падением с утеса лишу я жизни свое ничтожнейшее тело; и тем от пожирания детей тигрицу я избавлю, а детей — от матери голодной. И более того:

26. Примером будет то для всех, кто жаждет блага мира, и поощрением пламенным для слабосильных; радостью для тех, кто сам способен на великие жертвы; для благородных сердцем же — призывом увлекательным.

27. Это вызовет уныние огромных полчищ Мары¹²

и радость светлую у тех, кто добродетель Будды любит; то будет посрамленьем всех, погрязнувших в делах своекорыстных, себе несущих гибель себялюбием и вожделеньем.

28. Поднимет это веру приверженцев лучшей колесницы¹³ и в изумление повергнет тех, кто глумится над самоотверженностью; расчистить путь широкий к небу на радость тем, кто сам стремится к самоотречению.

29. „Когда же я смогу принести добро какое-либо ближним и телом собственным моим?“ — таково страстное мое желанье было; и вот теперь столь близко осуществление его и достижение совершенной мудрости.

К тому же:

30. Если истинно то, что решение мое проистекает не из самолюбия, не из желанья славы, не из стремления достигнуть неба иль земного царства и не из жажды вечного блаженства для себя, а только из стремленья к благу ближних¹⁴,

31. То пусть чрез это у меня не иссякает сила в одно и то же время уничтожать страданья мира и счастье дать ему, подобно солнцу, что рассеивает тьму и миру свет дарует!

32. Войду в преданья я и обо мне рассказывать повсюду будут, когда увидят добродетели мои; творить я вечно буду благо миру и к счастью вести его».

33. Решив так, он радости исполнился, что и кончиною своей он может ближним благо принести, и, тело бросив вниз, привел тем в изумленье даже спокойные сердца богов.

Шум от падения тела Бодхисаттвы возбудил любопытство и гнев тигрицы, и она, перестав думать об умерщвлении своих детей, стала озиаться по сторонам. Увидев бездыханное тело Бодхисаттвы, она быстро подскочила к нему и стала его пожирать.

Когда же ученик его, так и вернувшийся без мяса, не

видя своего учителя, стал озиаться кругом, он увидел бездыханное тело Бодхисаттвы, которое пожирала молодая тигрица. И хотя он был поражен великой горестью и скорбью, однако удивление перед величием необычайного подвига отеснило эти чувства и выразилось в следующих прекрасных словах, которые как бы сами излились из его души, проникнутой преклонением перед добродетелями учителя:

34. «О сострадание великое к погрязшему в пороках миру! Сколь поразительно Великосущного пренебрежение к благу своему! О твердость добродетельных, достигшая в нем высочайшей степени, разрушившая славу громкую его врагов!

35. Сколь поразительна проявленная им отважная любовь, страха лишенная, которой вся основа — добродетель! О сколь высокого почтения достойно его тело, и до того великое своими добродетелями!

36. Как мягок от природы он и в то же время стоек как земля! Не мог спокойно видеть он страданий ближних! Увы, как ясно видна в этом совершенном блеске его душевной силы моя грубость.

37. Отныне мир оплакивать не должно, нашедший в покровителе таком опору твердую. Теперь Манматха¹⁵, верно, вздохи испускает, обеспокоенный боязнью поражения своего!

Да преклонимся мы перед этим Великоблаженным, защитником всего живого, исполненным всеобъемлющего сострадания, несравненным, ставшим бодхисаттвой ради живых существ». Потом он поведал о случившемся своим соученикам.

38. Тогда его ученики, лица которых просияли изумлением пред подвигом его, а также и гандхарвы¹⁶, якши¹⁷, наги¹⁸ и цари богов покрыли землю, на которой кости драгоценные его покоились, венками, украшениями, одеждами, дождем из порошка сандала...

Таким образом, еще в прежних своих рождениях, Владыка наш всей своей сущностью был исполнен безграничной

и бескорыстной любви ко всему живому; он жил душой в каждом существе. Поэтому мы должны быть проникнуты великой верой во владыку Будду. [«И родившаяся в нас вера во владыку Будду должна в нас пробудить величайшую радость; ибо таким образом мы как должно исправляем свою веру», — с этими словами должно нам предлагать этот рассказ. Точно так же следует с благоговением слушать святой закон, так как он достался нам лишь благодаря свершению сотен трудных подвигов. Также и в проповеди о сострадании должно сказать: «Сострадание, побуждающее нас к действиям на благо ближних, способно проявить дивное величие нравственной сущности».]¹⁹

II. ДЖАТАКА О ЦАРЕ ШИБИ

Этот благой закон приобретен для нас Владыкой ценою сотен тяжких подвигов, поэтому должно с благоговением слушать его. Вот как об этом назидательно повествуется: некогда наш Владыка, бывший еще Бодхисаттвой, благодаря накопленному и усвоенному им в своей деятельности, длившейся в течение неизмеримо долгого времени, множеству заслуг, был царем племени Шибид. Его всегдашнее глубокое почтение к старшим, которое он проявил с самой юности, и высокая благовоспитанность привлекли к нему любовь народа; его ум, благодаря своей природной силе, был обогащен изучением многих наук; он был исполнен энергии, благоразумия и силы, и счастье во всем сопутствовало ему. Своим народом он правил, как родными детьми.

1. Потоки добродетелей, что соответствуют триаде¹, казалось, обитали в нем в соединении радостном и не теряли своего великолепия, хоть их различия могли бы к столкновениям привести.

2. И счастье, которое является насмешкою для тех, кто высоты достиг путем бесчестным, злым бедствием для глупых и опьяняющим напитком для душевно-слабых, поистине там было тем, что этим именем обозначать нам должно.

3. Душою благородной одаренный, сострадания полный и весьма богатый, сей лучший из царей с великим наслаждением взирал на лица нищих, что яркой радостью сияли, когда он их желанья исполнял.

И вот этот царь по своей щедрости повелел устроить всюду в городе дома бесплатной раздачи всего необходимого: зерна, всякого добра и разнообразной утвари. И, пролив, подобно облаку Критаюги², достоинством своим высоким дождь даров, желанья каждого исполнил, чего бы кто ни захотел, с поспешностью дары сопровождая ласковыми словами. Нуждающимся в пище он предоставлял пищу, жаждущим он предлагал питье, иным давал постели, сидения, платья, лакомства и благовония, венки, серебро, золото,—каждому давал то, в чем тот чувствовал нужду. И когда молва о дивной щедрости царя распространилась повсюду, то люди, жившие в самых различных отдаленных концах земли, с великим изумлением и радостью в сердцах, устремились в эту страну.

4. Духовным взором обойдя весь мир, ни в ком не встретивши к себе расположенья³, бедняки, сияя радостью, к нему стремились, словно слоны лесные — к озеру большому.

Исполненные радости, в надежде на щедрое даяние, ото-всюду нищие стекаться стали, и хоть они в своих дорожных запыленных одеждах выглядели непривлекательно, царь,

5. Глаза которого от радости раскрылись широко, встречал их, как друзей своих, вернувшихся издалека, и с удовольствием выслушивал их просьбы, будто радостные вести. Исполнив просьбы же, доволен был он более просивших.

6. Как ветер далеко разносит ароматы, так и молва тех бедняков распространила славу о щедрости его и сбила тем надменность всех других царей, как запах слона, что источает маду, лишает гордости других слонов⁴.

И вот однажды тот царь, обходя поочередно один за другим все свои благотворительные заведения и увидев лишь незначительное количество нуждающихся, ибо все уже были удовлетворены, остался недоволен, так как лишен был возможности далее проявлять щедрость...

7. Бедняк-проситель, к нему явившись, свою лишь жажду утолял, а он, просителей встречая, удовлетворенья щедрости своей не получал. Так сильно было в нем стремление к щедрости, что массой просьб своих они не в состоянии были стремление это победить.

И у царя явилась мысль: «Поистине блаженны те избранные среди праведных, к которым нуждающиеся доверчиво и без стеснения обращаются со своими просьбами, даже если они касаются их тела. Ко мне же нуждающиеся, словно испугавшись суровых слов отказа, приходили лишь с робкими просьбами об имуществе».

8. Узнав о размышлении столь высоковозвышенном царя, проистекавшем из стремления к подаянию, что победило даже любовь естественную к телу своему, сама великая земля, подобно любящей супруге, содрогнулась.

Когда же от землетрясения задрожал сияющий блеском различных сокровищ царь гор — Сумеру, Шакра⁵, владыка богов, стал размышлять о причине этого. Постигнув, что причиной землетрясения была лишь высочайшая мысль того царя, он исполнился глубокого, сердечного изумления и подумал:

9. «Да подлинно ли это так? Действительно ли этот царь, чья мысль в стремлении блаженном к жертвам заходит так высоко, с готовностью глубокой жертвовать настолько тверд в решении своем, что может он отдать и тело собственное?

Попробую я его испытать!»

И вот однажды царь сидел в собрании в своем приемном зале, окруженный советниками. Когда раздалось обычное приглашение: «Кто из нуждающихся желает чего?», — когда были открыты охранявшиеся казначеями запасы драгоценных камней, золота, серебра, денег; когда раскрыты были сундуки, наполненные разнообразными одеждами; когда было доставлено много прекрасных разнообразных колесниц, в которые были запряжены разные великолепные выезженные животные, и когда нахлынул поток нуждающихся, Шакра, владыка богов, своей чудесной силою приняв вид старого слепого брахмана, явился перед глазами царя. Взор царя, спокойный, ясный и милостивый, исполненный сострадания и дружелюбия словно встретил и обнял его. В ответ на вопрос царских слуг: «В чем твоя нужда?» — Шакра-брахман приблизился к царю и, после приветствия и благословения, обратился к нему с такими словами:

10. «Я стар и слеп, пришел издалека, молю: дай глаз один мне, величайший из царей! Чтоб править миром, о лотосокий повелитель, тебе достаточно и одного ведь глаза».

И Бодхисаттва почувствовал прилив высокой радости: осуществлялось ведь его заветное желание! Но потом, однако, в нем сомнение возникло: «Действительно ли, — думал он, — сказал брахман эти слова, или же мне так послышалось вследствие того, что я многократно представлял себе возможность этого?» И он, всем сердцем жаждавший услышать дорогие слова просьбы о глазе, обратился к просителю брахману:

11. «Кто научил тебя прийти сюда, о лучший из брахманов, и обратиться с просьбою о глазе? Пословица ведь говорит: „С оком разлука — великая мука“. Кто же столь высоко мыслит обо мне?»

Тогда, постигнув намерение царя, Шакра, повелитель богов, носивший личину брахмана, сказал так:

12. «То Шакра! Образ Шакры надоумил меня, и

я пришел сюда к тебе, чтобы обратиться с просьбою об оке. Пусть не бесплодной будет его вера и моя надежда! О, дай мне око!»

Услышав имя Шакры, царь подумал: «Конечно, по воле божества, брахман таким путем получит очи, себе на радость». И с этой мыслью обратился он к брахману с такою речью, в которой светилась радость:

13. «Твое желание, которым приведен ты был ко мне, исполню, брахман, я. Тебе, просящему один лишь глаз, отдам я оба!

14. И ты с лицом, украшенным, как лотосы, расцветшими очами, иди тогда куда тебе угодно! И все, кто будут на тебя смотреть, как бы качаться будут на сомнения качелях: „Да подлинно ли это он?.. Иль нет?“ — И в радостном потом ответят изумленье: „Да это он, действительно!“».

Тогда министры царя, узнав о его решении отдать свои глаза, до глубины души смущенные, взволнованные и опечаленные, обратились к нему с такими словами:

15. «Ты в радостном стремленье к жертвам не заметил, что совершить готов неверный шаг, который нам грозит последствиями злыми. Будь милостив, о государь, не нужно поступать так! Не должен отдавать ты очи!

16. Ты ради одного лишь брахмана пренебрегать не должен нами! О, перестань же жечь огнем глубокой скорби свой народ, тобою к процветанью приведенный!

17. Дари источник процветанья — деньги — всем, блестящие и дорогие камни иль коров; давай им колесницы с упряжками обвезженных коней, давай слонов, сияющих красотой и силою, могучих в течке!

18. Дари дома, приятные в любое время года, что красотою превосходят облака осенние; дома, в которых раздается звон колец у женщин на ногах, — но не давай своих очей, о ты — единственное око мира!

И сверх того, великий государь, ты должен принять во внимание следующее:

19. Каким путем глаз одного другому вставить можно? И если б даже сила божества могла то сделать, то разве непременно нужен здесь твой глаз?

И далее, о государь:

20. Что пользы бедняку от зренья? Что сможет наблюдать? Чужое счастье? Поэтому ты лучше денег дай ему. О государь, остерегись свершить ты безрассудство!».

Тут царь к министрам обратился с такою мягкою увещающею речью:

21. «Кто скажет „дам“ и станет помышлять о том, как бы не дать, тот петлю жадности в душе своей завязывает снова, едва лишь распустив ее.

22. „Я дам!“ — кто обещает, а затем решение изменит, от жадности колеблется в своем уме — кто хуже может быть такого человека?

23. Кто укрепит просящего надежду своим „я дам“, вину за слово грубого отказа тот никогда не сможет испытать!

Что же до вашего соображенья: „Почему бы не исцелиться его глазу силой одной лишь воли богов?“ — то я скажу на это:

24. Да разве неизвестно всем, что для осуществления намерений необходимо много средств, и потому судьба, хоть и божественна, нуждается ведь в помощи других!

Поэтому вы не должны стараться отклонить меня от моей решимости к великой жертве!»

Министры сказали: «О государь! Благоволи дать ему денег, хлеба и драгоценных камней, но никак не свое око, таков наш совет. Ведь этим мы не увлекаем государя на неправый путь!»

Царь сказал:

25. «Должно давать лишь то, что просят. Какая радость получить, что не желаешь? К чему вода тому, кого уносят волны? Вот почему я дам ту вещь, которую он просит».

Тогда первый министр, который пользовался особой любовью и доверием царя, побуждаемый глубокою любовью, обратился к нему с такими словами, пренебрегая даже соблюдением должного почтения:

«О, не делай этого, государь!

26. Есть царство у тебя, которое своим благополучием может поспорить с царством Шакры, которое приобрести лишь созерцанием и подвигом тяжелым можно; им обладая, ты достигнуть можешь, свершивши сотни жертв, и славы, и небес; а ты теперь пренебрегаешь тем, что есть, и хочешь очи сам отдать свои. С какой же целью, почему? Как можно поступать так?

27. Своими жертвами достиг ты места среди богов, своею славою сияешь всюду! Смотри же, на ногах твоих ведь виден отблеск сияющих корон других царей! Чего еще стремишься ты достигнуть, когда даешь свои глаза?»

И царь обратился к министру с такой ласковой речью:

28. «Я этим не стремлюсь достичь владычества над всей землей, ни неба, ни конечного спасения, ни славы: спасти весь мир — единственная цель моя. Напрасной да не будет мука мольбы его, которую он обратил ко мне».

После этого царь велел вынуть глаза. Когда осторожно и согласно указаниям врачебной науки был вынут совершенно невредимым один глаз, чарующая прелесть которого напоминала лепесток голубого лотоса, он с величайшей радостью отдал его просившему. Тогда Шакра, владыка богов, сотворил своею чудесною силою так, что царь со всеми окружающими увидел, как его глаз вошел в глазную впадину. Сердце царя, когда он увидел, что его око расцвело у выпросившего

его слепца, наполнилось величайшей радостью, и он отдал ему также и другое око.

29. Когда царь отдал очи, лицо его подобным стало пруду, лишившемуся лотосов. Но горожане радости его не разделяли. Брахман же смотрел совсем здоровыми очами.

30. Повсюду во дворце и в городе его земля орошена была слезами скорби. А Шакра изумленья преисполнился и радости высокой, увидев, как тверд, непоколебим был царь в своем стремлении к совершенной мудрости.

И сердце Шакры было полно изумления, и он размышлял так:

31. «О стойкость! О доброта! Высокое стремление к благу всех живых! Хоть этот подвиг был перед моими же очами совершен, с трудом в него поверить можно!

Поэтому сей муж столь дивной доброты не должен долго терпеть страдания, я постараюсь вернуть ему глаза, указав средство для этого».

И вот, когда постепенно зажили раны на месте глаз царя, значительно ослабела и перестала чувствоваться скорь крестьян, горожан и обитателей дворца, царь в стремлении к полнейшему уединению сидел однажды, скрестив ноги, в своем загородном парке на берегу заросшего лотосами пруда, окруженного чудеснейшими деревьями, склонившимися под тяжестью цветов; приятный ветерок навевал прохладу и нес нежное благоуханье; рой пчел наполнял воздух однообразным жужжанием. И перед царем предстал Шакра, владыка богов. На вопрос царя: «Кто это?» — он сказал:

32. «Я — Шакра, владыка богов, я пришел к тебе».

Царь сказал:

«Добро пожаловать. Благоволи сказать, что тебе угодно». — Встреченный таким приветствием, Шакра снова обратился к царю:

33. «О царь, святой мудрец, дар выбирай себе! Скажи, чего ты хочешь».

Но царь, привыкший расточать дары и не вступавший никогда на скорбный путь печальных просьб, с удивлением и достоинством сказал:

34. «Богатства велики мои, и армии огромны и сильны, но из-за слепоты теперь хочу, чтоб смерть пришла моя.

35. Исполнил я желанья всех, кто с просьбой обращался, и теперь, когда не вижу я ни лиц, ни их очей, открывшихся широко от радости, веселья,— теперь желанна смерть мне, Индра!»

Шакра сказал:

«Оставь, оставь свое намерение! Ведь лишь истинно добродетельные люди достигают такого состояния, как твое. Я снова обращаюсь к тебе с вопросом:

36. Ведь в это состояние приведен ты теми, кто обращался с просьбой. Так почему же и теперь твое привязано к ним сердце? Скажи же слово. Не надо скрытничать, ты можешь встать на путь другой, оставив это состояние».

Царь сказал:

«Почему ты настойчиво заставляешь меня хвастаться? Однако да услышит богов владыка!

37. Если и прежде и теперь еще молящие слова просителей приятны мне всегда, как будто бы слова благословенья, то пусть одно мне око возвратится!»

Едва успел царь промолвить эти слова, как силою его врожденной постоянной правдивости и множества накопленных высоких заслуг у него явилось одно око, как прекрасный лепесток лотоса, со зрачком подобным кусочку сапфира. Радуюсь всем сердцем такому чудесному появлению одного глаза, царь снова обратился к Шакре:

38. «Тому, кто у меня просил одно лишь око, я с радостью отдал сам оба; и если правда, что в моей

душе одно высокое лишь было ликование и радость, то пусть же явится другое око у меня!»

Едва лишь успел царь произнести это, как появилось у него, словно соперничая с первым, и другое око.

39. Тогда земля и горы задрожали, и, выступив из берегов, повсюду океан разлился, и низкими, приятными тонами звучали в небесах литавры небожителей.

40. И дивная небес краса вокруг сияла безмятежной лаской, блистало солнце ярко, словно осенью; с небес посыпались различные цветы, окрашенные порошком сандала, что в воздухе носился.

41. Сбежались небожители туда с раскрытыми от изумления очами, за ними ганы⁶ и апсары⁷; подул приятный, нежный ветерок; в сердцах всего живого радость расцвела.

42. Со всех сторон слышались прекрасные напевы, с восторгом восхвалявшие высокий подвиг тот царя. Так гимны воспевали толпы существ могучих, полных радости и изумленья:

43. «О благородство! Состраданья глубина! Смотрите, чистотой какой его душа сияет! О дух, столь безразличный к личным наслаждениям! Хвала тебе, возвышенная стойкость, мужество!

44. Поистине нашел весь мир в тебе надежную защиту, когда твой чудный лотос-глаз, вновь пробужденный, засиял! О, никогда не могут быть напрасны великие сокровища святых заслуг: в конце всего святая праведность великую победу одержала!».

И Шакра повторял, выражая свое одобрение: «Прекрасно, как прекрасно!» Потом он снова обратился к царю:

45. «Нам не осталась неизвестной чистая твоя душа, и потому, о царь, тебе я очи возвратил твои.

46. Они дадут тебе неразрушимую способность видеть все вокруг на сотню йоджан⁸, хотя бы скрытое горами».

Сказав так, Шакра тотчас же исчез.

После этого Бодхисаттва, сопровождаемый приближенными, глаза которых, широко раскрытые от удивления, преисполнившего их сердца, с трудом могли мигать, привлекая взоры горожан, прославляемый и благословляемый брахманами, вступил в столицу, сиявшую великим торжеством, разукрашенную разноцветными флагами и развевающимися знаменами. И, воссев на трон в зале, куда явились для выражения своей преданности главный министр, брахманы и старейшины горожан и селян, стал проповедовать святой закон, приводя в пример то, что случилось с ним:

47. «Кто в мире будет медлить своим богатством просьбы бедняков удовлетворить, увидев, как заслугой щедрости своей я получил чудесной силой наделенные глаза?

48. На сотню йоджан все вокруг, и даже то, что скрыто за горами, я вижу всюду ясно, как будто это предо мною.

49. Какой путь к счастью может лучше быть, чем щедрости, рожденной состраданием к ближним и скромностью, если, отдав человеческие очи, я здесь еще смог получить чудесные глаза?

50. Шибийцы! Зная это, используйте свои богатства на даянья и получайте этим наслаждения — ведь это лучший путь и к счастью и к славе как здесь, так и в грядущем мире.

51. Богатств единственная ценность — хотя бы и ничтожных, — в том, что стремящийся ко благу мира отдать их может: ведь то, что отдается, обращается в сокровище, а что не отдается, тому один конец — уничтожение»⁹.

Таким образом, «этот благой закон добыт для нас владыкою ценою сотен тяжких подвигов», и потому должно с благоговением слушать его.

[Этот рассказ следует приводить, как и предшествующий, говоря о великодушии Татхагаты, а также поучая сострада-

нию и показывая, что награда за добрые дела последует уже здесь, в этом мире, причем должно сказать: «Заслуги — эти приятные цветы растущей славы,— благоговейно собранные при помощи добрых дел, уже здесь проявляют свое влияние».]

III. ДЖАТАКА О КОМОЧКЕ КАШИ

Никакое даяние, поданное от чистого сердца высокодостойному лицу, не может быть малым, ибо велики его результаты. Вот как об этом назидательно повествуется. Наш Владыка еще в состоянии бодхисаттвы был царем племени кошала¹. Хоть поразительно блистали в нем великие добродетели царей — энергия, благоразумие, величие, могущество и многие другие, блеск одной из добродетелей — счастья дивного — превосходил все другие.

1. И добродетели его, украшенные дивным счастьем, сияли еще ярче, подобно месяца лучам, когда их красоту расцветит осень.

2. Сама богиня счастья Шри² предана была ему и проявляла гнев свой, как и милость, к другим царям, руководясь его к ним отношением: она покинула врагов его, хоть те и были горды, и наслаждалась счастьем среди подданных его, словно влюбленная.

3. Он весь проникнут праведностью был, и дух его не выносил страданий ближних; и подданных к нему любовь так расцвела, что счастье отвернулось от его врагов.

Однажды он вспомнил свое рождение, то, что непосредственно предшествовало настоящему. От этого воспоминания пришел он в сильное волнение, и с большим еще, чем прежде, рвением стал расточать свои даяния — причину и главнейшее основание счастья — шраманам³, брахманам, беднякам

и нищим; непрерывно и с большою твердостью он соблюдал доброе поведение, а также воздержание и пост в дни новолуний. Стремясь поставить свой народ на путь спасенья тем, что еще выше поднимал значенье добрых дел, царь с глубоким убеждением по многу раз в собрании и в своих покоях повторял два полных глубокого значения стиха:

4. «Услуга, самая ничтожная, оказанная буддам⁴, всегда богатую, великую награду принесет. Об этом только говорилось раньше; теперь же можно в этом убедиться, взглянув на поразительно высокую награду лишь за комочек несоленой, грубой и сухой красновато-коричневой каши.

5. Моя могучая армия, с прекрасными конями, колесницами и темными свирепыми слонами, господство над землей, великие богатства, благосклонность богини счастья, супруга благородная — взгляните — все это блеск полученной награды за комочек каши».

Ни его министры, ни старейшие из брахманов, ни знатнейшие представители горожан, — хотя сердца их и горели любопытством, не смели спросить его, что значили эти две строфы, которые столь часто говорил великий царь. Но вот сама царица проявила интерес к словам, которые царь многократно повторял. Она свободно выражала свои желания, и потому, когда в беседе представился удобный случай, она обратилась к царю в приемном зале с таким вопросом:

6. «Ты постоянно, о людей владыка, так говоришь, как будто радости, что в сердце у тебя, даешь исход. От этих слов твоих мое все сердце любопытством полно.

7. И если мне возможно то услышать, скажи, что значит это восклицанье, государь? О тайне ты не стал бы говорить открыто, и потому я обращаю свой вопрос к тебе».

Царь бросил на царицу взгляд, полный нежной любви, и с лицом, расцветшим от улыбки, сказал ей так:

8. «Услышав восклицание мое, значения его не по-

нимая, не только лишь твое от любопытства взволновалось сердце.

9. Министров всех монахов, весь город и гарем, всех тех, кто так волнуется и мучится от любопытства, сейчас я успокою тем, что расскажу.

10. Я, словно после сна проснувшись, припоминаю жизнь свою в рождение прежнем, когда я был вот в этом самом городе простым слугой. Хоть отличался я прекрасным поведением, однако свой насущный хлеб я зарабатывал трудом тяжелым, я нанимался на работу к тем, кто был возвышен лишь своим богатством.

11. Однажды я готов был приступить к своей работе подневольной, что доставляла столько унижений, труда тяжелого и горестей: стремление поддержать [свою семью], боязнь лишиться средств к существованию меня к ней гнали; вдруг увидел я просящих милостыню четырех монахов, свои все страсти обуздавших, словно сопровождаемых святою благодатью.

12. И с сердцем, верою смягченным, я поклонился им; в свой дом их пригласил и угостил комочком только каши. Росток [даянья этого] поднялся так высоко, что всех других царей короны находятся у ног монахов, в пыли.

13. Вот почему, об этом размышляя, так, о царице, говорю. И удовлетворенье нахожу я в совершенные добрых дел и в лицезрении архатов⁵.

Глаза царицы широко раскрылись от удивленья и высокой радости, и, с глубочайшим почтением подняв свой взор к царю, она промолвила: «О как прекрасна, сколь высока награда эта за добрые дела! Вот почему великий государь, являясь свидетелем того, как награждаются подобные заслуги, всем сердцем стремится к добрым делам. По этой-то причине ты отвращаешься от зла и стремишься править своим народом справедливо, как отец; ты направил свои все помыслы на свершение множества добрых дел.

14. Сияешь блеском дивной славы ты, что милосердием твоим взлелеяна, и враги твои, почтительно склонившись, ждут приказаний. Храни же много лет своим правленьем справедливым ты землю всю до берегов далеких океана, вздымаемого ветром!»

Царь сказал:

«Почему бы этому не быть, о царица?»

15. Я сам стремиться буду впредь идти тропой спасенья, которая прекрасными путеводительными знаками отмечена. И мир, узнав награду за даяния благие, дары захочет расточать. „Зачем я буду все давать?“ — никто тогда не скажет!».

Тут царь, с любовью глядя на царицу, сиявшую красою, как богиня, почувствовал в своей душе желанье узнать причину столь дивной красоты и снова обратился к ней:

16. «Как серп луны средь звезд, ты блещешь среди женщин: какой же подвиг совершила ты, прекрасная?

За что дана тебе столь дивная награда?»

Царица сказала: «Да, государь, я также вспоминаю кое-что из прежнего моего рожденья». — «О, расскажи об этом!» — теперь почтительно обратился к ней царь, и она в ответ на эту просьбу сказала:

17. «Как будто в детстве то пережила я, вспоминаю, что я была рабыней и однажды с почтением глубококим отдала остаток пищи муну, изгнавшему свои все страсти⁶: и словно там уснула я, а пробудившись, оказалась здесь.

18. Так вспоминаю я, о государь, то счастье, которое меня, со всей землею вместе, под покровительство твое смогло привести. Ты говорил нам: „Что бы мы ни сделали для тех, кто одолел свои все страсти, ничто не может быть ничтожным“. И так же говорил тот муну».

Тут царь, увидев, как в силу этого свидетельства высокой награды за добродетели все собрание, глубоко умиленное, прониклось великим изумленьем и глубочайшим почте-

нием к заслугам, приобретаемым добрыми делами, стал учить закону правды и молвил примерно такие слова:

19. «Кто, видя блеск такой, величие награды за незначительные даже, но прекрасные дела, не стал бы сам стремиться к подвигам благим хорошим поведением и щедрости делами? И взгляда не достоин человек, даже богатство приобретший, чей ум окутан тьмою жадности печальной, кто не достигнет славы милосердия делами!

20. С богатством ведь помимо нашей воли расстаться должен каждый безо всякой пользы, а если, расставаясь с ним достойным образом, тем самым можно добродетелей достичь, то кто, познавши сладость их, путь себялюбия избрать способен? Ведь добродетели, основанные на даянии, несут нам радость, и их сопровождает слава.

21. Даяние ведь есть великое сокровище, которое сопровождает нас, и в то же время недоступно для воров и прочих⁷; даяние есть очищение души от тьмы пороков себялюбия и жадности; даяние прекрасная есть колесница, которая избавит нас от тягости пути перерождений вечных; даяние есть самый близкий добрый друг, что нам стремится уготовить многие улады.

22. Великие богатства, блеск высокой царской власти и жительство во граде богов и тела красота чудесная: все, чего ни пожелай, всего достигнуть можешь при помощи даяний. Кто, поразмыслив так, не станет подаянья расточать?

23. Даяние, как говорят, есть извлечение пользы из богатств: даяние—величия основа; даяние есть подвиг благородства и если простодушный горсть песку подаст, и то есть дар благой!»⁸.

Тогда присутствующие, радостно приветствовав эту, с большим почтением прослушанную, захватывающую речь царя, преисполнились стремленья к проявлению щедрости.

Таким-то образом «никакое даяние, поданное от чистого сердца высокодостойному лицу, не может быть малым, ибо велики его результаты». [И тот, кто с чистым сердцем дает дар духовной общине, наиболее благоприятствующей накоплению святых заслуг, тот будет преисполнен радостью при мысли: «И от меня уж недалеко подобное и даже более высокое блаженство!».]

IV. ДЖАТАКА О ГЛАВЕ ГИЛЬДИИ

Добродетельные жаждут проявить свое милосердие, хотя бы им угрожала гибель. Кто же не будет творить дела милосердия, находясь в полном благополучии? Вот как об этом назидательно повествуется.

Еще в состоянии бодхисаттвы наш Владыка был главою гильдии. Благодаря своей поразительно счастливой судьбе, а также необыкновенно успешной постоянной деятельности, он приобрел огромные богатства; непорочностью своей жизни и деятельности он снискал глубокое уважение народа; происходя к тому же из знатного рода, он сделал свой ум еще более ясным при помощи изучения многих наук и искусств. Его благородные качества снискали ему высокое уважение самого царя. Вследствие его всегдашней щедрости у него не было своих богатств — они были у него общими со всем народом.

1. Просившие с сердечной радостью повсюду разносили молву о нем, и слава имени его, возвышенного доблестью и щедростью, достигла десяти стран света.

2. «Даст иль не даст?» — вот на таких качелях сомнения не качалось сердце бедняка. Славный подвиг щедрости его всем беднякам внушил доверье; они непринужденно излагали свои просьбы.

3. Он не скрывал от них сокровища свои для лич-

ных наслаждений, ни из стремления превзойти других, ни ради низкой жадности. Не мог он выносить страдания просящих и оттого остерегался слово «нет» произнести.

И вот однажды, в час обеда, когда Великосущный совершил омовение, умастил свое тело и был готов уже надлежащим образом вкусить приготовленный опытным и благородным поваром обед, соединявший в себе разнообразнейшие достоинства в отношении цвета, запаха, вкуса, осязания и так далее и состоявший из различных блюд,— в этот самый час к его жилищу подошел нищий. То был *пратьекабудда*¹, который огнем мудрости сжег все топливо, поддерживающее пламень нечистых страстей², и теперь хотел увеличить мощь добродетелей Бодхисаттвы. Подойдя к дому, он остановился у ворот.

4. Спокойно, безмятежно, с выраженьем твердости и ласки стоял он там, взор опустив и глядя лишь на расстоянье юги³, с умиротвореньем благородным на лице, держа в пальцах-лотосах рук своих для подаяний чашу.

В то время злейший Мара, который не мог вынести величия щедрости Бодхисаттвы, чтоб помешать ему творить добро, своей волшебной силой создал между почтенным и порогом дома ужасную на вид пропасть, необычайной глубины и шириной в несколько наля⁴; оттуда, колеблясь, поднимались языки пламени, слышался зловеющий гул; и было видно там много сотен людей в ужасных муках. Тут Бодхисаттва, увидев *пратьекабудду*, подошедшего за подаяньем, сказал своей супруге: «Дорогая, подай благородному святому хлеба полную меру». Супруга повиновалась и вышла, взяв разной прекрасной пищи. Увидев бездну у ворот, она стремительно отпрянула назад, с остановившимся от страха и изумленья взглядом. Когда супруг спросил ее, в чем дело, она с трудом могла ответить ему, так как ужас сковал ей горло. Тогда Бодхисаттва, придя в волнение из-за того, что святой уйдет из его дома, не получив милостыни, не слушая свою

супругу, взял все те прекрасные кушанья, желая наполнить чашу для подаяния тому великосущному, подошел к воротам и увидел эту ужаснейшую бездну. И пока он размышлял о том, что бы это означало, злейший Мара вышел из стены дома и предстал перед ним в своей дивной, необыкновенной красоте. Стоя в воздухе, он обратился к Бодхисаттве, словно доброжелатель, с такою речью:

«О домохозяин, это великая преисподняя, по имени Махараурава⁵.

5. Для тех, кто был прельщен хвалебными речами нищих и заражен пороком щедрости и кто хотел раздать свои богатства, для тех ты видишь обиталище на много тысяч лет; и выбраться отсюда очень трудно!

6. Богатство есть основа достижения трех целей жизни⁶. Кто его губит, губит праведность. А если разрушением богатства загублена и праведность, то как же не попасть за это в ад?

7. Ты согрешил своим пристрастьем к щедрости, разрушившим богатство, основу праведности; за это бездна, что своими пламенными языками подобна лику Наракантаки⁷, пожрать тебя сюда явилась.

8. Но пусть! От щедрости теперь хоть дух свой отвори, и тем избежать сможешь ты паденья и не согласишься общей участи со всеми расточителями этими, которые, рыдая горько, извиваются в мучениях.

9. А тот, кто принимает лишь дары, не поддаваясь привычке богатства раздавать, достигнет состоянья божества. Ты откажись от страсти к подаяниям, что к небесам путь заграждает, и к воздержанью обратись».

Бодхисаттва, однако, все понял: «Несомненно, это зло-вредный [Мара] стремится воспрепятствовать мне щедрость проявить». И, твердый в своем стремлении к добру, он обратился к Мару с решительною речью, не нарушая скромности и ласковости своих слов:

10. «Заботясь о благополучии моем, ты милостиво

указал мне этот путь достойных. Ведь божествам особенно присуще сострадание к ближним.

11. Но надлежало бы вступить на путь искоренения болезни до появления ее иль сразу же после начала. Когда болезнь зашла уж далеко от небреженья иль лечения дурного, тогда губительно стремление к лечению.

12. И опасаясь я, что мой порок — стремление к даяньям уж не поддастся излеченью; поэтому от щедрости мой дух не отвратится, хотя даешь ты добрый мне совет.

13. А что до слов твоих, что от даяний происходит зло и праведности главная причина есть богатства, то слабый человеческий мой ум не постигает, как же без щедрости богатство дорогой к добродетели назвать.

14. Ведь это основание праведности люди укрывают, как сокровище, оно насильно похищается ворами, в морской пучине может утонуть или явиться пищей для огня.

15. А что до слов твоих: „дающий попадает в ад, а принимающий достигнет мира небожителей“, — от них мое стремление к щедрости лишь возросло, хоть ты стремился обуздать его.

16. Да будет не напрасным это твое слово: пусть на небо пойдут все те, кто обращался с просьбами ко мне; ведь я свои даяния расточал для блага мира, а не затем, чтоб самому достигнуть высшего блаженства».

Тогда зловредный Мара серьезно, как истинный доброжелатель, вновь обратился к Бодхисаттве.

7. «Ты взвесь мои слова, — добро ль я говорю, иль нечто праздное, — потом иди таким путем, каким захочешь сам, но верь, с почтением великим меня ты вспомнишь, когда осыпан будешь счастьем, иль будешь мучиться раскаянием поздним».

Бодхисаттва ответил:

«Господин, благоволи простить меня!

18. Скорей я добровольно брошусь вниз головою в ад, столь яростно пылающий огнем, и пусть меня там лижет пламя, чем вместо оказания почтения просящим, которые с доверьем обратились, я проявлю к ним полное презрение».

Промолвив это, Бодхисаттва, зная силу своей великой судьбы, уверенный, что щедростью нельзя навлечь страдание на себя, отстранил всех близких, у которых было одно желание — удержать его, и без малейшего страха в сердце, напротив, с еще большим желанием подать просящему, шагнул через пропасть.

19. И силою его заслуг вдруг лотос там расцвел; он вырос не из ила, как обычно⁸; тычинок белые ряды подобны были в нем зубам блестящим, и казалось, что лотос насмехается с презрением над Марой.

И Бодхисаттва по лотосам, созданным его великими заслугами, подошел к *пратьекабудде*; и, с сердцем полным спокойствия и радости, подал ему обильную милостыню.

20. Тогда, чтоб показать ему свое душевное удовлетворенье, поднялся в воздух нищий⁹; там просиял великим блеском он и пролил дождь, подобно озаренному сияньем молнии облаку.

21. Когда растоптаны его желанья были, Мара, утратив всю свою красу, позеленел от злости и вместе с пропастью своею вмиг исчез, взглянуть не смея в очи Бодхисаттвы.

Зачем же все это рассказано? Чтобы показать, что «добродетельные жаждут проявить свою щедрость, хотя бы им угрожала гибель. Кто же не будет творить дела щедрости, находясь в полном благополучии?» [Этот же рассказ следует привести в подтверждение того, что «даже из страха добродетельные не могут быть увлечены на путь неправый».]

У. ДЖАТАКА О ГЛАВЕ ЦЕХА АВИШАХЬЕ

Ни из опасения утратить богатство, ни в надежде на обогащение истинно добродетельные не опускаются до пренебрежения к делам щедрости. Вот как об этом назидательно повествуется:

Будучи бодхисаттвой, наш Владыка был преисполнен разнообразнейших достоинств: щедрости и поведения хорошего, знатности и скромности, знания священных текстов и духовного знания, смирения и так далее; по своему великому богатству он был второй Кубера¹, дом его всегда был открыт для всех, как для желанных гостей, и беспрестанно в нем отпускались даяния, как в дни великого жертвоприношения *саттра*². Он жил для блага мира и сделался поэтому любимейшим из жертвователей. Был он в это время главою цеха. Непобежденный себялюбием и другими пороками, он носил славное имя Авишахья.

1. И появление нищих для него имело то ж значение, что появление его — для нищих: главнейшая причина пробуждения радости, конец сомнений в том, удастся ли достигнуть им желанной цели.

2. На беспрестанные моления «дай!» он слово «нет» не мог промолвить: привязанность к богатству в сердце, исполненном лишь сострадания, места не нашла.

3. Он в высшей степени был рад, когда проситель уносил ценнейшее, что было в доме: ведь знал он, что богатство — источник страшных бедствий и потрясений, что быстро и без видимой причины становится богатство безразличным.

4. Обычно так бывает, что богатства, из жадности возникшие, подобны каравану на дурной дороге; в руках же Бодхисаттвы богатства счастье доставляли и просящим и ему и были тем, чем быть они должны.

И вот Великосущный удовлетворил всех нуждавшихся, ко-

торые к нему являлись отовсюду, щедрой рукой расточая свои богатства и исполняя желание каждого, украшая свои дела щедрости особою приветливостью, предписываемой для таких случаев вежливостью. Тогда Шакра, владыка богов, услышав о его высокой щедрости, пришел в глубокое изумление и, желая удостовериться в твердости его решения все раздавать, заставил ежедневно исчезать все собираемые деньги, сокровища, и хлеб, и пищу, и одежды, так помыслив: «Может быть, он, озабоченный исчезновением своих богатств, начнет склоняться к себялюбию?». Однако Великосущный продолжал расточать свои дары просящим.

5. И всякий раз, как исчезали у него богатства, как капельки росы, украденные солнцем, приказывал он внозь нести дары из дома, как будто пламенем был дом объят, и щедрые раздачи продолжал.

Тогда Шакра, владыка богов, уверившись, что щедрость составляет глубочайшую потребность Великосущного даже тогда, когда ценнейшая часть его имущества исчезла, и придя от этого в еще большее изумление, в одну ночь отнял все его богатства, за исключением свернутой кольцом веревки и серпа. И Бодхисаттва, проснувшись, как обычно на рассвете, увидел, что из дома вдруг исчезли и деньги, и одежды, и слуги, и хлеб, и все его богатство; дом его утратил свою прежнюю красу и стал пустым и мертвым, как будто его ограбили ракшасы³. Бодхисаттва стал размышлять: «Что бы это могло значить?» — и увидел, обходя весь дом, только свернутую в кольцо веревку и серп. И у него появилась такая мысль: «Если кто-нибудь, кто не привык со своими просьбами к другому обращаться, и живет лишь тем, что приобретает собственной энергией, таким путем оказал милость моему дому, то мои богатства нашли прекрасное применение; но если, в силу злой моей судьбы, кто-либо, завидуя моему высокому положению, унес мои богатства, не используя их как надо, то это очень плохо!

6. Богатств изменчивая дружба давно была известна мне, но жжет теперь мне сердце горе бедняков.

7. Уже давно привыкнув наслаждаться гостеприимством и подарками моими, что будут делать бедняки мои, придя в мой опустевший дом? Они придут ведь со своею жаждой к пруду, в котором уже нет воды».

И Бодхисаттва, находя опору в мудрой своей стойкости душевной, не предавался ни печали, ни унынию, но и в этом состоянии не мог он обратиться с просьбой к другим, даже к своим близким: путь просьб ему был совершенно незнаком. «Как трудно обращаться с просьбами!» — подумал он, и сострадание к просящим в нем еще сильнее стало. И вот Великосущный, заботясь о том, чтобы хорошо принять всех тех, кто с просьбами к нему обращался, сам взял веревку и серп и, ежедневно добывая скудную выручку от продажи травы, употреблял эти деньги на проявление любви и почитанья к просящим. Тогда Шакра, владыка богов, увидев его бодрость и преданность делам щедрости даже в крайней бедности, исполнился чрезвычайного изумления и глубочайшего почтения к Великосущному, предстал пред ним в чудесной небесной красоте, стоя в воздухе, и стал отговаривать его от дел милосердия, обратившись к нему с такими словами:

«Домохозяин!

8. Твои богатства унесли не воры, не вода, не не царь и не огонь. Ты сам своею щедростью чрезмерной дошел до состояния такого и в скорь поверг сердца своих друзей.

9. Радея о твоём же благе, к тебе я обращаюсь: оставь порочную ты склонность к расточению имущества; ведь если перестанешь раздавать свои дары, то блеска прежнего, богатства вновь достигнуть сможешь.

10. От постоянных, хоть и незаметных трат с течением времени исчезнуть могут все богатства. Наоборот, от прибавлений муравейник все растёт — из этого ты можешь видеть, что тому, кто хочет увеличить благосостоянье, один есть путь — самоограниченье».

Тогда Бодхисаттва обратился к Шакре, обнаруживая всю поразительную высоту своей души и преданность деяниям милосердия.

11. «Неблагородное, едва ли может, о тысячеглазый, благородный совершить, хотя бы и в тяжелом положении; и потому, о Шакра, мне не надобно богатств, из-за которых должен сам я обратиться в скрагу.

12. Кто же, себя считая благородным, сухою молниєю слова „нет“ опособен поразить несчастных, желающих найти лекарство от своих страданий на просьб пути, мучительном, как смерть?

13. Зачем подобный мне стал бы добывать сокровища, богатства иль даже царство в небесах, если б не смог тем прояснить он лица бедняков, обезображенные мукой просьб?

14. Кто жить способен лишь затем, чтобы умножать грех себялюбья, и укрепить в себе не может склонность к щедрости,— того должны чуждаться люди, мне подобные, ибо он есть пагуба сокрытая.

15. Богатства все изменчивы; они подобны танцующим лианам молний, они всеобщы и несут немало бед, меж тем как в щедрости лежит источник счастья. Кто, благородный, станет в себялюбии искать опору?

16. Свою благую ты явил природу, о Шакра, и поразил меня своими добрыми словами, но радость щедрости для сердца моего уж столь привычна, что на другом пути оно едва ль найдет покой!

17. Молю тебя, владыка мой, не направляй свое ты сердце на гнева путь: ведь невозможно мне моею слабой силой твердыню недоступную врага — своей природы — одолеть!»

И Шакра сказал:

«Домохозяин! Ведь то, что описал ты,— это образ жизни человека богатого, у которого сокровищницы и житницы полны доверху, есть много различнейших вещей, прекрасно из-

готовленных другими, у которого и будущее обеспечено, и который достиг высокого положения в свете, а не очутился в таком состоянии, как ты.

Смотри:

18. Прекрасным подвигом, где капли твоего ума могли бы проявиться иль где б ты следовал преданиям семейным, таким, которые твоей благоприятны славе, свои богатства должен ты собрать и блеском превзойти соперников своих, подобно солнцу.

19. Ты, даже от царя добившийся почтения и заключенный любящей богиней Шри в объятия, счастливым жребием своим делись при случае с народом и радость пробуждай в друзьях.

20. И тогда, коль склонность к щедрости иль к наслаждениям земным проявишь, никто тебя не сможет упрекнуть! Но при одном желании давать, без средств, подобен человек бескрылой птице: желание подняться в воздух одни страдания причиняет ей.

21. А так как приобрести богатства можно лишь ограничением себя и постоянством, оставить должен ты свое желанье раздавать. Ну что ж неблагородного есть в том, что ты не можешь дать, сам не имея ничего?»

Бодхисаттва сказал:

«Прошу тебя, владыка, не убеждай меня столь ревностно!

22. Даже тот, кому важнее польза личная, чем о других забота, все помыслы оставив о богатстве, должен щедрости дела творить: ведь и большим богатством не достигнешь радости такой, какой благодаря дааньям насладиться можешь, жадность победив.

23. Нельзя взойти на небеса при помощи богатства одного, меж тем как щедростью достигнуть всякий дивной славы может: кроме того, богатства ведь не избавляют от пороков — таких, как себялюбие и прочих. Кто ж после этого не обратится к щедрости?

24. Кто для спасения всего живого, измученного старостью и смертью, и самого себя готов отдать, влекомый состраданием, кто не способен сам чем-либо наслаждаться из-за чужих страданий, тому какая польза от богатства, пусть бы оно пришло и от тебя?!

И далее послушай, царь богов:

25. Как процветание богатств непостоянно, так и жизни нашей длительность. Поэтому при встрече с бедным мы не ждем, пока придет богатство⁴.

26. Когда одна хоть колесница колею проложит на земле, той колеей другая уж смелей идет и третья также: вот почему не оставляю я прекрасный этот путь — мое ведь сердце не найдет покоя, неправды следуя путем!

27. А если преумножится опять имущество мое, конечно, привлечет оно сердца просящих, — но даже в этом состоянии по мере сил творить нам должно щедрости дела! Да не останемся мы нерадивы, Шакра, исполняя обеты щедрости!»

Когда Бодхисаттва промолвил эти слова, Шакра, владыка богов, сердце которого преисполнилось умиления, радостно приветствовал его словами: «Прекрасно! О, прекрасно!» — и, с глубочайшим почтением и ласкою взирая на него, обратился к нему с такой речью:

28. «Обычно ведь к богатству человек стремится, применяя низкие и грубые и даже имя доброе его порочащие средства. В своей привязанности к счастью личному не замечает он опасности, все дальше увлекаемый своим малоразумным сердцем.

29. Но ты и не помыслил об исчезнувшем богатстве, и об утрате личных наслаждений, и о моем соблазне не подумал — одна забота у тебя живет, в твоём столь непреклонном сердце — благо ближних. Ты обнаружил тем величие своей возвышенной природы!

30. О себялюбья тьма, рассеянная светом сердца, исполненного благородства несравненного! И ни богатств утрата, ни надежда возвратить их испортить не смогли его, склонив к ограничению щедрости!

31. Страдаешь ты страданиями других и, состраданьем движимый, стремишься к благу мира. Поистине не чудо то, что ты от слов и дел моих не колебался в своем стремлении к жертвам, как не колеблется от ветра горная вершина, блещущая снегом!

32. Чтоб показать твою всем славу, ради испытанья, твои богатства я сокрыл — ведь камень драгоценный, хотя бы и прекрасный, не достигает без проверки сокровища высокой славы.

33. Теперь же проливай дожди даров на всех просящих, подобно облаку большому, что наполняет все пруды! С моей поддержкой никогда твои богатства не иссякнут. Благоволи ж простить поступок этот мой».

И Бодхисаттву приветствовав такими словами, Шакра ему вернул все его великие богатства и, получив прощение, исчез.

Таким образом, «ни из опасения утратить богатства, ни в надежде на обогащение истинно добрые не опускаются до небрежения к делам милосердия».

VI. ДЖАТАКА О ЗАЙЦЕ

Достоверно известно, что добродетельные великосущные даже в образе животных проявляют щедрость, соответственно своим силам: кто не будет щедрым, имея образ человеческий?

Вот как об этом назидательно повествуется.

В некоей местности находился лес, который посещали отшельники. Весь он был покрыт густыми зарослями восхити-

тельных деревьев, кустарников и трав и изобиловал цветами и плодами; по окраинам он был украшен рекой, течение которой сверкало своей блестящей синевой, подобной бериллу; вся поверхность земли манила там взор и осязание своим нежнейшим травяным покровом. Там жил Бодхисаттва в образе зайца.

1. Благодаря высокой благодати и тела красоте, необычайной крепости, огромной силе, что слабыми зверями не подозревалась, он безопасно жил в лесу, как царь зверей.

2. Он там блистал, словно отшельник мудрый; был облачен, как в кожаное платье, в собственную кожу, и заменяла шерсть ему мочальную одежду; свою потребность в пище он утолял побегами травы.

3. И так как помышления его, слова, поступки были дружбою просветлены, то большинство животных диких, доступных прежде всяким злодеяниям, теперь друзьями сделались его, учениками.

Ближайшими его друзьями были выдра, шакал и обезьяна, сердца которых были привязаны к нему глубоким уважением и любовью, вызванными его возвышенными добродетелями. Словно родственники, взаимная любовь которых скреплена еще и узами родства, иль как друзья, чья дружба выросла в любви взаимной и взаимном уваженье, они проводили там время в сердечной радости. И, отвратившись от грубой, животной стороны своей природы, они проявляли состраданье ко всему живому и, угасив жадность в себе, забыли о воровстве; они вели там жизнь, согласную со святым законом, приобретая тем добрую славу себе; и, обладая пронизательным умом, они были тверды в исполнении своих обетов. Такою жизнью, образцом для праведных людей, они вызывали изумление даже у богов.

4. Есть путь, благоприятный наслаждениям земным, стеснительный для добродетелей; и есть другой путь жизни, отлогий в сторону добра, крутой для наслаждений: ведь даже человек, на сторону добра

став, сияет чудным блеском, насколько ж больше — в облике животном существо!

5. Под видом зайца Бодхисаттва был учителем их мудрым; и ставил он всего превыше сострадание к ближним; так много добродетелей его чудесную природу украшали, что слава их и мира небожителей достигла.

И вот однажды вечером к Великосущному пришли его друзья послушать наставления в святом законе и с глубочайшим почтением уселись около него; в это время почти полный диск луны, которая стояла очень далеко от солнца, сиял ослепительным блеском, словно серебряное зеркало без ручки. Он, посмотрев на луну и увидев, что одна сторона ее кажется не совсем круглой, вспомнил, что луна уже четырнадцатый день восходит в своей светлой половине и обратился к своим друзьям:

6. «Луна как будто улыбается прекрасным полным диском, всем добрым говорит она о празднике *пошадха*¹.

Так, значит, завтра — пятнадцатый день луны. Посему вы должны надлежащим образом выполнить предписания, относящиеся к празднику *пошадха*, а именно: вы должны почтить гостя, явившегося в надлежащий час, прекраснейшею пищей, полученной надлежащим образом, и лишь после этого удовлетворить свои насущные потребности.

Подумайте, о достопочтенные:

7. Соединение всякое кончается разлукой, за возвышеньем следует ужасное паденье; изменчива, непостоянна жизнь, как молнии зигзаги: поэтому особенно внимательны должны мы быть к исполнению долга.

8. Поэтому стремитесь щедростью и добрым поведением заслуг побольше накопить: подобные заслуги есть лучшая опора мира в его вращенье трудном по пути перерождений.

9. Что месяц чудным блеском превосходит звезд

многочисленных сиянье, а солнце тысячью лучей своих горячим блеском затмевает все светила — та высота прекрасных качеств есть следствие заслуг великих.

10. И силою заслуг властителей земли их гордые министры и вассалы в великой радости, как кони добрые, несут ярмо их приказаний, забывши гордость всю свою.

11. Несчастье следует за теми, кто святых заслуг лишен, хотя б они стремились идти путем житейской мудрости²; боясь существ, заслугами богатых, оно как будто в злобе бродит возле тех, кто без заслуг живет.

12. Поэтому, оставив беззаконий путь бесславный, основу всех несчастий, направьте помыслы свои на уловление возможностей достичь святых заслуг — прекрасных средств блаженство получить».

«Да будет так!» — промолвили его друзья, выслушав это поучение, после чего приветствовали своего учителя и, почтительно обойдя его слева направо³, разошлись каждый в свое жилище. Как только удалились его друзья, Великосущный впал в такие размышления:

13. «Если придет к ним гость, возможность есть у них почтить его так иль иначе; мое же положение плачевно.

14. Нельзя же гостю предложить травы побеги, что я могу отгрызть зубами, такие горькие! Увы, беспомощность моя!

15. Что пользы мне от жизни столь печальной, от неспособности моей? Ведь даже наслаждение видеть гостя в муку переходит!

К чему же после этого мне тело мое ничтожное, раз я не в состоянии даже должным образом принять гостя? И будет ли кому какая польза, если его лишиться?»

Так размышляя, Бодхисаттва снова оживился и подумал:

16. «Имущество, которое вполне годится для того,

чтоб гостя им почтить, легко так достижимо; оно в моей ведь власти, да и к тому же безупречно: мое то тело!

Чего же мне печалиться?

17. Чем гостя угостить — нашел я! Теперь оставь, о сердце, свое уныние, печаль. Своим вот этим телом почту я гостя, желание его исполню!»

Придя к такому решению, Великосущный почувствовал необычайную радость, словно он наткнулся на ценнейшую находку, и остался у себя дома.

18. Когда же распустилась в его сердце мысль столь дивная, благоволение, сила проявились у небожителей.

19. Тогда, как бы от радости, земля вся задрожала, и с нею горы, и не осталось недвижимым одеяние ее — великий океан, раздалось в воздухе звучание божественных литавр, и горизонт прекрасным ясным светом озарился.

20. И с продолжительным далеким громоуханьем поплыли отовсюду облака, вокруг них пояс был из молний; и, улыбаясь, они над Бодхисаттвой ливень пролили цветов, которые пылью повсюду рассыпали.

21. И ветерок почтил его: подул он в направлении Бодхисаттвы, и ароматную принес пылью цветов различнейших деревьев; казалось, в радости своей он одарил его тончайшею одеждой, узор которой был неразличим из-за ее движения.

Божества с глубоким изумлением и радостью повсюду прославляли это дивное решение Бодхисаттвы, и когда Шакра, владыка богов, о нем узнал, то сердце его преисполнилось удивления и любопытства. Желая испытать Великосущного, на другой день, когда солнце достигло середины неба и бросало жгуче-знойные лучи; когда на горизонт, одетый в ткань из сияющих лучей, окутанный массой сверкающего зноя, нельзя было взглянуть, когда сильно укоротились тени, когда внутренность леса звучала от все усиливающегося стрекота-

ния цикад; когда птицы перестали летать; в то время, когда путники лишаются сил от усталости и зноя, Шакра, повелитель богов, под видом брахмана, как бы заблудившегося в дороге и измученного голодом, жаждой, усталостью, унынием и печалью, громко рыдая, стал звать на помощь, находясь неподалеку:

22. «Отбился я от каравана, брожу один в лесной глуши, измучено мое все тело усталостью и голодом. О добрые, меня спасите!

23. Утратил я способность различать дорогу, бездорожье, не знаю даже, где какая сторона, один блуждаю наобум в лесной глуши; я изнурен жарой, жаждою, усталостью. Кто ж оживит меня гостеприимным словом „о, не бойся!“?»

И вот великосущные, у которых содрогнулись сердца от его жалостных слов и воплей о помощи, с чрезвычайной поспешностью устремились ему на помощь и побежали к тому месту. Увидев печальное зрелище — путника, сбившегося с пути, и приблизившись к нему, они почтительно приветствовали его и обратились к нему со словами утешения:

24. «О, перестань, не беспокойся, что в лесной чаще заблудился, ведь возле нас ты, как среди своих учеников.

25. Мы просим, окажи нам милость, оставаясь здесь сегодня на нашем попеченье, путник дорогой. А завтра ты пойдешь, куда тебе угодно».

Тогда выдра, заключив из молчания путника, что их приглашение принято, побежала с радостной поспешностью и, принеся семь рыбок рохита⁴, обратилась к нему:

26. «Вот рыбки, семь их; словно от усталости уснув, они на берегу лежали: рыбак ли их забыл или они от страха сами прыгнули на берег. Я их взяла, покушай же и оставайся здесь».

Также и шакал, принеся пищу, какая у него в то время оказалась, отвесив глубокий поклон, почтительно сказал так:

27. «Вот одна ящерица, с кислым молоком кувшин,

здесь их оставил кто-то, путник. Будь добр и окажи свое благоволение — вкуси от них, и в этом пусть лесу твоя обитель будет, о обителище всех добродетелей».

Промолвив так, он поднес ему пищу с высочайшей радостью в сердце. Тогда пришла и обезьяна с плодами мангового дерева. Они были совершенно зрелые и мягкие, ярко-оранжевые, словно окрашенные порошком красного мышьяка, совершенно гладкие, без бугорков; кончики стеблей были ярко-красные. Смиренно поклонившись, обезьяна обратилась к путнику с такими словами:

28. «Вот манго зрелые плоды, приятная вода и тень, что освежает подобно наслаждению общенья с добрыми. Вот что могу я предложить тебе, о лучший из знатоков *брахмы*! Вкуси от этой пищи и найди ты здесь себе приют».

Затем к нему приблизился и заяц и после вежливых приветствий, глядя с глубочайшим почтением на путника, стал приглашать его, предлагая ему в пищу свое тело.

29. «У зайца, выросшего здесь в лесу, нет ни бобов, ни зерен риса, ни семян сезама; о, приготовь же на огне мое хоть тело и, подкрепившись им, сегодня останься ты в лесу отшельников!

30. «От радости при встрече с нищим каждый, чтоб удовлетворить желание его, показывает все свое богатство, но у меня ведь, кроме тела, богатства нет иного; возьми же все, что мне принадлежит!»

Шакра сказал:

31. «Как может человек, подобный мне, убить живое существо, не говоря уж о тебе, ко мне явившем дружелюбие!»

Заяц сказал:

«Действительно, то что ты сказал, приличествует брахману, склонному к состраданию. Все же окажи нам милость, останься здесь до тех пор, пока я найду какое-либо средство выразить свое расположение». Тогда Шакра, владыка богов, постигнув его намерение, своею божествен-

ной силой создал целую кучу углей без дыма, из которой летели во все стороны искры; угли сверкали, как расплавленное золото, и над ними вилось легкое пламя. И вот заяц, озираясь по сторонам, увидел этот костер, его сердце исполнилось радости, и он сказал Шакре:

«Я нашел средство выразить тебе свое расположение. Благоволи же сделать надежду на твою милость не бесплодной, прошу тебя, насладись моим мясом!

Посмотри, о великий брахман:

32. Я должен щедрости дела творить, и рвется к жертвам сердце; к тому ж я встретился с таким, как ты, достойным гостем. Возможно ль без труда достигнуть столь счастливого стечения обстоятельств? О, да не будет же напрасным это, поскольку от тебя зависит».

Обратившись к нему с такими словами, Великосущный убедил его своим проявлением высокого почтения, уважения и гостеприимства.

33. Потом с великой радостью он бросился в пылающий огонь, как будто скряга, вдруг увидевший сокровища, или как дивный лебедь, ныряющий в заросший лотосами пруд.

Когда Шакра, владыка богов, увидел это, его сердце было поражено величайшим изумлением, и он, приняв свой божественно прекрасный облик, почтил его словами, приятными для сердца и для слуха, предварив их целым потоком небесных цветов. Затем он взял его своими руками, прекрасными, как лепестки цветов белого лотоса, пальцы которых украшали их, как драгоценности, и показал его божествам:

«Взгляните вы сюда, о боги-небожители! Возрадуйтесь вы великому подвигу Великосущного!

34. О! Как сегодня он без размышлений, из любви лишь к гостю, легко расстался с телом! Меж тем как слабодушные без дрожи не расстаются даже и с цветами, которые от жертвоприношения остались.

35. Какая противоположность меж его животным

обликом и этой тонкостью ума и благородным самоотречением! Сколь поразительный урок для тех богов, людей, что нерадивы в накоплении заслуг!

36. Как сильно ум его проникнут блеском постоянных упражнений в добродетели! О, как своим поступком благородным к достойной жизни любовь он проявил!»

После этого Шакра, заботясь о благе мира, чтобы увековечить этот дивный подвиг, украсил изображением зайца, как счастливым предзнаменованием, верх лучшего из своих храмов — Вайджаянты⁵ и залы собраний небожителей — Судхармы⁶, а также диск луны.

37. Поэтому еще теперь на полном месяце сияет в небесах изображение того зайца, как будто отражение в зеркале серебряном.

38. С тех пор ночи украшение — месяц, что заставляет расцветать улыбкой лотосы, известен в мире стал под именем Шашанка («Со знаком зайца»).

А выдра та, шакал и обезьяна были взяты после этого с земли и перенесены на небеса благодаря тому, что имели такого святого друга.

Таким образом, добродетельные великосущные даже в облике животных проявляют щедрость, соответственно своим силам; кто же не будет щедрым, имея человеческий образ?

[Это же следует приводить в подтверждение мысли, что «добрые почитают также и животных за их преданность добродетели». Помня об этом, нам следует стремиться к добродетелям.]

VII. ДЖАТАКА ОБ АГАСТЬЕ

Героическое проявление щедрости является украшением даже лесных отшельников, а тем более домохозяев.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Будучи еще Бодхисаттвой и идя для блага мира по пути перерождений, Владыка осчастливил своим рождением великий брахманский род, отмеченный среди других своей хорошей жизнью, добродетелями и чистотой; он был украшением всей земли, подобно тому как поднявшийся высоко полный месяц осенью украшает небо своим ярким диском. Над ним были исполнены в надлежащем порядке различные священные обряды, предписанные священным писанием и священным преданием, — *джатакарман* и так далее; изучив *Веды* с *Ангам*¹ и весь ритуал, он наполнил весь мир славой о своей учености; благодаря же богатствам, которые он собрал, обращаясь к щедрым людям, ценившим высокие моральные достоинства, он составил значительное состояние.

1. Как облако большое, над страной дождем пролившись, так он своим богатством всем нес радость — родным своим, и близким, и друзьям, и людям, жившим под его защитой, — всей толпе несчастных бедняков, а также и наставникам и почитаемым гостям своим.

2. Блеск его славы, что ученостью своей он приобрел, сиял еще сильнее от дивной щедрости его: так совершенная краса луны становится еще прелестней, когда она прояснена осенней ночью.

Но вот Великосущный постиг, что состояние домохозяина является источником греховности и тесно связано с деяниями дурными, оно — причина упоения мирскими делами и пренебрежения к религиозному долгу, оно причиняет беспокойство, вынуждая заниматься приобретением имущества и его охраной; оно — мишень для сотен стрел пороков и страстей, противных успокоению; оно изнурительно, так как связано с исполнением множества деяний, и в то же время не дает удовлетворения. Узревши также, что отречение от всего земного, столь благостное и свободное от всех этих пороков, благоприятное для выполнения религиозных обязанностей, является тем состоянием, в котором можно приступить к осуществлению святых законов правды, ведущих к освобожде-

нию, он, отбросив, как траву, свое богатство, приобретенное им без особенных усилий и привлекательное для него лишь тем, что благодаря ему он пользовался уважением среди народа, весь отдался аскетизму — отречению от мира и строгому исполнению обетов. Однако, хотя Великосущный и ушел из мира, благодаря чудесному сиянию его славы, воспоминаниям о его прежнем восхвалении, отличавшему его спокойствию и преклонению перед его высокими достоинствами, народ, привязанный к нему всем сердцем за его многочисленные добродетели, в своих исканиях спасения стремился к нему так же, как и прежде. Он же, избегая подобных встреч с мирянами, как нарушающих высокое блаженство уединения и служащих препятствием к освобождению от страстей, в своей любви к уединению удалился из прежних мест и украсил дивным сиянием своего подвижничества остров Кара². Остров этот находился далеко в Южном океане. Берега его были одеты гирляндой шаловливых волн, которые, колыхаясь от ветра, сверкали, как темно-синие куски смарагда; земля на острове покрыта была чистым белым песком; он был разукрашен различными деревьями, а на их ветвях красовались цветы, побеги и плоды; недалеко от берега находилось озеро с прозрачною водой.

3. И, сильно исхудавший от тяжких подвигов, сиял он там, прекрасный, как на небе сияет тонкий месяц молодой, очарованья полный.

4. Подобно мудрому отшельнику, он жил в лесу, весь погруженный в исполнение обетов и подвигов, все чувства, действия его спокойны были благодаря спокойствию души; и звери дикие, и птицы понимали это, насколько позволял им слабый ум, и подражали в действиях своих ему.

Но в это время Великосущный, сохранивший, даже живя в лесу отшельников, старую привычку к подаяниям, продолжал почитать являвшихся к нему по временам гостей собранными надлежащим образом кореньями и плодами, чистой водой и сердечными, приятными речами приветствий и благо-

словений, приличествующих отшельнику-аскету. Сам он пищу принимал в количестве, необходимом лишь для поддержания жизни, и питался только остатками скудной лесной пищи после угощения гостей.

Слава о его поразительных подвигах распространилась повсюду и привлекла сердце Шакры, владыки богов; и он, желая испытать стойкость Великосущного, заставил постепенно исчезнуть в этой лесной пустыне все употребляемые отшельником в пищу корни и плоды. Однако Бодхисаттва, мысли которого были поглощены созерцанием, привыкший к чувству удовлетворенности, равнодушный к внешнему миру и потому безразличный к еде и своему телу, не обратил даже внимания на причину исчезновения всего. Приготовив на огне нежные листья деревьев, он ел их, не желая ничего другого, не стремясь к лучшей пище, и проводил время в таком же спокойствии, как и раньше.

5. Нигде не будет затруднений в пище того, кто верен обету удовлетворенности. Где же не найти травы, или листьев, или труда с водой?

Шакра, владыка богов, был еще более изумлен таким поведением Бодхисаттвы, и глубокое уважение к его добродетелям стало в нем еще сильнее. Для нового испытания он снял, подобно знойному ветру в летнюю жару, всю массу зелени со всех кустарников, трав и деревьев в той местности в лесу, где Бодхисаттва жил. И Бодхисаттва, собрав еще свежие опавшие листья, питался ими, нисколько не падая духом, и, всем сердцем наслаждаясь блаженством созерцания, он проводил там время, словно питаясь амритой³.

6. Ведь скромность образованных и бескорыстие богатых, аскетов удовлетворенность, в лесу живущих,— вот наилучший путь украсить добродетели свои⁴.

Тогда Шакра, удивление которого еще более возросло от этой необыкновенной постоянной удовлетворенности, словно раздраженный этим, предстал пред ним как гость под видом брахмана, как раз в то время, когда Великосущный, совер-

шив согласно со своим обетом жертвоприношение *агнихотра*⁵, шептал последние молитвы и озирался, желая увидеть гостя. И Бодхисаттва, чье сердце исполнилось радости, приблизился к брахману и после предварительных приятных слов приветствия пригласил его откусать, возвестив, что настало время принятия пищи. И, заключив из молчания гостя, что его приглашение принято, Великосущный

7. От радости глубокой, что сможет проявить свою он щедрость, расцвел прекрасным ликом, расширились его глаза, и, гостя ласково приветствовав словами нежными, приятными для сердца и для слуха, ему он пищу всю свою отдал, добытую с таким трудом, а сам как будто радостью одной насытился.

И вслед за этим он, войдя в свой дом для созерцания, провел тот день и ночь в великой радости. И вот Шакра являлся перед ним подобным же образом во время, предназначенное для исполнения обета [гостеприимства], и во второй, и в третий, и в четвертый, и в пятый день. И Бодхисаттва с все возрастающей радостью ему постоянно оказывал почтение.

8. У добрых ведь стремление к даяниям, которое основано на постоянном проявлении сострадания, не ослабеет малодушно даже из-за смертных мук.

Тогда сердце Шакры исполнилось глубочайшего изумления, и он постиг, что если только Бодхисаттва возымеет желание, он в силу своих несравненных подвигов сможет достигнуть даже блеска дивного — владычества над самими богами; в сердце Шакры зародились опасения и заботы, и он, приняв свой полный божественной красоты облик, обратился к Бодхисаттве с вопросом о причине его подвигов:

9. «Оставив дорогих родных в слезах и состояние свое, источник наслаждений, — куда забросил ты крючок своих надежд, сам опираясь на эти тяжкие страдания — подвиги?

10. Презрев легкодоступные улады жизни, повергнув в скорбь родных, их оставляют мудрые ведь не

по прихоти пустой и сами отправляются в леса отшельников, далекие от наслаждений.

11. Коли находишь ты возможным это мне сказать, благоволи ты утолить мое большое любопытство: что же за цель то, высокие достоинства которой даже твой прельщают ум?»

Бодхисаттва сказал:

«Да услышит господь, что является целью моих стремлений.

12. Повторные рожденья — зло ужасное, а также — старости несчастье и различные тяжелые болезни; а мысль о неизбежной смерти рассудок помутить способна. От этих зол спасти весь мир — вот я к чему стремлюсь!»

После этого Шакра, владыка богов, понял, что Бодхисаттва стремится не к его божественному великолепию, и успокоился в своем сердце; ум его был умилен прекрасными словами Бодхисаттвы, и, с похвалой назвав речь его прекрасной, он предложил ему выбрать желанный дар:

13. «Отшельник Кашьяпа⁶, я за твои прекрасные достойные слова⁷ тебе дам все, чего бы ты ни пожелал, так выбирай же!»

В ответ на это Бодхисаттва, равнодушный к счастью и наслаждениям бытия и считая неприятным обращаться с просьбами, так как он был весь проникнут удовлетворенностью, сказал Шакре:

14. «Если ты хочешь дать мне милостивый дар, то выбираю я, о лучший из богов, такой дар:

15. Жадности огонь, который жжет не знающие удовлетворенья сердца тех, кто получил желанную супругу и детей, достиг богатства и могущества — и даже больше, чем желал, — да не проникнет в мое сердце».

Тогда Шакра, умиленный еще в большей степени его стремлением к удовлетворенности, так ярко выраженным в его прекрасно сказанных словах, снова обратился к Бодхи-

саттве и, похвалив его возгласом: «Прекрасно! О, прекрасно!» — предложил ему выбрать еще один дар:

16. «Отшельник! Я в награду за твои прекрасные, достойные слова с высокой радостью даю тебе еще дар».

Тогда Бодхисаттва, под предлогом просьбы о желанном даре, имея в виду показать трудность достижения освобождения от врожденных дурных страстей, снова дал ему наставление в законе:

17. «Желанный если дар ты мне даешь, о Васав⁸, вместилище достоинств чудных, то выбираю я ничуть не худший дар другой, о величайший из богов:

18. Да будет ненависти пламя, которое, как враг, созданными овладевая, заставить может их прийти к утрате всех богатств и к осквернению касты и блага доброй славы, да будет пламя то далеко от меня».

Услышав это, Шакра, повелитель богов, с изумлением выразил свою похвалу: «Прекрасно! О, прекрасно!» — и снова обратился к нему:

19. «Поистине возлюбленной подобна слава, она сопровождает всюду тех, кто мир покинул! За эти дивные слова свои ты получи здесь от меня еще другой желанный дар!»

Тогда Бодхисаттва по своей вражде ко врожденным дурным страстям, выражая порицание общению с существами, зараженными этими страстями, как бы принимая предложенный дар, сказал:

20. «О, сохрани меня ты от несчастья слушать где-нибудь глупца, иль на него смотреть и говорить с ним! Не дай мне испытать тяжелый гнет совместной жизни с ним! Сей дар я выбираю, его я у тебя прошу».

Шакра сказал:

21. «О, без сомнения в беду попавший человек особенно достоин сострадания добрых; глупость ведь корень всех несчастий, а потому она и есть страшнейшее несчастье.

22. Но почему же ты, столь сострадательный, не хочешь даже видеть глупого — того, кто больше всех других достоин сострадания?»

Бодхисаттва ответил:

«По причине его неизлечимости, о господин. Пойми, владыка:

23. О, если б глупого возможно было излечить тем или иным путем, то разве человек, подобный мне, не приложил бы всех усилий ради его блага?

Но человек такой, должен ты понять, совершенно недостоин, чтоб принимались за его лечение.

24. Он поступает недостойно, но считает праведным такое поведение, и потому других направить на превратный путь стремится; он не привычен к скромности и честности пути и гневом закипает, когда дают ему благой совет.

25. Когда такое существо, жестокое в своей ужасной злобе, безумьем воспыхает от уверенности в мудрости своей и обнаглеет от недостатка скромности и воспитания, скажи, какое средство есть тогда к добру его направить?

26. По этой-то причине, от невозможности помочь, о бог великий, те, кто склонен к состраданию, встречаться с глупым избегают, поскольку он неизлечим!»

Услышав это, Шакра одобрил его слова возгласом: «Прекрасно! О, прекрасно!» — и, изумленный, вновь сказал:

27. «Никто не может оценить сокровище — прекрасно сказанное слово; но в радости своей я словно горсть цветов даю тебе теперь — возьми же дар желанный!»

После этого Бодхисаттва, желая показать, что добродетельный может быть счастлив во всех положениях, обратился к Шакре с такими словами:

28. «Хотелось бы мне видеть мудрого, его послушать, а также жить с ним вместе, Шакра! Хотел бы с

ним вести разумные беседы: сей дар ты дай мне, лучший из богов!»

Шакра сказал:

«Мне кажется, ты слишком уж привержен к мудрым. Скажи, однако, мне:

29. Что сделал мудрый для тебя? Скажи, о Кашьяпа, причину, зачем ты, как немудрый, так стремишься видеть мудрых?»

Тогда Бодхисаттва, желая показать ему величие добродетельных, сказал:

«Да узнает господин, почему мое сердце стремится видеть мудрых!

30. Ведь мудрый сам идет путем благим, а также и других ведет дорогой той же; слова, как ни были б они суровы, в нем раздражения не вызывают, коль сказаны они ему на благо.

31. Всегда украшен мудрый скромностью и прямо-той, всегда принять во благо сказанное может, и так как дух мой сам стремится к добродетели, то он склоняется к сторонникам добра».

Тогда Шакра выразил свое одобрение словами: «Прекрасно! О, великолепно!» — и с возросшей милостью он предложил Бодхисаттве избрать себе еще дар:

32. «Конечно, ты достиг всего, приобрета душевное удовлетворенье, но окажи мне милость и благоволи еще один ты дар принять.

33. Ведь милость, что предложена с любовью, с надеждой помощь оказать по мере сил своих, становится источником страданий тяжких, когда она отвергнута!»

Тогда Бодхисаттва, увидев великое стремление Шакры проявить свою милость и желая сделать ему благое и приятное, показывая всю силу своей жажды проявлять щедрость, сказал:

34. «Пусть пища дивная твоя, свободная от пагубы и разрушенья, и сердце, что сиеет решимостью быть щедрым, а также просящие, украшенные чистым пове-

днем — да будет это все мое! Сей лучший дар я выбираю!»

Шакра сказал: «Ты целая сокровищница прекрасных речей!» — и далее он произнес:

35. «Как ты просил, все так и будет, и сверх того тебе даю я новый дар за то прекрасно сказанное слово».

Бодхисаттва сказал:

36. «О, если хочешь даровать мне дар благой, являющий твое расположение, о превосходнейший из всех живущих в небе, то не являйся мне опять в таком сиянье дивном — сей дар я выбираю, сокрушитель дайтев⁹¹!»

Тогда Шакра, как бы раздраженный, в изумлении сказал:

«Не говори так, господин!

37. Народ весь жаждет лицезреть меня, стремясь достичь того путем молитв, обетов, жертв и изнурительных тяжелых подвигов. Ты ж этого не хочешь. По какой причине? Ведь я пришел сюда с желанием дар предложить тебе».

Бодхисаттва сказал: «О, откинь свое недовольство! Тебя я успокою, о повелитель богов! Это не есть ни недостаток учтивости, ни выражение недостаточно высокого почтения, ни желание больше не встречаться с тобой в одном и том же месте, о владыка! Напротив!

38. Когда я созерцаю дивный образ твой, нечеловечески прекрасный и полный ясной прелести, сияющий небесным блеском, меня охватывает опасенье: „О, как бы не забыть о подвигах своих!“ — боюсь я даже вида твоего, столь милостиво благосклонного!»

После этого Шакра, поклонившись Бодхисаттве и обойдя его с почтением слева направо, исчез. На рассвете Бодхисаттва увидел большое количество небесной пищи и питья. Это было ниспослано силою Шакры. И увидел он также много сотен *пратьекабудд*, явившихся по приглашению Шакры.

и много божественных юношей, высоко опоясанных поясами, готовых служить им.

39. Отшельник мудрый, угостив той пищей и питьем великих риши¹⁰, пришел в возвышенную радость, а потом он наслаждался жизнью, отшельнику приличную, все время проводя там в исполнении обетов несказанных, созерцание и спокойствии души.

Таким образом, «героическое проявление щедрости является украшением даже лесного отшельника, а тем более домохозяина». Помня об этом, добродетельные должны украшать себя героизмом в делах милосердия.

[Эту же джатаку следует приводить, говоря о несравненной радости щедрого человека, при порицании жадности, ненависти, ослепления и глупости, говоря о добродетелях, развивающихся от общения с прекрасными друзьями, о чувстве удовлетворенности и о величии Татхагаты¹¹.

Таким образом, даже в своих первых рождениях наш владыка был дивным кладезем сокровищ — прекрасных слов; тем более, когда он достиг просветления.]

VIII. ДЖАТАКА О МАЙТРИБАЛЕ

Сокрушаясь о страданиях ближних, высокострадательные не обращают внимания на собственные удовольствия. Вот как об этом назидательно повествуется:

Некогда Бодхисаттва, всегда направлявший все свои помыслы на спасение мира, отдался всей своей высокой душой состраданию, и, преуспевая в возвышенных добродетелях, способных облагодетельствовать мир, таких, как щедрость, смирение, самообуздание, благожелательность и так далее, всем сердцем исполненный дружелюбия ко всему живому, был царем по имени Майтрибала.

1. Случалось ли несчастье или радость у его на-

рода, все это царь переживал, как личное свое; умел искусно он народ свой охранять; и потому, смотря по обстоятельствам, за меч он брался или за законы¹.

2. Но меч его служил лишь украшением; ведь приказания его цари внимали, почтительно склонившись пред ним; закон же ярко проявлялся в мудрых мерах, несущих людям благо.

3. И, применяя наказание или поощрение, не нарушал он этим справедливость. Все помыслы направив на добро, весьма искусный в управление царством, он, как отец, вникал в дела народа.

В то время как он столь справедливо охранял народ свой, стремясь всем сердцем доставить ближним счастье правдивостью и щедростью, спокойствием и мудростью, и тем преуспевал в необычайных и возвышенных деяниях своих, служащих средством для достижения состояния *бодхи*², в царство его пришли однажды пять якшей оджохара³, призывших убивать других и изгнанных царем⁴ из царства якшей за какую-то провинность. Увидев, что в этом царстве, благодаря отсутствию всяких бедствий, народ живет в довольстве и радости и в полном благополучии, проводя время в постоянных разнообразных празднествах, они возымали желание лишить жителей этой страны силы.

4. Но хоть и с крайним напряжением взялись они за дело, однако же у жителей страны той силу не смогли отнять.

5. Могущество царя столь поразительно огромно было, что мысль его «мое» высокою защитой становилась; и оттого они не в состоянии были лишить кого-нибудь в стране той силы.

Когда, несмотря на величайшие усилия, они не смогли отнять силу у кого-нибудь из жителей этой страны, то стали так говорить между собой:

«Да что бы это могло значить, друзья?

6. Ведь нет у них особых преимуществ в знанье, в волшебной силе или подвигах при помощи которых

они могли б противодействовать великой нашей мощи; и все ж пришли сегодня мы к тому, что наше имя „оджохара“ бессмысленным казаться стало».

И вот те якши, приняв вид брахманов и блуждая по стране, увидели вдруг некоего пастуха, живущего в лесу; он сидел на зеленой траве у подножия тенистого дерева; на ногах его были башмаки, на голове — венок, сделанный из цветов и побегов лесных деревьев; направо от него лежали его палка и топор. Он был один и занимался тем, что вил веревку, напевая себе под нос веселую песенку.

Приблизившись к нему, они сказали: «Тха-тха-тха, да-да, ка-ка-ка-ка! Эй ты, защитник коровий! Как же не боишься ты, живя один в этом глухом, безлюдном лесу?». Тот, взглянув на них, сказал: «Чего же мне бояться?» Якши сказали: «Разве ты не слыхал еще, что якши, ракшасы и пишачи⁵ жестоки по своей природе?»

7. Ведь даже находясь в толпе друзей, вооружившись знанием, подвигами и *свастьяной*⁶, от них едва ль найдет спасенье человек, хотя бы, как герой, он презирал опасность.

8. Они ведь пожирают человеческое мясо. И как ты не боишься ракшасов — здесь без друзей, один в глухом лесу пустынном, наводящем ужас!»

Выслушав их, рассмеявшись, пастух ответил:

9. «*Свастьяна* народ сей охраняет; ведь потому и сам богов владыка его не может тронуть; что ж говорить о пишачах!»

10. Поэтому в лесу я словно дома, а ночью — будто днем, один — как бы в толпе друзей, без страха здесь живу».

Тогда те якши в сильном любопытстве, почтительно поощряя его, сказали: «А ну-ка, расскажи нам, расскажи же, братец, что тут у вас за особенная *свастьяна*?» Тот, усмехаясь, им в ответ сказал:

«Узнайте ж, какова у нас необычайная, чудесная *свастьяна*:

11. Как камни Золотой горы, так грудь его крепка, лицо прекрасно, как манящий сердце осенний ясный месяц; как палицы из золота, длинны и крепки руки; его глаза и сила — как у быка: то царь наш!

Такова наша дивная *свастьяяна*. — Промолвив это, он с раздражением и изумленьем посмотрел на якшей и снова к ним обратился: «Но ведь это удивительно.

12. Гремит повсюду слава о могуществе царя, так как же вы могли о нем не слышать? Иль, может быть, вы слышали о нем, но из-за необыкновенности та весть забылась?

13. Боюсь, что люди той страны, откуда вы пришли, или к исканиям высоких качеств неспособны, иль любопытства вовсе не имеют; а может быть, лишились счастья знать о славе нашего царя вы из-за уменьшения своей судьбы счастливой.

Ну да, видно, есть еще у вас остаток счастливой судьбы, если из такой дикой страны прибыли сюда».

Якши спросили: «Друг, расскажи нам, откуда такая великая мощь у вашего царя, что даже всякие ракшасы, якши и прочие не в состоянии повредить народу, населяющему его страну?» Пастух сказал:

«Мощь великого царя, нашего владыки, достигнута величием его души. Смотрите, о великие брахманы.

14. Могущество его есть дружелюбие; могучее же войско, с высокими знаменами, здесь сохраняется лишь по привычке; не знает злобы он и слова грубого не молвит никогда; как надлежит, свою страну оберегает. Его руководитель — справедливость, не извороты хитрые житейской мудрости; его богатства существуют лишь затем, чтоб выразить почтение добродетельным; он воплощение чуда дивного, и все же гордости он выше и богатства злых людей⁷.

Вот какими добродетелями и еще сотнями других одарен наш государь. Поэтому никакие бедствия не могут причинить вред народу, живущему в его стране. Но как мало я могу

сказать вам! Если вы хотите услышать о добродетелях великого царя, вам следует отправиться в столицу. Там вы увидите людей, ревностно соблюдающих свои обязанности, крепко держащихся установлений ариев⁸; благодаря всегдашнему спокойствию и довольству они жизнерадостны и живут в достатке, они одеты в прекрасные, но скромные одежды; в высшей степени они приветливы к гостю, зашедшему к ним; всем сердцем они увлечены добродетелями царя; в радостном воодушевлении распевают хвалебные гимны во славу царя, словно молитвы или сулящие счастье заклинания; увидев все это, вы сможете сделать заключение о величии добродетелей самого царя.

И если в вас уже родилось почтение к высоким качествам его, то, желая его увидеть, вы непременно заметите и все добродетели его».

Тогда те якши, сердца которых и без того пылали злобой против дивного царя за сопротивление их силе, конечно, не смягчились, услышав тот, проникнутый любовью, рассказ о добродетелях царя.

15. Обычно ведь бывает так, что сердце глупого, пылающее злобою к чему-нибудь, еще сильнее распаляется от восхваленья этого предмета.

Узнав о сильной склонности того царя к даяньям, якши, желая причинить ему зло, пришли к царю в приемный час и попросили пищи.

И царь, всем сердцем радуясь, отдал приказание слугам, назначенным для этого, подать скорее брахманам самой лучшей пищи.

Однако якши, не прикоснувшись даже к принесенной пище, хоть она была достойна царского стола, как тигры, не прикасающиеся к зеленой траве, заявили: «Подобной пищи мы не вкушаем».

Услышав это, царь, приблизившись, спросил их: «Какого ж рода пищу вам получить желательно? Нужно поискать такой!»

И якши сказали:

16. «О лотосоокый, лишь свежее и теплое еще мясо людей и кровь их — вот якшей пища и питье, знай это ты, о не нарушающий обетов».

Промолвив это, приняли они свой безобразный, ужасающий вид: страшные клыки высывались из их пастей, косые, красные жестокие глаза их сверкали; у них были вывернутые, безобразные плоские носы; борода и волосы их были рыжие, как пылающий огонь, а сами они были черные, как напоенная водою туча. Рассмотрев их, царь сразу же решил: «Ведь это пищачи, не люди, поэтому они и не хотят нашего питья и пищи».

17. И у царя того, сострадательного по природе и сердцем чистого, явилось еще большее к ним сострадание.

С сердцем, преисполненным глубочайшего сострадания, он, скорбя за тех якшей, наверно, впал в такие размышленья:

18. «О, как же трудно сострадательному достать подобное питье и пищу! И ежедневно нужно ведь искать! Что за великие мучения отсюда происходят!

19. А кто жесток, коль неспособен пищу он подобную добыть, усилья все его не достигают цели, а если может пищу он добыть, насколько тяжелее положение его в необходимости всегда творить лишь зло!

20. Когда ж придут к концу страдания этих якшей, вкушающих такую пищу, сердца которых скверны преисполнены и сострадания лишены! Ведь ежедневно они губят свое счастье.

Как же мне теперь быть? Как могу лишить я жизни близких или причинить им страдания, чтобы доставить якшам пищу, хотя бы на один день?

21. С другой же стороны, не помню, чтобы когда-нибудь, надежды обманув, поверг в уныние я тех, кто обращался с просьбами ко мне, чтобы убил я красоту, сияние на лицах их, как губит лотосы холодный ветер.

Ну, так и быть! Я знаю, что мне делать!

22. От своего я тела дам им мяса с кровью, большие жирные куски. Какой же может у меня другой быть выход? Они ко мне ведь с просьбой обратились!

23. Ведь мясо тех, кто умер своей смертью, холодным будет и без крови; оно им не понравится, конечно, а по их телам измученным заметно, что страшный голод их снедает.

Хотя бы я и хотел, откуда ж взять мне мяса у другого живого существа? Они пришли ко мне с запавшими от голода и жажды глазами на исхудалых лицах. Если будут обмануты их надежды и желанья, то как они будут возвращаться, с сердцами, измученными и разбитыми еще больше? Я вижу, что время уже наступило.

24. С тяжелой раной сходное, всегда болезненное тело источником страданий было для меня; в возмездие за это причину ему я боль, однако в высшей степени приятную, воспользовавшись им для высочайшей цели»⁹.

Решив так, Великосущный с сияющими глазами и лицом, расцветшим от нахлынувшей радости, показывая свое тело, обратился к якшам:

25. «Вот это мясо вместе с кровью я сохранял для блага мира только, и если подойдет оно для угощения гостей, то день сегодняшний великим праздником, великим счастьем будет для меня».

Тут якши, хоть и знали образ мыслей этого царя, все же ему не поверили — ведь слишком необычайно было это! — и обратились они к нему с такою речью:

26. «Когда просящий обнаружил души страдание скорбной просьбой, кому, как не дающему, знать лучше всех, что дать?

И вот царь, с мыслью: «Они на мое предложение согласны!» — в сердечной радости велел позвать своих врачей, чтоб вскрыли ему жилы. Но советники царя, узнав, что он решил отдать свое мясо вместе с кровью, вне себя от возбуждения

и возмущенья, любя его всем сердцем, такие приблизительно слова ему сказали:

«О государь великий! В своем необычайном радостном стремление к жертвам ты не должен забывать о народе, который тебя любит! Подумай, будет ли добром или злом это для народа? К тому же неизвестно государю:

27. Все то, что злом грозит народу, о высокий повелитель, для раکشасов приятно, и действия, несущие страдания другим, дают им удовлетворенье, безупречный; таков уж род их по своей природе.

28. Ты не привязан к наслаждениям, государь. Ты носишь бремя управления царством единственно для блага мира: поэтому оставь намеренье отдать свое им тело, покинь ты ложный путь решения своего!

29. О, несомненно, государь, они не могут одолеть народ, хранимый доблестью твоею; и вот, когда разрушены хитросплетенья их и козни, они теперь стремятся искусным планом наш народ в несчастье ввергнуть.

30. Ведь даже боги радуются жиру, салу и другим подобным возлияниям в огонь при жертвах, а этим якшам не понравилась и совершенная, искусно приготовленная пища, такая чистая и с твоего стола!

Конечно, люди, нам подобные, не должны, о великий государь, высказывать своих воззрений, однако ж преданность своему долгу теперь побуждает нас оставить путь учтивости, приличный нам. Всего лишь ради этих пятерых ты хочешь ввергнуть в несчастье весь мир — да разве может такая мысль быть путем к праведности, о государь? К тому же, почему такое отсутствие любви к нам? И почему наши тела, наполненные горячей кровью, которые употреблялись нами на службу господину, остались тобой незамеченными, и хотя они еще ведь не исчезли, государь все же отдать желает свои кровь и мясо?»

В ответ на это царь сказал своим советникам:

31. «Как мог бы человек, подобный мне, когда к

нему с столь ясной просьбой обращаются, промолвить „нет“, сказать „не дам“ или сказать неправду, меж тем как есть просимое?

32. В вопросах справедливости я — вождь народа, и если бы на путь неправый уклонился сам, в каком же положении народ мой оказался? Ведь он в своих поступках следует моим путем!

33. И потому, радея о народе, спасу из тела я наиценнейшее. Как смог бы принести я благо миру, когда б впал в малодушие и сделался доступным себялюбью?

Что касается ваших слов, исполненных любви и глубокого доверия, проистекающих из любви и вашего высокого уважения к нам, а именно: «Затем такое охлаждение к нам, что, хотя еще не исчезли наши тела с кровью, царь хочет отдать свое тело», — я успокою вас. Не думайте, что недостаток доверья стал препятствием на пути моей любви к вам или что этот путь стал недоступен из-за глубокой пропасти подозрения. Однако:

34. Когда богатство постепенно убывает или благодаря превратностям судьбы совсем исчезнет, тогда уместна просьба, обращенная к друзьям: а как богатый может попросить у бедного?

35. Ведь тело у меня достаточных размеров, крепкое, покрыто толстым слоем мяса и легко доступно для просящих; и было бы неблагоприятным ваши пожелать тела.

36. Я не способен выносить страдания даже незнакомых мне существ; какой бы мог быть разговор о вас? И потому хочу отдать свое я мясо, к тому же с просьбой обращаются они ко мне, не к вам!

Поэтому не нужно удерживать меня от исполнения святого долга, хотя ваша смелость проистекает из великой любви ко мне. Поистине, вам не подобает так вести себя по отношению к тем, кто приходит ко мне с просьбою. К тому ж вам нужно обратить внимание вот еще на что:

37. Как нам назвать того, кто преграждает путь желающему ради пользы собственной дать пищу и питье? Хорошим будет ли его поступок иль дурным? Тем более в подобном случае.

Оставьте же свое упорство. Взвесьте твердо и разумно все, как подобает моим слугам: и не пускайте свои сердца по ложному пути. Вам были бы приличнее радостные, ободряющие речи, чем этот малодушный вид. И вот почему:

38. Ведь каждый день мы можем видеть тех, кто просит денег, которые одно имеют применение. Подобных же просителей нам невозможно встретить, даже умиловив богов!

39. Когда приблизится подобный к нам проситель — а тело наше бrenно и является вместилищем страданий, — то даже размышлений путь нам говорил бы об отсутствии душевной высоты, а себялюбье жалкое глубокой тьмою было б.

Поэтому, друзья, вы не должны меня удерживать».

И, убедив их таким образом, царь, позвав в свою залу врачей, повелел им открыть пять жил в своем теле и обратился к якшам с такими словами:

40. «Благоволите оказать мне помощь в благочестивом деле этом и радость высочайшую доставьте, приняв сей дар!»

Они ответили согласием на это, и пригоршнями стали пить кровь царя, темно-красную, как красный сок сандала.

41. И царь, позволив этим призракам ночным пить кровь свою из ран, весь просиял, из золота как будто его тело было, подобно горе Меру, облаченной облаками, зарей вечернею окрашенными и осевшими под тяжестью воды.

42. От радости необычайной и дивной стойкости и от телесной силы не ослабело его тело, не перестало биться сердце, и крови не уменьшилась струя.

И, утолив свою жажду, те якши сказали царю: «Довольно этого».

43. Когда вместилище страданий бесконечных, тело, неблагодарное всегда, здесь средством стало выразить почтение к просящим, высокой радостью исполнилась душа царя.

Тогда царь расцвел радостью, его лицо и глаза были полны ясного спокойствия, и, взяв острый меч, клинок которого, голубой, без пятнышка, был похож на лепестки голубого лотоса, а чудная рукоятка была украшена сияющими драгоценными камнями, он стал отрезать кусками свое мясо и давать якшам.

44. Душа его от постоянно приливавшей радости свершать даяния, утратила возможность воспринимать страдания от истязаний.

45. Влекомая ударом каждым острым мечом и радостью отбрасываемая далеко, боль, как бы усталостью охваченная, медлительною стала, проникая в сердце государя.

46. С такой глубокой радостью насытил якшей он свою плоть, что даже демонов жестокие сердца смягчились.

47. В своей любви к закону правды иль из сострадания, отдав на пользу ближним тело драгоценное свое, ведь можно в злато веры чистое их обратить сердца, хоть и пылающие ненависти пламенем.

И якши, посмотрев на царя, занятого вырезыванием кусков собственного мяса, и видя, что лицо его сохраняет ничем не нарушимое спокойствие и на нем не дрожит ни один мускул, несмотря на боль от вырезывания мяса, пришли в чрезвычайное умиление и изумление.

48. «О чудо дивное! О, что ж это такое? Да правда ль это?» — такие радостные мысли в них поднимались, и, забыв свою всю злобу против этого царя, они с хвалою и с умилением в сердце склонились перед ним.

«Довольно, довольно, о государь! — они сказали. — О, перестань же причинять страдания своему телу. Мы совершенно удовлетворены твоим чудесным подвигом, чарующим сердца просящих!» С этими словами они в великом возбуждении, склонившись, остановили царя. Их лица были орошены слезами умиления и, с глубочайшим почтением подняв на него глаза, они снова обратились к царю:

49. „Как прав народ твой, что, благоговей пред тобою, стремится всюду разнести он славу о тебе! О, как права богиня Шри, презревшая лес лотосов и гордая лишь тем, что жить с тобою рядом может! О, несомненно, небо, хотя находится оно под покровительством у бога Шакры, кругом обмануто, когда без зависти взирает с высоты на эту землю, хранимую твоим геройством!

Зачем тут многословие? Поистине блажен весь род людской, имея такого покровителя! И нас сжигает скорбь, что мы согласились причинить тебе страдания. Общаясь с таким существом, как ты, можно даже существам, нам подобным, спасти себя. И, надеясь подавить свою дурную натуру, мы спрашиваем тебя:

50. Куда стремишься ты таким путем, какого состоянья сверхчудесного достигнуть хочешь, презревши счастье царя, столь верное тебе, дающее так много наслаждений?

51. К чему же ты стремишься подвигами столь великими: к владычеству ли над вселенной, иль хочешь сделаться Куберой или Индрой, иль хочешь ты соединиться с *брахманом*¹⁰ и тем достичь конечного освобождения?

52. Чего бы ни решился ты достигнуть, желанное совсем уж недалеко. Об этом, если слышать мы достойны, благоволи, о господин, нам рассказать».

Царь сказал:

«Услышьте же, какова цель моих стремлений:

53. На бытии основанное счастье, достигнутое тяж-

кими усилиями и гибнущее без труда, не доставляет наслажденья никакого, ни удовлетворенности, не говоря уж о спокойствии души. Вот почему я не стремлюся к счастью даже богов владыки, тем более к иному!

54. Взирая на создания беспомощные эти, отягощенные работою тяжелой и тяжкими пороками, к которым мы привязаны,— уничтожением страданий только личных не удовольствуется мое сердце.

55. Заслугой этою всеведенья достигнув и победив своих врагов — все страсти злые, хочу спасти я мир из океана бытия, где воздымаются столь страшные валы, как смерть, болезнь и старость».

И вот якши, у которых от умиления и радости поднялись волоски на теле¹¹, поклонившись, сказали царю:

«Этот подвиг твой достоин такого великого решения! Посему недалеко уже прекрасная та цель, к которой стремятся тебе подобные. С полной уверенностью в сердцах мы возвещаем это.

56. О, несомненно, к благу мира направлены стремленья все твои. Благоволи же вспомнить и о нас тогда и удели особое вниманье благу нашему.

57. Что по незнанию тебе, о господин, здесь причинили столько мук,— благоволи простить нам: мы даже пользы собственной не ведали совсем!

58. Благоволи ж нам повеленье дать теперь, которое исполнив, мы заслужили б твою милость, и даруй свое доверье нам, как слугам собственным».

И царь, узрев, как их сердца смягчились верой, обратился к ним: «Вы мне не страданья причинили, а оказали услугу. Оставьте свою ненужную печаль. К тому же,

59. Когда столь труден путь закона истинного, — зачем же спутников своих я буду забывать, достигнув совершенного познания? Вас первых приобщу к бессмертью я, вам первым сообщу закон конечного освобожденья.

60. И если вы стремитесь сделать мне приятное,— как яда избегать должны вы прегрешений: причинения вреда живым, стремления к чужой жене или богатству, злословия и опьяняющих напитков».

После этого якши, ответив ему: «Да будет так»,— поклонившись и обойдя его слева направо, тотчас исчезли.

Когда Великосущный принял решение пожертвовать своим мясом и кровью,

61. Неоднократно содрогнулась вся земля и в сотрясенье привела Златую гору; от сотрясения зазвучали там литавры, посыпались цветы с деревьев.

62. Посыпавшись на землю вниз, они казались то облаком, гонимым ветром, то стаей птиц, то балдахинном, а с иного места похожи были на гирлянду завитую,— и разом вокруг царя, рассыпавшись, упали.

63. Сам океан великий с возбуждением, все возраставшим, казалось, удержать хотел властителя земли, и яростно вздымались волны, кидаясь с страшным ревом. Казалось, вся громада моря готова ринуться вперед.

64. «Что это?» — думал царь богов, охваченный волнением; потом, постигнувши причину, обеспокоенный опасностью, грозившею царю, он быстро полетел сам в царский дом, где вся семья царя была потрясена боязнию и скорбью.

65. Глубоко изумленный спокойствием на лице государя, которое он сохранил и в этом состоянии, приблизившись к нему, прославил в радости и умиление Шакра сей подвиг дивный своим прекрасным голосом:

66. «О высочайшая вершина жизни добрых! О несравненное величие сокровищ, здесь упражнением в добродетели добытых, о дух, украшенный благоволением к ближним, — в твоей руке нашла вселенная надежную опору!»

Почтив царя такой хвалой, Шакра, владыка богов, при помощи различных небесных и применяемых людьми трав, способных немедленно исцелять раны, сделал его тело столь же здоровым и безболезненным, каким было оно раньше. И, приняв выражение почтения царя, которое тот оказал ему с приятностью, вежливостью и с благовоспитанной учтивостью, удалился снова в свою обитель.

Таким образом, «сокрушаясь о страданиях ближних, высокосострадательные не обращают внимания на собственные удовольствия». [Зная это, кто же не освободится от привязанности к тому тлену, каким является богатство? Это следует рассказывать, чтобы воспламенить сердца сострадательных; равным образом, говоря о сострадании, о величии Татхагаты и для побуждения к благоговейному вниманию к святому закону. Также и слова владыки: «поистине великие подвижники — эти пять монахов», — должны быть связаны с этой джатакой, ибо в это время те пятеро (первых учеников) ¹² были якшами. Ибо их, как это и было обещано раньше, владыка первыми приобщил к бессмертию святого закона.]

IX. ДЖАТАКА О ВИШВАНТАРЕ

Низкие душой неспособны даже возрадоваться благу, содеянному Бодхисаттвой, а тем более поступать так же, как он.

Вот как об этом назидательно повествуется.

У шибийцев был царь по имени Санджая; он укротил и совершенно подчинил себе все чувства и благодаря своей доблести, житейской мудрости и скромности был победоносен и счастлив; благодаря постоянно проявляемому им строгому почтению к старшим он постиг истинный смысл трех *Вед* и логики; его справедливое управление и суд высоко восхвалялись преданным ему народом, который с усердием относился к своим обычным делам и наслаждался безмятежным

спокойствием и счастьем. Так он жил, как надлежало жить царю.

1. И так как он преуспевал в высоких добродетелях, любовью привязана была к нему, как верная жена, сама богиня счастья царского; и сделалась богиня недоступной даже для помышлений всех других царей, как львом хранимое убежище для всех других животных.

2. Все, кто с великим напряжением науке иль искусству отдавался иль подвигам суровым, к нему всегда являлись и, обнаружив в испытании свои таланты, почтение и уважение его встречали.

Сын его, по имени Вишвантара, следующий за ним по высокому положению, но не уступавший ему по великому числу высоких качеств, был назначен наследником.

3. Хоть юн был он, но привлекал своим спокойствием он всех, как старец, и пылким будучи, был склонен по своей природе к кротости; украшенный познаниями, в своей учености высокомерным не был; богато одаренный красотой, он все же был свободен от тщеславья.

4. Когда по странам всем распространилась весть о добродетелях его и славою его наполнилась миров триада¹, то места не было нигде для слабой, бледной славы других царей; казалось, она не смела даже показаться.

5. Не в силах вынести страданий, охвативших мир, вооружившись огромным луком сострадания, он, казалось, выступил на страшный бой, разя их градом стрел — своих даяний.

Он ежедневно доставлял великие радости нуждающимся, которые приходили к нему с просьбами, раздавая с великою охотой различные вещи, в размере большем, чем просили, сопровождая свои даяния приятными речами и привлекающим сердца учтивым обхождением.

В дни парван² он, блистая строгим исполнением поста и соблюдением покоя, омыв свою голову и обвязав ее белой льняной тканью, взойдя на прекрасного и лучшего из всех слонов слона, отлично выезженного, подобного вершине Гималаев, украшенного мадой, струившейся по голове, обладавшего к тому же счастливыми приметами, прекрасным воспитанием, быстротою и решительностью,— осматривал свои рассеянные по всему городу благотворительные дома, которые были как бы водоемом, утолявшим жажду бедных. От этого он испытывал великую радость.

6. Богатство, в доме находясь, не доставляет щед-
рому и милосердному той радости великой, какую
даст оно же, розданное бедным.

И вот однажды, когда бедняки-просители, сердца кото-
рых были исполнены радостью, разнесли славу о столь вели-
кой его щедрости, один царь, царство которого лежало по
соседству с его землей, решив, что царевича можно обмануть,
воспользовавшись его чрезвычайным увлечением щедростью,
послал к нему брахманов, чтобы увести его лучшего слона.
Когда Вишвантара осматривал свои благотворительные до-
ма и очи его и лик сияли от радости, те брахманы, произнося
благословения, предстали перед ним, воздев к нему руки.
Тогда он, остановив прекрасного слона, приветствуя учтиво
брахманов, обратился к ним с вопросом о причине их появ-
ления: «Благоволите сказать, какое дело привело вас?» Брах-
маны сказали:

7. «Прекрасные достоинства вот этого слона, столь
величавого, прекрасного в движениях, а также слава
щедрости твоей заставили нас с просьбою к тебе
явиться:

8. Даруй нам этого слона, подобного горе Кай-
ласа³, и этим преисполнишь ты сердца людей глубо-
ким изумленьем».

Услышав это обращение, Бодхисаттва, сердце которого
преисполнилось радостью, так стал размышлять: «Наконец-то
я вижу просителей, способных желать истинно ценное. Одна-

ко, что пользы этим брахманам от подобного царственного слона? Ясно, что это жалкие козни какого-нибудь государя, ум которого полон жадности, зависти и ненависти.

9. О, да не будет опечален крушением своих надежд тот царь, который, праведность презрев и славу добрую, однако же как друг старается для нас!»⁴.

Подумав так, Великосущный, поспешно сойдя с прекрасного слона, сказал тем брахманам: «Благоволите взяты! — и стал пред ними с поднятым золотым кувшином»⁵.

10. Тогда, хотя он знал науку житейской мудрости, которая считает, что должно следовать дорогой праведности лишь постольку, поскольку это к выгоде нам служит⁶, он, праведности преданный, отдал царя слонов, не дрогнув даже от нарушения правил мудрости житейской.

11. Отдав того царя-слона, украшенного дивной сеткой золотую, подобного громаде туч осенних, обвитых молнией, царевич радостью великою проникся; а горожане, руководствуясь лишь мудростью житейской, возмутились.

И вот, когда распространился слух о том, что царевич отдал царственного слона, в шибицах поднялись гнев и злоба; почтенные брахманы, министры, воины и городские старейшины с криками и шумом приблизились к царю Санджае и, возбужденные недовольством и гневом, пренебрегая даже соблюдением надлежащего почтения, сказали: «Зачем ты допускаешь, царь, чтобы так губили богатства государства? Государь не должен забывать, что это создает опасность для его царства». — «В чем дело?» — взволнованно обратился к ним царь. И в ответ они сказали так:

«Да разве государь не знает, что случилось?

12. Тот слон, вокруг которого поет рой опьяневших пчел, вся голова которого благоухает мадой, и ветер, ароматом насладившись, без напряженья, без труда сметает спесь, тщеславие других слонов,

13. Который своей мощью превосходит силу войск врагов твоих и словно усыпляет гордость их, тот слон твой, воплощение победы—Вишвантарою отдан и уведется теперь в чужое царство.

14. Коровы, золото, одежды, пища — вот чем прилично одарять брахманов, царь. Отдать царя слонов, в котором верный есть залог и счастья, и победы, — ведь эта щедрость слишком уж необычайна!

15. Раз удаляется царевич так с пути державной мудрости, то как его найдет богиня счастья? Здесь снисхождение неуместно, государь: ведь это лишь обрадует врагов!»

Выслушав эти слова, царь, из любви к сыну не особенно расположенный к своим советникам, все же принял во внимание все это дело и поспешно сказал: «Да, вы правы», — и, стараясь их успокоить, он с такою речью обратился к шибийцам: «Я знаю эту излишне страстную склонность Вишвантары к щедрости, которая заставляет его забывать путь государственной мудрости; подобный образ действия не приличествует лицу, предназначенному занять первое место в царстве. Однако, как и извергнутую пищу, кто теперь может взять обратно отданного им слона? Впредь же я устрою так, чтобы Вишвантара знал меру в щедрости. Поэтому довольно гневаться».

Шибийцы же сказали:

«О нет, государь, одним лишь порицанием за это дело ты не исправишь Вишвантару».

Санджая сказал: «Так что же еще я могу сделать?»

16. К порочным действиям питает отвращенье он, а к добродетелям привязанность его вам представляется пороком. Что ж может быть возмездием достойным сыну моему за то, что отдал он слона, — тюрьма ли, казнь ли смертная?

Поэтому довольно гневаться; впредь я буду удерживать Вишвантару».

Тогда шибийцы, придя в бешенство, сказали царю:

17. «Кто стал бы одобрять казнь смертную, иль наказание заточеньем, иль порку сына твоего, о повелитель? Однако ж он, весь погруженный в исполнение святого долга, не подходит — по мягкости и состраданью своему — нести столь тяжкий груз — правление царством.

18. Ведь тронем царским те владеют, кто доблестью своей прославились, искусные в служении трем целям, — а царевич добродетели столь предан, что забывает о житейской мудрости; он более подходит для жительствова в лесу.

19. Известно нам, ведь недостатки дурного управления царей их подданным своим плоды приносят; для подданных они терпимы, как это наблюдалось не раз, — но для царей губительны и подрывают корни власти.

20. Зачем тут много говорить? Вот твердое решение шибийцев — ведь вынести они бы не смогли погубили твоей: уйти царевич должен на гору Ванка, в область сиддхов⁷, чтоб в подвигах высоких преуспеть».

Народ так грубо обратился к царю вследствие привязанности, любви и доверия к нему, опасаясь гибельных последствий дурного управления и радея о его же благе, и царь, смущенный гневом подданных, опустил глаза долу и с сердцем, полным мыслей о разлуке с сыном, тяжело вздохнув, сказал шибийцам: «Если вы настаиваете на этом, то благоволите дать ему времени хоть одни сутки: завтра на рассвете Вишвантара исполнит вам угодное». — «Да будет так!» — ответили с удовлетворением шибийцы. И царь обратился к слуге: «Пойди, поведай обо всем Вишвантаре». Тот ответил почтительным поклоном и, обливая лицо скорбными слезами, явился к Вишвантаре, который находился в своем дворце. Громко рыдая в порыве печали и страдания, он упал к его ногам. «Здорова ли царская семья?» — в волнении обратился к нему с вопросом Вишвантара, и слуга, в отчаянии, с

трудом произносятся слова и даже слоги, сказал: «В царском семействе все благополучно». — «Так почему же ты в таком волнении?» — снова спросил Вишвантара слугу. Тот, заикаясь, так как подступивший ком слез сдавил ему горло, и лепеча слова медленно из-за прерывающегося дыхания, промолвил так:

21. «Не слушаясь царева приказания, которое им выражено было в ласковых словах, шибийцы недостойные в жестоком гневе тебя из царства изгоняют, царь».

Вишвантара сказал: «Меня шибийцы изгоняют, прогневавшись? Что это значит?

22. Не испытал я наслаждения, отклонившись от пути смирения, беспечность к долгу ненавижу я: за что ж прогневались шибийцы? Не помню, чтобы я свершил дурной поступок!»

Слуга сказал:

«За твое необычайное благородство.

23. Меж тем как удовлетворение твое всегда блистало бескорыстием, в сердцах просителей оно корыстью загрязнилось, и вот, когда тобой, высокий повелитель, был отдан царь слонов, то гнев спокойствие и мудрость у шибийцев отнял.

24. Итак, шибийцы наглые, забывшись, велят тебе идти путем, которым все изгнанники уходят».

И вот Бодхисаттва обратился к слуге со словами, в которых раскрывалась его глубокая любовь к просящим, возвышенная состраданием, а также его неистощимая стойкость: «О, как непостоянны шибийцы по своей природе, и как же мало известен им мой характер!

25. Как можно говорить о внешних нам вещах? Готов отдать я голову свою и очи. Для блага мира лишь ношу я это тело, что ж говорить тут об одежде и животных?

26. Того, кто жаждет даже своим телом почтить слова просящих, решили запугать они, чтоб не давал

даров. Как ярко в этом видно ребяческое легкомыслие шибийцев!

27. О, пусть меня шибийцы все отсюда изгоняют или убивают, я все же буду продолжать творить даянья и с этой мыслью в лес отшельников иду».

Тогда Бодхисаттва обратился к своей супруге, лицо которой выражало сильнейший испуг от тяжелой вести: «Слышала ли ты решение шибийцев?» Мадри сказала: «Да, я слышала, государь».

Вишвантара сказал:

28. «Все, сколько есть у нас имущества, полученного ли тобою от меня, иль родового твоего, все то имущество ты собери, о безупречноокая».

Мадри спросила: «Куда его сложить мне?» Вишвантара ответил:

29. «Всегда давай даянья благонравным, и ласковость пусть дар твой украшает. Так помещенное имущество не гибнет и следует за нами.

30. Приятное твори свекрови, свекру и за обоими смотри детьми, блюди ты праведность, не забывай о долге и не скорби со мной в разлуке».

Услышав это, Мадри, хоть и горело ее сердце от страданий, чтоб не нарушить душевную стойкость супруга, скрыла свою жестокую тоску и скорбь и так сказала ему:

31. «Несправедливо то, великий государь, что в лес один уйти ты хочешь: каким путем ты, царь, пойдешь, таким путем и я пойду с тобою.

32. Когда я около тебя, мне даже сметр, как праздник, и хуже смерти жить здесь без тебя.

К тому ж, о государь, мне жизнь в лесу не кажется несчастьем. Подумать только:

33. В лесной глуши вдали от злых людей, где речки чистые струятся меж деревьев, полно газелей, слышно пенье птиц, земля покрыта прекраснейшим ковром травы, как изумруд, зеленой. Насколько ж там приятнее, чем в наших пригородных рощах!

Кроме того, государь,

34. Взирая на своих малюток, украшенных одеждой и венками, играющих в кустах лесных, не будешь вспоминать о царстве.

35. Увеселять тебя в лесу там будут заросли растений, что свесились беседками над ручейками с чистой водой; лесная их краса, что обновляется весной каждую, всегда нова, юна.

36. И пенье стройное там раздается хора различного птиц, тоскующих по наслаждениям любви; павлинов танцы можно видеть, обученных учителем великим — сладострастьем.

37. Там нежное, которого наслушаться не можешь, жужжанье пчел, сок сладкий пьющих; согласное их пенье будет твоё сердце веселить в лесу.

38. А ночью скалы там, одетые сияньем месяца, сверкают, словно в платьях из дукулы⁸; там веет нежный ветерок лесной, забравший ароматы у деревьев и цветов.

39. А нежное журчанье речек, бегущих, спотыкаясь, по беспокойным камешкам! Их звуки так похожи на женских украшений звон и будут радовать твоё там сердце!»

Так ободренный милою женой, царевич, стремясь скорее уйти в лес, заботясь о бедняках, приступил к богатой и щедрой раздаче даров. Когда весть об изгнании Вишвантары дошла до царской семьи, там поднялась тревога, вопли и рыдания. И, словно вне себя от скорби, горя и волнения, толпа бедняков, как пьяная или безумная, в смятенье испускала вопли различных жалоб:

40. «О, если мать-земля не устыдится топором, которым дали позволение срубить тенистое то дерево, дающее столь сладкие плоды, то ясно будет, что она лишилась рассудка.

41. Ведь если нет того, кто б мог остановить стремящихся разрушить водоем с водой холодной,

чистою, приятной, увы, тогда ведь зря богов-мирохранителей⁹ так называют! Тогда их нет иль это слово — один лишь звук пустой!

42. Несправедливость бодрствует, а справедливость спит иль умерла, когда царевича Вишвантару из царства изгоняют!

43. О, кто способен столь искусно свергнуть нас в несчастье, невинных, в мольбах влачащих жалкое существование? Жестокий, кто стремится погубить нас?»

Тогда Бодхисаттва роздал нуждающимся все свое имущество, все, что было в его полной сокровищнице: драгоценные камни, золото, серебро, ценностью в несколько сот тысяч, горы разных вещей, все, что было в амбарах и житницах — различное добро, зерно, а также рабынь, рабов, колесницы, упряжных животных, утварь, и прочее — все это распределил он соответственно потребностям каждого, и, с глубочайшим почтением поклонившись отцу с матерью, душевная твердость которых была глубоко потрясена скорбью и мукой, вместе с женой и детьми сев на прекрасную колесницу, сопровождаемый пожеланиями счастья, покинул столицу при громких воплях большой толпы народа. С большим трудом ему удалось убедить вернуться обратно глубоко преданных и следовавших за ним людей, опечаленные лица которых были мокры от слез; после этого он сам взял вожжи и поехал дорогою, ведущею на гору Ванка. В ясном спокойствии духа миновал он окрестности столицы, увенчанные прекрасными увеселительными садами и рощами; постепенно ему стали попадаться отдельные тенистые деревья; люди стали встречаться все реже и реже; вот уже можно было видеть большие стада антилоп, бродящих в отдалении; наконец он достиг леса, который весь был наполнен громким стрекотанием цикад. Там неожиданно приблизились к нему брахманы и стали просить коней, запряженных в колесницу.

44. Хотя ему и долгий путь во много йоджан¹⁰ предстоял, к тому ж с супругой и с детьми, без вся-

кой помощи, он все ж от радости даянье сотворить, не думая о будущем, отдал дваждырожденным четырех коней.

И между тем как Бодхисаттва хотел уже сам запрячься в колесницу и крепче затягивал свой пояс, появились четверо юношей-якшей под видом чудных красноватых антилоп и, словно прекрасно выезженные лошади, сами подставили свои плечи под ярмо колесницы. Увидев их, Бодхисаттва обратился к Мадри, глаза которой были широко раскрыты от изумления и радости:

45. «Взгляни, каков избыток сил святых в лесах, украшенных подвижников великих жительством, где их сердечное радушие к пришельцам пустило корни даже и среди чудеснейших животных диких».

Мадри сказала:

46. «Я думаю, что это лишь твоя сверхчеловеческая сила: ведь и у праведных, поднявшихся высоко в добродетелях своих, не одинакова бывает степень высоты их.

47. Ведь если ночью лотоса улыбка прекраснее, чем отражение дивных звезд в воде, тому причина — месяца лучи, протянутые словно пальцы в любопытстве».

Меж тем как они продвигались вперед, проникнутые взаимною любовью, и вели такую приятную беседу, к ним приблизился другой брахман и попросил у Бодхисаттвы его прекрасную колесницу.

48. Тогда царевич, равнодушный к личным наслаждениям, но родственник заботливый для тех, кто с просьбой обращается к нему, желанье брахмана исполнив, отдал колесницу.

И вот Бодхисаттва, с сердечной радостью сойдя с прекрасной колесницы и высадив своих близких, передал ее брахману, а сам с сыном Джалином на руках пошел дальше по дороге пешком; и Мадри, тоже ничуть не пав духом, с дочерью Кришнаджиной на руках, шла за ним следом.

49. И, наклоняя кончики ветвей с прекрасными плодами, деревья, казалось, приглашали его к себе — как будто во внимание к великой силе его заслуг склонялись перед ним в почтении ученики.

50. Когда он захотел воды, тотчас же перед ним явились водоемы; на их поверхности виднелась золотистая и белая пыльца тычинок; там колебали лепестки крылами лотосов цветы.

51. Прекрасный полог устроили тут облака; приятный, ароматный веял ветерок; а яски сократили путь, не вынеся его страданий от усталости великой.

Так Бодхисаттва, как будто выйдя вместе с детьми и супругою на прогулку в сад, испытав наслаждение и удовольствие от ходьбы пешком и не вкусив горечи изнеможенья, увидел наконец гору Ванка.

По дороге, указанной ему обитателями леса, он проник в лес отшельников, который был полон разнообразных чудесных деревьев с нежной гладкой корой, украшенных цветами, побегами и плодами. Опьяненные любовным упоением, птицы оглашали лес своим пением и криками; в нем красовались стаи танцующих павлинов; много стад газелей бродило тут; словно прекрасным поясом, лес был окружен рекою с чистой и глубокой водой; там дул приятный ветерок, несущий золотистую цветочную пыльцу. Там в уединении стояла хижина из листьев, построенная по повеленью Шакры самим Вишвакарманом¹¹, прекрасная на вид, приятная во все времена года; войдя в нее, царевич поселился там.

52. И в том лесу, лелеемый любимую супругой, слух улаждая беззаботным милым лепетом детей, он, словно находясь в приятнейшем саду и думать позабыв о царстве, в суровых подвигах прожил полгода.

И вот однажды, когда царица ушла в лес за корнями и плодами, царевич же для присмотра за детьми находился возле дома, в эту местность пришел брахман. Его ноги по

самые щиколотки были загрязнены дорожною пылью, лицо исхудало и глаза ввалились от изнурения; на плече у него была палка, к которой был привязан, свешиваясь вниз, сосуд с водою; жена послала его со строгим приказанием привести какого-нибудь слугу. Когда Бодхисаттва, долгое время [не имевший случая проявить щедрость], увидел пришедшего к нему просителя, от глубокой радости умиление разлилось по его лицу и засияло в глазах. Выйдя навстречу брахману, он приветствовал его словами «добро пожаловать» и другими приятными речами и пригласил зайти к нему в обитель; потом, почтив, как подобает, гостя, он обратился к нему с вопросом о причине его прибытия. И вот брахман, который из любви к жене утратил всякий стыд и разум, думая только о том, чтоб получить желанный дар, сказал ему приблизительно следующее:

53. «Идут там люди, где есть свет и ровная дорога, а не путем, препятствий полным; но в этом мире, погрязшем в мраке себялюбья, не может моя просьба иметь другое выраженье¹².

54. Блеском славы, рожденной щедростью твоей великой, известен ты повсюду, как и должно быть; поэтому хоть тяжело мне обращаться с просьбою к тебе, все ж я пришел сюда: отдай мне в услуженье своих детей!»

Услышав это, великосущный Бодхисаттва,

55. Давно привыкнув к удовольствию творить даянья и не умея отказать, ответил с радостью: «Я дам тебе детей любимых».

«Благословение да будет над тобой! Но что же ты медлишь?» — так обратился к нему брахман, и великосущный Бодхисаттва, сердце которого, смятенное любовью, замирало, меж тем как у детей от изумления все помутилось в глазах, когда слышали они, что их отдают, сказал:

56. «Тебе детей я этих отдал; однако мать их в лес ушла набрать кореньев и плодов; сегодня ж вечером она вернется.

57. Пускай она на них еще раз взглянет, их приласкает и гирляндами украсит. Одну здесь ночь ты отдохни, а завтра уведешь моих детей с собою».

Брахман сказал: «О господин! Не настаивай на этом.

58. Недаром женщину зовут прекрасной супротивницей¹³: она препятствием ведь может стать к даянию; поэтому не хочется мне оставаться здесь».

Бодхисаттва сказал: «О, не беспокойся, что она будет удерживать меня от даяния! Моя жена вместе со мною строго блюдет закон, но как угодно твоей милости. Кроме того, о великий брахман,

59. Какую радость могут дать тебе рабы такие? Они изнежены и юны, и не привычны к услуженью.

60. Меж тем их дед, шибийский царь, увидев их в подобном положении, конечно, даст за них богатый выкуп, какой бы ты ни пожелал.

61. Поэтому благоволи их отвести отсюда прямо в царство деда. Таким путем достигнешь ты великого богатства и в то же время так святой закон исполнишь».

Брахман сказал: «Нет, я не отважусь приблизиться к царю со столь неприятным подношением; уж лучше буду я держаться от него подальше, как люди, что обходят ядовитых змей.

62. Царь может их обоих у меня отнять, а то и наказание наложит, поэтому как слуг я поведу их прямо к своей супруге».

Тогда Бодхисаттва промолвил: «Как будет угодно!» — и, не закончив это слово, стал ласково наставлять малюток с кротостью принять свои обязанности слуг, а затем наклонил над протянутой для принятия [дара] рукой брахмана свой сосуд с водой.

63. И от волнения его вода сама пролилась из сосуда, а также — слезы из очей его, подобных лотоса багряным лепесткам.

Брахман же, возбужденный радостью от своего успеха,

спеша увести детей Бодхисаттвы, скороговоркою произнеся слова благословения, суровым и повелительным голосом обратился к детям: «Ну, идите же!» — и стал уводить их из хижины; и вот дети, сердца которых разрывались от невыносимо тягостного горя разлуки, склонившись к отцу и заливаясь слезами, обратились к нему с такою речью:

64. «О, отец! Ушла ведь наша мама, а ты отдать нас хочешь. Не отдавай же нас, пока ее мы не увидим!»

Тогда брахман подумал: «Мать их скоро вернется, да и он, пожалуй, станет раскаиваться из-за любви к детям». Так поразмыслив, он связал им руки лианой, словно пучок лотосов, и, видя их сопротивление, пригрозив им, потащил за собою этих юных детей, оглядывающихся на отца. И вот девочка Кришнаджина, на которую никогда еще прежде не обрушивалось горе, громко рыдая, сказала отцу:

65. «Отец, ведь этот брахман безжалостный меня лианой бьет. Нет, он не брахман, это ясно! Известно мне, что брахманы благочестивы.

66. Ведь это якша под личиной брахмана; конечно, тащит нас он, чтоб пожрать. Зачем ты равнодушно смотришь, отец, как нас уводит этот пишача ужасный?»

Тогда мальчик Джалин, тоскуя по матери, так сказал:

67. «Не так мне больно то, что бьет меня дважды-рожденный этот, как то, что мамы я сегодня не видал. О, это так меня терзает!

68. Конечно, мама долго будет плакать в опустевшей хижине лесной и тосковать о детях, бедная, как чатака¹⁴, детей которой погубили.

69. Для нас ведь наберет она в лесу кореньев и плодов так много. Что же будет с мамой, когда она увидит лесную пустынь опустевшей?

70. Какие есть у нас лошадки, слоники, тележки — отдай ты непременно половину маме, чтоб горе тем ее утешить.

71. Так передай же ей от нас почтительный привет и всячески удерживай ее от скорби; ведь трудно будет нам, отец, с-тобою встретиться иль с нею.

72. Идем же, Кришна, и умрем! Какая польза нам теперь от жизни? Мы отданы царем брахману, жадному до денег».

Таковы были его слова, и они ушли.

Тогда Бодхисаттва, хотя вся его душа была потрясена этим жалостным лепетом его детей, при мысли: «Кто же, отдав, будет раскаиваться?» — остался сидеть на том же месте, хотя его сердце жгло неугасимое пламя скорби; его сознание остановилось, словно парализованное ядом. Когда подувший прохладный ветерок вернул ему сознание, он посмотрел на свое лесное жилище, где уже не было детей и которое словно замерло в молчании, и рыдания прервали его дыхание. Потом он сказал сам себе:

73. «Как он не постыдился у меня перед глазами мучить мое сердце, которому название дети! Позор тому брахману, стыд потерявшему!

74. Пешком, босые, по нежности своей не в состоянии вынести усталость, как путь они пройдут и как работать в услуженье будут?

75. От утомления измучатся они в дороге,— кто успокоит их сегодня? Терзаясь от горя, холода и жажды, к кому пойдут они и обратятся с просьбой?

76. И если так ужасно мое страданье, хоть я стремлюсь достичь покоя мысли, то каково же состояние моих малюток, здесь возросших в неге?!

77. О, огонь разлуки с милыми детьми словно сжигает мое сердце! Однако кто из добрых, помня о благом законе, потом раскаиваться будет?»

Между тем Мадри чрезвычайно взволновали и расстроили различные неблагоприятные предзнаменования, предвещавшие что-то ужасное, и она хотела как можно скорее вернуться домой с собранными плодами и кореньями, но дорогу ей преградил хищный зверь, и поэтому она очень поздно пришла

домой. Не видя детей ни там, где они обычно встречали ее, ни на площадке для игр, она еще больше обеспокоилась.

78. И в волнение, опасаясь чего-то страшного, она вокруг кидала взоры в поисках детей; звала их долго и, не услышав ничего в ответ, снедаемая скорбью, стала горевать:

79. «Собраньем многолюдным мне казался прежде этот лес, который оглашался лепетом моих детей. Теперь, когда я их не вижу, он словно стал пустыней, где беззащитной чувствую себя.

Но что же случилось с детьми?

80. Увлечшись игрой, они устали, возможно, захотели спать и спят уже, а может, заблудились в чаще леса? Иль недовольные, что я не возвращаюсь долго, спрятались из детской шаловливости где-либо?

81. Но отчего же не щебечут птицы эти, чем-то смущенные, как если бы они свидетелями были их убийства? А может быть, они унесены рекою бурной, что гневно, дико мчитя на своих конях-волнах?

О, если бы мои тревоги оказались и на этот раз напрасными! О, если бы царевич и дети были невредимы! О, если бы последствия предзнаменований, возвещавших дурное, сказались на мне самой! Но отчего же, однако, исчезла беспричинно радость моего сердца, и оно словно разрывается на части, окутанное тьмой тоски? И тело мое словно обессилело, все перепуталось в сознании, как будто весь лес колеблется, утратив вдруг свою красоту!»

Потом она, войдя в обитель и отложив в сторону коренья и плоды, которые собрала, приблизилась к супругу своему и, предварительно почтительно приветствовав его, спросила: «А где же дети?» Но Бодхисаттва, зная слабость материнского сердца, проистекающую от любви, и не имея силы вымолвить ужасное известие, не мог сказать ей ни слова.

82. Огнем известий неприятных жечь сердца людей, приятного достойных, необычайно трудно сострадать.

Тогда Мадри подумала: «Все ясно; беда случилась с моими детьми, и потому он так молчалив, убитый скорбью и уныньем». При этой мысли Мадри, словно лишившись разума, стала повсюду озиаться и, не видя нигде в обители детей, захлебываясь слезами, снова обратилась к супругу:

83. «Детей не вижу я, и ты мне ничего не говоришь. Погибла, верно, я, несчастная! О неприятном ведь не говорят!»

Так сказав, она с сердцем, охваченным огнем скорби, упала на землю, как подсеченная лиана. Когда она падала, Бодхисаттва подхватил ее, подвел к ложу из трав, брызнул холодной водой ей в лицо и, когда к ней вернулось сознание, сказал, пытаясь ее утешить:

84. «Печальное известие тебе сказать внезапно, Мадри, не хотел я. Ведь в сердце, слабом от любви, нельзя предполагать спокойствие и твердость.

85. Старостью и бедностью измученный, сюда явился брахман, и отдал я ему детей; утешься же и не тоскуй напрасно.

86. Подумай обо мне, о Мадри, не о детях, не мучайся, царица! Не разрывай ты сердца моего, пронзенного, как острием стрелы, тоской о детях.

87. Как можно не отдать просящему хотя бы даже жизнь свою? Поэтому порадуйся со мною, милая, что я отдал детей».

Услышав это, Мадри, сердце которой замирало от страха, что дети погибли, теперь, узнав, что они живы, постепенно пришла в себя от слабости и скорби; чтоб поддержать стойкость своего супруга, она отерла слезы на глазах и, с изумлением глядя на супруга, сказала:

«Ведь это чудо! Что и говорить!»

88. Теперь должны заговорить и небожителей самих сердца в высоком изумлении, что себялюбье не нашло рожденья в сердце у тебя.

89. И небеса слагают гимн хвалебный в честь

твою; в том гимне слово каждое всем ясно, каждый слог: ему могучим эхом вторят небожителей литавры; со всех сторон их звуки раздаются.

90. Как в опьянение от восторга, земля вся в содрогание великое пришла; волнуется и грудь ее, царица гор; как молниями, озарен весь небосклон цветами золотыми, что падают с небес.

91. Оставь уныние и скорбы! Когда подашь просящему, пусть будет дух твой ясен. И, став источником для мира, ты продолжай и впредь свои даянья!»

Когда царь гор Сумеру, сияющий блеском разнообразнейших сокровищ, задрожал от сотрясения земли, Шакра, владыка богов, подумал: «Что это такое?» — и, когда он узнал от властителей миров, широко раскрывших глаза от удивления, что причиной колебания земли является великая жертва Вишвантары, пожертвовавшего своими детьми, его сердце забилося от изумления и радости. На рассвете следующего дня он явился к Вишвантаре в образе просящего брахмана. Оказав гостю знаки глубокого внимания, Бодхисаттва предложил ему вопрос о причине его прибытия; и в ответ он обратился к нему с просьбой отдать ему свою супругу:

92. «Как не иссякнут в океане воды, так добродетель щедрости не иссякает в добрых: поэтому к тебе я обращаю просьбу — благоволи отдать свою богоподобную супругу!»

С полным спокойствием и бодростью Бодхисаттва ответил ему согласием.

93. Потом, взяв Мадри левою рукою, а правую — кувшин с водою, он воду брахману на пальцы начал лить; и тем зажег огонь тоски великой в сердце Камы¹⁵.

94. Но не прогневалась Мадри, не рыдала; ведь ей была понятна вся сущность сокровенная его природы; но, пораженная невыносимой мукой, ей незнакомой прежде, она, взирая на него, как статуя прекрасная, стояла.

Увидев это, Шакра, повелитель богов, пораженный в самое сердце глубочайшим изумлением, прославляя Великосущного, обратился к нему с такою речью:

95. «О, как неизмерима пропасть между добра и зла законом! Ведь не поверит подвигу такому, кто не очистил свою душу.

96. С великой нежностью любить свою супругу и дорогих детей и все ж отдать их из самоотречения, что может быть возвышеннее этого поступка?

97. О, без сомнения, благодаря рассказам тех людей, кто восхищен твоими добродетелями, наполнятся все страны славой твоей; блеск славы всех других исчезнет, как красота других светил в сиянье ярком солнца исчезает.

98. Сему сверхчеловеческому подвигу с тобою вместе радуются якши, и гандхарвы, и наги, а также боги с Васавою во главе».

Сказав так, Шакра предстал пред ним в своем дивном сияющем виде и, открывшись, что он Шакра, обратился потом к Бодхисаттве с такими словами:

99. «Тебе я возвращаю Мадри, твою супругу: когда заходит месяц, не может лунный свет ведь оставаться!

100. И не печалься ты с детьми в разлуке; не сокрушайся о потере царства: сюда отправился уж с ними вместе твой отец; он царству даст надежного правителя, и тем правителем ты будешь».

Промолвив так, Шакра исчез.

Силою Шакры тот брахман привел детей Бодхисаттвы прямо в страну шибийцев. Тогда народ и Санджая, царь шибийцев, узнали о трудном подвиге великого милосердия Бодхисаттвы, и сердца их умилились; выкупив у брахмана детей Бодхисаттвы и примирившись с Вишвантарой, они возвратили ему царство.

{Таким образом, действия бодхисаттвы чудесны в высшей степени. Зная это, не следует ни выражать неуважения, ни ставить им препятствий, когда эти дивные существа обратят

свои мысли на что-либо. Этот рассказ следует приводить также, рассказывая о Татхагате и наставляя к благоговейному слушанию закона.]

Х. ДЖАТАКА О ЖЕРТВЕ

Чистых сердцем не склонить к дурным деяньям; помня об этом, следует стремиться к душевной чистоте.

Вот как об этом назидательно повествуется:

Некогда Бодхисаттва был, как рассказывают, царем и правил страной, которая, в силу великих заслуг его, досталась ему по наследству; он безраздельно управлял ею в безмятежном спокойствии, так как все подчиненные ему князья были ему покорны; не было у него ни внешних врагов, ни соперников, и все беспорядки внутри царства прекратились.

1. Опора царства — он преодолел все страсти как врагов своих, был равнодушен к наслаждениям, которые постылыми становятся, когда вкусишь их; все помыслы направил он на благо подданных своих; и, к добродетели стремясь постоянно, словно аскет суровый жил.

2. Он знал главнейшую черту характера людей — стремление подражать в своих поступках высшим, и потому, стремясь принести спасенье подданным своим, он был особенно пристрастен к выполнению долга.

3. Он раздавал имущество и в поведении своем всегда был благонравным; терпением был проникнут и заботился о пользе мира; и, выражая милостивым видом свое стремление к благу всех людей, блистал он, словно праведности воплощение.

Но вот однажды его страну, хотя и охранявшуюся его рукою, за незаконные деяния населения и по небрежению божеств, ниспосылающих дожди, в разных местах постигло страшное бедствие — сильная засуха. Тогда царь решил в

своем сердце: «Ясно, что это несчастье обрушилось на нас вследствие нерадения к святому закону или с моей стороны, или со стороны моего народа». И, с еще большим напряжением стремясь к благу народа, не забывая ни на мгновение о его несчастье, он созвал лучших среди знатоков святого закона — старейших брахманов во главе со своим домашним жрецом, а также своих министров и обратился к ним с вопросом о том, какими средствами можно было бы устранить бедствие. Тогда они, считая, по указанию *Вед*, причиной хороших дождей совершение жертвы, к которой страшно и приступить, так как она требует лишения жизни нескольких сотен живых существ, сообщили ему об этом. Но царь, когда ему были названы требуемые для жертвы действия — лишение жизни живых существ, по своему состраданию, не мог в своем сердце одобрить это предложение. Однако вследствие своей благовоспитанности он не огорчил советников грубым словом отказа и перевел разговор на другой предмет. Они же, напротив, воспользовались представившейся возможностью поговорить с царем о религиозном долге и не зная его скрытого в глубине души образа мыслей, стали наставлять его в том, как надлежит совершить жертвоприношение:

4. «Никогда не медлишь ты исполнить обязанности государя, которые направлены на приобретение и на охрану царства, причем всегда порядок исполнения их определяется святым законом.

5. Искусен ты в служении триаде; для блага подданных твой лук всегда натянут,— так почему ж столь нерадив твой ум, что медлит он построить мост, ведущий в царство небожителей, которому название — «жертва»?

6. С глубоким уважением, как слуги, относятся к твоим велениям цари, их исполнение считая счастьем. И вот приспело время, о несущий смерть врагам, великой жертвою достигнуть счастья, блестящего славой.

7. Хотя, конечно, сам ты свят, всегда, как *дикши-*

та¹, благодаря любви к даяньям и вниманию к обетам, но все же надлежало бы тебе долг уплатить богам, свершивши жертву, как повелевают *Веды*.

8. А боги, удовлетворенные твоею жертвой, свершенною, как надлежит, дождь ниспошлют на землю; по сей причине приступай же к совершению жертвы. Ведь эта жертва — благо для народа, да и тебя она прославит».

И у царя явилась мысль: «Как сильно должен колебаться в своих убеждениях человек, хотя бы исполненный веры и любящий святой закон, если он будет без размышления выслушивать мнения людей; ведь его нетвердый ум легко может быть увлечен доверием к другим! Поистине ведь

9. Кого среди людей прибежищем надежным почитают, те иногда под видом ревности к закону доходят даже и до нарушения его; и человек, последовав за ними, по наставленью их на путь дурной вступает и мечется в теснине, выхода ища.

10. Какая ж связь есть между причинением страданий жертвенным животным и святым законом, пребывающем в мире небожителей иль ублажением божеств?

11. Животное, которое лишают жизни, волшебной силой таинства, как говорят, идет на небеса,— ведь потому его и убивают; по их словам, согласно с сущностью закона это; но то неправда: кто в потустороннем мире воспользоваться может тем, что сделано другим?

12. И по какой причине попадет на небеса животное, сердце которого от зла не отвратилось, и в нем не возросло решение твердое творить прекрасные дела,— неужто лишь за то, что убивают его во время жертвоприношения?

13. Когда б животное, убитое при принесении жертвы, могло попасть на небеса, то разве сами брахманы не захотели бы собою заменить животных жертвен-

ных? Так почему ж нигде не видим мы такого? Кто после этого их слову станет верить?

14. И подлинно ли небожители, оставив дивную амриту, несравненную по аромату и чудесной силе, по вкусу и по действию могучему, которую подносят им прекрасные апсары, придут в восторг от сальника и прочих жертв, полученных от убиенья несчастного животного?

Видно, теперь настало время действовать таким образом», — подумал царь и, приняв это решение, он, как будто желая совершить жертву и одобряя слова своих советников, обратился к ним: «Поистине, у меня есть надежная опора, и я возвеличен милостью богов, если вы проникнуты мыслью о моем благе. Поэтому я хочу совершить жертвоприношение, принеся в жертву тысячу человек. Пусть же мои советники, каждый согласно своим полномочиям, позаботятся о доставке всего необходимого для этого дела. Пусть позаботятся найти и место, наиболее подходящее для возведения построек для саттры; следует также определить благоприятный для жертвоприношения лунный день, час, мгновение и созвездие».

После этого домашний жрец царя сказал ему: «Для успеха предпринимаемого дела ты, о великий государь, должен совершить по окончании одного жертвоприношения очистительное омовение *авабхритха*², после чего последовательно можно приступать к другим жертвоприношениям. Ведь очевидно, что если сразу взять для жертвоприношения тысячу человек, то это может вызвать нежелательные волнения в народе». — «Это верно», — сказали царю брахманы, и он ответил им: «Оставьте, о достопочтенные, все ваши опасения о гнѐве подданных. Я устрою все так, что мой народ не будет возмущаться». После этого царь, собрав горожан и селян, обратился к ним со следующими словами: «Я хочу совершить жертвоприношение и принести в жертву тысячу человек. Но ни один достойный человек, не совершивший зла, не будет отдан мною, как жертва, на заклятие. Поэтому каждого из вас, кого я начиная с сегодняшнего дня с помощью своих

всюду проникающих глаз, которыми будут служить люди незапятнанные, отряхнувшие сон беззаботности, замечу как преступающего границы благонравия и нарушающего мои приказания, я отдам для принесения в жертву как оскверняющего свой род и как врага своей страны.

Да будет вам это известно!

В ответ на эти слова старейшины, почтительно сложив руки, обратились к царю:

15. «Все действия твои направлены на благо подданных, и разве есть причина, чтобы осуждать их, о великий государь? Сам Брахма³ должен был бы поведение твое одобрить, о образец всех добрых поведений! Будь здесь ты наивысшим образцом для всех!

16. То, что приятно государю, приятно также и для нас: тебе ведь также кажется приятным лишь наше благо и лишь то, что нам приятно!»

Так была принята речь царя горожанами и селянами. После этого царь разослал повсюду по городам и селам достойных доверия слуг, повелев им схватывать всех злых преступников, а также ежедневно возглашать следующее, предварительно оповещая об этом народ барабанным боем:

17. «Хранящий безопасность царь дарует безопасность всем добрым людям, украшенным прекрасным поведением и постоянной чистотой; для блага же народа он жертвоприношение желает совершить с закланьем тысячи преступников, для жертвы предназначив тех, кто закоснел в злочинствах.

18. И тот, кто повеление царя, что почитается даже вассалами-князьями, преступит в высокомерии своем или в попустительстве желаньям беззаконным, тот, этими поступками своими осужденный, в несчастье будет ввергнут и обратится в жертву искупленья; привязан будет он к столбу для принесенья в жертву; в своих страданиях достойный сожаленья, своими муками он будет взоры привлекать людей».

И вот жители страны этого царя, приняв во внимание, что царь велел разыскивать безнравственных людей с целью принести их в жертву, ежедневно слыша страшные слова царского приказа и видя его слуг, разосланных повсюду с поручением хватать порочных людей,— оставив свои безнравственные наклонности, стали всеми силами стремиться к самообузданию и доброму поведению; отбравшись от склонности к вражде, они обратились к взаимной любви и уважению; среди них прекратились раздоры и ссоры; с глубоким уважением стали они относиться к словам старших; стали искусны в проявлении щедрости; стали гостеприимны и сияли скромностью и благовоспитанностью, словно жили в Критаюге.

19. От страха смерти, от мыслей о загробном мире, а также по причине семейной гордости, стремления к доброй славе, стыдливости, возросшей от великой чистоты сердечной, народ там непорочной, чистой жинью стал сиять.

20. Чем глубже весь народ святым законом проникался, тем с большей ревностью царевы слуги старались выследить людей дурного поведения, и потому никто не преступал закон.

21. И вот, услышав обо всем, в его стране происходящем, царь просиял великой радостью и, наградивши вестников за их приятные известия, он с наставлением к своим министрам обратился:

22. «Мое стремление высшее — народ свой охранять; теперь пришел он в состояние, достойное награды; богатства эти все, что предназначены для жертвы, хочу я в жертву принести, в согласии с решением прежним.

23. Пусть каждый, сколько пожелает, вволю у меня возьмет богатства, топлива для счастья. Да будет изгнана из царства моего та бедность, которая страданьями мою страну томила.

24. Когда я принял твердое решение спасти народ,

когда, благодаря высокой вашей помощи так средства возросли мои, мне кажется, что бедствие народа, гнев мой вызывая, жжет мое сердце каждый миг».

И вот советники царя, с величайшим восторгом приняв его слова, распорядились устроить дома для бесплатной раздачи даров по всем деревням, городам и рынкам, а также в местах отдыха на дорогах и, согласно приказанию царя, стали ежедневно удовлетворять всех нуждающихся, с великой щедростью исполняя желания каждого.

25. Тогда народ, освободившийся от бедности и вдруг разбогатев благодаря богатствам царским, в прекрасные одежды облачившись, блистал, как будто в дни торжеств великих.

26. И, сотканная из хвалебных гимнов радостных просителей, распространилась широко повсюду слава государя, как лотоса пыльца, его тычинками рожденная. все далее волнами легкими по озеру разносится.

27. Таким путем, благодаря тем мудрым мерам государя, народ весь к жизни добродетельной вернулся, и бедствия, утратившие силу вследствие благополучия народа, непрерывно возраставшего, исчезли, не находя ни в чем опоры.

28. Все сезоны года приятны стали, наступая регулярно, как новые цари вступают [на престол], придерживаясь строгого порядка; земля богатые там жатвы стала приносить; покрылись лотосами водоемы с чистой голубой водой.

29. Тяжелые болезни более не мучили народ, лекарственные травы огромную целительную силу получили; как надлежит, в то иль другое время года, всегда там веял ветер; планеты двигались вокруг путем благоприятным.

30. И никому не угрожала там опасность ни извне, ни внутри царства, ни от случая слепого; народ же соблюдал святой закон и верен был своим обетам: поэтому, казалось, наступила Критаюга.

Когда таким образом царь совершил, согласно со святым законом, свое жертвоприношение, утолил страдания бедняков и пресек все другие бедствия, его страна являла прекрасную картину счастья; народ был полон радости и неустанно повторял слова благословения царю, и слава его распространилась повсюду. И вот один из его главных министров, душа которого обратилась к вере, сказал царю такие слова:

«Поистине прекрасно говорится:

31. Имея постоянно дело с деячьями людей различных — высоких, низких или средних, — властители всех превосходят мудростью.

Это истина. Ты, государь, принеся, согласно со святым законом, жертву безгрешным, безупречным способом, избегнув умерщвления животных, доставил своему народу счастье в обоих мирах; окончены его несчастья, равно как и страдания бедности, и он направлен на стезю нравственной жизни. К чему же много говорить? Счастлив твой народ!

32. мех антилопы черной, что на тебя накинута, подобен знаку на луне; твои ограничения в состоянии *дикша* нисколько не ослабили естественную прелесть поведенья твоего⁴; прическа на твоей главе теперь не менее прекрасна, чем когда она была под царским зонтиком; своею щедростью ты отнял гордость даже у того, кто сотню жертв принес⁵: его лишил ты славы.

33. О мудрый, ничтожна, вредоносна жертва большинства людей, стремящихся к награде; а эта жертва, украшение славы, соответствует твоей моральной чистоте, чарующей своей безупречностью.

34. О сколь блаженна участь подданных, которым ты — защитник: ведь, несомненно, даже и отец не может стать таким защитником своих детей!»

Другой сказал:

35. «При наличии великого богатства люди обычно щедрость проявляют, надеясь на награду; а поведением нравственным стремятся к воздаянию в сем ми-

ре или жаждут неба, но проявление подобное обоим этих качеств — как у тебя, искусного в поступках ради ближних, не наблюдается у тех, кто не возвышен мудростью и бескорыстной добротой не блещет».

Таким образом, «чистых сердцем не склонить к дурным деяниям»; помня об этом, следует стремиться к душевной чистоте.

36. И поскольку стремление к благу подданных несет царям спасенье, счастье и славу, нельзя им отворачиваться от него.

[Так следует сказать в поучение царям. Еще следует добавить: возрастание праведности в народе ведет к благополучию; зная это, стремящийся к благополучию должен обратиться к праведности, а также следует рассказывать, что: «никогда вред, причиняемый живым существам, не ведет к благополучию, а лишь щедрость, смирение и самообуздание. Поэтому всякий, кто стремится к нему, должен проникнуться щедростью и прочими добродетелями».

Равным образом следует рассказать это, когда речь идет о Татхагате, говоря: «Наш Владыка еще в прежних своих рожденьях показал, что сердце его стремится к действиям на благо ближних».]

XI. ДЖАТАКА О ШАКРЕ

Ни несчастье, ни высочайший блеск могущества не ослабляют сострадания великосущных.

Вот как об этом назидательно повествуется:

Некогда Бодхисаттва, упражнявшийся в течение долгого времени в святых подвигах и во всей своей сущности проникнутый щедростью, смирением, самообузданием и состраданием, направлявший все свои дивные действия на благо ближних, явился в виде Шакры, владыки богов.

1. Великолепие богов владыки особым блеском засияло благодаря соединению с Великосущным; величие его еще пышнее расцвело: так месяца сиянье еще ярче освещает палаты, сверкающие свежей известью побелки.

2. Но блеск величия его, из-за которого сыны Дити¹ грудью ополчились против стремительных слонов диннага² с их бивнями, подобными пестам, — величье то, — хоть осененное блаженства полнотой и счастьем высоким, высокомерием не запятнало его сердце.

Не будучи в состоянии вынести его дивное величие и высочайшую славу, наполнявшую все миры и достигнутую им надлежащим управлением небом и землей, — полчища дайтьев выступили войной против него с огромным войском из слонов, колесниц, конницы и пехоты. И было это войско еще страшнее от своего вооружения, которым оно гордилось; оно издавало такой ужасный шум, как будто океан бушевал во время бури; так ослепительно оно сверкало своими доспехами и блестящим вооружением, что трудно было смотреть на него.

3. И хоть душа его проникнута была святым законом, однако же врагов надменность и опасенье за народ, чьи радости столь грубо были прерваны врагами, достоинство высокое и образ действий, вынуждавший его на путь державной мудрости вступить, заставили и Бодхисаттвы сердце к губительной войне склониться.

И вот Великосущный поднялся на дивную золотую колесницу, в которую была впряжена тысяча прекрасных коней; перед ней широко развевалось чудное знамя с изображением архата; на колеснице ярко блестели различные украшения и драгоценные камни; с обеих сторон ее блистало различное вооружение, ярко сверкавшее, острое и лежавшее так, чтоб всегда быть под рукой. Колесница была покрыта белым шерстяным покровом. Окруженный великим воинством богов, со слонами, конницей, пехотой и колесницами, пошел вла-

дыка богов навстречу войску демонов и встретился с ним на берегу океана.

4. И вот там разразился бой, уничтожая стойкость робких; и наносились страшные удары оружием, разбивающим доспехи.

5. «Постой! Не так! Сюда! Смотри! Куда теперь? Нет, от меня ты не уйдешь! Рази! Конец тебе!» — с такими кликами они разили там друг друга.

6. Когда в пылу сражения такой поднялся страшный шум, визг, лязг оружия, от грома барабанов и от криков, казалось, треснул свод небес.

7. И, опьяняясь ароматом своей мады, слоны бросались злобно друг на друга, ужасные, как горы, швыряемые ветром при разрушение мира.

8. Носились повсюду, зловещим облакам подобно, с резким громом колесницы; как молнии, вились на них знамена.

9. Над ратями богов и данавов³ летали стрелы острые, которыми они друг друга поражали, в знамена попадая и в царские зонты, в мечи и копья, в панцири, щиты и головы людей.

10. И вот, когда полки богов владыки, ужаснувшись стрел свирепых и мечей врагов, бежали, на поле брани он один лишь оставался, своею колесницей сдерживая полчища врагов.

Тогда Матали, возница владыки богов, увидя надвигающееся войско демонов, которое в чрезвычайной радости, пронзительно крича, с гиканьем и победными кликами летело вперед, в то время как войско богов думало только о бегстве, и, решив, что настало время для отступления, поворотил колесницу владыки богов. И вот во время бегства Шакра, владыка богов, увидел на хлопковом дереве несколько гнезд, которым грозило разрушение, так как они были как раз против дышла колесницы. Когда он увидел это, сердце его охватило страдание, и он обратился к Матали, своему вознице, с такими словами:

11. «На этом древе хлопковом есть птичьи гнезда, полные неоперившихся птенцов; так поверни же колесницу так, чтоб не упали на землю они, искромсанные дышлом колесницы».

Матали сказал: «Тем временем, о повелитель, нас постигнут полчища дайтев!» И Шакра сказал: «Ну и что же? Побереги, как подобает, эти гнезда». Тогда Матали снова сказал ему:

12. «О лотосокий! Единственное, что могло бы птиц спасти, то колесницы нашей поворот назад: но ведь давно уже, препятствий не встречая со стороны богов, на нас несется вражеское войско!»

Тогда Шакра, владыка богов, движимый состраданием, обнаруживая свой возвышенный образ мыслей и свою несравненную истинно благую природу, молвил:

- 13. «Так поворачивай обратно колесницу: уж лучше умереть мне от ударов ужасных палиц слуг владыки дайтев, чем жить бесславно, в поношение, создав эти погубив, охваченные ужасом и скорбью!»

И вот Матали, ответив: «Слушаю!», повернул обратно колесницу, запряженную тысячью коней.

14. Тогда враги, выдавшие в сраженье подвиги его, заметив колесницы поворот, охваченные ужасом, заколебались и подались назад, подобно черным облакам, гонимым ветром.

15. Хотя разбито было его войско, он, повернув обратно, путь преградив войскам врагов, сбил с них заносчивость и опьянение победой,— хоть был один,— своею неожиданной отвагой.

16. Когда же рать владыки небожителей увидела, что войско демонов заколебалось, то и она назад вернулась, а ненавистники богов бежали, охваченные ужасом — и в мыслях не было у них обратно повернуть.

17. Божественные десять троиц⁴ в смущении и радости почтили поздравленьями царя богов, затем

торжественно он отбыл с поля брани, блистая чудным пламенем победы ореола. Затем отправился в свою столицу, где жители дворца его тоской томилась.

Вот так была одержана победа в том сражении.

Поэтому и говорят:

18. Презренный зло творит по бессердечью своему; а средний человек, хоть и доступный состраданию,— когда бедой застигнут; но добродетельный в опасности смертельной даже своим воззрениям неспособен изменить, как неспособен океан свои оставить берега.

[Таким образом, пренебрегая божественным царством и самой жизнью, наш владыка давно уже защищал живых тварей. Зная, что достоинству мудрого противно не только обидеть дышащую тварь, но даже и помыслить злое против нее, благородный должен всячески стремиться к состраданию. Это же следует приводить, говоря, что добродетель охраняет того, кто следует по ее стезям, а также рассказывая о Татхагате и поучая благоговейно слушать святой закон.]

XII. ДЖАТАКА О БРАХМАНЕ

Душевная стыдливость не дает добродетельным преступить границы нравственного поведения.

Вот как об этом назидательно повествуется:

Некогда Бодхисаттва принял рождение в великой брахманской семье, безупречной по своему роду и жизни, пользовавшейся блестящей славой за свою преданность религиозному долгу и восхвалявшейся за безупречное поведение. По совершении над ним последовательно и надлежащим образом обрядов *гарбхадхана*, *пумсавана*, *симантоннайна*, *джатакарман* и других¹ он жил для изучения *Вед* у учителя, отличавшегося своей ученостью, происхождением и непорочною жизнью.

1. Живое усвоение знаний и память быстрая его, а также преданность [учителю], что отличала род его всегда, и твердость, даже в раннем возрасте спокойствием украшенная, ему расположение и любовь учителя снискали.

2. Ведь добродетели, когда их беспрепятственно и неуклонно проявляют, имеют чудодейственную силу стихов волшебных, воздействуя и на пылающих огнем вражды, тем более же на людей с сердцами непорочными.

И вот учитель, желая испытать нравственную высоту всех учеников своих, всякий раз в часы, когда его ученики отдыхали от изучения священного писания, говорил о том, как он страдает от бедности:

3. «Среди родни я одинок, и даже в праздник нет улады; ведь бедняка удел — бесплодные желанья. И как противно обращаться мне за подаяньем!

4. Всеобщего презрения источник и тяготы сурового труда, и отдаление от наслаждений жизни — несчастья, которые всегда нас угнетают, вот что такое недостаток средств, то страшный враг неумолимый».

И вот ученики его, словно добрые кони, поощряемые кнутом, из любви к учителю с чрезвычайным рвением стали собирать для него подаяния в еще большем количестве и лучшего качества, чем раньше. Тогда он обратился к ним с такими словами:

«Довольно вам маяться, друзья мои. Кусками, что бросают человеку как милостыню, невозможно прогнать нужду, которую породила бедность. Если вас действительно удручают мои тяготы, то вы должны приложить надлежащие усилия для приобретения богатства для меня, и вот почему:

5. Ведь голод пища утоляет, жажду же — вода; болезни изгоняют заклинанья и лекарства, а бедности страданья убивает лишь богатство, и за богатство почитают род наш люди»².

Ученики сказали: «Что же нам делать? О, как мы несчастны, что так ничтожны средства, которыми мы располагаем! Кроме того:

6. О, если бы приобретались богатства так, учитель, как милостыня подается нам, не потерпели б мы, конечно, бедствий тяжких, что терпишь ты от бедности своей.

7. Ведь есть у брахманов один лишь способ обрести богатство — неблагодарный способ получения в дар; народ же здешний скуп, и потому убиты мы безвыходностью положения».

Учитель сказал им: «Есть и другие средства приобретения богатств, они указаны в шастрах³; но старостью истощены наши силы, и мы неспособны применить эти средства». Ученики ответили: «Но наши силы, дорогой учитель, ведь еще не похищены старостью; поэтому, если ты полагаешь, что мы способны применить средства, указываемые в достойных книгах, то назови их. чтобы мы могли воздать тебе как следует за твои труды по обучению нас».

Учитель сказал: «Юношам, сердца которых слишком нежны для твердой решимости, трудно применять подобного рода средства приобретения богатства, но если тем не менее вы, друзья, настаиваете, то вот вам один, ведущий прямо к цели, путь к богатству.

8. Нам, брахманам, закон не возбраняет в несчастьи⁴ прибегнуть к воровству. А разве бедность не является несчастьем, тягчайшим в мире? И потому мы можем безо всякого греха чужою собственностью завладеть; ведь это все — имущество брахманов!

9. Конечно, и насильственно богатства отнимать хватило б силы у мужей, подобным вам; на этот путь, однако, не вступайте: ведь должно славу добрую свою хранить; поэтому решайтесь воровать лишь там, где нет людей».

Своею речью он словно снял узду со своих учеников, и они возгласами: «Прекрасно!» — приветствовали даже недостой-

ные его слова как достойные, и обещали поступать согласно с ними — все, кроме Бодхисаттвы.

10. Ведь по своей природной доброте не мог он этот путь одобрить; но так как все другие обещали учителя совет исполнить, не мог решительно он возражать ему.

От стыда опустив глаза, Бодхисаттва лишь слабо вздохнул и продолжал молчать. Тогда учитель, видя, что Бодхисаттва не выражает одобрения этому способу приобретения богатства, но и не возражает ничего, чрезвычайно высоко ценя высокие достоинства, заложенные в этом великом существе, стал раздумывать: «По какой причине, однако, он относится неодобрительно к воровству? По недостатку ли мужества, по отсутствию ли любви ко мне, или от сознания безнравственности такого поступка?» И, чтобы выявить истинный образ мыслей своего ученика, к нему он обратился со словами:

«О великий брахман!

11. Вот эти брахманы не в состоянии выносить мои страдания и решились вступить на путь мужей-героев, а ты холодным остаешься, ты не способен силу проявить; не мучают тебя страдания наши?

12. Известны все мои страдания; они огромны, их не скроешь, я много всем рассказывал о них; так отчего ж твоей души печаль, смущенье не коснулись? Как видно, остаешься ты спокойным?»

Тогда Бодхисаттва, с волнением обратившись к учителю, сказал: «О, нет! Не из отсутствия любви к тебе или по жестокосердию и не потому, что меня не мучают страдания учителя, я от других отстал; виной тому несовершенство пути, указанного учителем. Невозможно совершить где-либо дурное дело и остаться незамеченным! Ведь полного уединения не существует.

13. Уединенья в мире нет для тех, кто совершает злое дело: ведь разве существа невидимые нами, не зрят людей?

14. А мудрецы отшельники, душою чистые? Небесные их очи ведь всегда открыты! Глупец, не видя их, уж мнит себя в уединенье и предается злым делам.

15. Но я нигде не вижу места, безлюдного вполне; и даже там, где я других не вижу, и там ведь полного безлюдья нет. А я-то сам ведь существую!

16. Дурной поступок тот, который только наше «я» и видит; он явственней, заметнее всегда, чем если б видели его другие.

17. Чужое сердце преисполнено своих забот и может не заметить зла, творимого другим; но сами мы, в желаньи страстном сосредоточив мысли на одном, всегда ведь понимаем, что творим дурное.

По этой-то причине я и отстал от других».

И, увидев, что учитель обрадован до глубины души, Бодхисаттва снова промолвил такие слова:

18. «Мой разум никогда не примирится с мыслью, чтобы ты действительно хотел нас обмануть богатства ради; да кто ж, познав различие меж добродетелью и злым пороком, к уничтоженью добродетели повел бы для приобретения богатства?

Свое мнение я выскажу так:

19. Уж лучше с нищенскою чашею и в выцветшей одежде буду я смотреть на роскошь в доме недруга, чем, преступив свой стыд, склониться сердцем к разрушенью добродетели, хотя бы ради власти над богами».

Тогда его учитель, сердце которого было охвачено радостью и восхищением, вставши с сиденья, обнял его со словами: «Прекрасно, прекрасно, мой мальчик! Прекрасно, прекрасно, о великий брахман! Это так соответствует твоему уму, всегда украшенному спокойствием!

20. К цели стремясь при помощи каких угодно средств, лишь глупые оставить могут добродетели

стезю; богатство мудрых — подвиги и мудрость с знанием; не грешат они, впад даже в крайнюю нужду.

21. Тобою непорочный род твой приукрашен, как небеса поднявшимся высоко месяцем осенним; ты овладел священным знанием вполне и это доказал прекрасным поведением; мой труд вознагражден: увенчан он успехом».

Таким образом, «добродетельные по стыдливости душевной не преступают границы нравственного». Памятуя об этом, благородный должен быть силен своею стыдливостью.

Это же следует приводить также в пояснение сутр⁵ вроде: «так защищаемый стыдом благородный шравака⁶ оставит все дурное и совершит всегда благое» — и других сутр, а также в пояснение сутр, где речь идет о стыдливости и о том, следует ли в своем поведении руководствоваться мнением людей.]

ХIII. ДЖАТАКА ОБ УНМАДАЯНТИ

Даже мучимые жестокими страданиями добрые неспособны стать на путь низких, находя опору в своей высокой нравственной стойкости.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Некогда Бодхисаттва, как рассказывают, был царем шибийцев; преуспевая на благо народа в правдивости, щедрости, спокойствии, мудрости и других прекраснейших качествах, он, словно воплощенная праведность и воспитанность, был отцом своего народа, движущим вперед его благополучие.

1. От совершенья преступлений ограждаемый и укрепляемый в высоких добродетелях своим царем, как сын отцом, народ был полон радости в мирах обоих.

2. И суд его был нелицеприятен; не различал своих он и чужих и следовал во всем закону; закрыв народу беззаконий путь, он обратился как бы в лестницу, ведущую на небеса.

3. Плод добродетели народа — его благо; зная это, людей правитель был всегда одним лишь этим озабочен и, следуя стезею праведной, с душою, полною блаженства, другим не позволял он нарушать ее.

И вот у одного из знатнейших подданных этого царя была дочь поразительной красоты, которая считалась драгоценностью среди всех женщин; по необычайному совершенству ее фигуры и всей ее прелести она казалась воплощенной Лакшми или Рати¹, или же одною из апсар.

4. И тот, чей взор случайно падал на ее красу и кто не утерял способности любить, не в состоянии был взора оторвать, притянутый к ней блеском красоты.

За это ее родственники дали ей имя Унмадаянти («Сводящая с ума»). И вот отец ее уведомил царя:

«В твоём царстве, о государь, объявилась жемчужина среди женщин, поэтому да благоволит государь решить, возьмет ли он ее в жены или отвергнет». После этого царь повелел брахманам, умеющим различать счастливые приметы женщин: «Посмотрите дочь этого вельможи и решите, подходит ли она нам в жены или нет». Тогда отец ее, пригласив этих брахманов в свой дом, сказал Унмадаянти: «Доченька, прислуживай сама этим брахманам». Она, промолвив: «Слушаю!» — стала, как должно, прислуживать брахманам. И вот тех брахманов,

5. Глаза, едва лишь взоры их на лик ее упали, стали неподвижны, и бог любви унес их стойкость; не подчинялись им ни очи, ни рассудок, как будто в опьянении сознание потеряли.

Когда же они, потеряв голову, не в состоянии были сохранить твердость и благоразумие — куда уж там есть, — хозяин, удалив с их глаз свою дочь, сам стал прислуживать брахма-

нам и затем проводил их. И вот у них явилось такое соображение: «Поразительная красота девушки, как чудесное виденье, чарует душу; поэтому царь не должен даже видеть ее, а тем более не должен вступать с нею в брак. От ее дивной красоты он, несомненно, потеряет голову и с меньшим усердием станет заниматься своими священными и государственными делами, а упущения в обязанностях государя станут препятствием на пути народа к преуспеваю и счастью.

6. Она одним своим лишь видом может помешать стремлению к совершенству даже муни, тем более владыки юного, который, счастьем наслаждаясь, бросает взоры, алчущие удовольствий.

Поэтому целесообразно поступить нам так.

Приняв решение, они явились в надлежащее время к царю и заявили ему следующее:

«О великий государь! Мы видели эту девушку. Она чарующе прекрасна, но и только; есть у нее дурные приметы, предвещающие гибель и неудачу; поэтому ты, государь, не должен даже видеть эту девушку, а тем более вступать с нею в брак.

7. Порочная жена позорит славу и счастье родов обоих, как ночь, которая, скрыв месяц в облаках, окутывает тьмою всю красоту земли и неба».

Так дело было представлено царю. «Если у нее есть неблагоприятные приметы, как это мне говорят, то она не соответствует моему роду»,— подумал царь и перестал желать ее. Ее отец, узнав, что царь не требует девушки, выдал свою дочь замуж за одного из советников царя по имени Абхи-парага.

И вот однажды, когда настал праздник Каумуди², царь пожелал полюбоваться блестящей красотой праздника в своей столице. Взойдя на царскую колесницу, он поехал по городу; улицы и торговые ряды города были убраны и политы зодю; повсюду развевались разноцветные флаги и знамена; белые мостовые улиц были усеяны разнообразными цветами; повсюду были пляски, пенье, шутки, танцы, музыка; опьяняю-

ший аромат цветов, пудры, благовоний, венков, крепких напитков, пахучей воды для омовений, благовонных мазей наполнял воздух; дивные товары были выставлены для продажи; главная улица была запружена сияющими весельем толпами горожан и селян в роскошных одеждах. Совершая свою прогулку по городу, царь приблизился к дому того министра. Тогда Унмадаянти с гневом подумала: «А, так у меня неблагоприятные приметы, и потому, как говорят, я отвергнута царем!» — и, очень любопытствуя видеть царя, она стояла, сияя дивным блеском своей красоты и освещая плоскую кровлю дома, как молния освещает вершину облака. «Пусть же соберет теперь свои он силы, чтобы удержаться от смятения и сохранить свою стойкость и память, увидев ту, у которой дурные приметы», — подумала она. И вот взор царя, с любопытством наблюдавшего великолепие столицы, упал вдруг на нее, когда она стояла, обернувшись к нему лицом. Тогда царь,

8. Хоть вволю насмотрелся он на красоту прелестных женщин своего двора, хоть был смиренным он и, добродетель соблюдая, стремился одержать победу над страстями,

9. Хоть, обладая стойкостью высокой, был сдержан и стыдлив, хоть взор его испуган был созерцанием чужой жены, но все же долго он на женщину смотрел, не отрывая глаз и восхищая Каму.

10. «Не Каумуди ль это? Не воплощенное ли это божество сего дворца? Апсара ли она, иль дайтев дева? Ведь красота нечеловеческая это!»

Меж тем как царь так размышлял и глаза его не могли вдоволь насладиться созерцанием женщины, его колесница проехала мимо того места, где она стояла, не считаясь с его желаньями. И вот царь вернулся в свой дворец с опустошенным сердцем; его мысли были только с ней, вся его нравственная стойкость была похищена богом любви. Наедине он обратился к своему вознице Сунанде.

11. «Не знаешь ли, чей это дом был с белыми сте-

нами? И кто та женщина была, что там сияла, словно молния на белом облаке?»

Возница сказал: «Есть у государя министр по имени Абхипарага,— так это его дом и его жена, дочь Киритаватсы, Унмадаянти по имени». Когда царь услышал эти слова, то при мысли, что она — жена другого, его сердце упало, и взгляд его стал неподвижным.

И, вздыхая глубоко и жарко, терзаясь всей душой по красавице, он обратился к самому себе с такою речью:

12. «О, как идет ей это имя нежное, где каждый слог ласкает слух: „Унмадаянти!“ Своей чудесною улыбкою она меня ума лишила!

13. Забыть ее хочу — и словно вижу сердцем! Мое ведь сердце у нее, или, вернее, в нем царит она!

14. Сколь малодушен я — любить жену другого! Что за безумец я! Покинул стыд меня и сон!

15. Меж тем как ум мой восхищенный в созерцанье погружен улыбки ясной, взоров, красоты ее, вдруг раздается звон³ — тот дерзкий звук напоминает о течение дел других. О, в сердце у меня лишь ненависть те звуки порождают».

Таким образом, стойкость царя была потрясена силою любви. И хотя он старался прийти в себя, однако же его бледность и худоба, задумчивость и частые вздохи, зевота и весь вид его показывали ясно, что царь влюблен.

16. Сердечная болезнь, хоть стойко он скрывал ее, наружу выступала ясно и на лице его, и в худобе, и в неподвижном взгляде, исполненном задумчивости.

Тогда его министр Абхипарага, который был весьма искусен в истолковании изменений во внешности и выражении лица, узнав, что случилось с царем, и поняв причину этого, и из-за своей любви к царю весьма озабоченный опасностью, которая ему угрожала, так как он знал поразительную силу бога любви, испросил у царя разрешение поговорить с ним наедине и, получив его позволение, обратился к царю с такими словами:

17. «Сегодня мне, о царь, людей владыка лотосокий, когда я воссылал богам моления, явился якша и, подойдя ко мне, промолвил так: „Как же ты не догадался, что сердце государя принадлежит Унмадаянти?“

18. Промолвив так, он вдруг исчез, а я, задумавшись об этом, к тебе явился; и если правда это, государь, то почему же ты молчишь, откуда у тебя такое недоверье к слугам?

Поэтому благоволи, о государь, оказать мне милость, приняв от меня мою супругу».

Смущенный этим предложением, царь не мог поднять глаз от стыда, и хотя и находился во власти бога любви, однако благодаря знанию праведного закона, приобретенному долгим упражнением, его стойкость осталась непоколебленной, и он ясно и определенно отказался принять дар министра:

«Этого не должно быть. И вот почему:

19. Я не бессмертен и своих заслуг лишусь; кроме того, народ узнает о грехе моем; тебя ж в разлуке с нею любовь сожжет с такой же быстротой, с какой огонь сухой кустарник истребляет.

20. Такой поступок, что недоброе сулит в мирах обоих — том и этом, не совершит мудрец, хотя им наслаждается немудрый».

Абхипарага сказал: «Тебе не нужно опасаться нарушения закона.

21. Ты мне поможешь щедрость проявить и тем закон исполнишь, а если от меня ее не примешь в дар, тогда, даянью помешав, закон чарушишь.

Я не вижу здесь ничего такого, что могло бы порочить добрую славу царя.

22. Ведь, кроме нас двоих, никто об этом знать не будет, и потому ты изгони из сердца страх людского порицанья!

Для меня же это будет милостью, а не мученьем, потому что

23. Какое зло возникнуть может в верном сердце от чувства удовлетворенья, что совершил что-либо ты на пользу господину? Поэтому спокойно наслаждайся ты любовью, о государь, и о моих страданиях не тревожься!»

Царь сказал: «Ни слова больше о таком грехе.

24. Из-за любви великой ко мне ты, очевидно, забываешь, что ведь не всякое даянье помогает исполненью долга.

25. Кто для меня в своей любви высокой не ценит даже жизнь свою, тот друг мне, лучший родственник,—и я его супруге друг.

Поэтому не следует вовлекать меня в неблагоприятное дело. Что же касается того, что, как ты уверяешь, никто другой не узнает об этом деле, то разве от этого оно станет безгрешным?

26. Хотя б невидимо творил кто злое дело, как благоденствовать тот может? Ведь это словно яд принять незримо! Его увидят непорочными очами и небожители и святые йоги.

Чего же больше?

27. Кто поверить может, что ты ее не любишь, что не постигнет гибель и тебя, когда ты разлучишься с нею?»

Абхипарага сказал:

28. «С супругой и детьми я раб твой, ты мой господин и божество мое. Какое может быть, о государь, закона нарушение по отношению к рабе твоей?

Что же касается моей любви к ней, о которой говоришь ты,— что ж из этого?

29. Да, я ее люблю, о радостей податель, и потому я добровольно, сам хочу отдать ее тебе: ведь человек, отдав здесь дорогое, в том мире получает еще дороже что-то.

Поэтому благоволи, о государь, принять ее».

Царь сказал:

«Ни в коем случае! Это невозможно!

30. Скорее брошусь я на острый меч или в пылающий ужасным пламенем огонь, чем соглашусь поправить так добродетель, которой я обязан счастьем великим!»

Абхипарага сказал:

«Если государю неужгодно взять мою супругу, то я велю ей стать гетерой, любви которой может добиваться каждый, и тогда мой государь с ней сможет насладиться».

Царь сказал: «Да что с тобою? Как обезумел ты!

31. Оставивши невинную супругу, ты, безумец, получил бы от меня возмездье и, сделавшись предметом поношений, ты стал бы мучиться и в этом мире, и в ином.

Поэтому оставим эти бессмысленные речи. Образумься же».

Абхипарага сказал:

32. «Хотя бы то грозило нарушением закона, иль порицанием со стороны людей, или утратой счастья — всему навстречу я пойду с открытым сердцем: оно исполнено блаженства, доставив счастье тебе.

33. Не вижу в мире я огня великого, тебя превыше⁴, о земли великий повелитель! И Унмадаянти да будет вознаграждением моим жрецу; прими ее, как жрец, для усиления моих заслуг».

Царь сказал:

«Несомненно, стремясь действовать мне на пользу, ты по своей великой любви к нам не замечаешь, что добро и что зло для тебя самого; и поэтому я с особенным вниманием должен наблюдать за тобой. Ни в коем случае не следует безразлично относиться к порицанию людей. Смотри:

34. Кто к праведности безразлично относясь, заботиться не станет о порицании людском или награде в другом существованье, тому не станет доверять народ, и в мире том он без сомнения лишен блаженства будет⁵.

Поэтому я и говорю тебе:

35. Не соблазняйся преступить закон для жизни этой: великий грех здесь несомненен — сомнителен и незначителен успех.

Чего же больше?

36. Ввергать людей в несчастья такие, как порицание и тому подобное, и этим для себя добиться счастья — для добрых неприятно; пусть лучше, зло другим не причиняя, один я понесу все бремя личных дел, ничем закона не нарушив!»

Абхипарага сказал: «Да разве здесь может иметь место беззаконие, если я из преданности к господину действую ему на пользу, а государь принимает ее от меня в дар. Ведь все шибийцы, горожане и селяне, могли бы сказать: „Какое же тут беззаконие?“ Поэтому да благоволит государь принять ее!». Царь сказал: «Поистине ты всей душой хочешь сделать мне приятное, но нужно подумать еще и вот о чем: из всех шибийцев — горожан и селян, тебя и меня — кто из нас самый сведущий в святом законе?» Тогда Абхипарага в смущении сказал:

37. «Благодаря почтению к старшим, усилиям, затраченным на изучение священного писания, и остроте ума смысл истинный науки о трех целях жизни тебе открыт, о государь, как Брихаспати⁶».

Царь сказал:

«Поэтому-то ты и не можешь совратить меня [с истинного пути].

38. От поведения царей зависит благо и несчастье народа; вот почему, привязанность народа помня, останусь я на поприще благом, что соответствует и славе моей доброй.

39. Хорош ли, неудобен путь, которым бык идет, — коровы следуют за ним; так и народ: откинув острые преграды сомнений, он поведенью государя следует всегда.

Кроме того, ты должен принять во внимание следующее:

40. Ведь если б у меня не стало силы, чтоб охра-

нять и самого себя, в каком же состоянии оказался бы народ, который жаждет от меня защиты?

41. То зная и заботясь о благе подданных, равно как о святом законе и безупречной славе, я не хочу велениям сердца следовать: ведь я же вождь народа своего, я бык ведь в стаде!»

Тогда министр Абхипарага, умиленный в сердце своем этой стойкостью царя, поклонившись ему и почтительно сложив руки, обратился с такими словами:

42. «Сколь осчастливлены судьбою подданные, которых охраняешь ты, людей владыка! Такую преданность закону, пренебрежение к наслаждениям личным найти возможно ль даже в пустынях лесных!

43. О, как приличествует дивное название „великий“, в имени твоём, великий государь! Ведь если бы безнравственного добродетельным назвать, то это было бы насмешкою жестокой!

44. Но к чему мне изумляться иль волноваться пред великим подвигом твоим? Как океан сокровищ полон, так ты исполнен добродетелей, о государь!»

Таким образом, «даже мучимые жестокими страданиями, добрые неспособны стать на путь низких, находя опору в своей высокой нравственной стойкости» [и в своем прекрасном знании праведного закона, которому они неустанно следовали; помня об этом, надо прилагать все усилия для укрепления в нравственной стойкости и праведном законе.]

XIV. ДЖАТАКА О СУПАРАГЕ

Даже правдивое слово, имеющее в основе праведность, избавляет от беды; насколько же больше награда за самое праведность! Помня это, должно всегда следовать закону праведности.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Будучи Бодхисаттвой, Великосущный был, как говорят, чрезвычайно искусным кормчим. Такова ведь природная особенность бодхисаттв, что какую бы область науки или вид искусства они ни захотели изучить, благодаря врожденной проницательности ума они превосходят наиболее искусных людей в мире. Изучив движения светил, Великосущный никогда не ошибался в определении стран света; досконально зная приметы и предзнаменования, как постоянные, так и временные, он стал искусен в определении счастливых и неблагоприятных моментов; по рыбам, цвету воды, виду земли, птицам, горам и другим признакам он прекрасно умел определить любую часть моря; он был предусмотрителен, не поддавался сонливости; легко преодолевал усталость от холода, жары, дождя и других невзгод; обладал неусыпным вниманием и решительностью; благодаря своему искусству плавать по морям и благополучно возвращаться из плавания он водил суда купцов-мореходов всюду, куда бы ни пожелали. И так как его путешествия всегда были в высшей степени удачны, он получил имя Супарага, и город, в котором он жил, также назывался Супарага; и теперь он известен под именем Супарага. Даже когда он состарился, он считался несущим с собой счастье; поэтому купцы-мореходы, желая обеспечить себе удачу в путешествии, обращались к нему с почтительнейшими просьбами, и он по их просьбам садился на суда.

И вот однажды прибывшие из Бхарукаччи¹ купцы, торговавшие с Суварнабхуми², стремясь к успешному плаванию, явились в город Супарага и обратились к Великосущному с просьбой отправиться с ними. Он сказал им:

1. «От старости отнялось зрение у меня; под гнетом постоянных трудов тяжелых ослабела память: мне не хватает сил, чтобы позаботиться о теле собственном: какой же помощи вы ждете от меня?»

Купцы сказали: «Нам известно, в каком состоянии находится твое тело. Однако хоть ты и неспособен к тяжелому

труду, все же мы хотим взять тебя с собой, не для того, чтобы ты трудился, а вот для чего:

2. Ведь пыль, благоприятной ставшая благодаря прикосновению к лотосам — ногам твоим, корабль наш к счастью, к удаче поведет чрез это море, какими бы ни были огромными препятствия. С такими мыслями к тебе явились мы».

И вот Великосущный, из сострадания к купцам, хотя от старости его тело ослабело, взошел на судно тех купцов. Все были чрезвычайно обрадованы его прибытием. «Несомненно, теперь наше путешествие будет вполне успешным», — думали они. Постепенно они достигли великого океана, неизмеримого вместилища вод, где находился трудно достижимый Патала³, обиталище змиев и демонов. В океане кишели разнообразные рыбы; он издавал глухой рокот от движения беспокойных вод, так как его волнами играл, вздымая их, ветер; его дно было покрыто различными драгоценными камнями и горными породами; его поверхность была украшена гирляндами цветов из морской пены.

3. И вот они достигли моря, чей темно-синий цвет напоминал сапфиров груды, как будто это было небо, расплавленное солнца жгучими лучами. Со всех сторон водою окруженные, они земли не видели нигде.

Когда мореходы углубились так далеко в море, вечером, когда лучи солнца смягчились, утратив свою знойность, перед ними явилось нечто необычайное, необыкновенно страшное.

4. В одно мгновение океан стал страшным; казалось, сбросила вода молчания оковы; и разбивались огромные валы и рассыпались пеной; весь океан ревел, гонимый страшным ветром.

5. Ужасный ураган вздымал огромнейшие горы вод и гнал, вертел их с страшной быстротой; и принимал вид ужасный океан: казалось, земля с ее горами пришла в движение, как будто в день крушенья мира.

6. И солнцу путь закрыли тучи, темные, как змеи многоголовые; как беспокойные их языки, сверкали молнии-лианы, и раздавались страшные раскаты грома.

7. Окутанное тучами густыми солнце со снопом лучей своих блестящих все ниже опускалось и наконец зашло; воспользовавшись наступившим вечером, со всех сторон надвинулась тьма; и становилась она все гуще.

8. Стрелы ливня осыпали волн пучину, и океан, как в бешенстве, поднялся; корабль, словно испуганный, вдруг задрожал, повергнув в страх сердца всех мореходов.

9. Одни в унынии и страхе в изнеможение онемели; другие же отважно путь к спасению искали; иные к божествам от всей души горячие молитвы воссылали: природа каждого раскрылась в этот миг.

Корабль находился в полной власти у бурных волн, вздымаемых страшным ураганом, и мореплаватели в течение многих дней носились, не видя нигде ни берега, ни благоприятных признаков на море. Такое небывалое состояние морской стихии все увеличивало их растерянность, приводя их в ужас и отчаяние. Тогда Супарага-бодхисаттва обратился к ним с такими словами ободрения:

«В этом напряженном возбуждении, столь зловещем, нет ничего необычайного; ведь мы проникли в середину великого океана. Поэтому не нужно вам, уважаемые купцы, поддаваться унынию.

10. Ведь уныние — не средство от несчастья спастись; довольно предаваться малодушию и робости: лишь тот, кто с бодростью за дело взяться может, благополучно выйдет из всех бед.

11. Страхнув уныние и малодушие свое, беритесь вы за дело. Приспело время, к делу! Живая сила ведь, сверкающая бодростью душевной, — то руки мудрого, которыми хватает в каждом деле он успех!

Поэтому пусть каждый из вас со всем усердием принимается за свое дело!»

Этими словами Великосущный поднял бодрость духа мореходов. Они смотрели с тоской, не покажется ли берег и, взглянув вниз, в море, увидели существа, тела которых, совершенно похожие на человеческие, были словно одеты в серебряные панцири; они то поднимались на поверхность воды, то снова погружались в воду. Полные изумления мореходы, внимательно рассмотрев очертания их тел, обратились к Супараге со словами: «Впервые только здесь, в этом великом океане, нам встречается это знамение! Поистине.

12. Нам видятся воители там дайты в серебряной броне, ужасные на вид; их морды безобразны, как копыта; они то вынырнут, то вновь уйдут под воду, как будто там, в морских волнах, игрою забавляются они».

Супарага сказал: «Это не люди, не демоны — это ведь рыбы; поэтому не бойтесь их. Однако

13. Далеко удалились мы от городов обоих; ведь это море Кхурамалин⁴; поэтому старайтесь поскорей назад вернуться».

Но мореходы были не в состоянии повернуть обратно: ураган дул им в спину и, вздымая громадные массы воды, с неодолимым бешенством увлекал их корабль все дальше и дальше. И вот, двигаясь все вперед и вперед, они увидели другое море, массы белой пены которого сияли великолепием серебра. Пораженные изумлением, они сказали Супараге:

14. «Что это за море, которое волнами, в пене потонувшими, словно укутано покровом белым из дукулы; как будто смех там ширится повсюду, несущий месяца лучи расплавленные».

Супарага сказал: «Беда! Мы зашли слишком далеко.

15. Молочное то море под названием Дадхима-лин⁵; нельзя идти нам дальше, и, если можете, обратно возвращайтесь!»

Купцы сказали:

«Невозможно даже замедлить движение корабля, не то что повернуть обратно! Ведь быстрота течения необычайная, а ветер дует противный».

И вот, миновав и это море, они увидели новое; вода в этом море была красноватая, как огненное пламя; беспокойные волны его блестили подобно золоту. Пораженные изумлением и любопытством, купцы обратились к Супараге с вопросом:

16. «Огонь великий, пылающий высокими блестящими волнами, покрытыми румянцем, сияет, словно юных солнечных лучей краса чудесная. Скажи, какое это море?»

Супарага сказал:

17. «Зовется это море Агнималин⁶, оно повсюду славится. В высокой степени разумно было б нам назад отсюда повернуть!»

Таким образом, Великосущный сказал им только название этого моря и, по своей дальновидности, скрыл от них причину изменения цвета воды. И вот мореходы, миновав и это море, увидели еще новое море, цвет которого был подобен зарослям созревшей травы куша⁷; вода же, казалось, блистала сиянием топазов и сапфиров. С живым любопытством они обратились к Супараге с вопросом:

18. «Какое это море явилось теперь пред нашими глазами? Вода в нем цвета листьев куши перезрелой; словно цветы его украсили с узорчатою пеной волны, которые взметает страшной силы ветер».

Супарага сказал: «О почтенные купцы, нужно приложить все усилия, чтобы повернуть обратно: дальше этого места идти невозможно!

19. Ведь это море Кушамалин⁸; неукротимому слону оно подобно; неодолимыми волнами нас оно влечет и отнимает наш покой».

Однако бедные купцы, невзирая на крайние усилия, не могли повернуть корабль обратно, и, минуя это море, они увидели еще новое море, зеленоватая вода которого своим ви-

дом напоминала блеск изумруда и аквамарина. И они обратились к Супараге с вопросом.

20. «Блестящими волнами, как смарагд, зелеными, влечет корабль наш словно на прекрасный луг; весь океан украшен пеною чудесной, как бы цветами лотоса ночного. Какой же это океан предстал пред нашими глазами?»

Сердце Бодхисаттвы горело из-за несчастья, которое готово было обрушиться на купцов, и Великосущный, испустив глубокий вздох, медленно сказал им:

21. «Необычно далеко зашли вы; отсюда трудно нам назад вернуться; ведь это море Наламалин⁹, оно почти у края света».

Услышав это, купцы ужаснулись; они пришли в совершенное изнеможение, руки опустились; отчаяние наполнило их души, и они способны были только вздыхать. После того как они прошли и это море, под вечер, когда солнце со своим снопом косых лучей готово было погрузиться в море, они слышали доносившийся с моря ужасный, пронзающий слух и сердце шум; казалось, все море бушевало, или же беспрерывно рокотал гром, или же трещали охваченные пламенем тростниковые заросли. Услышав этот шум, пораженные страхом и необычайным душевным волнением, они вдруг вскочили и, озираясь вокруг, увидели, что огромные массы воды низвергаются вниз, словно там громадная пропасть или бездна; увидев это и оцепенев от невыразимого ужаса и отчаяния, они подошли к Супараге и сказали:

22. «Хоть слышится еще издалека сей страшный рев владыки рек¹⁰, охваченного яростью ужасной, но все же разрывает уши и мутит рассудок. Как будто в бездну страшную там низвергаются все воды океана. Какое ж это море? И что нам делать дальше, господин?»

В ответ на это Великосущный с волнением промолвил: «Горе! горе!» — и, посмотрев на океан, сказал:

23. «Зашли вы словно в самую пасть смерти, от-

куда нет спасенья: раз попав туда, никто не возвращается обратно — достигли вы зловещей Вадабамукхи»¹¹.

Тогда бедные купцы, услышав это, воскликнули: «Мы достигли Вадабамукхи!» — и, окончательно лишившись надежды на спасение, пораженные в самые души смертным ужасом,

24. Одни рыдали громко, другие стали причитать, кричать ужасно; иные же, не в состоянии предпринять что-либо, от ужаса рассудок потеряли.

25. С истерзанной страданиями душой иные обратились к богам: одни с особой ревностью перед богами владыкой Индрой преклонялись; другие адитьям, рудраам, марутам и васу, а также Сагаре молились¹².

26. Шептать различные молитвы стали там иные, другие же, как надлежало, преклонились перед Девы¹³; а некоторые, к Супараге подойдя, на разные лады печально, жалостно там в сетованьях изливались:

27. «Всегда спасал ты от опасностей в беду попавших! Ты полон добродетели высокой, сострадания к ближним. И вот теперь настал тот час, когда ты можешь проявить свою чудеснейшую силу.

28. Измучены мы, беззащитны, прибежища здесь ищем у тебя, о мудрый! Склони к нам сердце и спаси нас: ведь это яростное море своей Вадабамукхою нас жаждет поглотить!

29. Не может быть, чтоб равнодушно ты смотрел, как здесь в бушующих волнах мы гибнуть будем! Великий океан ведь не посмеет преступить веление твое; так запрети ж ему, уйми его жестокое волненье!»

Тогда Великосущный, сердце которого было исполнено муки от великого сострадания, обратился к тем бедным купцам со словом ободрения и сказал: «Даже и здесь есть еще средство спастись; оно открывается моему уму. Я применю его сейчас; поэтому вы должны на мгновение собрать все свое мужество». Купцы, услышав, что даже и теперь, по его сло-

вам, еще осталась надежда на спасенье, воспрянули духом и, полные вниманья, замолчали. Тогда Супарага-бодхисаттва, накинул на одно плечо верхнее платье, опустил на правое колено, с напряжением своих душевных сил почтил прекло-
нением всех татхагат, и обратился к купцам со словами:

«Будьте свидетелями вы, купцы, и вы, великие боги, обитающие в лоне океана!

30. Я, напрягая память, вспомнить не могу, чтобы когда-нибудь обидел тварь живую с тех пор, как помню я себя.

31. Пусть этим словом истины и силою моих заслуг корабль назад вернется, минуя Вадабамукху!»

И вот силою правдивости Великосущного и сияния его заслуг ветер стал дуть в противоположную сторону и вместе с течением повернул корабль обратно. Купцы, увидев, что корабль возвращается, пришли в неопишное изумление и величайшую радость и, с почтением поклонившись Супараге, известили его, что корабль повернул обратно. Тогда Великосущный обратился к купцам с такими словами: «Будьте тверды духом, друзья! Скорее поднимите паруса!» По его наставлению купцы, которым радость вернула силы и решимость, сделали все так, как он велел.

32. И вот уж раздается смех людей повеселевших; подобно чудным крыльям птицы, натянут белый парус, скользит корабль по волнам моря, блистая, словно лебедь на безоблачном и ясном небе.

Меж тем как при благоприятном ветре и течении корабль повернул обратно и с быстротой небесной колесницы, несущейся в воздухе, полетел как бы по своей воле, в то время, когда уж стал темнеть румянец заката на небе и повсюду стала распространяться густая тьма; когда небеса украсились звездами и, хоть и оставалось еще некоторое сияние на дороге солнца, началось уже владычество ночи, Супарага обратился к купцам со следующими словами: «Какое бы море вы, торговцы морские, ни узрели, начиная с Наламалин, вытаскивайте со дна его песок и камни и наполняйте ими суд-

но, сколько оно может вместить. Благодаря этому корабль, на случай если он снова станет добычей урагана, не накрепнется, а кроме того, этот песок и камни, которые считаются приносящими счастье, несомненно, будут вам к пользе и выгоде». И вот на более мелких местах, которые им были милостиво указаны божествами, сердца которых были преисполнены глубочайшим уважением и любовью к Супараге, купцы стали вытаскивать, как им казалось, песок и камни, на самом же деле бериллы и другие драгоценности и наполнили ими корабль. И в одну лишь ночь корабль достиг Бхару-каччи.

33. Когда настал рассвет, корабль был полон серебра, бериллов, золота, смарагдов, и, к берегам своей страны пристав с весельем, они в высокой радости почтили старца.

Таким-то образом «даже правдивое слово, имеющее в основе праведность, избавляет от беды; насколько же больше награда за самое праведность! Помня это, должно всегда следовать закону праведности». [Этот же пример следует приводить, поучая, какой опорой является добродетельный друг: «Кто имеет опору в добродетельном друге, достигает счастья».]

XV. ДЖАТАКА О РЫБЕ

Намерения тех, кто ведет добродетельную жизнь, имеют прекрасное завершение и успех даже в этой жизни, а тем более в будущей; помня об этом, следует стремиться к совершенной чистоте своего поведения.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Некогда Бодхисаттва был повелителем рыб в одном большом пруде, чудная вода которого была украшена белыми и голубыми цветами водяных лилий и лотосов, где красовались пары лебедей, уток, каранда и чакравака¹, а берег

весь был покрыт цветами и деревьями. Благодаря прекрасно развившейся у него еще во многих предшествующих рождениях привычке к деятельности на пользу других он, находясь даже в таком состоянии, всегда стремился доставить счастье и благо ближним.

1. Ведь силою привычки все дела, прекрасные и злые, внедряются глубоко в душу человека и притом так сильно, что в другом рождении он, как во сне, легко их совершает.

Сердце Великосущного было исполнено любви к рыбам, как будто к своим дорогим детям, и он выражал свое высочайшее благоволение к ним подарками, ласковыми словами, полезными для них делами и тому подобными действиями.

2. Он сдерживал желание рыб вредить друг другу и поощрял взаимную любовь; все силы прилагая и действуя умело, заставил их забыть свой прежний рыбий образ жизни.

3. Поэтому тот рыбий род, которым управлял он так, как подобает, достиг высокого благополучия, как город, избавленный от бедствий государем, который правит надлежащим образом страню.

И вот однажды, по недостатку ль счастья живых тварей или же по невнимательности божеств, которым поручено следить за дождями, вовремя не начались дожди. И от недостатка дождя пруд не наполнился, как раньше, свежою водой, желтоватой от пылицы распустившихся цветов кадамбы². Постепенно подошло знойное время года, и пруд, из которого, словно томясь от жажды, пили ежедневно и жадно, как будто измученные усталостью, и знойные лучи солнца, и изнуренная ими земля, и горячий ветер, жаждавший освежиться,— обратился в болото.

4. В невыносимый летний зной пылающее солнце и знойный ветер, как будто разражающийся пламенным дождем, и горячая, как бы больная лихорадкою земля,— все, словно в гневе, осушают воды.

И вот, когда рыбий род пришел в безнадежно отчаянное

состояние, Бодхисаттва, видя, что рыбы стали способны только лежать и дрожать от страха, находясь под угрозой не только со стороны птиц, живущих на берегу озера, но даже и со стороны вороньих стай, движимый состраданием, так стал размышлять:

«Увы, какая злая беда свалилась теперь на рыб!

5. Вода здесь исчезает с каждым днем, как бы соперничая с нашей жизнью, а тучи дождевые еще не скоро смогут показаться!

6. Бежать отсюда невозможно. Кто мог бы проводить в другое место нас? Несчастьем нашим привлеченные, сюда собрались все враги.

7. И несомненно, что когда последняя вода в пруду исчезнет и на виду окажутся все рыбы, враги их будут пожирать здесь на моих глазах.

Что же следовало бы нам совершить теперь?»

Размышляя об этом, Великосущный увидел только одно средство спасения от беды — свою великую правдивость. От сострадания его сердце было исполнено муки, и он, испустив глубокий, тяжкий вздох и подняв очи к небесам, промолвил:

8. «И, память напрягая, не припомню я, чтоб вред я причинил живому существу, хотя бы в крайней был нужде, и если истинны мои слова, то да пошлет же царь богов нам дождь и да наполнит он водой пруды сухие!»

И вот силою заслуг Великосущного и его правдивости, а также вследствие благоволения расположенных к нему богов, нагов и якшей, со всех сторон показались на небе в необычное для них время черные тучи³; они низко нависали под тяжестью воды, из них слышались глухие, приятные звуки грома; лианами молний были украшены их громадные темные вершины-головы, как будто они открывали рты; казалось, они обнимали друг друга, медленно склоняя головы и простирая вперед руки.

9. Как тени гор, те тучи черные темнели и, закры-

вая зеркало небес, ширь горизонта словно ограничив, распространяли всюду мрак вершинами своими.

10. И маюсы облаков, казалось, смеялись от сверканья молний, и непрерывно гром приятный издавали, и в звонких гимнах воспевали их павлины, от радости танцуя.

11. Как нити жемчуга, струилися дождя потоки; пыль улеглась; и от земли поднялся сильный аромат, повсюду разносимый ветром.

12. Хотя стояло лето и сила солнечных лучей особенно там возросла в то время, однако солнце скрылось; в долины устремились с гор воды потоки с полосами пены.

13. И молния весь мир ежеминутно золотистым бледным светом озаряла; ее лиана, радости полна, под звуки турьи⁴, что из облаков неслись, свой чудный танец исполняла.

И вот, как только начался ливень, когда светлыми потоками воды, хлынувшими со всех сторон, стал наполняться пруд, улетели стаи птиц — ворон и других; рыбы же, у которых вернулась надежда на жизнь, сразу оживились. Бодхисаттва, хотя сердце его и преисполнилось радости, однако опасаясь, как бы не прекратился дождь, снова и снова обращался в Парджанье⁵ с такими словами:

14. «Греми, Парджанья, ты раскатисто и глухо и прогони веселье, радость птиц; дождем пролей ты воды, жемчугу подобные, в которых отражаются своим пылающим сияньем молнии!»

Услышав это, Шакра, владыка богов, с величайшим изумлением в своем сердце явился перед глазами Бодхисаттвы и, благославляя его, промолвил:

15. «Поистине необычайной силою твоя правдивость обладает, о Великосущный, повелитель рыб! Ведь эти облака с приятным громом воду льют, как кувшины, тобою наклоненные!

16. Виновен был бы я в великой нерадивости, когда

б намереньям существ, тебе подобных и стремящихся всем сердцем к благу мира, на помощь не являлся я.

17. Поэтому отныне ты о будущем оставь заботы: ведь я готов всем сердцем помогать всем добрым в их делах благих, страна же эта, в которой пребывание находят добродетели твои, не будет больше никогда во власти бедствий».

Выразив ему одобрение свое столь ласковыми словами, Шакра исчез. А пруд этот наполнился до краев водою.

Таким образом, «намеренья тех, кто ведет добродетельную жизнь, имеют прекрасное завершение и успех даже в этой жизни, а тем более в будущей; помня об этом, следует всем сердцем стремиться к совершенной чистоте своего поведения».

XVI. ДЖАТАКА О ПТЕНЦЕ ПЕРЕПЕЛА

Даже огонь не в состоянии осилить слово, проникнутое правдой; помня об этом, должно всеми силами стремиться говорить правду.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Некогда Бодхисаттва был птенцом перепела в каком-то лесу. Только несколько ночей тому назад он вышел из скорлупы яйца, и его нежным крылышкам предстояло еще расти и расти; его крохотное тело было слабым и неразвитым. Он благополучно жил вместе с несколькими братьями в гнездышке, построенном с большими стараниями его отцом и матерью, скрытом в гуще травы и защищенном обвивавшими куст вьющимися растениями.

Даже в этом состоянии он превосходно знал святой закон праведности, и потому не хотел есть живые существа, которых приносили птенцам их родители, и жил только зернышками травы, плодами индийской смоковницы и тому подоб-

ной пищей. Вследствие такой незначительной и малопитательной еды его тело не росло; не развивались, как следует, и его крылья,— меж тем как другие молодые перепела, принимая всякую пищу, какую бы им ни приносили, окрепли и у них выросли крылья.

Таков ведь общий закон:

1. Кто ест, не размышляя о праведности иль неправедности, преуспевает тот; кто ж ищет жизни праведной и потому с разбором принимает пищу, тот тяжело страдает на земле.

[Наш Владыка сказал по этому поводу две гатхи¹: «Хорошо живетса бесстыдному...» — и так далее.

2. Прекрасно здесь живетса ворону бесстыдному, нечистому в делах, предрезкому и смелому; однако сколь греховна эта жизнь!

3. Но тяжело живетса честному, тому, кто ищет чистоты душевной, кто робок, боязлив и непорочной жизнью живет.

Эти две гатхи приведены в *Арьястхавирьяка-никае*².

И вот, когда они находились в таком состоянии, недалеко от их гнезда произошел ужасный лесной пожар: слышался страшный шум, поднимались огромные клубы дыма, над полосами пламени разлетались во все стороны тысячи искр; это было великое бедствие для обитателей леса и для лесной чащи.

4. Казалось, ветер, разметая и разбрасывая пламя, огонь плясать заставил, и языками пламени он исполнял различнейшие танцы, и реяла над ним всклокоченная грива дыма черного, и раздавался страшный треск; все это приводило птиц в смятение.

5. И под напором бешеного ветра трепеща, волнуясь, травы в страхе, казалось, разбегались по лесу; свирепый же огонь, настигнув эти травы, их массой блестящих искр воспламенял.

6. Испуганные стаи птиц взлетали ввысь, спасаясь от огня; металась всюду в страхе звери; и лес весь

в клубах дыма утопал, наполненный пожара шумом, казалось, он стонал от мук.

Постепенно пожар, словно подгоняемый вперед резким ветром, преследуя травы и лесные заросли, приблизился к гнезду перепелов. И вот молодые перепела, издавая беспорядочные, невнятные, исполненные ужаса крики, вдруг поднялись в воздух, каждый забыв думать о другом. Бодхисаттва же, вследствие крайней слабости и потому, что у него еще не выросли крылья, не сделал даже и попытки улететь; однако, сознавая свою силу, Великосущный несколько не смутился и обратился к огню, который в диком неистовстве скользил к нему, с такими дружелюбными словами:

7. «Пустой лишь звук, название одно — не ноги у меня, не выросли и крылья также. Тобой испуганные, улетели и отец и мать; ты видишь: здесь угощения нет, достойного тебя. Поэтому тебе прилично, Агни, отсюда повернуть назад».

Как только Великосущный промолвил эти слова, проникнутые правдой,

8. Огонь, хотя и подгоняемый все время ветром, хоть был среди кустарников, сухой травой заросших,—от слова этого мгновенно стих, словно достиг реки он полноводной.

9. И по сей день на Гималаях огонь пожара, той славной местности достигнув, хотя бы ветер раздувал его, подобно змею многоглавому, заклтому стихом волшебным, как будто медленно свивается, стихает.

Зачем это рассказано? То можно выразить в таких словах:

10. Как океан, волнуясь и пенясь, не покидает берега свои, или как правду любящий — учение, нам данное отшельником высоким, так и огонь не может преступить веленье истинно правдивых: поэтому не должно покидать нам правду.

Таким образом, «даже огонь не в состоянии осилить слово, проникнутое правдой»; помня об этом, должно всеми си-

лами, стремиться говорить правду. [Также должно рассказать это, говоря о Татхагате.]

XVII. ДЖАТАКА О ЧАШЕ

Употребление опьяняющих напитков есть ужасное зло, влекущее за собою много грехов. Помня об этом, добрые должны поэтому и других удерживать от их употребления, а тем более воздерживаться от них сами.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Некогда Бодхисаттва, сердце которого было проникнуто величайшим состраданием, который всегда всей душой стремился делать добро, доставлять удовольствие ближним, проявляя свои чистые стремления щедростью, смирением, самообузданием и тому подобными свойствами, был, как рассказывают, Шакрой, повелителем богов. И хотя у него было вволю чудеснейших небесных предметов для наслаждения, однако, по своему глубочайшему состраданию, он с неослабевающим напряжением стремился к деятельности на благо мира.

1. Обычно человек, вкусив пьянящего напитка счастья, даже о благе собственном не думает; но он, не опьяняясь и великим счастьем повелителя богов, всегда стремился к благу ближних.

2. В нем, как к родне своей, жило расположение к существам, измученным бесчисленными тяжкими несчастьями; и, опираясь на постоянство и на знание своей природы, не забывал творить он благо ближним.

И вот однажды Великосущный, озирая человеческий мир своим оком, проникнутым глубоким состраданием и дружелюбием, великим, как и его природа, увидел царя по имени Сарвамитра, который, опустившись от общения с дурными дру-

зьями, предавался употреблению опьяняющих напитков сам, а за ним и весь его народ,— горожане и селяне. Поняв, что царь не считал это грехом, и сознавая великую греховность употребления опьяняющих напитков, Великосущный был в глубине сердца поражен великим состраданием и впал в такие размышления:

«Увы, какая злая беда обрушилась на людей!

3. Вино вначале сладко и этим отвлекает тех, кто грех в нем видеть неспособен, от высшего блаженства, подобно восхитительному ложному пути.

Так что же мне делать в данном случае? А, я нашел!

4. Есть общее всем правило, что по своей природе народ стремится подражать стоящим выше; то зная, можно излечить царя: ведь он — источник и добра, и зла народа!»

Приняв такое решение, Великосущный своей чудесной силой принял величественный образ брахмана; его лик был цвета расплавленного золота; его волосы были спутаны и заплетены в косу, что придавало ему суровый вид; на нем было платье из мочалы и грубой кожи; в левой руке у него была умеренных размеров чаша, наполненная сурой¹; в таком виде предстал он, стоя в воздухе, перед царем Сарвамитрой, сидевшим в зале собраний со своими друзьями в то время, когда начались разговоры, какие обычно предшествуют питью суры, асавы, сидху, майреи² и меда. Все присутствовавшие, исполненные изумления и глубокого почтения, поднялись и, благоговейно сложив руки, выразили ему свое почтение. Он же обратился к ним, издавая глухой гром, как дождевая туча, насыщенная водой, и сказал:

5. «Вот чаша полная! Вокруг нее цветов гирлянда улыбается; единственная это чаша, всех чаш венец! Кто хочет эту чашу у меня купить?

6. Она в оправе словно — и обвила ее цветов гирлянда, которую, как бы шутя, колышет ветер; побегами прекрасными украшена она! Кто же из вас купить хотел бы эту чашу?»

Тогда царь, любопытство которого возросло от изумления, с глубочайшим почтением взирая на Бодхисаттву, смиренно обратился к нему с такими словами:

7. «Сияньем ты подобен солнцу восходящему, а прелестью—луне, своим же видом кажешься одним из муни; благоволи сказать нам, под каким ты именем известен в мире; блеск качеств дивных заставляет нас в догадках о тебе теряться».

Шакра сказал:

8. «Кто я, узнаешь ты потом; теперь же постарайся купить вот эту чашу, коль не страшишься мук в загробном мире и тяжких в этом мире бед».

Царь сказал:

«О господин! Свою продажу начинаешь ты невиданным мной прежде способом!

9. Изображение достоинств и сокрытие всех недостатков—вот в чем обычный в мире способ свои товары продавать.

10. Как ты же поступают все подобные тебе, которые боятся и чуждаются неправды; ведь добрые, и в крайней находясь нужде, оставить правду не хотят.

11. Поведай, высокоблаженный, что наполняет эту чашу, и что тебе подобный хотел бы получить от нас в обмен?»

Шакра сказал:

«Узнай, великий царь.

12. Нет, не водою, тучею пролитой, наполнена она, и не водой из мест священных омовений; не мед здесь ароматный, собранный с тычинок лотоса, не масло чудное, не молоко, что цветом—как лучи луны, в безоблачную ночь ласкающей роскошно распустившиеся лотоса цветы!

Послушай ты о силе зелья, что наполняет эту чашу.

13. Кто выпьет это, тот, пораженный опьянением греховным, сознание утратит и, двигаясь, на ровном месте даже будет падать; не станет различать, что

можно есть и что нельзя, и насладится всем. Вот чем наполнена вся до краев постыднейшая чаша! Ты покупай, она ведь продается!

14. Лишившийся рассудка человек, питьем из чаши опьяненный, уж действует без всяких размышлений; как бык тупой и неразумный, дает возможность он врагам смеяться над собой! Способен он пуститься в пляс перед собранием многолюдным, играя, как на бубне, на губах. Достоин купленным быть вами то, что в этой чаше,— отвратительное зелье!

15. Упившись им, привычную оставят даже всю душевную стыдливость люди, и, как ниргрантхи³, развязав стеснительные узы платья, прогуливаться медленно по улицам, где сборище народа,— вот это зелье в чаше, купить я предлагаю вам!

16. Упившись им и осквернившись выbleванной пищей, сознания лишившись, люди на улицах главнейших прямо спят и без боязни псы им лижут лица— вот зелье, налитое в эту чашу. Прекраснейший напиток этот продается!

17. Им насладившись, в опьянение даже женщина способна оковы наложить и на родителей своих; способна ставить ни во что супруга; хотя б он, как Кубера, был богат; так вот какое зелье скрыто в этой чаше!

18. Упившись им, сознание разрушив хмелем, роды Вришни и Андхака⁴, забывши родственные чувства, друг друга начали дубинками разить: ведь зелье то, что в этой чаше, всех ума лишает.

19. Высокоблагородные, великим счастьем блиставшие когда-то роды, пристрастившись к нему, погибли. Смотрите: вот оно — родов губитель богатейших, вот в этой чаше налито оно и продается.

20. Здесь в чаше то, что разрушает разум: упившись этим, во власти демонов как будто человек бывает; тупеет взгляд его, становится тяжелым; утрачи-

вает сдержанность язык; рыдает он, а после вдруг хохочет. О, несомненно, человек такой заслуживает общего презрения!

21. И даже пожилые люди, напитком этим помутив сознание свое, не могут удержаться на пути, ведущему ко благу; они бросают безрассудно ненужные, поспешные слова. И вот такой напиток в чаше продается мной. О царь! Ты эту чашу можешь взять, наполненную зельем.

22. По чьей вине когда-то боги древние, став беззаботными, из-за царя богов утратили высокое блаженство, и в поисках спасенья они все утонули в океане — вот эта чаша чем полна! Возьмите!

23. Благодаря ему неправду можно говорить нам столь же смело, как и правду, творить постыдное с такою ж радостью, как и достойное хвалы, дурное добрым находить и ложь считать за правду. Поистине, оно есть воплощение проклятья — вот что содержит эта чаша!

24. Купи же у меня сию родительницу зла, несчастье воплощенное, вместилище пороков, безумия науку, единственный и совершеннейший путь в ад; та, что ввергает разум в мрак ужасный.

25. Благодаря чему рассудка лишены, не думают о счастье, о будущем, становятся способными убить отца и мать или отшельника-аскета; возьми же, царь, купи ты у меня напиток этот!

26. Таков хмельной напиток этот, который в мире столь известен под названием сура, о государь богоподобный; в ком нет привязанности к добродетели, тот должен постараться приобрести его.

27. Им наслаждаясь, привыкают к дурному поведению люди и через это в ужасную пучину ада попадают, иль в состояние животного, иль в бедственное состояние претов⁵. Ну кто ж решился бы взглянуть хоть на него.

28. Ведь даже легкое возмездье за питье хмельных напитков губит разум и добрые задатки тех, кто человека путь проходит⁶, а далее за это люди попадают в ад Авичи⁷, пылающий огнем жестоким, или же в мир предков⁸, иль в состояние животного дурного.

29. На жизнь прекрасную оно нам не дает смотреть и славу добрую насильственно порочит, уничтожает стыд и оскверняет разум. Как видишь, это зелье все добродетели, что существуют, губит; так как же можешь ты еще сегодня пить хмельное, государь?»

И вот царь, уразумев благодаря хватающим за сердце убедительным словам Бодхисаттвы всю греховность употребления хмельных напитков и почувствовав отвращение ко всему хмельному, обратился к Шакре с такою речью:

30. «Ты говорил, как любящий отец сказать бы мог, за преданность и скромность награждая, иль как отшельник, знающий дела благие и греховные; так ты, желая мне добра, прекрасное прочел мне поученье: за это постараюсь я почтить тебя как должно делом!

Благоволи же, о господин, в благодарность за свои дивные слова принять от нас это выражение почтения:

31. Дарю тебе пять лучших деревень и сто рабынь, пятьсот коров и десять колесниц, прекрасными конями запряженные, ведь ты учитель мой, добра ты провозвестник!

Если же угодно, чтобы я сделал еще что-нибудь сверх этого, то да благоволит господин лишь приказать мне, и получит он больше этого».

Шакра сказал:

32. «Мне не нужны твои прекрасные деревни со всеми прочими дарами: узнай во мне богов владыку, царь. А провозвестника добра почтить ты должен тем, что внемлешь ты его словам и им последуешь отныне!

33. Ведь это — славы путь и счастья, а в жизни бу-

душей — отрада различнейших высоких наслаждений; поэтому, оставивши свое пристрастие к хмельным напиткам и опираясь на святой закон, ты насладишься царствием моим!»

Промолвив так, Шакра тотчас исчез. Царь же вместе со своими подданными — горожанами и селянами — прекратил употребление хмельных напитков.

Таким образом, «употребление опьяняющих напитков есть ужасное зло, влекущее за собой много грехов. Помня об этом, добрые должны поэтому и других удерживать от их употребления, а тем более воздерживаться от них сами».

[Это же следует рассказать, повествуя о Тахтагате, предпослав рассказу слова: «Таким образом, даже и в своих прежних рождениях Великосущный стремился к благу мира.»]

XVIII. ДЖАТАКА О БЕЗДЕТНОМ

Состояние домохозяина связано со стремлениями, враждебными спокойствию и нравственному поведению. Поэтому оно не доставляет радости заботящимся о своей душе. Вот как об этом назидательно повествуется.

Некогда Бодхисаттва, как рассказывают, принял рождение в одном богатом роде, который был славен своим добродетельным образом жизни и поведением и был высоко чтим в народе; родство с этим родом почиталось высокой честью, и был он словно освежающим источником для родовитых семей; его кладовые и сокровищницы были как бы собственностью всех шраманов и брахманов; дом его был всегда открыт для друзей и родственников; он доставлял пропитание беднякам и нищим; ремесленники находили там работу и покровительство; наконец, благодаря своему великому счастью и богатству род этот имел возможность выражать свою преданность и почтение к царю, принимая его у себя.

С течением времени Бодхисаттва вырос и с чрезвычайным рвением изучил различные отрасли науки, знание которых почиталось людьми особенно ценным, а также избранные им различные искусства. Благодаря такому образованию, радовавшей взоры красоте и знанию людей, которое он проявлял, не нарушая предписаний праведного закона, он завоевал сердца людей, как любимый родственник.

1. Ведь мы родных глубоко уважаем не потому, что нам они родные, и на чужих иначе смотрим, не как на близких, не потому, что чужаки они.

2. Найдем ли мы достоинства или пороки — от этого зависит, как будем относиться к человеку — с глубоким уважением или с презрением.

Когда Великосущный надлежащим образом познакомился с отречением от мира,

3. Постигнул он, что жизнь домохозяина стоит в противоречье со святым законом и со страданием связана из-за стремлений тщетных; постигнув также, что блаженство даруют пустыни лесные, он сердцем отвортился от нее.

До глубины своего сердца он был потрясен смертью отца и матери и после этого, раздав друзьям, родственникам, беднякам, шраманам и брахманам, каждому в соответствии с его заслугами, все свое имение — дом и громадные богатства, ценность которых равнялась многим сотням тысяч, он ушел из дому. И вот, проходя постепенно деревни, города, царства и столицы царей, он, наконец, пришел и поселился на лесистом холме в окрестностях какого-то города. Скоро он стал известен, так как благодаря его продолжительным упражнениям в созерцании спокойная ясность его чувств была совершенно естественной и искренней; речь его радовала слух и сердце и, хоть и свидетельствовала о глубокой учености, тем не менее была полна скромности; свободная от жалких удрученных сетований и своекорыстных надежд, она свидетельствовала о благовоспитанности, так как к каждому он обращался с вежливостью и сердечным радушием, и, кроме того,

в его речи проявлялось его умение различать согласное и несогласное со святым законом. Его поведение и вся жизнь аскета-отшельника были прекрасны и соответствовали наилучшим представлениям о добродетели. Когда же народ, относившийся к нему с большим любопытством, узнал, что он ради жизни отшельника оставил свой высокий род, его стали уважать еще больше.

4. Ведь добродетели нас привлекают больше, когда они блистают в человеке, высоком по рождению, как и лучи—побеги месяца, когда на чудную поверхность падают они.

И вот, узнав о его прибытии в ту страну, один из сверстников и друзей его отца, побуждаемый глубоким уважением к его достоинствам, пришел к нему и, предварительно осведомившись о его здоровье, представился ему как сверстник и друг его отца. Меж ними завязалась беседа, и, когда представился удобный случай, этот человек ласково промолвил:

«Мне кажется, о достопочтенный, что ты совершил легкомысленный поступок тем, что пренебрег семьей и продолжением рода и ушел в отшельники в столь юном возрасте.

5. Ведь те, кто ведает пути добра, блюдут святой закон и в доме, как в лесу. Зачем же ты, покинув дом богатый, направил помыслы на жизнь лесную?

6. Ты подаванием живешь, что получаешь от других из милости, народ относится к тебе с почтением не большим, чем к бродяге, отрепья носишь ты, лишен друзей, родных; собой пренебрегаешь ты в лесу.

7. Зачем ты сам себя отдал во власть страданий, как будто с бедностью обнялся воплощенной. Ведь даже у врагов бы появились слезы на глазах, если б увидели они то состояние, в котором ты находишься теперь!

8. И посему вернись ты в отчий дом! Тебе известны ведь его великие богатства. Там сможешь ты святой закон блюсти, а также сына добродетельного получить, осуществив свое желание.

Недаром в народе существует пословица:

9. „Дом даже бедного слуги, если он свой, как свежая вода, приятен; что говорить уж о дворце богатым и счастливым, который получить легко“».

Тогда Бодхисаттва, ум которого наслаждался отречением от мира, как дивным соком бессмертия, и сердце которого не лежало к этой жизни, прекрасно понимая разницу между жизнью дома и в лесу и чувствуя столь же мало удовольствия от призыва вкушать земных наслаждений, как сытый при упоминании о пище, сказал:

10. «То было сказано тобой, конечно, от любви ко мне, и потому меня не очень огорчило; не применяй, однако, слово „счастье“ никогда, когда ты говоришь о жизни в доме!

11. Ведь состояние домохозяина в высокой степени болезненно для богача и бедняка; для первого — от тягостей имущества охраны, а для второго — от усилия приобрести его.

12. Где счастья нет равно для бедняка и богача, там наслаждение — лишь ослепление, и плод его такой же, как и плод греха.

Что же касается твоего утверждения, что и в состоянии домохозяина вполне возможно исполнять святой закон, то, конечно, это правда; но мне кажется, это в высшей степени трудно, так как состояние это связано с действиями, противными святому закону, и требует множества изнуряющих хлопот. Подумай только господин!

13. Не должен домом обладать ни тот, кто никаких стремлений не имеет, ни тот, кто лжи не говорит, ни тот, кто наказания не применяет, ни тот, кто не способен унижать других.

Каждый, чье сердце привязано к домашним наслаждениям, все помыслы свои направляет на пути к их достижению.

14. Нет дома для того, кто обращается к закону праведному, а кто на дом направит помыслы свои,

куда деваться там закону? Ведь путь закона требует строжайшего покоя, меж тем удача в домоводстве лишь с применением энергии возможна.

15. И если жизнь домашняя стоит в губительном столь несогласии с законом, кто мудрый сможет ею наслаждаться? Кто раз презрел закон, желая наслаждаться, не сдержится для достижения еще больших наслаждений.

16. Жизнь в доме, несомненно, повлечет утрату доброй славы, мученья совести и бедствия; поэтому все мудрые и знающие жизнь ее рассматривают как противную закону, скорее как беду, а не как путь, ведущий к счастью.

Кроме того, мне представляется, что утверждение „жизнь в доме есть благо“, принято нами лишь на веру.

17. В страданиях бесконечных по приобретению имущества, его охране и так далее, в том состоянии, которое является единственной причиною для казней, пленения и бедствий, где даже у царей довольства нет богатством, как дождевой водой у океана,

18. Откуда или как, или когда быть может благо, коль не является оно тому, кто тешится игрой воображенья? Если стремятся к благу люди, привязанные к чувственным вещам, то это ведь безумию подобно, как если бы царапали мы рану, чтоб залечить ее!

Обычно же, скажу я, бывает так,

19. Что большинство живущих в доме становятся высокомерными благодаря богатству, от знатности — тщеславными, благодаря же силе — наглыми; страдания рождают злобу в них, а бедствия — уныние. Когда же здесь найдется время для спокойствия души?

Поэтому я прошу тебя примириться с моим положением.

20. Ведь дом является гнездом ужасных змей — тщеславия, высокомерия, безумья; он — гибель для блаженного спокойствия, вместилище страданий мно-

гих и тяжелых. Так кто же станет в нем искать опору, когда он обещает бедствия одни?

21. В лесу же, в этом доме, где желаний нет у человека, он наслаждается уединением, в спокойствие приходит сердце; даже на небе Шакры может ли найтись такое благо?

22. Поэтому предпочитаю жить в лесу я, отрепьями прикрывши наготу, питаюсь тем, что подают из милости другие, но не хочу я блага, связанного с нарушением закона, как мудрый пищи не захочет, к которой яд примешан».

Этой хватающей за сердце речью он вполне убедил друга своего отца, который выразил глубокое уважение к Великому, почтив его предложением прекрасного угощения.

Таким образом, «состояние домохозяина связано со стремлениями, враждебными спокойствию и высоконравственному поведению». Зная это, заботящиеся о душе покидают его.

[Это же должно приводить, поучая о высоких достоинствах отречения от мира, начиная поучение словами: «Тот, кто вкусил сладости отречения от мира, не прельщается земными наслаждениями».]

ХІХ. ДЖАТАКА О ЛОТОВЫХ СТЕБЛЯХ

Те, кто познал сладостное счастье отречения от мира, отвергают чувственные наслаждения как осквернение или оскорбление.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва принял рождение, как рассказывают, в некоторой великой и знаменитой, славной своими высокими добродетелями и во всех отношениях безупречной брахманской семье. У него было шесть младших братьев, которые по своим высоким качествам были достойны его и из любви и глубокого уважения постоянно подражали его возвышенным

добродетелям; была у него и сестра — седьмая. С чрезвычайным усердием изучив *Веды* с *Ангами* и *Упаведами*¹, он приобрел своей ученостью великую славу и необычайное уважение повсюду в народе. С величайшим почтением и любовью, словно за божествами, ухаживал он за отцом и матерью и как учитель или отец наставлял своих братьев в науках; кроме того, он обладал большим опытом в житейских делах и прекрасным воспитанием. Так он проживал в доме своих родителей. Когда пришел их час, он, глубоко потрясенный их смертью, исполнил печальные погребальные обряды и затем, по истечении нескольких скорбных дней, созвал своих братьев и обратился к ним с такими словами:

1. «Мучительную скорбь нам принося, всегда так был устроен мир, что смерть нас разлучает даже с теми, с кем мы прожили жизнь.

2. Вот почему желаю я уйти путем отшельника, достойным восхваленья, ведущим к высшему блаженству, прежде чем смерть, злой враг, меня погубит, привязанного к жизни в доме.

По этой причине я обращаюсь ко всем вам с такими словами наставления. Есть у нас, в нашей брахманской семье, состояние, принадлежащее нам по закону и приобретенное достойным образом; на это состояние можно жить. Все вы должны жить, как подобает домохозяину, во взаимной любви и уважении, с неослабным вниманием взвешивая каждый шаг свой — соответствует ли он добропорядочному и учтивому поведению; усердно занимайтесь изучением *Вед*, старайтесь предупреждать желания ваших друзей, гостей и и родственников, а выше всего ставьте святой закон.

3. Всегда должны блистать вы скромностью, усердно заниматься изучением *Вед*, в подаче милостыни видеть наслаждение; и тем, как подобает, домохозяина достоинство хранить.

4. И если будете вести такую жизнь, то возрастут и ваша слава добрая, и добродетель, и богатство — счастья основа, а в жизни будущей вы будете в бла-

женстве утопать; поэтому не проявляйте небрежения к установленным для домсхозяина».

И вот, услышав о его намерении оставить мир, его братья были поражены в самое сердце страхом перед предстоящей разлукой; глубоко опечаленные лица их оросились слезами скорби, и они, поклонившись, обратились к старшему брату:

«Меч скорби от разлуки с родителями нанес тяжелую рану, и она еще не зажила; ты не должен растравлять ее, как бы посыпая солью страдания, другой разлукой!

5. И до сего ведь дня в наших сердцах не затянулись раны от меча тоски по матери, отцу; поэтому, будь добр, о мудрый, воздержись пока от этого решения, не посыпай ты, словно солью, нашу рану!

6. Ведь если ты постиг несостоятельность привязанности к дому или что жизнь блаженная в лесу есть путь к конечному освобождению, то почему ж, оставив сырыми и без защиты нас, ты хочешь в лес уйти один?

Где твой путь, там и наш. Мы также покинем мир!»

Бодхисаттва сказал:

7. «Не испытавшие сами отречения, те люди, что наслаждениям телесным предаются, считают, что уход из мира — то же, что паденье в бездну.

Зная это, я удержался и не стал склонять вас к жизни отшельнической, хотя и сознавал отличие между жизнью в доме и в лесу. Поэтому, если это привлекает и вас, то мы все вместе оставим мир».

Так сказал он. И все семь братьев и сестра — восьмая, покинув великие богатства, наполнявшие их дом, и толпу проливавших слезы друзей, близких и родственников, удалились из дома для подвижнической жизни. Вместе с ними ушли в лес всем сердцем им преданные один их друг, служанка и слуга. Они поселились в одном огромном лесу, в лесной пустыне, возле большого озера дивной красоты, с чрезвычайно чистой синей водой, днем сияющего красотой пышно распустившихся дневных лотосов, а ночью словно улыбающегося мас-

сой расцветших белых лотосов, над которыми носились рой пчел. Каждый обитал в чарующей своим уединением сделанной из листьев отдельной хижине, которые были построены на некотором расстоянии друг от друга и скрыты от взоров тенистыми деревьями. В этих хижинах они проводили время, предаваясь исполнению принятых на себя обетов; их дух все время был погружен в созерцание. В каждый пятый день они сходились к Бодхисаттве для слушания наставления в святом законе. И он вел с ними различные, глубоко проникающие в их душу, высоконравственные беседы, наставляя их в созерцании, указывая на греховность земных наслаждений, всячески восхваляя удовлетворение, доставляемое самоотречением, порицая лицемерие, болтливость, леность и другие пороки, указывая путь к ясности и спокойствию души. Ушедшая вместе с ними в лес рабыня, исполненная глубокого уважения и преданности к ним, продолжала служить им. Нарвав лотосовых стеблей на озере, разделив их на доли и положив на больших лотосовых листьях на чистом берегу пруда, она, постучав деревянными палочками и возвестив этими звуками о часе принятия пищи, сама удалялась. После этого эти святые, совершив, как причисляется, молитву и возлияние, один за другим последовательно, начиная со старшего, подходили и каждый, взяв полагавшуюся ему долю стеблей лотоса, вкушал их надлежащим образом в своей хижине и потом проводил время, предаваясь всеми своими помыслами созерцанию. Ведя такую жизнь, они даже не виделись друг с другом, исключая время слушания наставлений в святом законе.

Их безупречный образ жизни и высоконравственное поведение, любовь к полнейшему уединению и склонность к созерцанию снискала им повсюду великую славу, и Шакра, владыка богов, явился туда, чтобы испытать их. Увидев, как все их помыслы направлены на созерцание, узрев их отвращение к дурным делам, отсутствие стремлений к наслаждениям и постоянство их дивного спокойствия, он, став еще более высокого мнения о их добродетелях, замыслил испытать их.

8. Без вожелений кто живет в лесу, стремясь к душевному покою, в сердцах всех добрых возбуждает тот глубокое почтение к добродетелям.

И вот, когда рабыня, нарвав и очистив лотосовые стебли, нежные и белые, как бивни молодого слоненка, разделила их на равные части и разложила на лотосовых листьях, блескших, как зеленые смарагды, украсила каждую часть, рассыпав тычинки и лепестки цветов лотоса, и затем, постукав деревянными палочками и тем дав знать мудрым отшельникам, что наступил час принятия пищи, удалилась, Шакра, владыка богов, для того, чтобы испытать Бодхисаттву, спрятав первую часть лотосовых стеблей.

9. Когда исчезнет счастье и наступит горе — тогда то, словно раскрываясь, познается сила стойкости душевной добрых.

И вот Бодхисаттва, приблизившись к месту, где находилась первая часть лотосовых стеблей и увидев, что его доля стеблей исчезла с лотосовых листьев, на которых она лежала, а листья были разбросаны, подумал про себя: «Моя доля лотосовых стеблей кем-то уже взята», — и с этой мыслью, без всякого волнения и гнева в сердце, вернулся обратно и, войдя в свою хижину, как и обычно, погрузился в созерцание. Не желая возбуждать неудовольствие, он не рассказал об этом никому из других мудрых отшельников. Другие же его братья, думая, что он уже взял свою часть, как обычно, один за другим взяли каждый свою долю стеблей лотоса и, съев их каждый у себя в хижине, предались созерцанию. Подобным же образом Шакра сокрыл часть лотосовых стеблей Бодхисаттвы и на второй, и на третий, и на четвертый, и на пятый день. И все время сердце великосущного Бодхисаттвы оставалось безмятежно спокойным, как и раньше.

10. Не прекращенье жизни, а душевное волнение считают смертью праведные; вот почему для сохранения жизни даже в душевное волнение не приходят мудрые.

И вот в полдень мудрые отшельники по своему обыкновению сошлись у Бодхисаттвы в его хижине для слушания святого закона и увидели, что его тело исхудало еще больше, щеки и глаза глубоко ввалились, прекрасные краски на лице поблекли и голос утратил свою прежнюю силу; однако, как ни был он истощен телесно, не истощились его душевное спокойствие, стойкость и добродетели, и на него было также приятно смотреть, как на молодой месяц. Приблизились к нему и, предварительно с почтением приветствовав его, обеспокоенные его видом, они обратились к нему с вопросом: «Что послужило причиной того, что ты так исхудал?» — Бодхисаттва поведал им все, что с ним случилось. И вот подвижники, неспособные подозревать друг друга в подобном безнравственном поступке, были сильно взволнованы его страданием и со словами: «О, горе, горе!» — стояли, опустив от стыда глаза вниз, ибо Шакра своею властью преградил им пути, которыми они могли уразуметь причину происшедшего, и они никак не могли решить, в чем тут дело. Тогда следующий за ним по возрасту брат Бодхисаттвы, обнаруживая свое волнение и душевную чистоту, произнес следующее необычайное проклятие:

11. «О, да получит дом, украшенный великого богатства знаками, супругу по сердцу, да будет же благословен детьми и внуками тот человек, о брахман, кто стебли лотоса твои похитил!»

Второй брат сказал:

12. «Гирлянды и венки, сандал, одежду, украшения, что будут трогать его дети, пусть носит, пусть будет крепко к наслаждениям земным привязан тот, о лучший из рожденных дважды, кто стебли лотоса твои похитил!»

Третий брат сказал:

13. «Да будет же домохозяином, приобретет пусть земледелием богатства и радуется лепету детей, пусть в доме наслаждается своим, не замечая, как уходит жизнь, тот, кто хоть раз похитил стебли лотоса твои!»

Четвертый брат сказал:

14. «Высокопочитаемый владыками людей, в поступке каждом ему, подобно слугам, подчиненными, склонив главу, дрожащими пред ним, да царствует над всей землей, как мира властелин, тот человек, который стебли лотоса твои из жадности похитил!»

Пятый брат сказал:

15. «Жрецом домашним у царя да будет он, да обладает знанием стихов священных и прочего всего, что отвращает зло; да будет у царя в высокой чести тот, кто стебли лотоса твои посмел похитить!»

Шестой брат сказал:

16. «Учителем, прекрасно изучившим *Веды*, да будет человек тот, и да собирается с великим уважением к подвижнику народ, чтобы выразить почтение к тому, кто здесь возжаждал лотоса стеблей, не добродетелей твоих!»

Друг сказал:

17. «Прекрасную деревню, четырежды обильную², в дар получивши от царя, пусть утопает в наслаждениях и встретит смерть, не победив страстей, кто жадность к лотосовым стеблям победить не смог!»

Раб сказал:

18. «Да будет сельским старостой и тешится среди друзей веселым пением и пляской женщин, не встретив неприязни от царя, тот, кто ради лотоса стеблей разрушил собственное благо!»

Сестра сказала:

19. «Блистающею стройностью и красотой женщиной да будет и станет пусть супругою царя, стоящей во главе гарема из тысячи прекрасных женщин, та, что стебли лотоса осмелилась похитить у подобного тебе!»

Рабыня сказала:

20. «Наедине и избегая добрых, пусть радуется, сласти поедая, и, угощение получив, в восторг при-

ходит та, кого здесь привлекли не праведность твоя, а стебли лотоса!»

После этого жившие в этом лесу якша, слон и обезьяна, пришедшие сюда, чтобы послушать наставление в святом законе, услышав эти слова, испытали крайний стыд и волнение. И вот якша, желая показать свою душевную чистоту, произнес такое проклятие:

21. «В обители великой Качангала³ пусть живет, надсмотрщиком пусть будет при постройках и над одним окном работает пусть много дней тот, кто ради лотоса стеблей здесь погрешить против тебя осмелился!».

Слон сказал:

22. «Пусть из лесов приятных попадет в среду людскую, закован будет там в шестьсот оков, и пусть испытывает боль от острого крюка погонщика кто стебли лотоса твои похитил, о лучший из отшельников премудрых!»

Обезьяна сказала:

23. «Пусть носит он венок цветочный и ошейник оловянный, трущий ему шею; избитый палкою, пусть ходит он мимо змеиной пасти⁴, пусть с цветов гирляндой, лежащей на плечах, живет в домах людей тот, кто стебли лотоса твои из жадности похитил!»

Тогда Бодхисаттва обратился ко всем ним с таким ласковым наставительным словом, которое показывало великую глубину его душевного спокойствия:

24. «Тот кто сказал, что будто бы исчезло, хотя ничто и не исчезло у него, пусть тот, усладами земными насладившись вволю, домохозяином умрет; пусть то же будет с тем, кто возымел бы подозрение против вас!»

Глубоким изумлением и почтением был проникнут Шакра, владыка богов, услышав их необыкновенные проклятия, свидетельствовавшие об их отвращении к земным наслаждениям, и он, приняв свой сияющий чудесной красотой вид, прибли-

зился к мудрым отшельникам и, как бы возмущаясь, сказал им:

«О, вы не должны так говорить!

25. И сон нейдет на ум тому, кто наслаждений ищет; жадной тоски душа полна в стремление к ним; великим напряжением и подвигами жаждут их достигнуть. Так почему же презираете вы их, „земными удовольствиями“ лишь называя?»

Бодхисаттва сказал:

«Земные удовольствия влекут за собой бесконечные страдания, о господин! Послушай, вкратце я тебе скажу, почему мудрые отшельники не восхваляют земных удовольствий.

26. Из-за услад земных приходят к людям пленение и жазнь, скорбь, изнеможение, боязнь и многие различные страданья; ведь ради них властители земли, святой закон в неистовом желанье нарушая, в том мире попадают в ад!

27. Из-за чего ослабевает дружба? Из-за чего идут путем, который загрязнен обманчивой житейской мудростью? Из-за чего доходят до потери доброй славы, а в мире том лишаются блаженства? Да разве же причина этих зол не удовольствия земные?

28. Все это помня, видя, что земные удовольствия ведут к гибели людей как низких, так и средних, и наивысших — и здесь, и в мире том, — как от змеи разгневанной, от них подальше стараются держаться мунни, которые своею дорожат душой, о Шакра!»

Тогда Шакра, владыка богов, радостно приветствуя эти слова Бодхисаттвы возгласом: «Прекрасно, прекрасно!» — и умиленный в сердце великодушием этих великих отшельников, сознался им в своей вине:

29. «Лишь испытаньем познается с несомненностью высокое значенье добродетели; поэтому для испытанья мной скрыты были ваши стебли лотосов.

30. Поэтому, как счастлив мир, найдя опору в мудрых мунни, владеющих неложной славою! Вот стеб-

ли лотоса твои, что доказали стойкость твоего святого поведения».

С этими словами Шакра подал лотосовые стебли Бодхисаттве. В ответ на это Бодхисаттва в скромных, но исполненных чувства собственного достоинства выражениях разъяснил неуместность и дерзость поступка Шакры.

31. «Мы не родня и не друзья тебе, мы не твои актеры и не шуты: так на каком же основании ты, о царь богов, к отшельникам подходишь с шутками такими?»

Услышав эти слова, Шакра, владыка богов, сиявший молниями, кольцами и диадемой, в волнении утратил свой божественный вид, с глубоким почтением поклонился Бодхисаттве и попросил у него о прощении:

32. «О незнакомый с себялюбьем! Я объяснил намерения свои, и это легкомыслие мое благоволи простить мне, как отец или учитель.

33. Уж такова природа тех, чьи очи для познания закрыты, они споткнуться и на ровном месте даже могут; меж тем как свойство мудрых — снисхождение. Поэтому не сохрани обиду эту в сердце ты».

Принеся таким образом свои извинения, Шакра исчез.

Таким образом, те, кто познал сладостное счастье отречения от мира, отвергают чувственные наслаждения как осквернение или оскорбление.

[Эту джатаку владыка объяснил так:

34. «Я, сын Шарадвати, Маудгальяна, Кашьяпа, Пурна, Анируддха, Ананда — все мы были братьями тогда;

35. Сестрой была Утпалаварна, рабыней — Кубджоттара, домохозяин Читра был тогда рабом, а Сатагири — якшей;

36. Слоном был Парилея, обезьяной — Мадхудатар, а Калодайин — Шакрой. Запомни: это объяснение джатаки!»⁵

XX. ДЖАТАКА О ХРАНИТЕЛЕ КАЗНЫ

Высокое уважение, оказываемое за добродетели, которыми в данное время не обладаешь, действует на добродетельных, как укол стрекала. Помня об этом, должно стремиться к накоплению добродетели.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Некогда Бодхисаттва был, как говорят, хранителем казны у одного царя: он был славен своею ученостью, происхождением, скромным поведением, возвышенным образом мыслей и совершенным умом; он честно вел дела, и благодаря прилежному изучению различных областей науки его изящная речь отличалась особенной красотой; он был сострадателен, обладал большим состоянием, и его богатства растекались во все стороны благодаря его щедрым даяниям; за все это он почитался сокровищем среди домохозяев.

1. И от природы праведностью наделенный ученостью он был украшен и прочими высокими достоинствами,—поэтому народ считал его единственно достойным уважения.

И вот однажды, когда Великосущный отправился к царю во дворец по какому-то делу, к нему в дом пришла его теща навестить свою дочь.

После обычных приветствий они стали беседовать, и вот теща наедине, предварительно осведомившись у своей дочери, супруги Бодхисаттвы, о ее здоровье, стала расспрашивать ее: «Не пренебрегает ли тобою супруг твой, моя доченька? Умеет ли он проявлять к тебе свое внимание? Не мучит ли он тебя дурным обращением?»

Дочь, в смущении опустив глаза, тихо промолвила:

«Такой, как у него, добродетельный характер и благородное обращение, трудно встретить даже у нищенствующего монаха. Кто же может сравниться с ним?»

Ее мать, у которой он старости ослабели слух и память, не поняла как следует эти слова дочери, которые к тому же были произнесены ею от стыдливости тихо и невнятно, и

при упоминании о нищенствующем монахе пришла в твердую уверенность, что ее зять стал нищенствующим монахом. Тотчас же она разразилась громкими рыданиями и, охваченная ужаснейшей скорбью, стала причитать и выражать свое соболезнование дочери:

«Что это за добродетельный характер и благородное обращение? Да разве добродетельный человек уйдет от мира, оставив на произвол судьбы свою любящую семью? Да зачем ему, наконец, уходить от мира?

2. Он нежен так, прекрасен, молод и от рождения глубоко привычен к наслаждениям, и государь его высоко ценит — так почему же ум его склонился к жительству в лесу?

3. Не видел от семьи своей он огорчений, и старость красоту его не унесла — так почему же он в одно мгновение и без боли оставил вдруг свой дом, в котором, как река, богатство льется?

4. Ведь он украшен скромным поведением и мудростью, любовью к добродетели и состраданием к ближним; каким же образом по отношению к своей семье подобный легкомысленный, жестокий шаг смог допустить он?

5. Он, столь внимательный к монахам — нищим и брахманам, ко всем, кто состоит под покровительством его, к друзьям, к родным, а также к обездоленному люду; он, видевший свое богатство в чистом, благородном поведении, — чего же, не достигнув дома, достигнуть хочет он, живя в лесу?

6. Покинув неповинную ни в чем и полную любви супругу, с ним связанную исполнением долга, как он не видит, что в своей высокой ревности к закону он преступает путь закона сам?

7. Увы, противна мне судьбы жестокость, раз можно преданных родных покинуть, или оставить сердцем сострадания путь для исполнения хоть капельки закона!»

Тогда супруга Бодхисаттвы, слушая эти жалостные, искренние сетования своей матери по поводу того, что ее супруг оставил мир, по своей женской природе была уязвлена всем сердцем и пришла в сильное волнение; смущение и замешательство отразились на ее лице, и, глубоко потрясенная нахлынувшей скорбью и горем, она, забыв, с чего начался разговор с матерью, решила, что ее супруг сделался нищенствующим монахом, и вот мать, услышав эту ужасную новость, пришла к ней в дом, чтобы ее утешить. Разразившись потоком страшных воплей и рыданий, молодая женщина пришла в совершенное иступление. Услышав об этом, домочадцы и слуги, в свою очередь потрясенные скорбью и горем, подняли страшный крик. Прослышав об этом, соседи, друзья, родственники и свойственники, живущие под его покровительством, брахманы и домохозяева, исполненные глубокой любви к хранителю казны, а также большая часть горожан собрались у его дома.

8. И так как он обычно разделял и радости, и горести людей, то и все люди, словно научившись у него, участниками стали радости его и горя.

И вот Бодхисаттва, возвращаясь из царского дворца и приблизившись к своему дому, услышал громкие крики и вопли, которые неслись из дома, и, увидев громадное скопление народа, велел своему слуге пойти и узнать в чем дело. Тот разузнал о случившемся и, вернувшись, сказал ему:

9. «Разнесся слух, что ты, о господин, оставив свой богатый дом, монахом сделался и нищим; о том услышав, из любви к тебе народ сбежался отовсюду».

И вот Великосущный был словно пристыжен в своей душе, чистой от природы. Взволнованный и смущенный, он впал в такое раздумье: «О счастье! Какого возвышенного мнения обо мне народ!

10. Когда народ почтил меня таким высоким мнением о добродетелях моих, останусь если я привязанным к домашней жизни, к чему тогда мне мужество мое?

11. Ведь может разойтись молва о склонности моей к порокам, неуважению, презрению к добродетелям, и в силу этого и мнение обо мне среди добродетельных изменится. Ну как же жить мне дальше в положении таком?

12. И посему я действием почту народа веру в добродетели мои, оставив дом, вместилище дурных страстей, из-за любви святой к подвижнической жизни».

После этих размышлений Великосущный вернулся и просил снова доложить о себе царю: «Хранитель казны снова хочет видеть государя».

Получив разрешение, он, войдя и с надлежащим почтением приветствовав царя, приблизился к нему. «В чем дело?» — обратился к нему царь. Он сказал: «Я хочу оставить мир, и потому да благоволит государь дать мне свое разрешение сделать это».

Тогда царь, взволнованный и крайне смущенный, с любовью обратился к нему со следующими словами:

13. «Я жив еще, ты для меня дороже всех друзей, родных... Из-за какого же несчастья ты уходишь в лес? И разве я не в силах устранить несчастье деньгами, либо мудростью житейской, либо великой силою моей?

14. Если нужду испытываешь в деньгах, возьми ты денег у меня; беда ль грозит откуда — ее я отвращу; меня, который с просьбой обращается к тебе, и всю родню покинув, на что другое помышления свои направишь и почему ты в лес уходишь?»

С такими словами, исполненными теплой любви и глубокого уважения, обратился царь к Великосущному, и тот в ответ на них ласково промолвил:

15. «Откуда может быть беда у тех, кого твоя десница осеняет? Иль о деньгах печальная забота? Поэтому я удаляюсь в лес не от страданий; узнай же то, что побудило к этому меня!

16. Повсюду слух разнесся, государь, что на себя

обет великий принял я. Людей большие толпы впали в скорбь, в слезах их лица,— поэтому хочу я жить в лесах безлюдных: ведь допускает весь народ возможность, что добродетелью такой я обладаю!»

Царь сказал:

«Не должен ты нас покидать из-за одних лишь слухов, распространившихся в толпе! Ведь блеск добродетелей, тебе подобных, не возрастает от того, что ты будешь заботиться о толках народа, равно как и не ослабевает, если ты оставишь их без внимания.

17. Родившись в воображенье своенравном, молва людская без узды повсюду бродит; и даже тот, кто стал бы близко к сердцу принимать ее, смешон бы был; что ж говорить о том, кто стал бы действовать, сообразуясь с ней?»

Бодхисаттва сказал:

«Нет, не говори так, великий государь! Разве не должны мы действовать согласно высокому мнению народа о нас? Взгляни, о государь:

18. Ведь если человек достигнет уважения людей, и назовут его все „мужем жизни праведной“, тогда муж добродетельный не должен ниже славы быть; хотя бы от стыда возьмет пусть на себя он это бремя.

19. Когда предположение высоких добродетелей в ком-либо себе находит подтверждение так или иначе, тогда оно сияет яркой славой, в противном случае оно подобно пересохшему колодцу.

20. А ложный слух о добродетелях, растущий без всяких оснований, расстроенный, разрушенный при испытании, разбить способен в прах людскую славу, и лишь с трудом она возникнуть сможет вновь!

21. Поэтому я покидаю и семью и состояние, которых — корень зол всех — нужно избегать, как черных змей, поднявших в злобе головы; тебе, о государь, не подобает ставить в этом мне преграды!

22. Ты предлагаешь деньги мне; из-за своей признательности и любви обычно так ты поступаешь по отношению к верным слугам. Но что, однако, мне, мир покидающему, деньги, с благами связанные, с низкими страстями?»

Этимися словами Великосущный убедил царя и, получив от него разрешение, отправился в лес.

И вот друзья, знакомые и покровительствуемые Бодхисаттвой люди, приблизившись к нему, заливались потоками скорбных слез и обнимали его ноги, стараясь его удержать. Некоторые, с мольбой протягивая к нему руки, преграждали ему путь; другие приветливо подходили к нему и, обнимая, старались увести его обратно по направлению к дому. Одни из любви обращались к нему с грубыми словами, понося его один так, другой иначе, другие указывали ему на друзей и родственников, что следует иметь сострадание и к ним. Одни прилагали все усилия, чтоб удержать его, связывая доводы рассудка с учением священного писания, доказывая, что состояние домохозяина — самое святое состояние; другие то описывали трудности жизни в пустыне лесной, то умоляли выполнить до конца лежавшие на нем обязанности, то говорили о сомнительности награды в будущем мире. И вот, глядя на противящихся его оставлению мира, настойчиво старавшихся удержать его от ухода в лесную пустынь своих друзей, лица которых были залиты слезами, он, несомненно, так думал:

23. «Те, кто друзьями признают себя, когда друг заблуждается, должны подать ему благой совет хотя бы и жестокий. Таким путем, согласным с праведным законом, идут все добродетельные; еще лучше, если их благой совет к тому же и приятен.

24. Каким же образом в умах их здравых мысль возникла, что дом сей — лучше пустыни лесной, что, ни о чем не думая, стремятся удержать меня от жительства в лесу, как будто бы оно с греховным связано?

25. Умершего, иль умирающего человека, или отпавшего от праведности — таких людей оплакивать нам должно; но почему они оплакивают и меня, живого, но желающего жить в лесу?

26. Если причина скорби их — со мной разлука, то почему бы им не жить в лесу со мною вместе? А если их домá для них милей меня, зачем же расточают они слезы?

27. Допустим, что любовь к семье не позволяет им теперь на путь подвижнический стать; так почему мысль о любви к семье им не являлась в битвах?

28. Их доблесть видел я в години тяжких испытаний; как будто ясно из потоков слез видна их дружба, к тому ж глубокие имеющая корни; однако здесь она близка к обману: они ведь не идут со мною вместе!

29. Как уваженье к человеку, достойному такого уваженья, когда они стремятся удержать его, их заставляет речь прервать и заливать слезами лица, а головы — склонять в поклонах,

30. Подобным образом любовь должна в них пробудить похвальное решение оставить мир, чтоб это не было игрой актеров, стыд вызывающей у праведных людей.

31. Найдутся два-три друга непременно у самого порочного, когда его несчастье постигнет; но чрезвычайно трудно друга даже одного найти. Тому, кто отправляется в лесную пúстынь, хотя бы был он добродетелью возвышен.

32. И даже те, кто, увлекая меня вперед в сраженьях, опасных от слонов безумных, теперь не оставляют мир, не следуют за мною в лес; да подлинно ли я все тот же и они все те же?

33. Не помню, чтоб по отношению к ним я совершил дурной поступок, который мог бы стать причиной охлаждения их любви; быть может, поведению дру-

зей причиной то, что, они думают, составит мое счастье?

34. Или отсутствие во мне достоинств тому причина, что в лес за мной не следуют они? В чьей власти разлучить сердца, привязанные добродетелью друг к другу?

35. К чему теряюсь я в догадках праздных, думая о тех, которые не видят пороков явных жизни в доме и пύстыни лесной достоинств: ведь очи знания для них закрыты!

36. Они не в состоянии покинуть наслаждения земные — страдания и здесь и в мире том причину; и вот теперь они все отвергают жизнь в лесу, тем наслаждениям враждебную, а также и меня! Да сгинет наважданье это!

37. Впоследствии я силою добра, что в пύстыни лесной приобрету, в конец соблазны мира сокрушу, которыми теперь друзья мои и люди так одурманены, что их сердца спокойствия не ищут».

38. И после этих размышлений Бодхисаттва, душою укрепившись в решении своем, все предложения друзей, хоть исходили из любви они, решительно отвергнув ласковой, приятной речью, в лесную пύстынь удалился.

Таким образом, «высокое уважение, оказываемое за добродетели, которыми в данное время не обладаешь, действует на добродетельных, как укол шпоры; помня об этом, должно стремиться к накоплению добродетели».

[Вот почему тот добродетельный муж, который за свои добродетели считается нищенствующим монахом или последователем Будды, должен стремиться к тому, чтобы действительно украсить себя прекрасными добродетелями этого состояния.]

Это же следует приводить, говоря о том, как трудно найти спутника в деле достижения добродетели.]

XXI. ДЖАТАКА О ЧУДДАБОДХИ

Гнева обузданием врагов смиряем мы и возбуждаем их — противным. Вот как об этом назидательно повествуется.

Однажды великосущный Бодхисаттва принял в сем мире рождение в одном великом брахманском роде, который широко прославился благодаря величию своих упражнений в добродетели, обладал значительным богатством, был уважаем царем и любим богами.

С течением времени он вырос, над ним были исполнены священные обряды, и вследствие постоянного упражнения в добродетели учения его имя скоро стало славно на собраниях ученых мужей.

1. Ученых слава на собраниях ученых расцветает, как сокровищ слава среди знатоков сокровищ, а героев слава — в битвах.

Благодаря знакомству с отречением от мира, проникновенному познанию закона, приобретенному в предшествовавших рождениях, и уму, просветленному мудростью, эта великая душа не находила улады в доме.

И вот он, покинув земные блага за тьму вражды, раздоров, тщеславия и мерзости, за их зависимость от царя, воров, воды, огня и неприятных родственников, за то, что они вызывали в нем неудовлетворенность и были преисполнены многочисленных грехов, отбросил их из любви к душе своей, как пищу, к которой примешан яд. Отказавшись от красоты волос своих и бороды и облачившись в выцветшее желтое платье¹, он отбросил обольщение домашней одежды и обратился к свету обетов и установлений отшельнической жизни. Из преданной любви к нему его супруга обрела волосы, и без всяких украшений на теле, украшенная только сиянием естественной прелести и добродетелей своих, облекшись в желтое платье, собралась отправиться за ним в пустынь. И Бодхисаттва, видя ее намерение — последовать за ним для отшельнической жизни и зная несоответствие нежности женщины с пребыванием в лесной пустыни, сказал ей:

«Милая, ты преданности глубину уж проявила, поэтому оставь свое намерение последовать за мной. Тебе приличествует жить там, где обитают отшельники другие. Ведь жилище в лесу сопряжено с трудом великим. Смотри:

2. На кладбищах, в заброшенных домах, в горах, в лесах, зверями дикими кишасих, отшельники, лишанные приюта, после захода солнца, где придется, на ночь остаются.

3. И к созерцанию стремясь, обычно в одиночестве они живут; даже от вида женщин их сердца отвращены: поэтому ты помысли направь на возвращение. Что пользы для тебя от сих скитаний?»

Она, принявшая твердое решение последовать за ним, со слезами, выступившими на глазах, сказала ему приблизительно следующее:

4. «О, если б мысль возникла у меня, что я устану от счастья тебя сопровождать, то разве я тогда б себе страдания причиняла и неприятное тебе, скажи?»

5. Но так как я не в состоянии жить, тебя лишившись, ты должен мне простить, что не исполню повеление твое».

Дважды, трижды он обращался к ней с такими речами, и, когда она все же не захотела возвратиться, Бодхисаттва молчаливо допустил ее следовать за собой.

Сопровождаемый ею, как чакравака своей чакравакой, он проходил деревни, города, селения. Однажды в какой-то уединенной, восхитительной лесной местности, украшенной чудными зарослями различных деревьев с густою тенью, как бы ласкаемой проглядывавшими кое-где лучами солнца, нежными, как лучи луны, и где поверхность земли была покрыта пылью различных цветов, он после полудня предавался созерцанию. Вечером, выйдя из глубокого сосредоточения мысли, он стал сшивать лохмотья одежды. И отшельница невдалеке от него, украшая собою подножие дерева, словно божество, блистая своей красотой, предавалась созерцанию, сосредоточивая внимание, как он ее учил.

И тамошний царь, посещая рощи, украшенные пышно разросшимися побегами, рожденными весною, наполненные жужжаньем пчел, роями носившихся в воздухе, оглашавшиеся радостными криками кукушек, изобиловавшие чарующими водоемами, украшенными смеющимися цветами лотосов и водяных лилий, освежавшиеся приятным ветерком, напоенным ароматом и благоуханием различных цветов, прибыл в эту местность.

6—7. Леса там доставляли радость сердцу. Они чудеснейшим ковром цветов блитали, что выткала для них красавица-весна, там раздавались крики громкие павлинов и самцов кукушек, поверхность водоемов цветами лотосов усыпана была, и на лужайках пробивалась нежная трава, и слышалось жужжанье опьяненных пчел в местах веселых игр любовных.

И царь, почтительно приблизившись к Бодхисаттве, после взаимных приветствий сел возле него в стороне. Увидев ту прелестную отшельницу, он, с сердцем, пораженным ее дивной красотой, подумал: «Это, должно быть, последовательница его во святом законе», и по своей легкомысленной натуре стал размышлять о способе похитить ее.

8. Он слышал о могуществе подвижников, в пламени гнева сжигающих проклятьями, и потому, хоть страсть ослабила в нем твердые устои, он не осмелился неуважение проявить.

У царя явилась мысль: «Нужно узнать могущество его подвижничества, тогда и можно поступить надлежащим образом, но не иначе. Если его сердце доступно для страсти к этой женщине, то, очевидно, в нем нет силы подвигов, а если он свободен от страсти и мало внимателен к ней, то в нем должна быть эта великая сила подвигов». Поразмыслив так, царь, стремясь узнать силу подвигов Бодхисаттвы, словно желая ему добра, обратился к нему с такими словами:

«Послушай-ка, отшельник, в этом мире не мало есть коварных насильников; не следует тебе жить в этих глухих лесах с этой твоей прекрасной последовательницею во святом

законе. Если кто-нибудь забудется по отношению к ней, то, несомненно, и тебя будут осуждать. Подумай:

9. Ведь если кто-нибудь в такой пустыне, презрев святой закон, а вместе с ним тебя, столь обессиленного подвигами, насильно бы ее увел, что оставалось бы тебе, кроме печали?

10. Предавшись гневу и терзаясь сердцем, поправ святой закон, ты погубил бы славу. Так лучше пусть она живет среди людей; к чему подвижникам соседство женщин?»

Бодхисаттва сказал:

«Правду сказал государь! Однако же следует тебе услышать, что я сделал бы при таких обстоятельствах.

11. Кто явится противником моим в приливе наглости или по глупости, тот, несомненно, пока я жив, уйти не сможет, как пыль от облака, поток воды несущего».

И царь подумал: «Он очень внимателен к женщине и, значит, лишен силы подвигов»,— и, презирая Великосущного, он, не боясь опасности с его стороны и находясь во власти любовной страсти, приказал слугам, назначенным надзирать за женщинами: «Идите и уведите эту отшельницу в мой дворец».

Услышав это, отшельница, словно настигаемая хищным зверем лесная лань, с выражением страха и смущения на изменившемся лице, с глазами, затуманенными слезами, прерывающимся от муки голосом пролепетала такие слова:

12. «Для мира, пораженного страданием, прибежище, отец,— земли владыка; кому ж он сам несчастье несет, кого тот призовет себе на помощь?

13. Увы! Покинули уж должности свои хранители миров, или их больше нет, или они во власти смерти, так как спасти несчастных не стремятся? Да и святой закон, я думаю, теперь лишь звук пустой!

14. Да что богам до этого, когда владыка, не тронутый моей судьбой, хранит молчанье; а следует ведь

и чужого даже защитить, когда злодеи с ним обращаются жестоко.

15. «Погибни!» — если бы такой проклятья молнией коснулся он скалы, то от ее твердыни остались бы одни воспоминанья; а между тем молчит он, хоть оказалась я в таком ужасном состоянии. Вот до чего я дожила, несчастная!

16. Или плохая если я, не стала разве более достойной сострадания, в подобное несчастье впав? Да разве сострадательное отношение к страждущим не путь подвижников святых?

17. Я опасюсь, что даже и теперь в твоей душе живет воспоминание о том, что не вернулась я, хоть ты и отсылал меня обратно, что даже неприятным для тебя путем хотелось мне приятного достигнуть. Увы, за то мне каково теперь!»

И вот отшельницу, которой оставалось только рыдать и изливаться в таких жалостных сетованиях, люди царя, по его приказанию, посадив на колесницу, увезли во дворец на глазах Великосущного.

Бодхисаттва же, подавив силу гнева силою своего спокойного размышления, так же как и прежде невозмутимо и с ясной душой сшивал свои лохмотья.

И царь сказал ему:

18. «Негодованием и гневом были полны слова, проникнутые силой, которые ты громко произнес. Теперь же, видя, как уводят ту прекраснолицую, бесшумным опечаленный, спокойствие хранишь?

19. Так покажи же рук своих великий гнев или могущество, накопленное подвигами! Ведь тот, кто, сил своих предела не учтя, без основания что-либо обещает, тот более сиять не может!»

Бодхисаттва сказал:

«Знай, великий царь, что не напрасно даю я обещанья!»

20. Кто в этом случае противником мне был, как ни старался он, не получил свободы от меня, и силой я

привел его к спокойствию; поэтому я не напрасно обещал».

И царь, почувствовав глубокое уважение к добродетели подвижника, вызванное спокойствием, свидетельствовавшим о поразительной твердости Бодхисаттвы, впал в раздумье: «Так говоря, этот брахман мыслил что-то другое; и мы по незнанию опрометчиво допустили ошибку». Размышляя так, он обратился к Бодхисаттве:

21. «Но кто другой был твой противник, который, всем стараньям вопреки, не скрылся от тебя, как не уходит пыль, поднявшись вверх, от тучи? Кто приведен к спокойствию тобой?»

Бодхисаттва сказал:

«Слушай, великий царь.

22. Когда родится он — мешает видеть, коль не родится — видят хорошо, — и мной он не был выпущен: то — гнев, своих носителей губящий.

23. Тот, чье рождение доставляет радость зла жаждущим, мной не был выпущен: то — гнев, врагов веселье!

24. При появлении которого и дело доброе не начинается, тот, слепоту несущий, гнев, о царь, я уга-сил!

25. Им побежденные теряют счастье, и даже благо, достигнутое раньше. Тот гнев, жестокому чудовищу подобный, уже рождавшийся во мне, я сокрушил вконец.

26. Как из сухого дерева, которое мы трем, огонь является ему на гибель, — подобным образом от ложных представлений в душе у нас ей на погибель гнев рождается.

27. И кто не угашает сердца пламя — свой гнев, когда он запылает, как огонь, — того исчезнет слава вместе с мыслью, что недостойн он, — как лотосоз ночных подруга, луны сиянье, на рассвете исчезает.

28. Как на врага на гнев кто смотрит, дурного

поведения других не замечая, того и слава, несомненно, расцветет, как месяца растущего краса.

А вот еще и другой великий недостаток гнева:

29. Не блещет он и украшениями осыпанный: ведь гнева пламя уносит красоты сиянье, и в сердце, гнева острою стрелой пронзенном, страдание мы видим, хотя бы этот человек покоился на драгоценном ложе.

30. Забыв благоприятную для счастья сторону, от гнева человек идет путем неправым, лишаясь через то награды — славы, подобно месяцу, который в темной половине свою красу теряет.

31. От гнева он бросается в погибельную пропасть, хоть удержать его пытаются друзья; обычно в глупую вражду вступает: ведь ослабевший разумом не различает, где добро, где зло.

32. И в гневе отдаваясь злым деяньям, оплакивает их среди бедствий сотни лет. Что больше этого враги могли бы сделать, хотя бы, злобой возбужденные, стремились причинить жестокий вред?

33. Наш гнев — враг внутренний, я знаю это. Какой же муж захочет выносить распространенье наглости его?

34. Поэтому не выпустил я гнев, хотя он бьется в сердце: как можно просмотреть врага, который вред такой приносит».

И царь, умиленный душою этим дивным, проникнутым высоким спокойствием, хватающим за сердце словом, сказал:

35. «Достойна твоего спокойствия великого такая речь! Зачем быть многословным? Я обманулся, не поняв тебя!»

Воздав ему таким образом хвалу и приблизившись к нему, он пал к его ногам и признался в своем грехе. И, спросив прощения у отшельницы, он отпустил ее; себя же самого предложил Бодхисаттве в слуги.

Таким-то образом, «гнева обузданием врагов смиряем мы

и возбуждаем их — противным»; помня об этом, следует прилагать усилия к преодолению гнева.

[«Так беззлобием смиряют злобу и благодаря самообладанию злоба не разрастается; так укротивший гнев действует обоим на пользу». В применении к таким и им подобным сутрам, предназначенным для восхваления терпения, должно рассказывать это; также в проповеди о греховности гнева и о величии Татхагаты.]

XXII. ДЖАТАКА О ЛЕБЕДЕ

Злые неспособны следовать поведению добродетельных, даже впадших в несчастье, а тем более пребывающих в благополучии. Вот как об этом повествуется.

Некогда Бодхисаттва был царем лебедей. Он повелевал огромной стаей лебедей числом в несколько сот тысяч на большом озере Манаса¹ и носил имя Дхритараштра. У него был военачальник, ум которого был изощрен в знании того, что есть правильное и что неправильное правление; он отличался также своей выдающейся памятью. Являясь краскою славного рода, он был украшен талантом, обходительностью и скромностью; он был настойчив, отличался чистотою своего поведения, образа жизни, поступков, а также своим мужеством; легко преодолевая усталость, он был предусмотрителен и искусен в ведении военных действий. За свою глубокую преданность господину он получил имя Сумукха. Оба они опирались на взаимную любовь, и их силы сияли от этого еще ярче; и подобно тому, как учитель с помощью лучшего ученика наставляет остальных учеников, или как отец со своим старшим сыном — остальных детей, так наставляли и они надлежащим образом эту стаю лебедей в делах, направленных к общему багу и безопасности, и возбуждали величайшее удивление среди наблюдавших это богов, нагов, якшей и видьядхаров.

1. Одно лишь дело занимало их обоих: то поддержанье счастья всех лебедей их стаи, как крылья заняты одним лишь делом — летящей в небе птицы поддержаньем.

И вот благодаря их заботам эта стая лебедей, как мир — благодаря распространению процветания и праведности, — достигла величайшего благополучия, и потому их озеро приобрело еще большую прелесть.

2. Приятны были крики этих лебедей, как звон колец у женщин на ногах, и ими озеро блистало, как будто было лесом движущихся белых лотосов покрыто.

3. Где рассыпались птицы друг от друга далеко, а где соединялись в стаи, и с ними озеро красу небес превосходило, украшенных рассеянными всюду облаками.

И, глубоко изумленные поразительною силою добродетелей этого царя лебедей, стремившегося к благу всех существ, и Сумукхи, его военачальника, толпы сиддхов, риши, видьядхаров и божеств повсюду наслаждались рассказами о славе их обоих.

4. Их дивные тела как будто бы из золота отлиты; и речь членораздельна и понятна, и добродетелью порождены их праведная жизнь и мудрое правление; кто же они такие — по внешности ведь только лебеди!

5. И в силу славных добродетелей, свободных даже от зависти людской, их слава всюду разносилась; доверье встретила она такое, что и в собраниях царей ценилась как подарок.

В это время в Бенаресе был царь по имени Брахмадатта². Он не раз в собрании слышал этот рассказ о поразительных добродетелях царя лебедей и его военачальника от достойных доверия советников и старейших брахманов, превозносивших их; и в нем возникло сильное желание их увидеть. Он обратился к советникам, ум которых был изощрен изучением многих наук: «Пустите в ход всю изощренность

ваших умов, чтобы найти какое-либо средство, с помощью которого предстали бы пред нашими глазами эти прекраснейшие лебеди». И тогда советники, направив всю силу своих умов по пути жизненной мудрости, сказали царю:

6. «На счастье надежда существа повсюду увлекает, о государь; быть может, слух о качествах высоких, сулящих счастье, сюда их привлечет.

Поэтому пусть повелит государь устроить здесь в какой-нибудь лесной местности озеро, превосходящее своею красотою то озеро, на котором, как рассказывают, обитают оба эти прекрасных лебедя; пусть, кроме того, ежедневно провозглашают дарование безопасности всем пернатым. Быть может, слух о достоинствах озера, сулящих счастье, вызовет у них любопытство и привлечет их сюда. Пойми же, о государь, ведь

7. Счастье обычно, от достижения утратив привлекательность, не замечается людьми, а удаленное от глаз, приятное нам лишь по слуху, влечет к себе сердца».

И царь, сказав: «Да будет так!» — повелел в кратчайший срок устроить не очень близко от пригородных рощ восхитительное большое озеро с совершенно прозрачной водой, богатством своих высоких достоинств спорившее с озером Манаса. Различные виды лотосов — падма, утпала, кумуда, пундарика, саугандхика, тамараса, кахлара³ — обнимали его воды.

8. Деревья, скрытые в цветах своих, прекраснолистные и колыхавшие блестящими ветвями, росли по берегам повсюду, как бы любуясь озером чудесным.

9. Роились пчелы в воздухе: их лотосы влекли, что на волнах колеблющихся колыхались и словно улыбались.

10. Ласкаемые лунным светом, те лотосы чудесные не спали; казалось, это были света лунного кусочки, деревьев тенью окруженные.

11. Пыльца прекрасных лотосов и лилий водяных,

отброшенная к берегу как будто пальчиками волн, украсила все побережье нитью золотой.

12. Поверхность озера была покрыта прекрасных лилий водяных и лотосов тычинками и лепестками, как будто подношение великой красоте они свершали.

13. И так была вода спокойна и чиста, что ясно в ней виднелись очертанья и окраска рыбьих стай, как будто в воздухе носящихся, то озеро собою украшавших.

14. Как нити жемчуга сверкали, взлетая в воздух, там из хоботов слонов воды фонтаны: казалось, волны то, о скалы ударяясь, в пыль рассыпались.

15. Мадой слонов, пылью цветочною, а также от омовений жен видьядхаров благоухал прекрасный водоем;

16. Казалось, это было зеркало большое всех звезд, жен месяца; и суета веселых птичек, их щебетанье наполняли воздух.

Приказав устроить такое озеро и предоставив его в неограниченное пользование всего рода пернатых, чтобы они могли там наслаждаться, царь повелел ежедневно для привлечения доверия птиц возглашать о даровании им безопасности в таких словах:

17. «Вот это озеро, вода которого покрыта лотосами и водяными лилиями, дарует царь пернатым и с радостью дарует безопасность им».

И однажды, когда с небес была сброшена темная завеса облаков и они показали во всей своей красе, разукрашенные осенью; когда озера чаровали взоры своей прозрачною водой и украсились лесом проснувшихся цветов лотоса, а месяц, достигнув наивысшей красоты юности, словно рассыпал во все стороны свои лучи; когда земля украсилась целым морем различных злаков и начались встречи молодых лебедей,— одна пара лебедей с озера Манаса, отделившись от той стаи лебедей и пролетая одну за другою чужие страны, украшенные осенью, прилетела в страну того царя. И там

они увидели это озеро, оглашавшееся криками птичьих стай; рой пчел носился над ним; оно благоухало от пыльцы водяных лилий и лотосов, разносимой во все стороны приятно прохладными, нежными дуновениями ветерка, который чуть-чуть колебал гирлянду волн; озеро словно пылало распустившимися водяными лилиями и улыбалось раскрывшимися цветами ночного лотоса. И хоть эта пара лебедей и привыкла к озеру Манаса, однако, когда они увидели восхитительную красоту этого озера, у них явилась мысль: «Вся наша стая должна перелететь сюда».

18. Обычно так ведь у людей бывает: когда они достигнут блага, всем доступного, их память по внушению любви всех прежде обращается к друзьям.

И вот эта пара лебедей провела там время в удовольствиях, как ей хотелось; а когда началось время дождей и стали надвигаться, подобно полчищам дайтьев, громады туч, неся тьму, хоть и не очень густую, так как ее, словно метательное оружие, прорезали сверкающие молнии; когда стали плясать стаи прекрасных павлинов, широко раскрывавших чудные перья своих хвостов и издававших громкие радостные клики, словно радуясь победе облаков; когда начали громче щебетать маленькие птички; когда приятное свежее дуновение ветерка, словно дыхание леса, наполнилось благоуханием цветов кадамба, сарджа, арджуна и кетака; когда стаи молодых журавлей стали виднеться, как ряд белых зубов на фоне облаков, и стаи лебедей преисполнились стремлением улететь и от этого желания выпускали слабые нежные крики, в это время та пара лебедей вернулась на озеро Манаса. Приблизившись к повелителю лебедей и поведав о чужих краях, они стали описывать исключительные достоинства нового озера:

«Есть, о государь, к югу от Гималаев в Бенаресе царь по имени Брахмадатта. Поразительного, дивного вида и красоты, неописуемых достоинств и великолепия большое озеро даровано им в распоряжение пернатых, чтобы они наслаждались как хотели, и ежедневно там объявляется об их безо-

паисности. И птицы развлекаются там без страха и опасений, как у себя дома. Посему да благоволит царь, когда минет время дождей, отправиться туда».

Услышав это, все лебеди почувствовали сильное желание увидеть это озеро. И Бодхисаттва, вопросительно посмотрев на своего военачальника Сумукху, промолвил: «Как ты смотришь на это?» Сумукха, поклонившись ему, сказал:

«Я полагаю, не следует государю отправляться туда. Эти соблазнительные восхитительные красоты являются только приманкою; с другой же стороны, у нас здесь нет недостатка ни в чем. Ведь сердца людей прикрывают свою низость деланно приятным обхождением и речами; по большей части они фальшивы и под нежным состраданием скрывают коварство. Посмотри, о мой повелитель!

19. Животные и птицы что держат в сердце, то и криком выражают; лишь люди могут говорить не то, что думают.

20. Их речь сладка, изящна, безупречна: ведь и купцы готовы на издержки в надежде прибыль получить!

21. Поэтому-то им за эти свойства, государь, доверия оказывать не должно: не может быть благополучным даже ради достижения цели этот опасный, ложный путь!

Если же действительно необходимо отправиться туда, то, насладившись сладостью дивных красот этого озера, нам там долго оставаться не следует, а о поселении там нельзя допускать и мысли — таково мое мнение».

Но Бодхисаттва, настойчиво упрашиваемый своей лебединой стаей, в которой чрезвычайно возросло желание видеть Бенаресское озеро, снизойдя на просьбы лебедей, в одну осеннюю ночь, украшенную звездами, созвездиями и яркой луной, отправился в путь, окруженный великой стаей лебедей во главе с Сумукхой, как месяц, окруженный толпою осенних облаков.

22. Увидев прелесть озера, они пришли в восторг

и изумленье; когда ж они, прекрасные, очаровательными группами спустились на воду, то с озера красой сравнивались.

23. И так как озеро прекрасней было по местоположению своему чудесному, чем Манаса, то всеми мыслями своими лебеди к нему и привязались, и в мыслях Манаса у них не долго оставался⁴.

Слушая, как объявляется о безопасности, и наблюдая полную свободу живущих на озере птиц, видя дивную красоту озера, лебеди радовались всем сердцем и, наслаждаясь как бы прогулкою в увеселительном саду, они дошли до крайних пределов радости. Между тем люди, приставленные к этому пруду, известили царя о прибытии туда этих двух лебедей: «Появились, о государь, на нашем озере лебеди, обладающие такой же красотой и достоинствами, как и те дивные лебеди, о которых рассказывают; их крылья светлы и блещут, как золото; красота их ног и клюва своим блеском превосходит золото, величина их стройных тел превосходит обычную, они окружены несколькими сотнями тысяч лебедей; они язились словно с тем, чтобы украсить государево озеро». И царь, выбрав из своих птицеловов одного, пользовавшегося великою славою за свое искусство в ловле птиц, возложил на него почетное поручение — поймать этих лебедей. Тот, ответив: «Слушаю!» — и выведав надлежащим образом, где плавали и отдыхали те двое лебедей, расставил в разных местах крепкие, хорошо скрытые сети. И меж тем, как лебеди, доверившись обещаниям и не боясь опасности, плавали и бродили всюду, возбужденные глубокой радостью, Бодхисаттва, царь лебедей, попал лапою в сеть.

24. Всех тех, кто страх перед опасностью забыл благодаря людей поступкам хитрым, внушающим к себе доверье, приводит к гибели доверчивость слепая, из-за которой возникает беззаботность.

Меж тем Бодхисаттва с мыслью: «Да не постигнет здесь подобное же несчастье еще кого-нибудь другого», — известил особого рода криком об опасности озера. И лебеди, глубоко

пораженные пленением своего царя, с беспорядочными, нестройными криками страха, не заботясь друг о друге, словно воины, у которых убит великий вождь, взлетели к небу. Сумукха же, военачальник лебедей, не покинул своего царя.

25. Сердца друзей, что связаны любовью, не помышляют об опасности, грозящей жизни собственной: опасности им тяжелее скорбь от муки злой их друга.

И Бодхисаттва обратился к нему:

26. «Иди, иди ж, Сумукха, тебе не следует здесь медлить! Как можешь оказать ты помощь мне, когда в подобном положении сам я оказался?»

Сумукха сказал:

27. «Не несомненна смерть моя, если останусь здесь; если ж уйду, то не избежну старости, бессмертья не достигну; я в счастье тебе служил всегда, и впавшего в несчастье, о высокий повелитель, как мог бы я тебя оставить?»

28. А если только для спасенья жизни собственной тебя оставляю я, о царь пернатых, то от потоков порицаний что меня укроет?

29. Закона нет такого, великий царь, чтоб я способен был тебя покинуть в злом твоём несчастье; каков бы путь твой ни был — он и меня влечет, о повелитель тех, кто воздух рассекает!»

Бодхисаттва сказал:

30. «Какая же судьба иная, как не кухня, того постигнет, кто попался в сети? И как она могла б привлечь тебя, свободную и здравомыслящую птицу?!

31. Какую ж пользу видишь ты для самого себя, иль для меня, иль для родных всех остальных в совместной нашей смерти?

32. Где же тут польза? Я ее не вижу, как в темноте черновое от ровного не отличить. В подобном положении жизнь отдавая, какую цель имеешь ты в виду?»

Сумукха сказал:

33. «О, как же ты, прекраснейший из лебедей, в святом законе пользы сам не видишь? Закон ведь, почитаемый как должно⁵ приносит пользу наивысшую всем людям!

34. Я вижу и закон, и пользу, что вытекает из закона. С тобой, высокий повелитель, любовью связанный, сам не стремлюсь я к жизни!»

Бодхисаттва сказал:

35. «Поистине, закон то добродетельных, что друг в несчастии не должен друга покидать; и, для спасенья жизни закон сей помня,

36. Почтил и ты святой закон, любовь ко мне ты проявил; теперь мою последнюю исполни просьбу: уйди — на то даю тебе соизволение!

37. Теперь, когда подобное случилось, что наши други-лебеди меня лишились, тобой, о мудростию одаренный, да будет же восполнена утрата!»

38. Меж тем как от любви взаимной они друг с другом говорили так, нишадец⁶ показался, как будто воплощение смерти к ним явилось.

И оба дивных лебедя, увидев приближающегося нишадца, замолчали. А он, увидев, что лебединая стая улетела, подумал: «Должно быть, кто-нибудь попался там», — и, обходя одно за другим места, где были расставлены сети, увидел тех чудных лебедей. Глубоко пораженный их видом и красотой, он, думая, что оба они пойманы, стал поднимать сети. И, увидев, что один пойман, а другой, не пойманный и совершенно здоровый, сидит возле него, он еще более изумился в сердце своем и, приблизившись к Сумукхе, обратился к нему:

39. «Ну, эта птица сетью крепкой лишена свободы двигаться, и в воздух потому она не поднялась, когда я к ней стал подходить.

40. Но ты ж не пойман и здоров, твоя из перьев колесница ведь готова, ты силен, так почему, хотя я подошел так близко, ты не взлетел поспешно в небеса?»

То услышав, Сумукха, ясно разделяя слоги и слова, мужественным голосом, исполненным твердости и выражавшим его природу, так обратился к нему на человеческом языке:

41. «Тому причиною, что, силу и возможность не утратив, не ухожу я — то, что птица эта здесь на муку в сеть попалась.

42. Ее ты сетью крепкой за ногу поймал; я добродетелями к сердцу этой птицы привязан крепче всех сетей».

И сердце нишадца исполнилось величайшего изумления, от которого у него даже зашевелились волоски на всем теле, и он снова обратился к Сумукхе:

43. «Другие лебеди, меня страшась, ведь в небеса взвились, его оставив, но ты его не покидаешь. Кто ж эта птица для тебя?»

Сумукха сказал:

44. «То государь мой, жизни равный друг и счастья податель, и он в несчастьи находится; я не могу его покинуть, хотя бы для спасенья своей жизни!»

И Сумукха, увидев, что сердце нишадца склонилось к изумлению и умилению, снова обратился к нему:

45. «О, если бы беседа наша, мой друг, могла иметь исход счастливый! О, если б ты, нас отпустив, сегодня тем святую славу приобрел!»

Нишадец сказал:

46. «Я не желаю зла тебе, и ты не пойман мной, так улетай, куда ты хочешь сам; смотри ты на родных, порадуй их!»

Сумукха сказал:

47. «О, если зла ты не желаешь мне, тогда мою исполни просьбу, и если ты одной лишь птицей удовлетворишься можешь, то отпусти его, возьми меня!

48. По росту и величине мы схожи, а также и по возрасту равны; возьми меня, как выкуп за него; своей награды ты не потеряешь!

49. Поэтому ты рассуди, как должно, и жадность

да родится в твоей душе ко мне! Меня сперва свяжи ты, а потом владыку птиц освободи!

50. Такой же будет и твоя награда, и просьбу ты мою исполнишь; а стае лебедей то радость будет, и их приязнь приобретешь ты.

51. Тогда увидят пусть обрадованные стаи лебедей их предводителя, тобой освобожденного, сияющего в чистом небе, как повелитель звезд, отпущенный владыкой дайтев».

И нишадец, хотя его сердце очерствело от постоянного проявления жестокости, был поражен в самое сердце этими его словами, свидетельствовавшими о пренебрежении к жизни, сиявшими любовью к господину, сильными своей высокой благородностью, украшенными твердостью и приятностью. Проникнутый изумлением и глубоким почтением, он, почтительно сложив свои руки, сказал Сумукхе:

«Хорошо, хорошо, о высокоблаженный!

52. И для людей и для богов такая добродетель чудо, которую ты проявил сейчас, для господина жизнью жертвуя!

53. Поэтому я твоего царя с почтением великим отпускаю; ему, который для тебя приятней жизни, кто неприятное бы сделать мог?»

Промолвив так, нишадец, невзирая на повеление царя, проявляя высокое почтение к владыке лебедей и проникнувшись состраданием, выпустил его из сети. Тогда Сумукха, военачальник, сердце которого было исполнено величайшего ликования вследствие освобождения царя лебедей, с радостью и любовью взирая на нишадца, сказал ему:

54. «О утешение друзей! Как я тобой утешен был сегодня освобождением лебедей царя, так много тысяч лет тебя пусть утешает толпа друзей, родных, о друг мой!

55. Так пусть бесплодным же не будет труд твой этот! Ты, взяв меня и лебедей владыку, здоровых и несвязанных, обоих во дворец представишь царю.

56. И, несомненно, царь твой, владыку лебедей с советником его увидев, в великой радости пожалует тебе, мечты все превзойдя твои, премного денег, которые твою умножат радость».

И нишадец подумал: «По его неотступному желанию пусть же увидит царь эту поразительно прекрасную пару лебедей»,— и, освободив чудесных этих птиц из силка, он представил их обоим, невредимых и несвязанных, царю, произнеся:

57. «Подарок дивный этот осмотреть благоволи, великий государь: с военачальником своим сюда мной приведен царь лебедей прекрасный».

И царь, с сердцем, преисполненным великой радостью и удивленьем, посмотрев на тех лебедей, прекрасных, как два больших слитка золота, чарующе блиставших своею красотой, сказал нишадцу:

58. «Мне расскажи подробно: каким путем к тебе попали в руки птицы эти, неповрежденные, несвязанные обе, хотя лишь по земле ходить способен ты?»

Услышав это, нишадец, поклонившись царю, сказал:

59. «Расставил много крепких я сетей для птиц повсюду, где они играют, в озерах и прудах.

60. Тогда доверчиво, без опасений, прекрасный этот лебедь, бродя по берегу, ногой попался в сеть, которая была там скрыта мною.

61. А этот лебедь, несвязанный, подсев к тому, меня просить принялся его освободить и самого себя, как выкуп, предлагал за жизнь владыки лебедей.

62. Своею жизнью жертвуя охотно, с настойчивою просьбой обратился он ко мне словами человеческими, в которых ясен и приятен каждый слог.

63. Его тем словом дивным и твердым поведением его на благо господина так умилен я был, что выпустил его владыку с жестокостью моею вместе.

64. И птиц царя освобожденьем обрадован был он глубоко! Различными приятными словами меня он

побуждал к тебе с собой явиться, чтобы мой труд из-за бесплодности его тяжелым не был.

65. Таким-то образом, закону правды преданный глубоко, носящий облик птицы, кто бы ни был он, в мгновение одно в моей душе он даже мягкость пробудил. Птиц повелителя освобождение помня и обо мне радея, с владыкой лебедей явился сам сюда он во дворец».

Услышав это, царь, обрадованный и пораженный всем сердцем, предложил царю лебедей золотое сидение, достойное быть тронном царя; его ножки, дивно прекрасные, сверкали блеском различных драгоценных камней; оно было покрыто дивным покрывалом; роскошные покойные подушки пышно лежали на нем; внизу у него было удобное подножие для ног. Достойное служить первому советнику тростниковое сидение было предложено Сумукхе. И Бодхисаттва, помыслив: «Теперь время обратиться с дружеским приветствием»,— своим приятным, как звон колец на ногах у женщин, голосом обратился к царю:

66. «Сияния и прелести вместилище твое есть тело! Все ли в нем здорово, скажи, о здравия достойный? Здорово ли и тело добродетелей твоих, и дышит ли оно, как должно, вздохами могучими речей, даяний?»

67. И посвятил ли ты себя защите подданных своих, во благовремение им расточая милости и наказания? Преумножаешь ли ты этим славы блеск, любовь всего живого и добро?

68. С советниками, не причастными к обману по чистоте своей, искусными в делах и преданными долгу, ты размышляешь ли о благе подданных твоих, и от сего не отвращен ли ум твой?

69. Когда твоим правлением мудрым и доблестью твоей лишенные величия соседние цари к тебе с мольбами обращаются, являешь ли ты сострадания красоту, а не пренебрежение к доверью?

70. Твои поступки, с благим, приятным и полезным не стоящие в противоречье, высокомужественный муж, всем добродетельным любезны ль? Распространяются ль они повсюду успехом славы? Врагами воздыхающими им наносится ли вред?»

И царь, в своей радости проявляя чистоту своих чувств, сказал ему в ответ на это:

71. «Сегодня у меня благополучье полное, о лебедь, и так всегда и будет: ведь встретился я с добродетельным, чего давно желал!

72. Когда ты в сеть попался, то в легкомыслии своем и в буйной радости не причинил ли своей суровой властью этот птицелов тебе мучений?

73. Случается ведь так, что этих подлых ум, великой радостью смущенный, впадает даже в грех, когда постигнет птиц несчастье».

Бодхисаттва сказал:

74. «Благополучие меня не оставляло, великий царь, и в час постигнувшей меня беды; и этот птицелов ни в чем не проявил себя по отношению к нам, как враг.

75. Свободного, но связанного будто любовью ко мне Сумукху увидав, к нему он с ласковою речью обратился, удивления и любопытства полный.

76. От ласковых Сумукхи слов его смягчилось сердце, меня он выпустил из сети, с учтивостью воздав почтение мне.

77. И потому Сумукха, добра ему желая, склонился к мысли, что сюда отправиться нам должно, и что ему на счастье это будет».

Царь сказал:

78. «Желали страстно мы прибытия вашего. Привет вам здесь! Я в высочайшей степени обрадован сим праздником — вас видеть!

79. А этот птицелов-нишадец великую награду се-

годня от меня получит: добро вам сотворив обоим, он сам добра достоин!»

Так промолвив, царь, пожаловав нишадцу великий денежный дар, снова сказал царю лебедей:

80. «В сей вам принадлежащий дом прибыв, оставьте здесь при мне стеснения всякие; чем угодить могу я вам и как, сказать благоволите: ведь с вами общие богатства у меня!»

81. Лишенною боязни речью и откровенными словами богатому друг доставляет удовлетворенье, подобного которому тот не достигнет богатствами своими; великое благодеянье — откровенность среди друзей!»

И царь, любопытствуя всем сердцем побеседовать с Сумукхой и с удивлением устремив свой взор на него, сказал:

82. «Не приобретя короткости в знакомстве новом, люди, конечно, к смелой откровенности еще не прибегают, но речи их учтивостью проникнуты, и говорят они с любезностью, чарующей сердца.

83. Беседую свою посему благоволи ты сделать так, о господин, чтоб не бесплодным было возрастанье в нашем сердце на откровенность радостной надежды!»

В ответ на эти слова Сумукха, военачальник лебедей, учтиво поклонившись царю, сказал:

84. «С тобой, царем, Махендре⁷ равным, беседа — праздник, мыслю я! И чьи желанья не превзойдешь ты, проявляя дружелюбие свое?

85. Когда беседуют столь дружелюбно и приятно два государя — царь людей и повелитель птиц, то в их беседу вмешиваться дерзко слуге — не будет разве непристойно?

86. И этот образ действий разве добрым воспитаньем не рожден? То зная, как бы мог в беседу я вмешаться? Я и хранил молчание, великий государь,

по сей причине; и если следует просить прощения мне, то ты меня прости!»

В ответ на это царь с великой радостью и удивлением на лице, выражая свое одобрение Сумукхе, сказал:

87. «По справедливости молва о добродетелях твоих пленяет мир! По справедливости ты назван другом царя пернатых! Подобную ведь скромность и совершенство поведения несовершенный дух и сердце не проявят!

88. Поэтому начавшаяся дружба между нами уж больше не расстроится теперь, я в то глубоко верю; приязнь — то благородных единенье!»

И Бодхисаттва, видя глубокое желанье дружбы со стороны того царя и прославляя его наклонность к проявлению любви, сказал:

89. «Что сделать может только близкий друг, то сделал ты для нас, о государь, хотя приязнь меж нами и нова: овоей души великой указаниям ты следовал!

90. И кто б, о царь, к тебе не привязался сердцем от обращения такого твоего, проникнутого уважением и любовью, как то, которое здесь к нам ты проявил?

91. Какую пользу от меня, высокий повелитель, ожидаешь? Как велика та польза? Царь, твердый в добродетели! Ты проявлением этой добродетели гостеприимству положил начало несомненно!

92. Не чудо ль это, что в тебе, и душу собственную победившем, на благо подданных столь твердо преданном цареву долгу, и в подвиги и в созерцанье погруженном, как отшельник, в согласии с своей природой все добродетели живут?

93. Своею славой добродетели приятны; и не в греховных дебрях обитает благодать: то зная, качество греха и добродетели познав, кто, коли он разумен, от собственного блага станет отклоняться?

94. И положения такого не достигает царь ни доб-

лестью, ни силою богатства, ни счастьем в управленье мудром, какого, добродетель соблюдая, он достигает без усилий и затрат.

95. Ведь к добродетелям богов владыки счастье взоры обращает; возвысившихся добродетелью смирение сопровождает; из добродетелей истекает слава так же, как и величие высокое на добродетелях покоится всегда.

96. И злобою, тщеславием, высокомерием ожесточенные, всегда великою враждою опьяненные сердца врагов, и те смягчают добродетели, превосходящие своею прелестью сияние луны.

97. По сей причине, о земли хранитель, ты, охраняя землю, с ее склонившимися пред твоим величием высокомерными царями, великой красотою скромности и добродетелей других, во всем живущем к добродетели влечение пробуждай.

98. Достоинейшая цель царя — народа благо, ведь это путь к благополучию обоих⁸; и будет так оно, когда закону предан царь: ведь поведению царя народ весь следует!

99. Так справедливо охраняя ты землю, и да подаст тебе защиту тридцати владыка⁹! Теперь же ухажу я с глаз твоих, хотя они дают блаженство тем, стоит кто перед ними; меня зовет несчастье моей стаи».

И царь, радостно приветствовав эти слова Бодхисаттвы и вместе со свитою своею предварительно почтив его приятными речами, исполненными глубокого уважения, отпустил этих обоих прекрасных лебедей. И Бодхисаттва, поднявшись в небеса, блиставшие ясной осенней красотою как темно-синий, без пятнышка, клинок меча и сопровождаемый, как бы своим отражением, Сумукхой, военачальником лебедей, присоединился к своей стае, своим появлением доставив лебедям величайшую радость.

100. И, снова прилетев к царю однажды, тот ле-

бедь, полный сострадания к ближним, беседовал с ним о святом законе и был почтен владыкою земли, в смирении склонившимся пред ним.

Таким образом, «злые неспособны следовать поведению добродетельных, даже впадших в несчастье, а тем более пребывающих в благополучии». [Таким образом, прекрасная речь приносит благо обоим¹⁰. С этими словами следует приводить это в восхваление прекрасного слова. Также должно привести это в рассказе о прекрасном друге. «Те, кто имеет прекрасных друзей, даже в беде преуспевают», а также свидетельствуя, что благородный Ананда еще в прежних рождениях был спутником Будды: «Таким образом Ананда, бывший спутником Бодхисаттвы, в течение долгого времени проявлял любовь и глубочайшее уважение к владыке».]

XXIII. ДЖАТАКА О МАХАБОДХИ

Даже у испытавших недоброе истинно добрых людей сострадание к прежним благодетелям не ослабевает вследствие признательности и присущей им снисходительности. Вот как об этом назидательно повествуется.

Будучи Бодхисаттвой, господь наш был странствующим монахом по имени Махабодхи. Еще в состоянии домохозяина он досконально изучил, последовательно и с великим напряжением, ценимые миром отрасли науки и удовлетворил свое любопытство к познанию различных искусств. Обратившись всем сердцем к отшельнической жизни, стараясь о благе мира, с особенным вниманием погрузившись в науки о святом законе, он достиг в них степени учителя. Вследствие приобретенной им святости, глубины его мудрости, знания людей и поразительного искусства в обхождении с людьми он был желанным и приятным гостем везде, куда бы он ни приходил,— и для ученых, и для царей, любящих ученых, и для

брахманов-домохозяев, последователей других вероучений, и для странствующих монахов.

1. Людские добродетели сияют, на святые заслуги опираясь; от обходительности став приятными, они глубокое почтение вызывают даже у врагов, которым славу добрую беречь необходимо.

И вот Великосущный, проходя на благо миру деревни, города, поселки, царства и столицы, прибыл в область одного царя. Наслышавшись о великой силе его добродетелей, тот царь, узнав заранее о его приходе, с радостным сердцем велел построить в одном восхитительном месте своей увеселительной рощи для него жилище. Выразив свое почтение тем, что вышел ему навстречу и иными средствами, приняв его в своем царстве, он служил ему, словно ученик учителю, и внимательно слушал его.

2. В дом, богатства блеском озаренный, доверчиво вошедший гость добродетельный — великий праздник для того, кто любит добродетель!

Бодхисаттва же ежедневно выражал свою благосклонность к царю беседами о святом законе, радующими слух и сердце, постепенно наставляя его на путь спасения.

3. Ведь те, святой закон кто любит и к ближним состраданье чувствует, стремятся на добро направить мысли всех, даже любовь не проявивших; что ж говорить о человеке, подобном чистому сосуду, к добру стремящемуся и проникнутом глубоко добродетелью любви?

И министры того царя, пользовавшиеся приличествующим ученым уважением и окруженные почетом, потеряв рассудок из зависти к богатству добродетелей Бодхисаттвы, вызывавшему ежедневно возрастающее почтение к нему, не смогли вынести его славы.

4. Ведь муж чудесной силы, что привлекает мир к себе своей великой славой, из добродетелей его высоких исходящей, зажигает злобу в сердцах у тех, кто пользуется уважением лишь за искусство исполнения.

Совершенно неспособные победить Бодхисаттву открыто в диспутах и будучи не в состоянии вынести склонность царя к святому закону, эти люди стали шаг за шагом восстанавливать царя против Бодхисаттвы:

«Не следует государю подходить с доверием к этому странствующему монаху Боддхи. Так как всем известно о любви государя к добродетели и приверженности его к святому закону, он, несомненно, послан искусным соглядатаем какого-нибудь противника царя и явился, чтоб разузнать о делах государя и мягкими, коварно сладкими речами привести его к гибели. И вот, под видом праведности, он наставляет государя единственно лишь на дела сострадания, развивает в нем уныние стыдливости и побуждает к принятию обетов, противных полезному и приятному¹, несовместимых с делом властителя, ведущих к безумным поступкам; якобы из милосердия он под видом увещаний внушает тебе взгляды, которым ты должен следовать; он любит водить знакомство с послами других царей; ему неизвестны правила поведения, изложенные в книгах для царей. Поэтому наши сердца исполнены теперь великих опасений».

Снова и снова обращались многие советники к царю с такими, якобы добрыми, речами, стремясь разъединить их, и расположение царя к Бодхисаттве ослабло, от недоверия уменьшилось проявление его любви и уважения к нему.

5. Когда гремят ревущие удары грома или злослова грозные стрелы, спокойным и доверчивым кто может оставаться и истинную твердость мужа сохранить, ни в чем душой не изменившись?

И царь, от утраты доверия ослабивший свою любовь и уважение к Великосущному, уже не так, как прежде, стремился к проявлению своего внимания к нему. Бодхисаттва же по чистоте своей сердечной думал: «У царей много дела», — и не замечал этой перемены. Но, заключив об охлаждении царя из уменьшения учтивости и сдержанности со стороны царских приближенных, он, взяв свой тройной по-

сох², чашу и прочую утварь странствующего монаха, приготовился к уходу.

Услышав об этом, царь, повинувшись остатку любви и из благовоспитанности и учтивости придя к нему, в большом смущении, словно желая удержать его, обратился к нему со следующими словами:

6. «Ты так внезапно покидаешь нас; скажи же, почему к решению уйти склонился разум твой? Быть может, ты во мне заметил что-то, что породило ложные сомненья? Так знай, от упущения погрешность та возникла».

И Бодхисаттва сказал ему:

7. «Мое стремление уйти не беспричинно, но вызвано оно не оскорблением от обращения дурного; сосудом праведности перестал ты быть от криводушия; поэтому тебя я покидаю».

Тут подбежал с яростным лаем, широко раскрывая пасть, любимый пес царя; указывая на собаку, Бодхисаттва снова сказал:

«О великий царь, можно судить по этому животному:

8. Ведь прежде этот пес всегда ко мне ласкался в угоду господину своему; теперь же, не умея притворяться, твои все чувства выдает он лаем.

9. Должно быть, что-то обо мне услышав от тебя, жестокое и злое из-за отсутствия любви, он поступает так тебе не радость: зависимых существ то образ действий!»

И царь, услышав эти слова и от стыда опустив глаза, глубоко пораженный этой пронизательностью его разума, в смущении подумал, что теперь не к чему лицемерить и, поклонившись Бодхисаттве, сказал:

10. «Действительно, ты был предметом одной беседы, и дерзкие в моем совете говорились речи, а я, делами занятый, все это допустил; благоволи ж простить мне это и останься, прошу тебя, не уходи отсюда!»

Бодхисаттва сказал:

«О, совсем не вследствие обиды от дурного обхождения, великий царь, и не из злопамятства я ухожу, а потому, что теперь мне не время, о государь, здесь оставаться. Взгляни сам, государь:

11. Если почтение и уваженье, утратив блеск, дошло до безразличья, то не уйди я сам из-за привязанности или вялости ума, могло б и до того дойти, что в шею вытолкали бы меня отсюда.

12. При обстоятельствах таких уйти — вот надлежащий образ действий; и поэтому я ухожу без пламени вражды в моей душе; пренебрежения удары ведь не изгладят в сердце праведных благодеяний прежних.

13. Но к жестокосердому никто не должен приближаться, как жаждущий воды к источнику сухому: усилий тут затратить нужно много, а польза будет и ничтожной и греховной!

14. Общенья искать нам должно с кротким и спокойным, подобным озеру большому, наполненному осенью водою чистой: известный миру этот путь открыт тому, кто блага жаждет и отвращается от всех других страстей.

15. Кто отвернется даже от проявляющего преданность к нему, иль опечален будет расположением своим к отвергшему его, или забудет прежние благодеянья, тот, несмотря на облик человека, сомненья возбуждает — так ли это.

16. И непочтенье, и чрезмерное почтенье, и просьбы частые огнем сжигают дружбу: поэтому сберечь мне надлежит остаток нашей дружбы от разрушения моим здесь пребываньем, поэтому и ухожу я».

Царь сказал:

«Если господин твердо решил уйти, то по крайней мере соблаговолит он снова нас осчастливить своим посещением: ведь и от пренебрежения нам должно охранять дружбу». Бод-

хисаттва сказал: «Со многими препятствиями, о великий царь, возникающими из-за многих несчастий, связано наше пребывание в этом мире; зная это, нельзя с уверенностью обещать, что я приду. Если для прибытия сюда будет основательная причина, я снова увижу господина». Утешив царя этими словами, Великосущный, с благопожеланиями и с великим почтением провожаемый царем, удалился из его царства. Этим общением с миром было смущено его сердце, и он, уединившись в некоей лесной местности и направив дух свой на созерцание, живя там, в короткое время достиг четырех степеней созерцания³ и пяти совершенных знаний⁴.

И меж тем как сам он наслаждался счастьем сладостного спокойствия, у него явилось воспоминание, соединенное с страданием к тому царю, и он подумал: «Что происходит сейчас с тем царем?» И он увидел, как его советники влекут его к различным ложным воззрениям, которые исповедовали они сами.

Один советник примерами, в которых трудно постигнуть причину, склонял его к учению о беспричинности:

17. «Какая есть причина лепестков и стеблей лотов, тычинок, чашечек расположенья и цвета их, строения, мягкости и прочих качеств? Иль кто расцвечивает крылья пернатых? Ведь без сомненья, таким же образом сам по себе мир этот существует».

Другой советник излагал царю приятное его слуху учение о верховном существе как первопричине:

18. «Нет, беспричинным быть не может это все! И надо всем есть некто бесконечный и единый, кто утверждением своей чудесной воли сей дивный мир творит и разрушает вновь!»

«Все это — и добро, и зло — следствие действий прежних; личные усилия ни к чему не ведут», — так обольщал его третий.

19. «Один как может произвести в одно и то же время разнообразную такую цепь вещей, а также и

бесчисленных многообразнейших существ? Все это основанием имеет действия, содеянные прежде. Ведь даже и способный прилагать усилия для достижения блаженства в несчастье впадает!»

Четвертый, излагая воззрения об уничтожении всего после смерти, увлекал царя обратиться к наслаждению земными уладами:

20. «Как дерева куски, многообразные по цвету, качествам и очертанью, не действиями собственными существуют и все же существуют, и как, погибнув раз, опять не возникают, так и сей мир; раз это так, то наслажденье главною должно быть целью нашей жизни!»

Пятый под видом воинской науки научал царя скверне жестокосердия, связанной с лживостью житейской мудрости, противной праведности, утверждая, что это — закон царей:

21. «Царь! Пользуйся людьми, как будто это тень деревьев; стремись добиться доброй славы благодарности потоками до тех лишь пор, пока полезно пользоваться ими, — тому подобно, как при совершенные жертвы мы пользуемся жертвенным животным».

Таким образом, эти советники старались каждый вести царя неправым путем своих собственных лживых воззрений. И, увидев, что от общения с дурными людьми и от подчинения ума руководству других людей, которым он доверял, царь обратился лицом к пропасти, созданной этими воззрениями, — Бодхисаттва, с сердцем, склонившимся к состраданию, стал думать о средстве вернуть царя на правильный путь.

22. От упражненья в добродетели у праведных благодеенье в сердце остается, а оскорбленье исчезает, как с лотосовых лепестков вода.

И Бодхисаттва, подумав: «Теперь как раз подходящее время!» — создал чудесною силою в своей пустынной хижине большую обезьяну и, сняв с нее шкуру, все остальное заставил исчезнуть. Надев шкуру созданной его чудесной силой большой обезьяны, он явился к дверям царского дворца.

Когда о нем было доложено привратниками царю, он был проведен последовательно через помещения, близкие от входа, охранявшиеся вооруженной стражей и наполненные советниками, брахманами, воинами, вестниками и городскими старейшинами, и вошел в царскую палату, у дверей которой стояли стражи с мечами и палицами и в которой окруженный высокообразованными, мудрыми и знаменитыми, хорошо одетыми людьми восседал на троне царь. Царь пошел навстречу Бодхисаттве и почтил его выражением учтивости, как это надлежит делать при приеме гостя, и после взаимных приветствий Бодхисаттва занял предложенное ему место.

Царь, у которого пробудилось любопытство, спросил его о приобретении кожи обезьяны: «Кто принес эту шкуру обезьяны достопочтенному, тем самого себя одарив великой милостью?» Бодхисаттва сказал: «Сам я ее приобрел, великий царь, никто не подносил ее мне. Если сидеть или спать на земле, едва прикрытой редкою травой и жесткой по своей природе, то очень изнуряется тело и нелегко предаваться исполнению предписаний закона. И вот я увидел в пустыне эту большую обезьяну и у меня явилась мысль: „Вот подходящее средство для исполнения предписаний закона, шкура этой обезьяны!“ Сидя или лежа на ней, можно, не желая даже и царского ложа, покрытого драгоценными покрывалами, предаваться исполнению предписаний святого закона,— с этой мыслью я убил обезьяну и снял с нее эту шкуру». Услышав это, царь по своей благовоспитанности и скромности ничего не ответил Бодхисаттве, только со стыдом в сердце несколько потупился. Советники же, и прежде питавшие в своих сердцах ненависть к Великосущному, теперь, когда представился удобный случай высказаться, с расцветшими лицами взирая на царя и указывая на Бодхисаттву, сказали: «О, до какой степени ум мудрого находит усладу в одной лишь любви к закону! О стойкость! О прекрасная способность решимости! Ведь чудо, что он один, истощенный подвижничеством, убил такую большую обезьяну, пришедшую в пустынь. Во всех отношениях да будет успешно его подвижничество!»

Без всякого негодования против них Бодхисаттва возразил на это:

«Не следует вам, други, меня порицать и забывать о красоте своих учений. Ведь это — не тот путь, каким мы можем снискать славу ученого. Посмотрите!

23. Других кто станет порицать свое ученье убивающею речью, поистине тот словно бы самоубийством другого обесславить хочет».

Таким образом, обратившись с упреком ко всем советникам вообще, Великосущный, желая выразить порицание каждому в отдельности, обратился к советнику, доказывавшему беспричинность всего⁵, и сказал:

24. «„Сам по себе мир существует“ — провозглашаешь громко ты; коль правда это, то зачем меня ты порицаешь? Ведь от природы обезьяне смерть пришла? И грех откуда тут на мне? А посему я сделал правильно, убив ее.

25. Однако если все же на меня пал грех за убийство обезьяны, то ясно ведь, что есть причина этой смерти! Поэтому иль ты оставь о беспричинности учение свое, иль не высказывай здесь взгляды, которые тебе столь неуместны!

26. Ведь если лотосов окраска, их стебли и другие части беспричинны, то почему же появляются они не всюду и не всегда, скажи мне! Ведь их произвели вода и прочие начала; где есть они, является там лотос из семян, и не является он там, где этих нет начал.

Ты, о досточтимый, как следует об этом поразмысли!

27. „Причины нет!“ — кто заявляет это громко и доказательства приводит для того, не разрушает ли он сам свое такое утверждение? А если приведенным доводов он пренебрег бы, то что могло бы следовать из одного лишь утверждения его?

28. Кто, в единичных случаях причины не найдя где-либо, провозглашает полное отсутствие причин,

тот, яркую причину пред собой увидя, становится ее врагом и в споре начинает бранью поносить ее.

29. И если незаметна где-нибудь причина, то как с уверенностью скажешь ты, что нет ее совсем? Ведь существующее можем не увидеть мы и по другой причине, как на исходе дня не видим солнца яркий диск.

30. Конечно же, для наслаждения стремишься ты к желанным лишь предметам и пользоваться им противными не хочешь. И службу царскую ты исполняешь потому, но в то же время возглашаешь: „Нет причины!“.

31. Итак — коль ты, о господин, повсюду видишь беспричинность, — убита обезьяна без причины. Зачем тогда меня ты порицаешь?»

Так, посрамив этими ясными доводами приверженца воззрений о беспричинности всего, Великосущный, обратившись к советнику, видевшему причину всего в верховном существе, сказал:

«Досточтимый также не должен порицать нас! Ведь верховное существо мыслится тобою как причина всего. Смотри!

32. Ведь если все свершает существо верховное, то, несомненно, им убита эта обезьяна! Так почему ж ты так недружелюбен, что вину чужую валишь на меня?

33. И если обезьяны царственной убийство то существо верховное, проникшись состраданием, не совершило, зачем так громко провозглашаешь ты верховное то существо причиной всей вселенной?

И далее, ты мыслишь, о друг, что „все сотворено верховным существом“⁶.

34. Как можешь ты надеяться на существа верховного благоволение от того, что восхваляешь ты его и почитаешь: оно ведь самосуше и действует само через тебя.

35. И если свершена тобою жертва, то не оно ль ее свершитель? Кто силою своей великой что-либо совершает, тот ведь и есть свершитель!

36. И если преступленья все верховное то существо свершает, то во вниманье к какой же добродетели ты преданность к нему питаешь?

37. А если преступленья оно от беззакония боязни не свершает, то говорить не подобает нам, что все верховным существом сотворено!

38. Его владычество проистекает из законного вещей порядка иль из чего-нибудь другого; и если из законного вещей порядка, то существо верховное ведь ранее его и не могло существовать!

39. „Зависимостью“ должно называться, когда другим что-либо создается; и если б это мы владычеством назвали, то нет у нас причины „владычество“ кого угодно отрицать!

Даже и теперь, от увлечения преданностью не размышляя, что достойно и что недостойно,

40. Коль ты причиной существо верховное считаешь, владыку всей вселенной, никак не должен на меня ты возлагать ответственность за совершенное владыкой умерщвление той обезьяны царственной!»

Таким образом, Великосущный заставил словно онеметь своими прекрасными доводами приверженца того воззрения, что причиною всего является верховное существо, и, обратившись с прекрасным словом увещевания к приверженцу воззрения, что все совершается прежними делами, сказал:

«Господин также не блещет умом, порицая меня; ведь ты полагаешь, что все сделано прежними делами; поэтому я говорю тебе:

41. О, если все является лишь в силу сделанного прежде, то в этом случае без нарушения закона мной убита обезьяна. Она ведь сожжена огнем пожара тех поступков, что ранее свершила; где ж здесь моя вина? И почему меня ты порицаешь?

42. А если умерщвлением обезьяны грех я совершил, тогда я это сделал, а не прежние дела! И если вызывает действие одно им обусловленное действие

другое, никто в сем мире освобожденья не достигнет никогда!

43. Когда бы счастьем наслаждался тот, кто жил в условиях, несчастье производящих, или в несчастье же впадал бы тот, кто жил в условиях, производящих счастье, то можно было б с несомненностью считать, что счастья и несчастья единственная лишь причина — прежние дела.

44. Поскольку же не представляется нам в этом виде счастье и несчастье, то прежние деянья не являются единственною их причиной. А если б новые деянья не свершались, причем же здесь все старые деянья? ⁷

45. И если прежними деяньями все сделано, и ты так продолжаешь мыслить, то почему же ты считаешь, что обезьяны умерщвление сам я совершил?»

Таким образом, как бы наложив на него безупречными доводами обет молчания, Великосущный, улыбнувшись, обратился к приверженцу воззрений о полном уничтожении всех вещей ⁸:

«Как излишня та пылкость, с какой ты порицаешь нас, о досточтимый, если ты действительно придержишься воззрений о полном уничтожении всего.

46. Другого мира если никакого нет, зачем же ограничивать себя и размышлять о чистом и греховном? Пусть мудрый поступает как ему угодно. Раз так, убита обезьяна эта справедливо!

47. А если же людской молвы боязнь от нехорошего должна нас отвращать и направлять на путь благой, то поведением, своим речам противным, людской молвы нам все же не избегнуть.

48. Ведь счастья на пути ученья своего не достигаешь ты из опасения людей; и потому из всех бесплодных умозрений то заблужденье крайнее, глупца ничтожного достойное вполне.

Вот ты сказал:

49. „Как дерева куски, многоразличные по цвету, качествам и очертанью, не действиями собственными существуют, хотя и существуют, и как, погибнув раз, уж вновь не возникают, так и сей мир,— раз так, то наслаждение главною должно быть целью нашей!“

50. Когда ученье об уничтожении полным тебе так любо, зачем тогда убийцу обезьяны или человека порицать?»

Таким образом Великосущный, рядом ясных и блестящих опровержений, заставив приверженца воззрений о полном уничтожении искать убежища в молчании, обратился к советнику, изощренному в воинской науке:

«Ты, о господин, почему так порицаешь меня, если полагаешь, что должно действовать согласно наставлениям в житейской мудрости?»

51. По этому ученью, способом любым—и добрым, и недобрым—возможно добывать себе богатство. И человек, подняв себя на высоту благодаря богатству, закон религиозный будет выполнять⁹.

Поэтому тебе я говорю:

52. Если для личной выгоды должны мы пренебречь хорошим отношением к родне любимой даже — а эта обезьяна мной убита ради шкуры — какой упрек ты можешь сделать мне за поведение, предписанное даже книгами твоими?

53. А если следует нам действие такое порицать, страданье за собой влекущее, к тому же и за то, что совершили мы его без состраданья, то по какой причине ты не обращаешься к ученью, которым это дозволяется?

54. И если это проявление мудрости житейской, то что ж немудрости блужданья? И какова же наглость тех, кто, презирая мир, несправедливость проповедует, из книг закона исходя!

55. Раз недостойные дела такие предписаны столь ясным и понятным образом твоим ученьем, то я, пу-

тем, указанным твоими книгами, идущий, не должен осуждаться за убийство обезьяны».

Таким образом Великосущный, совершенно разбив первенствовавших в собрании и полных спеси советников и увидев, что он завоевал все собрание вместе с царем, для устранения сомнений, возникших в их сердце относительно умерщвления обезьяны, сказал царю: «Нет, конечно, о великий царь, не убивал я живой обезьяны. Эта кожа обезьяны, созданной моей чудесною силою». И, видя царя, а вместе с ним и все собрание, в высшей степени умиленных сердцем, он сказал:

56. «Кто видящий, что из причин все вытекает, к тому ж свободно поступающий и знающий про мир другой, держащийся учений истинных и состраданием проникнутый живую тварь убьет?

Смотри, великий царь!

57. Того, что сделает для капли славы тот, кто беспричинность проповедует, или свободу воли отрицает, иль отрицает будущую жизнь, иль воинским воззрениям следует житейским, не сделает ведь никогда сторонник правых, истинных воззрений.

58. Воззрения, о лучший из людей,— хорошие или дурные — причиною являются и соответствующих действий. Воззрений согласованность имея в мыслях, из них те иль иные в речах или своих поступках люди проявляют.

59. Поэтому благим воззрениям мы следовать должны, оставь же ты источник бед — недобрые воззрения. Держаться надлежит того нам, кто следует добру согласного пути, от злых людей же нужно удалиться.

60. Не укротившие своих страстей, хотя носящие одежды укротивших, монахи по земле, как ракшасы, блуждают — то знаем мы. И губят эти ракшасы простой народ дурными взглядами своими, подобно змеям, что во взглядах яд содержат.

61. Сторонников воззрений беспричинности и прочих грубый вой, как вой шакала, обличает сущность их. Поэ́тому им следовать не должен мудрый, а должен он добра держаться, насколько хватит сил.

62. В сем мире тем, кто славой доброй обладает, не следует и ради дела дружбу заводить с людьми неправильных воззрений; ведь с зимним скверным днем соединившись, пострадала, свою утратив красоту, сама луна!

63. Поэ́тому, покинув тех, кто добродетели покинул, и почитая добродетель тех, кто почитать ее умеет, свою ты славу ярко разожги, разбив к грехам наклонность в подданных и к добродетели приязнь создав.

64. И большинство народа твоего с тобой последует закону праведному; к прекрасной жизни обратившись, он стезей пойдет, ведущей к небесам. Сей мир нуждается в защите, а у тебя к сему стремление есть; и наслаждайся праведным законом, пути которого смирение делает приятным.

65. Свое ты поведение очисти, и славу обрети ты щедро подающего; приязненным свой дух ты сделай к каждому, как бы к родному; и, соблюдая праведный закон, ты долго землю охраняй. Таким путем достигнешь ты блаженства, неба, славы!

66. Земли возделываньем занятых иль скотоводству отдающих силы, словно растения в цвету или покрытые плодами, охраняй: не защищая сельских жителей, платящих подати, со всеми странами враждует царь.

67. Когда земли властитель купцов не охраняет, что заняты покупкой и продажей различнейших товаров, а также горожан, несущих пользу платой пошлин, тот этим вред своей казне приносит.

68. А если царь, по беззаботности своей, не почитает войско, не проявившее пороков в битве, а только

доблесть, и славное искусством в деле ратном, то без сомнения победы счастье его покинет в битве.

69. И если царь идет путем, который осквернен пренебрежением к благочестивым, к тем, кто обладает высокой нравственностью, ученостью и сверхъестественною силой, души величие являет, тот царь небесного блаженства не достигнет.

70. Как тот, кто с дерева срывает плод незрелый, тем убивает семя, а сока не находит, так, незаконные поборы собирая, свою страну царь губит и счастливым не бывает.

71. Напротив, подобно дереву, обильному прекрасными плодами, которое, когда они созреют, богатый урожай дает, страна, царем хранимая, благое и полезное, а также и приятное владыке своему доставит.

72. Советников надежных, умеющих служить тебе на пользу, друзей достойных и своих родных привязывай сердца приятной речью и ценными подарками, с почетом подносимыми.

73. И посему, закон ты почитая, неусыпно на достижение спасения народа все помыслы направь; и правосудием, свободным от пристрастия и вражды, народ свой охраняя, ты этим и свои миры храни»¹⁰.

Таким образом, Великосущный, удалив царя с ложного пути, созданного неправильными воззрениями, и направив его вместе со всем собранием на путь благой, вслед за тем поднялся в воздух и при выражении глубокого почтения народа, благоговейно сложившего руки и смиренно склонившегося перед ним, возвратился в свою лесную обитель.

Таким образом, «даже у испытавших недоброе истинно добрых людей сострадание к прежним благодетелям не ослабевает вследствие признательности и присущей им снисходительности».

{«Помня об этом, не должно забывать то, что ранее было сделано причиняющим зло». Таким образом, владыка, не достигнув еще окончательного просветления, побеждая в воззре-

ниях других, распространял правила доброй жизни среди живых тварей. Так должно говорить в рассказе о Будде. «Таким образом, ложные воззрения не могут устоять перед рассуждением вследствие отсутствия в них опоры; поэтому им не должно следовать», — так следует говорить при порицании ложных воззрений, а также при прославлении правильных воззрений.]

XXIV. ДЖАТАКА О ВЕЛИКОЙ ОБЕЗЬЯНЕ

Не столько собственным страданием мучаются добродетельные, как отсутствием добродетельных качеств у тех, кто причинил им зло. Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва жил как-то в одном благословенном уголке Гималаев; земля там от блеска различных минералов казалась разноцветной. Прекрасные леса и рощи были подобны покрову из темного шелка. Живописные, разнообразной формы холмы, как будто созданные намеренно, украшали эту местность. Там струились многочисленные ручейки и было много глубоких пещер и ущелий. Громко жужжали пчелы, и приятный ветерок овеивал деревья с разнообразными цветами и плодами. Это было место игр видьядхаров. Бодхисаттва жил здесь в облике большой одинокой обезьяны.

Но даже в таком состоянии он был проникнут сознанием праведного долга; благодарного и благородного по натуре, наделенного великой стойкостью, его не покидало, словно испытывая к нему привязанность, сострадание.

1. Сотни раз земля с ее лесами, великими горами и морями в конце юги водой, огнем и ветром разрушалась, — но не великое сострадание Бодхисаттвы!

И вот Великосущный жил в том лесном уголке, поддерживая свое существование, как аскет, только плодами и листьями лесных деревьев и проявляя различным образом

свое милосердие по отношению к встречавшимся ему живым существам.

Однажды один человек, пытаясь разыскать пропавшую корову, бродил по всей округе, сбился с дороги и, запутавшись в определении сторон света, забрел в тот уголок. Истощенный голодом, жаждой, холодом и усталостью и сжигаемый изнутри огнем отчаяния, он уселся у корней одного из деревьев, словно подавленный чрезмерной тяжестью уныния, и увидел несколько совершенно коричневых плодов тиндуки², упавших из-за того, что они переспели. Он съел их, и из-за мучительного голода они показались ему очень вкусными; поэтому он с возросшей энергией стал оглядываться вокруг, отыскивая источник их происхождения. Он увидел выросшее на краю обрыва у водопада дерево тиндуки, склонившиеся ветки которого казались коричнево-красными от спелых плодов. Влекомый страстным желанием добраться до них, он поднялся по склону горы и полез на усыпанную плодами ветвь тиндуки, склонившуюся над пропастью. Стремясь заполучить эти плоды, он добрался до самого конца ветки.

2. Та ветвь непрочная согнулась от чрезмерной тяжести и с треском вдруг сломалась, словно подрубленная топором у основания.

Вместе с нею он свалился, как в колодец, в огромную пропасть, окруженную скалами. Благодаря куче листьев и достаточной глубине воды, он остался невредим. Выбравшись из воды, он стал карабкаться в различных направлениях, но не нашел нигде выхода. Чувствуя, что здесь ничто не спасет его от скорой смерти, он потерял всякую надежду на жизнь, и слезы скорби увлажнили его печальное лицо. Пронзаемый, как копьем, острым отчаянием, совершенно павший духом, он рыдал, одолеваемый мучительными размышлениями:

3. «Свалившегося в пропасть в глуши лесной, безлюдной, кто, кроме смерти, здесь меня увидит, даже пытаясь разыскать?

4. Забытого родными и друзьями и ставшего лишь пищей для москитов, попавшего, как дикий зверь, в ловушку, кто вытащит меня отсюда?

5. Садов, лесов и рек многообразную красу и драгоценными камнями звезд рассыпанных сверкающее небо — увы! — весь мир скрывает от меня, как ночь безлунная — мрак этой ямы, непроглядно темный!»

Не переставая рыдать таким образом, человек провел там несколько дней, поддерживая себя водой и упавшими вместе с ним плодами тиндуки. Меж тем Великая обезьяна, блуждая по лесу в поисках пищи, зашла в то место, словно призываемая колеблемыми ветром кончиками веток дерева тиндуки. Вобразившись на него и заглядывая в пропасть, она увидела человека с провалившимися от голода глазами и щеками, с бледным и худым телом, страстно желающего, чтобы кто-нибудь заметил его. Великая обезьяна, тронутая несчастным состоянием этого человека, бросила поиски пищи и, пристально разглядывая его, сказала человеческим голосом:

6. «Находишься ты в пропасти, что недоступна для людей. Скажи же мне, кто ты и откуда?»

Тогда тот человек с выражением страдания поклонился обезьяне и, глядя на нее, со сложенными просительно руками, сказал:

7. «Я — человек, о Великоблаженный, заблудился, бродя по лесу. Плодов желая, я с дерева того свалился и вот попал в беду.

8. Лишенный родственников и друзей, в великую беду попал я. О покровитель обезьянних стад, будь для меня защитой».

Услышав это, Великосущный проникся великим состраданием.

9. В беду попавший, друзей лишенный и родных, просительно сложивший руки, смотрящий удрученно, даже врагов заставит сострадать, а сострадательных особенно сочувствовать заставит.

И Бодхисаттва, проникнутый жалостью, стал ободрять его ласковыми словами, которые тот вряд ли ожидал услышать в такой момент:

10. «Не плачь о том, что одинок ты и потерял все мужество, свалившись в пропасть. Что сделали бы для тебя друзья, я тоже сделаю. Так перестань бояться!»

Сказав так, Великосущный тем подбодрил человека и, принеся ему много тиндуки и других плодов, ушел в другое место упражняться с камнем весом в человека, проверяя, сможет ли он его вытащить. Затем, испытав меру своей силы и убедившись, что он сможет вытащить его из пропасти, он спустился на дно и, движимый состраданием, сказал тому человеку:

11. «Пойди сюда, садись ко мне на спину и крепко за меня держись. Тебя вытаскивая, пользу извлеку я из тела бесполезного сего.

12. По мнению добрых, только в том и польза от тела бесполезного, что с помощью его приносят благо ближним мудрые».

«Хорошо!» — ответил человек и, почтительно поклонившись, взобрался на него.

13. Когда тот человек взобрался на него, он, от чрезмерной тяжести согнувшись, с трудом огромным вытащил его, при этом сохраняя стойкость духа благодаря своей огромной доброте.

14. И, вытащив его, довольный крайне, хоть и измученный и от усталости шатаясь, он отдохнуть решил на камне, как дождевая туча, темном.

И вот Бодхисаттва в силу чистоты своей натуры, не опасаясь вреда со стороны этого человека, так как он оказал ему услугу, доверчиво сказал ему:

15. «Так как этот лес легко доступен и беспрепятственно сюда приходят хищники, то чтобы кто-нибудь вдруг не убил меня, заснувшего от утомленья, а тем бы погубил и собственное будущее благо,

16. Ты стой на страже, наблюдая тщательно во круг. Усталось совершенно одолела мое тело, и я хочу поспать».

Тогда тот человек, нагло притворившись послушным, ответил ему: «Спи, господин, сколько хочешь, счастливого тебе пробуждения. Я буду стоять и охранять тебя». Но, когда сон одолел уставшего Бодхисаттву, он впал в низкие размышления:

17. «Кореньями, которые найти ведь очень трудно, или случайными плодами едва ли я смогу хотя бы поддержать свое измученное тело — что говорить уж о поправке.

18. И как, лишенный сил, пройду я через эти дебри? А мяса ведь его хватило бы, чтоб выбраться из этой дикой чащи.

19. Хотя и оказал он мне услугу, могу его я съесть, пожалуй, коли его таким создали.

Здесь, несомненно, приложим закон для черных дней³, и поэтому могу я взять его как пищу на дорогу.

20. Пока доверчиво он спит счастливым сном, могу его убить я. Ведь даже лев, пожалуй, будет побежден, коль встретится лицом к лицу с ним в битве, — поэтому не стоит времени терять».

Решив так, этот негодяй с мыслью, ослепленной грехом корысти, которая уничтожила в нем чувство благодарности, лишила сознания праведности и разрушила мягкое чувство милосердия, стремясь только к совершению этого злодеяния, поднял несмотря на чрезвычайную слабость большой камень и бросил обезьяне в голову.

21. Но так как он от слабости дрожал и проявил поспешность, стремясь свершить дурное дело, то камень, брошенный, чтоб погрузилась обезьяна в вечный сон, лишь разбудил ее.

22. Он не попал в нее всей тяжестью, поэтому не раздробил ей голову: лишь поцарапав обезьяну острым краем, упал на землю камень с громким шумом.

23. И Бодхисаттва, с головой, пораненной ударом камня, быстро вскочил и стал смотреть, кто же его ударил. Он не увидел никого — лишь человека этого, стоявшего с пристыженным лицом,

24. Утратившего наглость, и побледневшего от замешательства и неудачи. Страх горло иссушил его, он взмок от пота и даже глаз поднять не смел.

И вот Бодхисаттва, поняв, что это его дело, не думая о боли от раны, пришел в огромное волнение и сострадание из-за этого крайне дурного поступка, полного пренебрежения к собственному благу. Его не коснулись греховные чувства гнева и ярости и, со слезами на глазах глядя на этого человека, оплакивая его, он сказал:

25. «Как, человеком будучи, о друг, пошел ты на такой поступок? Как ты помыслить мог об этом, как совершил его?

26. Ты должен был ведь с мужеством героя свирепых отражать врагов, явившихся, чтоб причинить мне вред.

27. Если б я впал в высокомерие при мысли, что совершил я подвиг трудный, то далеко прогнал бы ты его, еще труднее подвиг совершив.

28. Как будто извлеченный из иного мира, из пасти смерти, из пропасти одной спасенный, ты, сделав это, упал, поистине, в другую пропасть.

29. Презренье низкому, жестокому неведению, которое бросает мир, надеждами на счастье жалкий, в пучину бедствий!

30. Ты сам совлек себя на путь несчастий и пламенную скорбь зажег во мне, заставив потускнеть блеск своей славы доброй и с добродетелями дружбе помешав.

31. Увы, ты стал мишенью для упреков, ты этим погубил доверчивость. Какую выгоду от этого ты ждал?

32. Меня не столько эта рана беспокоит, как боль

душевная, что ту вину, которая упала на меня в твоём грехе, не в силах смыть я.

33. Иди со мною рядом, чтоб мог тебя я видеть,— ведь сильные ты вызываешь подозрения,— пока из леса, полного опасностей, не выведу тебя я на дорогу, ведущую к селеньям.

34. Ведь тот, кто нападет в лесу случайно на тебя, блуждающего без дороги одиноко и телом истощенного, напрасным сделает мой труд, предпринятый из-за твоих мучений».

Так, сожалея об этом человеке, Великосущный довел его до границ населенных мест, указал дорогу и проговорил:

35. «Достиг ты населенных мест, о друг! Покинь опасный лес с его дремучей чащей и иди счастливо. Старайся избегать дурных деяний. Обычно жатва их приносит лишь мученья».

Так та Великая обезьяна с состраданием к тому человеку наставляла его, как ученика, а затем вернулась в свой лес.

И вот этот человек, совершивший такое злодеяние, сжигаемый в душе пламенем раскаяния, был вдруг поражен страшной проказой. Изменился весь его вид, кожу испещрили лестрые нарывы, которые, прорываясь, заливали гноем его тело, и оно поэтому крайне дурно пахло. В какую бы страну он ни приходил, повсюду не верили, что это человек — столь ужасно изуродовала его болезнь и так изменился его голос. Люди, считая его воплощенным дьяволом, прогоняли его поднятыми палками и угрожающей бранью. И вот некий выехавший на охоту раджа увидел его блуждающего в лесу, как прета, в грязной, истлевшей одежде, так что не было клочка, чтобы прикрыться, чрезвычайно отвратительного на вид, и спросил его с любопытством, смешанным со страхом:

36. «Твое проказой изуродовано тело и кожа язвами покрыта, ты бледен, истощен, несчастен и волосы твои в пыли.

37. Кто же ты, прета, пищача, иль папман⁴ воплощенный иль путана? Иль ты собрание множества болезней, или одна из них?»

Поклонившись царю, человек ответил слабым голосом: «Я человек, о великий царь, а не демон».

И спрошенный царем, как же он дошел до такого состояния, сознался перед ним в своем дурном поведении и сказал:

38. «Пока что появился лишь цветок предательства по отношению к другу. И ясно, что плоды его еще мушительнее будут.

39. Поэтому предательство по отношению к друзьям нужно считать врагом своим. С любовью нежной ты смотри на друга, который полон нежности к тебе.

40. Кто поступает не по-дружески по отношению к друзьям, тот еще здесь в такое состояние приходит.

Отсюда видно, какой удел в том мире ждет тех, кто предал друзей и сердце запятнал корыстью и другими грязными пороками.

41. В чьем сердце нежность и привязанность к друзьям, тому от них доверие и слава, и наслаждение их помощью. Тот добродетель скромности достигнет и в сердце радость обретет, неуязвим тот для врагов, и ждет его богов обитель.

42. Зная теперь, о царь, влияние и следствие к друзьям хорошего или дурного отношения, держись пути, которым добродетельные следуют. Идет кто по нему, того сопровождает счастье».

Таким образом, «не столько собственным страданием мучаются добродетельные, как отсутствием добродетельных качеств у тех, кто причинил им зло. [Так должно говорить о величии Татхагаты, а также почтительно слушая праведный закон, рассказывая о кротости и верности друзей и показывая греховность дурных деяний.]

XXV. ДЖАТАКА О ШАРАБХЕ¹

Даже к желающему убить, попавшему в беду высоко-сострадательные проявляют сострадание и не оставляют его своим участием. Вот как об этом назидательно повествуется.

В некой отдаленной лесной местности, где не встретишь человека и не услышишь человеческого голоса, служившей пристанищем стад различных диких животных, густо заросшей кустарниками и деревьями, подножия которых тонули в зарослях травы, где не проезжало ни колесо колесницы или телеги, ни нога путника не ступала, очерчивая дорогу или рубеж, где земля была неровная от глубоких ложбин, муравейников и ям, жил Бодхисаттва в облике шарабхи, одаренный силою, быстротою, большим и очень крепким телом прекрасной окраски. Вследствие его великого сострадания в его сердце не было коварства против живых тварей; он питался только травой, листьями и водой; в силу своей удовлетворенности он всей душой наслаждался жительством в лесу, как жаждущий уединения отшельник, и украшал собою эту лесную местность.

1. В животном облике он человеческим разумным духом обладал и, как подвижник, сострадательным ко всякой твари был. И жил в лесу уединенно, словно йог, одной травой довольствуясь.

И вот однажды некий царь, повелитель той страны, верхом на своем лучшем, поразительно быстром коне, с натянутым луком и стрелами в руках, желая испытать на животных свое искусство владеть оружием, в страстном увлечении преследуя диких зверей, далеко удалившись от отряда, состоявшего из слонов, конницы, колесниц и пеших воинов, прибыл в ту местность. Издали еще увидев Великосущного и твердо вознамерившись убить его, он, наложив острую стрелу на свой лук, направил к нему коня. И Бодхисаттва, заметив приближавшегося коня и на нем вооруженного царя, хоть и был достаточно силен, чтобы противостоять нападению, но.

отрешившись от насилия и вражды, с величайшей быстротой бросился бежать. Преследуемый царем, он встретил на пути большую расщелину и, быстро перепрыгнув ее, словно лужицу, побежал дальше. А конь, мчавшийся с предельной быстротой за шарабхой той же дорогой, достигнув этой впадины и не отважившись перепрыгнуть через нее, внезапно остановился.

2. И тут упал с коня с оружием вместе земли владыка, и полетел он вниз в глубокую расщелину, как воин-дайтъя в океан.

3. Направив взор свой на шарабху, не обращая ни на что вниманья, он пропасть под ногами не заметил; не удержался он в седле из-за того, что конь внезапно стремительный свой бег остановил.

Когда прекратился топот копыт коня, Бодхисаттва подумал: «Почему бы царь мог повернуть назад?» Обернувшись, он посмотрел назад и увидел лошадь без всадника, стоявшую на краю пропасти. Тогда он стал размышлять:

«Несомненно, царь упал в пропасть: нет ведь там ни дерева с густою тенью, к которому можно было бы прислониться для отдыха, ни озера с водою чистою и голубою, как лепестки голубого лотоса, пригодной для купанья. Углубившись в эту населенную хищными дикими зверями лесную чащу, не стал бы он, оставив где-нибудь прекрасного коня, ни отдыхать, ни преследовать зверя пешком. Нет там и никаких зарослей травы, где бы он мог спрятаться. Поэтому ясно, что царь упал в пропасть». Тогда Великосущный, обретя твердую уверенность, даже к тому убийце почувствовал большое сострадание:

4. «Еще сегодня под звуки громкой музыки его сопровождало украшенное яркими знаменами, доспехами блистая и оружием войско из конницы, слонов, пехоты, колесниц,

5. Прекрасный зонт был над главой его, сверкали опахала красотой жемчужных ручек; и, как богов владыку, сложив смиренно руки, его народа толпы

прославляли; он обладал благами всеми царского величья.

6. Теперь же он в глубокой пропасти лежит; от быстроты падения разбито его тело; он потерял сознание или мучительно страдает. Увы! Несчастье какое на него свалилось!

7. Лишениями закаленные, сердца простого люда не так глубоко поражаются страданиями, как не видавшие страданий, нежные сердца людей из знати, случайно оказавшихся в беде.

Он оттуда не сможет выбраться. Если в нем еще осталось дыхание жизни, то так его бросить невозможно».

С таким помышлением Великосущный, влекомый состраданием, подошел к самому краю пропасти. И там он увидел царя: от пыли его оружие потеряло блеск, измялись его турбан, одежда и пояс; боль от удара при падении в пропасть измучила его душу, и он, потеряв присутствие духа, корчился всем телом.

8. Когда увидел он в мученьях корчившегося царя, глаза его наполнились слезами; от сострадания забыв, что это враг, он сам почувствовал такие же страдания.

9. И обратился он к царю со скромностью, любезно, свое естественное благородство проявляя и ободряя речью, из ясных слов составленной, проникнутой учтивостью, влекущей сердце:

10. «В расщелину глубокую упав, чего-нибудь, великий царь, не повредил ли ты себе? Чего-нибудь ты не сломал ли в теле? Как боль твоя? Идет она на убыль?»

11. Не демон я, о лучший из людей, а лишь животное, в твоей стране живущее; твоей травой и водой я вскормлен; поэтому ты должен проявить ко мне доверье.

12. Ты от паденья в пропасть твердость духа не теряй, ведь в силах я тебя извлечь оттуда. Если меня

считаешь ты доверия достойным, тотчас же прикажи, и я к тебе приду!»

И у царя от этой необыкновенной речи шарабхи сердце наполнилось изумленьем; конечно, ему стало стыдно, и потому он впал в такие раздумья:

13. «Он видел доблесть своего врага — меня, и все же сострадателен ко мне! И как я мог неверно поступать по отношению к сему безгрешному!

14. Увы, пристыжен я его поступком добрым, но горьким для меня; ведь это я зверь дикий или бык! А он шарабхи облик только носит.

Поэтому я должен почтить его принятием его приветливого предложения!»

Решив так, царь сказал:

15. «Не очень пострадало мое тело, доспехами покрытое, и выносима боль, полученная от паденья в пропасть.

16. Но от страданий, причиненных мне паденьем в пропасть, я меньше мучаюсь, чем от сознания своей ошибки по отношению к тебе, столь сердцем благородному.

17. И не храни ты в памяти своей, что, виду внешнему поверив, тебя я принял за лесного зверя, не ведая природы истинной твоей!»

И шарабха, заключив из этого исполненного дружелюбия обращения царя о его согласии быть извлеченным из пропасти, стал упражняться с помощью камня, имеющего вес человека, и, убедившись в достаточности своих сил, решился извлечь царя из пропасти. Спустившись в расщелину и почтительно приблизившись к царю, он сказал:

18. «С. моим ты телом соприкосновение в угоду делу на мгновение потерпи, пока, блаженства своего тем достигая, я не заставлю радостью сиять твой лик!

Посему да благоволит великий царь подняться на мою спину и держаться на мне покрепче».

Тот, ответив ему: «Хорошо», — взобрался на него, как на коня.

19. С царем, сидевшим на его спине, поднявшись на дыбы и с изумительною силой и быстротою взлетевший вверх, казался он слоном, изображаемым на арках.

20. Извлекши же из пропасти людей владыку, он, радостный, подвел его к коню и, показав ему в столицу путь, собрался в лес уйти.

И царь, в благодарность за его услугу, оказанную с такой скромностью, с умиленным сердцем обняв шарабху, сказал:

21. «Вся жизнь моя — твоя отныне, о шарабха, не говоря о силе моей власти. Поэтому благоволи ты посетить мою столицу, и если там тебе понравится, она твоим пусть будет обиталищем!

22. Но в страшном сем лесу, охотниками полным, столь тягостном от холода, жары, дождя и прочих бедствий, тебя оставив, никак нельзя мне одному уйти домой.

Поэтому иди, идем со мною вместе!»

Бодхисаттва, выражая ему свое благоволение, со скромностью и приятной вежливостью сказал:

23. «О лучший из людей! Для тебе подобных и добродетель любящих такое поведение естественно. Ведь добродетель вселяется в природу праведных благодаря их постоянным упражнениям.

24. И если хочешь ты, дворец свой предлагая, приятное мне сделать, привыкшему так жить в лесу, — о том довольно: одно приятно для людей — иное по рождению привычно для животных.

25. Но если хочешь сделать мне приятное — оставь занятие охотой, о герой! Животные имеют слабый разум по своей природе, поэтому несчастные лесные звери особенно достойны сострадания.

26. Пойми, что сходно чувствуют живые существа,

приятного ища и отстраняя неприятное. Поэтому, что не желательно тебе, то и другим ты делать не старайся!

27. Уничтожение славы, людей благочестивых поприцание, страдания — от злых поступков происходят; зная это, ты зло как своего врага уничтожай, потворствовать ему, как и болезни, не годится!

28. Преумножай те чистые заслуги, при помощи которых ты достиг людьми ценимой царской обители блаженства: не должно уменьшать количество заслуг!

29. Так собирай заслуги те святые, несущие блаженство нам и славу, при помощи даров обильных, их поднося во время нужное и с уваженьем; и с помощью общенья с праведными, от них научишься ты нравственному поведению, а также потому, что блага будешь ты желать, как и себе, всем существам».

Таким образом Великосущный, твердо наставив того царя в делах, относящихся к будущей жизни, своими исполненными благорасположения словами и с великим почтением провожаемый взорами того царя, скрылся в лесу.

Таким образом, «даже к желающему убить, попавшему в Седу, высокосострадательные проявляют сострадание и не оставляют его своим участием».

[Еще в рассказе о сострадании следует излагать это, а также повествуя о величии души Татхагаты и наставляя внимательно слушать закон. В проповеди о том, что благодаря дружелюбию успокаивается вражда, и о снисхождении также следует привести это. И в состоянии животного Великосущный даже к убийцам проявлял сострадательное отношение; кто же, будучи человеком или же приняв обеты отшельника, выделялся бы отсутствием сострадания по отношению к живым тварям?

Зная это, благородному следует быть преисполненным сострадания ко всякому живому существу.]

XXVI. ДЖАТАКА ОБ ОЛЕНЕ РУРУ

Для добродетельных истинным несчастьем является несчастье ближнего; они не могут выносить чужих страданий.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва однажды родился оленем руру с гладкой шерстью, похожей по цвету на расплавленное золото. Его прекрасное тело сверкало, как каплями, чудесными оттенками различных драгоценных камней: рубинов, сапфиров, изумрудов, ляпис-лазури. У него были огромные кроткие глаза, темные и блестящие, а кончики рогов и копыт переливались мягким блеском, словно сделанные из драгоценных камней. Словно чудесная сокровищница, он бродил по лесной чаще, среди зарослей сала, бакулы, пиялы, хинталы, тамалы, нактамалы, видулы, ничулы, шиншапы, тиниши, шами, палаши, шаки, куши, бамбука и тростника. В этом лесном утолке, где росли кадамба, сарджа, арджуна, дхава, кхадира, кутаджа¹, и ветки деревьев обвивали различные ползучие растения, не было людей, и лишь бродили лесные животные: олени руру, пятнистые антилопы, сримары, яки, слоны, гавайи, буйволы, лани, ньянку², вепри, пантеры, гиены, тигры, волки, львы, медведи и другие.

Зная заманчивую красоту своего тела и людскую жестокость, он наслаждался жизнью в этой безлюдной лесной чаще, счастливо избегая благодаря своей проницательности ловушек, сетей, силков, западней и других приспособлений с приманками, расставленных там и сям охотниками. Он просвещал следовавшие за ним стада животных и руководил ими как учитель и отец.

1. Стремятся если к благу существа, разве они не станут почитать возвышенную красоту и мудрость, что проявляется в деяниях совершенных?

И вот как-то Великосущный, живший в этой лесной чаще, услышал отчаянные крики человека, уносимого протекавшей поблизости быстрой рекой, вздувшейся от полной воды:

2. «Меня несет поток стремительный воды; нет лодки у меня, и некому помочь. Спешите ж те, кто сострадателен к несчастным, чтобы скорей спасти меня, беднягу!

3. От напряжения устали руки, нет сил держаться, и нигде не достаю я дна. Скорей ко мне, иначе будет поздно!»

Бодхисаттва был поражен в самое сердце этим жалостным отчаянным криком и выбежал из лесной чащи, громким человеческим голосом повторяя слова, которыми он в течение многих рождений прогонял страх, уныние, подавленность и усталость: «Не бойся, не бойся!» Еще издали он увидел этого человека, уносимого, словно желанный дар, рекой.

4. Тогда, о риске для жизни собственной не размышляя, решил он спасти его и бросился в ужасную стремнину, словно герой, что в замешательство полки врагов приводит.

5. Путь преградив ему, велел он за себя держаться. И вот трясущийся всем телом от усталости и страха взобрался человек ему на спину.

6. Благодаря величию своей натуры он сохранил неколебимой стойкость, и даже с человеком на спине, вращаемый реки стремительным течением, достиг он берега, который человеку нужен был.

7. Доставив к берегу его, в приливе радости возвышенной не чувствуя усталости иль боли, своим теплом его согрел он и отпустил, дорогу указав.

Тогда тот человек с сердцем, проникнутым восхищением перед небывалой добротой, какую редко можно встретить даже у родных и друзей, с уважением и изумлением перед блеском его красоты, поклонился ему и сказал следующие приятные слова:

8. «Ни друг, ни родственник, исполненный ко мне любовью с детства, не смог бы сделать то, что сделал ты.

9. Вся жизнь моя принадлежит тебе. И если бы

хоть маленькую часть ее я посвятил служению тебе, мне это было бы огромной милостью.

10. Ты должен оказать мне эту милость, и повелеть мне сделать что-нибудь, на что меня способным ты считаешь».

Тогда Бодхисаттва ответил ему:

11. «Признательность достойного не удивляет: ведь для него она естественна. Но в мире, развращенном и испорченном, сегодня даже благодарность добродетелью считается.

Поэтому я тебе говорю, чтобы ты запомнил: никому не рассказывай, что тебя спасло какое-то необыкновенное существо. Мое прекрасное тело является заманчивой добычей. Ведь сердца людей, как правило, малосострадательны и безудержны в своей жадности.

12. Поэтому оберегать ты должен добродетели свои, а также и меня. Ведь к благу не ведет по отношению к друзьям предательство.

Не надо раздражаться, что я так говорю. Ведь мы, животные, привыкли к лживости людского поведения. Более того:

13. Из-за обманщиков притворно-скромных и искусных подозревают даже честных, искренних людей.

Поэтому я хочу, чтобы ты обрадовал меня, поступая так, как я говорю».

Человек ответил: «Хорошо!» — поклонился и, обойдя Великосущного слева направо, отправился к себе домой.

В то время у царя была жена, которая видела вещие сны. Какой бы исключительный сон она ни видела, он всегда исполнялся. Однажды, заснув, она рано утром на рассвете увидела следующий сон: олень руру, сияющий блеском, как сокровищница драгоценных камней, сидел на троне и, окруженный советом во главе с царем, человеческим голосом, ясно выговаривая слова и стихи, поучал праведному закону. Пораженная до глубины души изумлением, она проснулась от

звуків утреннього барабана, будившого її чоловіка³. При першому зручному випадку вона пішла до царя, який її безмежно любив і поважав.

14. Сяня блиском здивованих, широко розкритих очей і прелестю обличчя, в зворушенні дрижачого, вона царю, як дар пошановний, преподнесла розповідь про небувалим сніг.

Повідавши про це незвичайним сніг, вона знову майже звернулася до царя:

15. «О государь, прошу тебе, спробуй знайти того оленя. Нехай блиск цієї жемчужини серед оленьких прикрасить наш палац, як небо— зірковий Тарамгіга»⁴.

Тоді цар, переконаний в істинності її слів, погодився на її прохання, бажаючи доставити їй приємне. І, сам бажаючи знайти цю жемчужину серед оленьких, наказав усім мисливцям розшукувати його. Він наказав кожен день оголошувати в столиці:

16. «В священних книгах прославляється олень золотий, світить його тіло всіма відтінками коштовних драгоцінних, і хтось уже бачив його раніше. Цар платить багату винагороду і десять жінок найкращих тому, хто нам його покаже».

І ось той чоловік знову і знову вислушував це оголошення.

17. Серце його схиляли роздуми про муки бідності, але згадував він і велику службу оленя руру. І, розриваний признательністю і користою, він вагався серцем, думаючи і так, і інакше:

«Що ж мені тепер робити? Зберегтися добродетельним чи багатством? Виконати обіцянку чи борг по відношенню до родини? Думати про той світ чи про цей? Суватися поведінкою добродетельних чи звичайних людей? Стремитися до багатства чи до скарбів, лежачим святим? Думати про теперішнє чи про майбутнє?»

І ось він, так як користою привела в сум'яття його душу,

пришел к такому решению: «С помощью этого огромного богатства я могу достигнуть блаженства в том мире путем благодеяний родным, гостям и просителям, в то же время наслаждаясь удовольствиями этого мира». И, забыв об услуге оленя руру, он пришел к царю и сказал: «О государь, я знаю этого прекраснейшего из оленей и знаю, где его жилище. Поэтому скажи, кому я должен его показать». Услышав это, царь пришел в восторг и ответил: «Мне самому покажи его, о друг!»

Надев охотничью одежду, в окружении большого отряда, он покинул столицу и, следуя по пути, указываемому тем человеком, добрался до берега реки. Оцепив лесную чащу своим войском, царь, вооружившись луком и надев на палец защитное приспособление⁵, в сопровождении нескольких решительных и заслуживающих доверия людей, углубился в лесную чащу по дороге, указываемой тем человеком. И вот тот человек, увидев руру, который стоял ничего не подозревая, указал на него царю: «Государь, вот он, этот прекраснейший из оленей. Пусть царь соизволит посмотреть на него и принять необходимые меры».

18. Когда он поднял руку, желая показать оленя, она упала, как отсеченная мечом в предплечье.

19. Ведь возрастает сила кармы из-за поступков, совершаемых с такою целью и, если нечем их уравновесить, возмездие за них приходит сразу.

И вот царь, охваченный любопытством увидеть руру, бросил взгляд в направлении, указанном тем человеком.

20. И в чаще леса, темной, словно дождевая туча, увидел он, как пламенную молнию на небе, оленя руру необычайной красоты, чье тело блеском кладезя драгоценностей сверкало.

21. Его достоинствами зачарованный, охваченный желанием его заполучить, царь поднял лук, вложил стрелу и, чтоб пронзить его, приблизился.

И вот Бодхисаттва, услышав со всех сторон людской шум и поняв, что он окружен, увидел царя, приближающегося к

нему, чтобы поразить его стрелой и, почувствовав, что убежать нет возможности, обратился к царю человеческим голосом, ясно выговаривая звуки и слова:

22. «Постой, великий царь, о тур среди людей, не поражай меня. Сначала утоли мое ты любопытство.

23. Кто тебе поведал, что в глухом лесу, далеко от людских путей, живет такой олень?»

Царь, еще более очарованный таким удивительным обращением, произнесенным человеческим голосом, концом стрелы указал ему на того человека: «Это он показал нам тебя, такого необыкновенного». Тогда Бодхисаттва, узнав этого человека, сказал презрительно:

24. «Правда пословица, что лучше вытащить бревно, попавшее в поток воды, чем человека, чувства благодарности лишенного.

25. Так вот как отплатил он за услугу! Не знал он разве, что разрушает тем и собственное свое благо?»

Тогда царь подумал: «Он, несомненно, что-то недоговаривает». — и, сгорая от любопытства, с живостью обратился к руру:

26. «Слушая, как обвиняешь ты кого-то, глубокий смысл твоих речей не понимая, встревожилась моя душа.

27. Поэтому скажи, прекраснейший олень, о ком ты говоришь. О человеке или демоне, о птице или звере?»

Бодхисаттва сказал:

28. «О царь, не обвиненье это. Пусть не пытается он снова делать так, поняв, что осужденье заслужил его поступок. Вот почему я говорил такие резкие слова.

29. Кто может сбившимся с пути прямого суровые сказать слова, как будто солью рану посыпая? Но даже сына дорогого лечит врач, как требует того болезнь.

30. Из-за того, о лучший из людей, кого, стремительным потоком уносимого, из сострадания я спас, опасность для меня возникла. Поистине, общение с дурными ко благу не ведет».

Тогда царь, бросив на того человека суровый взгляд, сказал с жестоким осуждением: «Эй! Правда ли, что ты, попав в беду, был спасен им?» И тот человек, побледневший и всповетший от страха и отчаяния, стыдась, тихо ответил: «Правда!» Тогда царь воскликнул: «Презрение тебе!» — и, наложив на лук стрелу, с угрозой сказал:

«Довольно!

31. Тому, чье сердце смягчиться не способно даже подобными ради него стараниями, не стоит больше жить, презреннейшему из людей, пятну позора для своих собратьев!»

С этими словами он поднял и натянул лук, чтобы убить его. Но Бодхисаттва, ощущая в своем сердце глубокое сострадание, встал между ними и сказал царю:

«Не надо, о великий царь, не убивай уже убитого!

32. Как только уступил он соблазнам мерзким своего врага — корысти, так сразу был убит и в этом мире — потерей доброй славы и в том — нарушив дхарму.

33. Ведь люди, чей рассудок унесен невыносимыми страданиями, в несчастье попадают, надеждой на богатство соблазненные, как глупый мотылек — светильника сиянием.

34. Поэтому яви здесь милость, а не гнев. И если этим он желал достичь чего-то, то сделай так, чтобы его поступок безрассудный не был бесплодным. А я почтительно твоих приказов жду».

Царь был поражен милосердным и искренним желанием вознаградить даже и причинившего зло. Вера родилась в нем, и, с уважением глядя на руру, он воскликнул:

«Прекрасно, прекрасно, о великоблаженный!

35. Поистине, являя милосердие подобное к тому,

кто причинил тебе такое зло, скорей ты человек по добродетелям своим, а мы — по облику лишь люди!

36. Так как презренный этот достоин сострадания твоего и послужил причиной того, что я увидел праведного, я дам ему желанное богатство. А ты — броди, где хочешь, в этом царстве».

Руру сказал: «Я принимаю эту милость великого царя, которая не будет бесплодной и напрасной. Чтобы благодаря нашей встрече здесь я мог принести тебе пользу, отдай свои повеления». Тогда царь почтительно, как наставника, усадил руру в свою колесницу и с великой пышностью въехал в свою столицу. Совершив обряды гостеприимства, он предложил ему взойти на трон и, глядя на него с любовью и уважением, вместе с семьей и со всеми советниками стал спрашивать о праведном законе:

37. «Многообразны мнения людей о праведном законе. А у тебя есть твердое о нем суждение? Благоволи поведать нам его».

И Бодхисаттва мягким и нежным голосом, ясно выговаривая слова, стал наставлять царя и все собрание закону праведности.

38. «Считаю я, о царь, что „милосердие к живым созданиям“ — вот кратко суть закона, многообразного в поступках, таких, как воздержание от причинения вреда, от воровства и прочего.

Пойми, о царь!

39. Если б таким же было милосердие к ближним, как о самом себе или о родных забота, то в чьем бы сердце жить могло опасное стремление к злу?

40. Лишенный милосердия человек доходит до предела, меняясь к худшему и в мыслях, и в речах, и в действиях по отношению даже и к родным, не говоря уже о прочих людях.

41. Поэтому пусть тот, кто к добродетели стремится, не отрекается от сострадания, дающего желанные

плоды. Ведь росту добродетелей оно полезно, как дождь — хлебам.

42. В душе, где поселилось милосердье, нет места яростной вражде; если она чиста, не осквернится речь и тело, и к благу ближнего возросшая любовь ведь порождает щедрость, кротость и другие совершенства, которые приносят славу добрую и радость.

43. Ведь милосердный опасений у других не вызывает благодаря спокойствию. Доверье милосердный вызывает, словно он родич всему миру. Ни страсть, ни беспокойство не возникнут в сердце у того, кто стоек милосердьем. И пламя гнева не горит в душе, прохладною водою милосердья орошенной.

44. Поэтому лишь в милосердье видят мудрые закона праведного сущность. Есть ли достоинство, хранимое святыми, которое причиной не имело б милосердье? Поэтому как к сыну, как к самому себе, ко всем ты людям относишься и, привлекая добродетелью сердца людей, прославь свое достоинство владыки».

Тогда царь, вознеся хвалу этим словам руру, вместе с горожанами и селянами стал приверженцем закона праведности. И даровал безопасность всем животным и птицам.

Таким образом, «для добродетельных истинным несчастьем является несчастье ближнего, они не могут выносить чужих страданий». [Это нужно рассказывать, рассуждая о сострадании, а также приводить в проповеди о великодушии добродетельных людей и в осуждение злонамеренных.]

XXVII. ДЖАТАКА О ВЕЛИКОЙ ОБЕЗЬЯНЕ

Даже сердца врагов привлекают к себе те, кто следует добродетельному поведению. Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва когда-то был предводителем стада обезьян в одном благословенном уголке в самом сердце Гималаев, где росли в изобилии лекарственные растения, соки которых производят самое различное действие, и сотни деревьев с разнообразными цветами, плодами, почками и ветвями; где текли горные потоки, прозрачные, как кристаллы хрусталя; где неумолчно раздавалось пение птичьих стай. Но и в таком состоянии, благодаря постоянным упражнениям в щедрости и сострадании, в сердце Бодхисаттвы отсутствовали зависть, эгоизм и жестокость, словно им мешало его служение их врагам¹. Он жил на большом баньяновом дереве, упирающемся в небо, как горная вершина, казавшемся владыкой леса и благодаря густым ветвям, покрытым листвой, походившим на скопление облаков. Его ветви сгибались от плодов, превосходивших размерами плоды веерной пальмы, отличавшихся прекрасным вкусом, приятным цветом и ароматом.

1. У добродетельных, хотя бы и животных, есть все-таки остаток судьбы счастливой, которая направлена на благо их друзей, как остаток богатства уехавших в страну чужую служит их друзьям.

Одна ветка этого дерева склонилась над протекавшей рядом рекой. И вот Бодхисаттва, предвидя далеко вперед, поучал обезьянье стадо: «Если вы не помешаете плодоносить этой ветке баньяна, не наслаждаться никому из вас больше плодами с других веток». И вот однажды обезьяны не углади на этой ветке один плод, еще незрелый и поэтому не очень большой, скрытый листьями, которые муравьи свернули в виде воронки. С течением времени он вырос, приобрел прекрасный цвет, запах, сочность и мягкость. И когда он созрел, его стебелек оборвался, и он упал в реку. Уносимый вниз по течению, он зацепился за сеть, преграждавшую реку, поставленную по приказу некоего царя, наслаждавшегося в это время со своим гаремом играми в воде.

2. Распространяя упоительный чудесный аромат, он заглушил благоуханье смешанное омовений, венков, духов и женщин.

3. И женщины, полузакрыв глаза, вдыхали с наслаждением тот пьянящий запах, кругом бросая взгляды, полные живого любопытства.

Поводя взволнованными от любопытства глазами, женщины увидели запутавшийся в сети плод баньяна, превосходящий размерами спелый плод веерной пальмы. «Что же это такое?» — подумали они, не в силах оторвать от него глаза, а вместе с ними так подумал и царь. Он повелел принести этот плод и после осмотра опытным врачом отведал его.

4. Его необычайный вкус изумил царя, как поражают зрителей изображаемые во время представлений чувства².

5. Приведенный в изумление чудесным запахом и цветом, царь, наслаждаясь его вкусом, пришел в восторг и восхищение.

И вот хотя царь был привычен к изысканным блюдам, он настолько был очарован его вкусом, что ему пришла мысль:

6. «Поистине, кто не вкушает таких плодов, какие царской власти плоды вкушает тот? Кто ж пищу ест такую, тот и является царем, себя не утруждая исполнением долга государя».

Желая узнать, откуда он появился, царь стал так размышлять: «Ясно, что прекрасное дерево, которому принадлежит этот плод, должно быть недалеко отсюда и стоит на берегу реки. А так как не исчезли его цвет, аромат и вкус, значит он недолго пробыл в воде и не испортился; поэтому возможно узнать его происхождение». Придя к такому решению, царь, увлекаемый страстным желанием насладиться его вкусом, прекратил игры в воде и, приняв меры для поддержания порядка в столице, с большим войском, снаряженным для похода, отправился вверх по реке. Постепенно пролагая себе путь через лесные чащи, где обитало множество хищных животных, испытывая самые различные удовольствия, рассматривая естественную прелесть лесов и пугая треском

барабана лесных слонов и оленей, они добрались до труднопроходимой для людей местности, где росло это дерево.

7. Царь издали увидел лесов владыку, словно груду облаков, придавленных под тяжестью воды, стоявшего возле утеса и напоминавшего утес, на которого, как на властителя, смотрели снизу вверх деревья.

Встреченный чарующим ароматом этого дерева, превосходящим аромат спелых плодов манго, царь решил сразу, что это и есть то самое дерево. Подойдя ближе, он увидел, что на его ветвях расселись сотни обезьян, занятых пожиранием его плодов. Тогда царь, крайне разгневавшись на этих обезьян, грабивших столь желанное его достояние, стал браниться и кричать своим людям: «Бейте их! Бейте, убивайте, уничтожайте, гоните прочь этих негодных обезьян!» И его люди, взяв луки и приготовившись выпустить стрелы, криками угрожали обезьянам, а другие высоко подняли комья земли, дубины и копья. Они наступали на дерево так, словно им нужно было атаковать неприступную крепость. Меж тем Бодхисаттва заметил приближение царского войска, походившего на океан, воды которого взмывает стремительный ветер, поднявшего необыкновенный шум, осыпавшего дерево со всех сторон, как градом молний, стрелами, комьями земли, палками и копьями. Он увидел также, что обезьяны могут испускать только крики ужаса и обращают к нему свои изменившиеся от отчаяния лица. Глубокое сострадание овладело его сердцем, и он, свободный от отчаяния, уныния и страха, успокоив обезьянье стадо, направил все свои помыслы на их спасение. Взорвавшись на верхушку дерева, он хотел перепрыгнуть на соседнюю скалу. Хотя до той вершины можно было добраться только в несколько последовательных прыжков, Великосущный благодаря своей чудесной отваге перелетел, как птица.

8. И в два прыжка бы не преодолели другие обезьяны это расстояние, которое отважным и стремительным прыжком покрыв он, как будто бы оно ничтожным было.

9. Его решимость возросла от сострадания и отточилась отвагой в совершенстве. Он приложил огромные усилия и напряжением ума нашел тот путь.

Взобравшись на самое высокое место на вершине утеса, он нашел прочный и большой тростник, крепко вросший в скалу своими корнями, длина которого превышала расстояние [до баньяна]. Привязав этот тростник к ногам, он снова перепрыгнул на дерево. Так как расстояние было велико, и ему мешал тростник, привязанный к ногам, Великосущный с трудом ухватился руками за ближайшую ветку дерева.

10. Затем, держась за ветку крепко и натянув старательно тростник, он жестом стаду приказал немедленно покинуть дерево.

Тогда обезьяны, обезумевшие от страха, увидели путь к спасению и устремились по нему, не заботясь о том, что бегут по его телу, и благополучно спаслись тем путем.

11. Когда топтали его ноги обезумевших от страха обезьян, лишилось его тело крепости, но ум великой стойкости не потерял.

Увидев это, царь и его люди пришли в невыразимое удивление.

12. Такое мужество, величие мудрости и безразличие к себе, а также милосердие к ближним удивит и тех, кто только слышал это. Так что же говорить о видевших воочию?

И вот царь приказал своим людям: «Царь обезьян, тело которого изранено ногами стада обезьян, обезумевших от ужаса, должно быть очень устал, долго находясь в одной и той же позе, и не сможет сам освободиться. Поэтому немедленно растяните внизу под ним ковер и одновременно стрелами рассеките тростник и ветку баньяна». Те так и сделали. Тогда царь велел осторожно поднять его с ковра и положить на мягкое ложе, где он лежал в бессознательном состоянии, вызванном болью от ран и усталостью. После того как его раны были смазаны очищенным маслом и другими снадобья-

ми, способствующими заживлению свежих повреждений, его слабость уменьшилась.

И, когда он пришел в себя, царь, преисполненный любопытства, удивления и уважения, приблизился к нему и, спросив сначала о его здоровье, сказал:

13. «Для обезьян себя мостом ты сделал, не жалея жизни. Ты спас их. Кто же ты для них и кто они тебе?

14. О первая из обезьян, ты Расскажи мне, коль слышать я достоин. Ведь на такое дело не пойдут сердца, скрепленные лишь дружбы узами».

Тогда Бодхисаттва, почтив царя за его ласковое обращение и помощь, достойным образом поведал о себе:

15. «Они, мои приказы принимавшие всегда, правленья бремя возложили на меня, я же, к ним сердцем привязавшийся, как к детям, ту ношу принял.

16. Такова, великий царь, связь между мной и ними, окрепшая за время долгое. И дружба между равных по породе благодаря совместной жизни превратилась в привязанность».

Услышав это, царь еще более изумился и сказал:

17. «Служат советники и прочие властителю, но не властитель им. Так почему же ты отдал себя для блага подчиненных?»

Бодхисаттва сказал: «Хотя, о великий царь, таково правило государственной мудрости, но мне оно кажется трудноисполнимым.

18. Какая мука с равнодушием смотреть на нестерпимое страданье даже незнакомого. Что ж говорить о человеке, с преданностью обратившемся к тебе и ставшим дорогим, как родич.

19. Когда увидел я растущую опасность для обезьян, отчаяние их и страданье, скорбь мною овладела, не оставив места заботе о доле собственной.

20. Увидев натянутые луки и мелькающие молнией мечи, услышав наводящий страх звон тетивы на-

тянутой, я поспешил, не размышляя, на утес с банья-на перепрыгнуть.

21. Затем товарищами, потерявшими рассудок от невиданного страха, призываемый, я привязал к ногам тростник с могучими корнями, для цели мной намеренной пригодный.

22. Чтобы спасти товарищей, я снова перепрыгнул со скалы на дерево, схватив руками ветку ближнюю, словно протянутую мне ладонь.

23. И вот пока висел я между тростником и ветви дерева протянутой рукой, товарищи мои спаслись, благополучно пробежав, того не замечая, по телу моему».

Тогда царь, увидев великий восторг Великосущного, даже когда он находился в таком состоянии, выражая глубочайшее изумление, снова сказал ему:

24. «Чего хорошего добился ты, так безразлично к собственному благу отнесясь и на себя приняв несчастье чужое?»

Бодхисаттва сказал:

25. «О царь, пускай разбито мое тело, зато душа моя здорова, как никогда, с тех пор, как отвратил несчастье я от тех, кем правил долго.

26. Как в битве победив врагов высокомерных, на теле, словно украшение, герои носят знаки блистательного мужества, с такой же радостью переношу свои я раны.

27. Сегодня оплатил я долг за счастье, доставляемое властью, приносящей не только уважение и почет, но также преданность народа.

28. Поэтому меня не мучат ни страдания, ни с ближними разлука, ни утрата блаженства, ни вызванная таким поступком смерть, что наступает, как великий праздник.

29. Души спокойствие благодаря расплате за прежние услуги, свобода от забот и слава безупречная,

бесстрашие пред смертью, от царя почет и одобрение добродетельных за чувство благодарности —

30. Вот этих добродетелей достиг я, о древо добродетелей святых, принявши на себя эту беду. А их противники³ того царя настигнут, немилосерд который к подданным своим.

31. Если царь лишился доброй славы и добродетелей, и стал он обиталищем пороков, то что же может ожидать его? — Лишь яростное пламя адское.

32. Поэтому, о знаменитый, я рассказал тебе о силе добродетели и зла. Ты царством управляй своим согласно добродетели закону, богиня счастья Лакшми ведь в любви, как женщина, непостоянна.

33. Достойным воинам, советникам, селянам, горожанам, всем беззащитным, а также шраманам и брахманам — всем, как отец, доставить счастье, ведущее к блаженству, стремиться должен царь.

34. Да будешь счастлив ты и здесь и в мире том, преумножая праведность, богатство, славу. И потому; о царь людей, сияй тем блеском царственного мудреца, что происходит от сострадания к ближним».

35. Так наставленье преподав царю, внимавшему, как ученик, почтительно и одобрявшему такую речь, вознесся он на небо, покинув свое тело, погибшее из-за тяжелых ран.

Таким образом, «даже сердца врагов привлекают к себе те, кто следует добродетельному поведению». Поэтому кто хочет привлечь к себе людей, должен следовать путем добродетельных. [«Не в состоянии существа даже самим себе принести такую пользу, какую владыка принес другим», — так нужно говорить о Татхагате. А также о почтительном слушании учения, о сострадании и о наставлении царям, а именно: «Вот как царь должен быть милосерден к подданным». Также нужно это приводить в проповеди о благодарности: «Так бывают благодарны праведные люди».]

XXVIII. ДЖАТАКА О КШАНТИВАДИНЕ

Для глубоко проникнутых кротостью, великих своим проникновенным спокойствием нет ничего, что они не перенесли бы с терпением. Вот как об этом назидательно повествуется.

Некогда Бодхисаттва постигнул, что жительство в доме исполнено многих грехов и бедствий и вследствие предпочтения, оказываемого корыстным выгодам и чувственным наслаждениям, не способствует спокойствию. Открытое для натиска целых туч грехов, таких, как любовь, ненависть, заблуждения, злоба, гнев, похотливость, гордость, зависть и прочие, оно ведет к падению стыда и религии и является обиталищем злонамеренных вожделений корыстолюбия; тесно связанное с дурными делами, оно оставляет очень мало места для праведности. Он увидел также, что состояние отшельника-монаха, благодаря отказу от имущества и чувственных удовольствий свободное от всех зол, приносит благо, и сделался подвижником-монахом. Он отличался добрым поведением, ученостью, умиротворенностью, скромностью и самообладанием. Полного неиссякаемой готовности проповедовать кротость и в соответствии с нею излагавшего учение праведного закона, народ, забыв его личное и родовое имя, прозвал его Кшантивадином — «Проповедующий кротость».

1. Блеск власти, знаний, подвигов великих, чрезмерная привязанность к искусствам, а также недостатки тела, речи или поведения — вот что является причиной прозвищ.

2. Он, зная кротости величие и потому стремясь украсить ею мир, как самого себя, о кротости беседы постоянно вел, за это Кшантивадином был прозван.

3. Его натуры свойство — кротость великая, — при оскорблениях даже твердая всегда, и проповеди дивные его о ней создали ему славу мунни.

Великосущный избрал местом своего жительства чудесную лесную местность, чарующую своей уединенностью и:

красотой, напоминавшую прелестный сад. В любое время года там было полно цветов и плодов и прозрачную воду пруда украшали белые и голубые лотосы; своим пребыванием он придал этой местности святость обителя.

4. Где праведники обитают, украшенные всеми добродетелями, то место благодатно и прекрасно; оно святыня и подвижников обитель.

Он жил там, глубоко почитаемый населявшими лес божествами и посещаемый народом, искавшим спасения и возлюбившим добродетель. Своими радовавшими слух и сердце благочестивыми беседами о кротости он оказывал тем людям великую милость.

И однажды царь той страны, истосковавшись по играм в воде, столь желанным из-за летнего зноя, прибыл вместе со своим гаремом в эту лесную местность, походившую скорее на сад по своим восхитительным достоинствам.

5. Он лес тот, Нандане¹ подобный, очаровательно прекрасный, где разбрелись вокруг красавицы, как бы украсил, гуляя в нем и развлекаясь со своею пышной, шаловливой свитой.

6. В густых дубравах, беседках из лиан, среди деревьев, украшенных улыбками цветов, у вод, где лотосы глаза раскрыли, естественной несдержанностью женских чувств он наслаждался.

7. Смотрел он, улыбаясь, как женщины с прелестной грацией свой выражали страх пред пчелами, которых соблазнили венков, напитков, притираний и воды душистой ароматы.

8. Хотя прекрасными и свежими цветами уже украшены их уши были, хотя достаточно венков обвили их прически, все ж не довольно было им цветов, как не довольно было милых их проказ царю.

9. Царь любовался юных женских глаз гирляндой, то собиравшихся в беседках, то медливших у лотосовых зарослей, то, словно пчелы, вившихся вокруг деревьев.

10. И дерзко страстные кукушек² крики, павлинов пляски и жужжание пчел перед красавиц возгласами, танцами и пением померкли.

11. Барабанами возбужденные, словно туч грозовыми ударами, распустили хвосты павлины, испуская громкие крики, как артисты, своим искусством выражая царю почтение.

И вот он, вволю насладившись приятною прогулкой со своим гаремом по этому лесу-саду, уставший и охваченный опьянением, отдался во власть сна в одной из красивых беседок на драгоценном прекрасном ложе. И женщины, увидев, что занят царь другим, и не насытившись еще красотой леса, привлекавшей их сердца, разбились там по своей прихоти на группы и разбрелись повсюду, сопровождаемые звоном украшений, который смешивался с нежным лепетом их щелбета.

12. Куда хотели, разбрелись повсюду женщины по лесу; за ними вслед несли служанки знаки царской власти: зонтик, опахала и сиденье, сверкающие золотыми украшениями.

13. Цветы деревьев и прекрасные побеги, которые встречались по пути, из жадности они сорвать стремились сами, пренебрегая услугами служанок.

14. И по дороге находя кусты с прелестными цветами иль с ветками дрожащими деревья, хотя достаточно цветов у них и в украшениях было, и в гирляндах, по ненасытности своей, их не задев, не проходили.

Восхищенные до глубины сердца прелестью леса, царские жены, блуждая по лесу, наткнулись на обитель Кшантивадина. И хотя известны были могущество подвигов и величие души того отшельника, люди, надзиравшие над женщинами, все же из-за нежности царя к ним и так как трудно было это сделать, не смогли их удержать. И женщины, будто притягиваемые красотой обители, ставшей еще более прелестной благодаря магической силе ее обитателя, увидели там

этого выдающегося муни; спокойствие придавало ему кроткий вид; его глубокая проницательность вызывала страх; он словно сиял блеском своих подвигов; от упражнений в созерцании он был спокойно прекрасен благодаря невозмутимости своих чувств, хотя соприкасался духом с возвышенными объектами; словно воплощение праведности, он являл собой благодатное и святое зрелище, сидя под деревом, скрестив ноги. И царские жены, на которых произвело глубокое впечатление сияние его подвигов, от одного вида его оставив кокетство, игривость и высокомерие, смиренно приблизились к нему и сели вокруг. Он, прежде всего обратившись к ним с ласковыми приветствиями и другими любезными словами, приятными для гостей, побуждаемый их просьбами, воспользовавшись случаем, оказал им гостеприимство беседами о праведном законе, легко понятными и для женщин, поясняя свои слова примерами:

15. «Достигнув безупречного рожденья человеком и совершенства полного и чувств, и тела, кто не свершает добрых дел по нерадению ежедневно, тем самым неизбежно к смерти приближается, обманывая только сам себя.

16. Ни род, ни красота, ни возраст, ни сила выдающаяся, ни богатство в той жизни не дают блаженства никому, коль щедростью и добрым поведением и добродетелями прочими украшен он не будет в этой жизни.

17. А родовитости и прочего лишенный, но злого не желающий другим, и щедростью, и добрым поведением, и добродетелями прочими известный, в той жизни встретится с блаженством несомненно, как океан с водою рек при появлении туч на небе.

18. Знатного рода, красоты и возраста, могучей силы и богатств огромных даже в сем мире украшение лучшее — вниманье к добродетелям, а золотой венец — ведь лишь богатства знак.

19. Как украшаются цветами все деревья, а мол-

ниями — облака, водой набухшие, озера — опьяневшими над лотосами пчелами, так добродетелями совершенными — живые существа.

20. Здоровью, возрасту, богатству, красоте, рождению соответственно все люди делятся на низких, средних и высоких; но эта тройственность исходит не из собственной природы, не из поддержки внешней, а из деяний человека.

21. И зная этот постоянный для всего живущего закон и неустойчивость, и гибели подверженность сей жизни, оставьте злое вы, держась деяний чистых. Ведь это — путь и к славе и к блаженству!

22. Ума порок обычно, как огонь, сжигает благо и свое и ближнего. Поэтому пусть все, кто зла страшится, его усердно избегают, с противником его вступив в союз.

23. Как угасает даже и пылающий огонь, водой наполненную до краев большую реку встретив, так, встретивши полезную в мирах обоих кротость, к ней прилепившегося сердца пламя угасает.

24. Так кротостью уничтожают злое, благодаря победе над его причиной, и потому вражда не возникает в силу дружелюбия поддержки. Любимый, почитаемый за это праведник вкушает здесь блаженство, и, на заслуги добродетельные опираясь, потом уходит он на небо, словно в дом свой.

Сверх того, о госпожи, эта же кротость

25. Как превосходство праведной натуры прославляется; как высшее развитие, которого заслугами и славой достигают, как очищение, что без воды свершается, как высшее богатство, достигаемое различными бесчисленными добродетелями.

26. Обид других людей всегда не помнить⁴ — есть состояние праведных, прекрасное и чудное название — „кротость“ за качества свои оно имеет; оно приносит миру благо и сострадания полно.

27. Она могущественных украшение и высшая ступень великих сил подвижников святых, поток воды для пламени пожара помышлений злых; и в том и в этом мире кротость все несчастья погашает.

28. Из кротости сплетенный панцирь добрых речей все стрелы злых людей тупыми делает. По большей части в восхваления цветы преобразившись, вплетаются в гирлянду славы добрых эти стрелы.

29. Она разит врага закона праведного — заблужденье; она, как всем известно, самый легкий путь к спасенью. И кто ж поэтому не будет прилагать усилий ради кротости, единственно к блаженству нас ведущей?»

Таким образом Великосущный предложил женщинам слово закона в качестве угощения.

Между тем царь, прогнав усталость сном и проснувшись с отяжелевшими от не прошедшего еще опьянения глазами, желая продолжать свои любовные наслаждения, нахмутив брови, обратился к охранительницам ложа: «Где царицы?» — «Они, о государь, украшая собой чашу леса, рассматривают его красоты». Услышав такой ответ от охранительниц ложа, царь возымел страстное желание слышать их непринужденный смех, разговоры, видеть их беготню и движения и, поднявшись с ложа, с зонтиком, опахалом, одеяниями и мечом, которые несли молодые женщины, сопровождаемый одетыми в панцири, с тростниковыми палками в руках, гаремными евнухами, последовал за ними в лес. Идя по следу, отмеченному небрежностью женщин — разбросанными повсюду пучками различных цветов и побегов, а также красным соком бетеля, он приблизился к той обители. И царь, увидев того великого мудреца-отшельника Кшантивадина, окруженного царицами, вследствие оставшейся в его душе прежней вражды, опьянения, помутившего его память, и ревности, завладевшей его разумом, пришел в величайший гнев. Не имея силы спокойно наблюдать происходившее, он, потеряв скромность, учтивость и самообладание, был охвачен грехом гнева;

на его подергивавшемся, потерявшем краски лице выступил пот; брови нахмурились, и глаза, налившиеся кровью, то косили, то выходили из орбит, то останавливались неподвижно; он утратил весь свой блеск, всю прелесть и красоту, и, потирая руки, пальцы которых были украшены кольцами, отодвигая золотые запястья, он, осыпая ругательствами великого мудреца-отшельника, стал говорить ему разные злые слова:

«Эй, эй!

30. Это что за обольститель? Величье наше оскорбляя, разглядывает наш гарем, отшельника личиной прикрываясь».

Слыша это, евнухи со смущением и беспокойством сказали царю: «Государь, не нужно говорить так! Долговременными обетами, самоограничениями и подвигами проникнута душа этого отшельника по имени Кшантивадин». Но, потеряв рассудок, царь, не внимая их словам, сказал:

«О горе мне!

31. Уже давно народ таким путем он в заблуждение вводит, обманом, лицемерием своим, подвижником великим притворяясь!

Ну хорошо же! Я покажу всем истинную природу этого лицемера, полную обмана и притворства, скрытого под личиной отшельника».

Сказав так, он взял из рук телохранительницы меч и, собираясь убить того великого мудреца-отшельника, пошел на него, как на своего соперника. А супруги царя, извещенные слугами о его приходе, увидев царя, от гнева утратившего свою красоту, с упавшими сердцами, с глазами, блуждающими от волнения и беспокойства, поднявшись, простились с великим отшельником. Воздымая руки, похожие на цветы лотоса, выглядывающие осенью из бутонов, они приблизились к царю.

32. Но их приема прелесть, скромность, чистота не успокоили его пылавшего огнем негодованья сердца.

Оправившись от первого страха, супруги царя, увидев,

что он, в гневе изменив на грубость свое вежливое обращение, бросился с оружием к тому великому отшельнику, устремив на него искаженный взгляд, преградили царю дорогу, говоря: «Государь, не надо, не поступай безрассудно! Это почтенный Кшантивадин!» Но по испорченности своей души царь подумал: «Он уже сумел склонить к себе их сердца» — и, придя в еще больший гнев от этой мысли, он стал еще более открыто косыми взглядами выражать порицание их дерзкой просьбе своими нахмуренными бровями и свирепыми от наполнившей его ревности. В бешенстве кидал он взоры на слуг, надзиравших за женщинами, так что от содрогания его головы дрожали кольца в ушах и диадема. Обратившись к женщинам, он сказал:

33. «Лишь говорит о кротости подвижник этот, но ее не проявляет! Ведь жажду встретить женщин не смог он кротко вытерпеть!

34. Одно — слова его, совсем другое — действия или же мыслей злых исполненное сердце. К лесу подвижников, души своей не обуздавший, какое отношение он имеет? Сидит спокойно, будто он святой, напыщенный в своих обетах лицемерных!»

И супруги царя изгнали из души любовь к нему, за его жестокосердие в порыве гнева и, зная свирепость царя и то, с каким трудом он поддается увещаниям, до глубины сердца преисполнились уныния и скорби. Побуждаемые удалиться знаками рук пришедших в смятение от страха и волнения евнухов, от стыда опустив лица, они ушли, скорбя о том великом отшельнике.

35. «О, мы причина гнева царского к этому безвинному, смиренному подвижнику, своими добродетелями славному! Кто знает, чем кончится игра сей страсти? Каким путем пойдет земли владыки ярость?

36. Владыки сан, приобретенную им славу, тело отшельника и подвиги его и эти наши невинные сердца способен сразу в гневе погубить наш царь!»

Когда супруги царя, находя прибежище лишь в скорбных

рыданиях и вздохах, удалились, царь, угрожая великому отшельнику и в гневе обнажив меч, приблизился к нему, чтобы своими руками рассечь его. Увидев Великосущного неизменно спокойным и не изменившим своего обычного поведения, хотя на него и напали с мечом, царь с еще большим гневом сказал ему:

37. «О, как притворство он довел до совершенства. Ведь даже на меня он смотрит, будто бы святой он, в высокомерии своем фальшивом».

А Бодхисаттва, привыкший к кротости и потому не потрясенный в своей твердости, из оскорбительного поведения царя тотчас же с удивлением уразумел, что тот ведет себя таким неподобающим образом в припадке гнева, пренебрегая благовоспитанностью и учтивостью и потеряв способность различать, что для него благо, а что зло. Испытывая к нему сострадание и стремясь его успокоить, он сказал приблизительно так:

38. «Неуважение можно встретить в мире, судьбой или виною порожденное, поэтому здесь не о нем я беспокоюсь. Но тяжело мне, что в отношении тебя даже обычная для проходящих встреча словами мной не выполняется, как должно!

Кроме того, о великий царь:

39. Недоброе творящих наставлять на правый путь должны тебе подобные, заботясь о благе всех живых существ. Опрометчиво не подобает поступать, и потому ты должен следовать тропею размышленья.

40. Неподобающим и доброе нам может показать, недоброе же — чем-нибудь иным; поступков сущность ведь не вдруг нам выявляется и не без размышленья о причинах их различий.

41. Но, обсуждая каждый свой поступок и проникая в суть его, держась закона мудрости державной, великой праведности, пользы, наслажденья достигнет для народа царь и ими не оставлен будет сам!

42. Поэтому, оставив опрометчивость, ты помыслы направить должен на деянья, сулящие нам славу. Известными становятся повсюду людей с высоким положением ошибки, незамечаемые прежде.

43. В лесу подвижников, рукою доблестной твоей хранимом; не потерпел бы ты, чтобы кто-либо поступок совершил губительный для поведения доброго и порицаемый сурово благородными. Так как же сам ты, о земли опора, решаешься на это?

44. И если женщины гарема твоего пришли в мою обитель невзначай, а с ними и хранители гарема, так в чем же видишь преступление ты мое, что столь от ярости переменялся?

45. И даже пусть бы в том была моя вина, но кротость украшать тебя должна и в этом случае, о царь. Ведь кротость высшее есть украшение для могучих, их добродетели хранить искусству обучая!

46. Ни на щеках играющие светом серьги темносиние, ни диадемы блеск, переливающейся драгоценными камнями, так украшать не могут государей, как кротость, поэтому пренебрегать ты ей не должен!

47. Оставь же раздражительность: опорой никогда она служить не может. Как землю, охранять ты должен кротость; расположение царей к подвижникам высоким уваженьем окупается.

Но царь, даже убеждаемый таким образом великим отшельником, продолжая питать к нему ложное подозрение, так как его сердце было испорчено обманом и нечестностью, снова сказал:

48. «Но если ты не притворяешься подвижником и в самом деле следуешь обетам воздержанья, то, наставление в кротости используя предлогом, зачем вымаливаешь безнаказанность у нас?»

Бодхисаттва сказал:

«Да услышит государь, какую цель имеют мои старания:

49. „Невинного отшельника-брахмана царь убил“ — от этой вести, от осуждения пусть из-за меня не меркнет твоя слава!

50. Смерть для живых существ — закон неумолимый. Поэтому мне нечего ее страшиться, особенно когда свою всю жизнь я озираю.

51. Ведь именно из-за тебя, чтоб ты не мучился, несущий счастье нам святой закон нарушив, я проповедовал тебе о кротости, способной к высшему спасенью привести!

52. Поскольку кротость — кладезь добродетелей и панцирь против всех пороков, я с радостью за этот дар великий ее и прославляю пред тобой!»

Но царь, не внимая даже таким ласковым словам отшельника, с раздражением обратился к святому мудрецу: «Посмотрим, какова теперь твоя приверженность к кротости!» — и, промолвив так, он отсек острым мечом, словно цветок лотоса от стебля, правую руку отшельника с тонкими, длинными пальцами, которую он простер вперед, чтобы удержать царя.

53. Даже когда рука была отсечена, стойкий в обете кротости, такого он не ощутил страдания от боли, как от того, что он узрел грядущие мучения царя, который кисть руки ему отсек, — своей неотвратимостью ужасные мученья для царя, привыкшего к усладам жизни.

И Бодхисаттва с мыслью: «Горе! Он уже преступил пределы своего блага и стал недостоин увещевания», — жалея царя, как больного, от которого отказались врачи, остался безмолвным. И царь, угрожая ему снова, сказал:

54. «Иссечено так будет твое тело, и ты погибнешь! Оставь же благочестье лицемерное и это подлое лукавство!»

Но Бодхисаттва, видя, что царь глух к увещеваниям и окончательно заупрямился, ничего ему не ответил. И царь отсек также вторую кисть, обе руки, уши, нос и обе ноги великого душою отшельника.

55. Хотя на тело падал острый меч, отшельник тот великий не чувствовал страдания и гнева, осознавая ясно смертность тела, а также от обычной для него по отношению к человеку кротости.

56. Хотя части тела были все отсечены, неповрежденным оставался дух его, взиравшего на это, сильного кротостью и добродетельного мужа. И не было страдания в нем от дружелюбия обычного; лишь мучился он, глядя на царя, от добродетели отпавшего.

57. Тех, кто велик спокойствием своим, к другим душевно сострадательных, гнетет не так страдание, в них самих рожденное, как то, что на других обрушилось.

58. Ужасный тот поступок совершив, внезапно царь был жаром лихорадочным охвачен и, выйдя на опушку леса, он провалился в землю, разверзшуюся вдруг перед ним.

Когда земля, разверзшись со страшным грохотом, охваченная языками пламени, поглотила царя, повсюду поднялось великое смятение. В великий страх и смущение пришла царская семья; советники царя, зная силу подвигов и душевное величие святого отшельника, полагали, что он сделал так, чтобы царь провалился сквозь землю, и, боясь, как бы этот великий отшельник за грех царя не сжег всю страну, исполненные тревоги и опасений, пришли к нему и, поклонившись, испрашивая прощения, со смиренно сложенными руками, сказали:

59. «Пусть тот, кто в ослепление безрассудном тебя привел в такое состояние, один сгорит в огне проклятья твоего! Но умоляем его город не сжигать!

60. Ты женщин и детей, больных и старых, брахманов и бедняков, ни в чем не виноватых, не должен предавать огню! Ведь лучше, если сохранишь ты царство государя этого и собственную праведность. о добродетелей любимец!»

И Бодхисаттва, утешая их, сказал:

«Не бойтесь, достопочтенные!

61. Тому, кто руки, ноги, уши, нос своим мечом отсек мне, невинному отшельнику, живущему в лесу,—

62. Даже ему как мог бы пожелать страдания мне подобный? Пусть долго здравствует тот царь, пусть зло его не посетит!

63. Кого гнетут страдания, болезнь и смерть, кем завладели ненависть и жадность, кто мучается из-за дурных деяний, тот только жалости достоин. К нему кто гнев питать бы мог?

64. А если предпочтительнее был бы такой путь, то этот грех его принес плоды бы для меня. Ведь для того, кто к наслаждениям привык, даже недолгая встреча со страданием невыносимо горькою бывает.

65. И если я уж не могу спасти царя, который собственное благо сжег, то, кроме как из-за бессилия помочь ему, за что против него питать я буду злобу?

66. И без царя каждый рожденный должен испытать от смерти и других подобных бед страдания; вот почему рожденья именно не должно допускать: ведь если нет его, тогда зачем, откуда быть страданию?

67. В течение многих калп различным образом уничтожалось мое тело в рождений длинном ряде... Так как же мог бы даже из-за гибели его терпенье я оставить, прекрасный жемчуг на солому применяя?

68. В лесу живя и отречения от мира дав обеты, я проповедник кротости, к тому же близкий к смерти, разве могу стремиться отомстить? Поэтому не бойтесь, и да будет благо вам. Идите!»

69. Так наставлял отшельник тот великий, тем самым сделав их учениками добродетельных. А сам, благодаря поддержке кротости непоколебимо-стойкий, вознесся в небеса, покинув землю.

Таким образом, «для глубоко проникнутых кротостью, великих своим проникновенным спокойствием нет ничего, что

они не перенесли бы с терпением». [Так следует говорить, беседуя о добродетели кротости; а также, приведя в качестве примера царя, а также говоря о несчастных последствиях земных наслаждений, должно сказать: «Таким образом, из-за земных наслаждений люди совершают дурные поступки и тем разрушают свое блаженство». Это же можно рассказать, показывая непрочность материального благополучия.]

XXIX. ДЖАТАКА ОБ ОБИТАТЕЛЕ МИРА БРАХМЫ

Отдаваться во власть лжеучению в высшей степени достойно порицания, поэтому особенного сострадания заслуживают со стороны добродетельных попавшие во власть порока лжеучения. Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва, наш владыка, в результате благоприятной кармы, которую он приобрел упражнением в созерцании, принял рождение в мире Брахмы. И это великое, достигнутое высоким созерцанием блаженство в мире Брахмы, благодаря привычке к состраданию в прежних рождениях не уничтожило в нем стремления к деяниям на пользу ближних.

1. Ведь по причине наслаждений чувственных впадает человек мирской в необычайную и порицания достойную небрежность; но из-за наслажденья созерцаньем у добродетельных желанье блага ближним не проходит.

И вот однажды Великосущный, устремив свой взор на мир чувственных ощущений¹, который является местом, очень пригодным для проявления сострадания, так как он раздираем сотнями различных бедствий и страданий, угнетает смертью, болезнями и чувственными наслаждениями, увидел царя видехов, по имени Ангадинна, который благодаря общению с дурными друзьями и благодаря тому, что он погряз

в их дурных мыслях, заблудился в дебрях лжеучения. «Нет потустороннего мира, откуда же придет воздаяние за добрые и дурные дела?» — придя к такому заключению, он ослабел в своем стремлении к праведным делам, отвратил лицо свое от упражнения в щедрости, добром поведении и других добродетелях и с глубоким презрением в душе относился к тем, кто вел праведную жизнь; грубый сердцем, он не верил книгам закона, насмеялся над рассказами о другом мире, утратил скромность, учтивость, почтение и уважение к шраманам и брахманам, отдаваясь целиком чувственным наслаждениям.

2. «Хороший и дурной поступок сулит, конечно, счастье или несчастье в грядущем мире», — если уверенность такая в людях возрастет, они, оставив зло, стремятся к доброму всем сердцем, идя к тому, чего себе желают.

И Великосущный, божественный отшельник и мудрец, преисполненный сострадания к царю Ангадинне, так как его приверженность к злосчастному лжеучению могла бы иметь губительные последствия для народа, принеся ему неисчислимые бедствия. Когда царь, сердце которого было во власти чувственных наслаждений, находился в прекрасной уединенной беседке, он в своем сияющем великолепии снизошел из мира Брахмы. И царь, увидев его, пламеневшего, как море огня, сверкавшего, как бесчисленные молнии, сиявшего великим блеском, как гирлянды солнечных лучей, пораженный его величием, в смущении и смиренно сложив руки, встал перед ним и, с глубоким почтением взирая на него, сказал так:

3. «Словно земля, ногам твоим подножием служат небеса, о ты, чьи ноги лотосам подобны! Сияешь ты, как будто солнца излучаешь блеск, очей услада! Кто ты, о господин?»

Бодхисаттва сказал:

4. «Ты одного из тех божественных отшельников здесь видишь пред собой, о царь, кто мира Брахмы

тем достиг, что одолел решительною силой разума любовь и ненависть, как гордых вражьих предводителей в бою».

Когда он сказал так, царь, произнес приветствие «Добро пожаловать» и другие приятные слова, с почтением предложив ему воды для омовения ног и, с удивлением взирая на него, сказал:

«Поистине чудесна твоя сверхъестественная сила, о великий мудрец!

5. К стенам дворца не прикасаясь, ты шествуешь по воздуху, как будто по земле. О ты, чье дивное сияние подобно блеску молнии, скажи, откуда у тебя такая сверхъестественная сила?»

Бодхисаттва сказал:

6. «От созерцания, от безупречной жизни добродетельной, от исключительного обузданья чувств, всех этих свойств, природою второю ставших мне за прежнее существование, о царь, такая дивная награда это».

Царь сказал: «Да, правда ли, что существует то, что называют потусторонним миром?» Бодхисаттва ответил: «О, несомненно, он существует, великий царь».

Царь спросил: «Как же в этом, о господин, можно было бы нам убедиться?» Брахман сказал:

«В грубой форме это можно понять, великий царь, применением обычных средств доказательства — чувственного восприятия и т. д.; это удостоверяется свидетельством надежных людей; наконец, до этого можно дойти, применяя способ строгого исследования. Подумай, о господин:

7. Луною, солнцем, звездами украшенное небо, многообразные породы всех животных и есть тот мир иной, что видим мы воочию; о, да не будет же сомнением затемнен твой разум, царь!

8. Случается то здесь, то там, что люди обладают рождений прежних памятью, навывкнув в созерцанье и свою память изошрив. Отсюда также о другом ты

мире можешь заключить; об этом я свидетельствую также.

9. И так как прежнее развитие предполагает разум наш, то существует мир другой — такое заключение ты должен сделать сам. Зародыша первоначальный разум есть продолжение прямое разума рождений предыдущих.

10. Предметом знания зовется то, что разумом мы познаем: поэтому в рожденьях прежних для разума предмет познания существует. Не от сего, однако, мира он ввиду отсутствия очей и прочих органов. Где ж нахождение его? — В том мире!

11. С родительскою природою несовпадающие свойства мы почему-то часто наблюдаем в привычках и поступках у людей; не без причины их явление — конечно, развились они в рожденьях прежних.

12. Лишенный даже остроты ума и силы, при тугопости всех чувств своих, без наставления ребенок пищу принимает и даже сонный грудь сосать умеет, —

13. Показывает это, что упражнение в принятии пищи им долго проводилось в его других рождениях: ведь опыт обостряет способность к обучению занятиям различным.

Если же, вследствие того, что ты не привык к мысли о другом мире, у тебя возникает такое сомнение:

14. „Что закрываются и снова открываются сами собою лотосы — конечно, значит, что в другом существование производили эти действия они; а если это неприемлемо, тогда зачем же утверждать, что грудь сосать усилие от упражнения в другом существовании возникло?“.

И это сомнение должно быть устранено путем наблюдения над необходимостью и свободой проявления или непроявления усилия.

15. Заметна ведь зависимость от времени при пробуждении лотоса цветов и при закрытии их, — но при

усилие грудь сосать ее мы не находим. Усилий нет у лотоса, а у сосущего оно заметно. Солнца сила — лотоса раскрытия причина!

Таким образом, великий царь, надлежащим и прилежным рассуждением можно увериться, что другой мир существует».

Но царь, так как разум его заколдовал в оковах лжеучения и скопилось в нем много зла, услышав этот рассказ о другом мире и почувствовав неприятное чувство, сказал:

«О великий отшельник!

16. Ну, если мир другой не просто сказки страшные для маленьких детей и если ты считаешь, что следует и мне в него поверить, то дай же мне пять сотен нишка²¹! За это тысячу тебе я в будущем рождении отдам!»

И Бодхисаттва на это его от привычной дерзости несдержанное слово, которое было полно невнимания и являлось как бы отрыжкой яда лжеучения, ответил надлежащим образом:

17. «И в этом мире тот, к богатству кто стремится, монет не одолжит обжоре, лентяю, неискусному или злодушному: попав к ним в руки, деньги к погубили их увлекут, и только!

18. Когда же видят, что человек имеет совесть, что страсти поборол свои, в делах искусен,— такому в долг дают и без свидетелей охотно: так отданные деньги счастье приносят!

19. Таким же образом, конечно, нужно поступать, давая ссуду, царь, с уплатою в грядущем мире; с тобой же, поведения дурного из-за ученья ложного, и денежные сделки заключать не представляется возможным.

20. Ты будешь в ад низвергнут жестокими делами лжеучения, грехом рожденными. Так кто же стал бы требовать с тебя, лишенного рассудка и изнывающего от страданий, тысячу нишка?

21. Лучами месяца иль солнца там краса небес

не блещет: из тьмы густой покров на ней; звездами украшенных небес, подобных озеру с проснувшимися лотосами, там не видно!

22. В том мире, где жалкое свое влачат существование те, кто не верует,— густая тьма и ветер ледяной, который причиняет боль ужасную, пронизывая даже кости; туда разумный кто бы захотел проникнуть даже за деньгами?

23. Во тьме густой и едком дыме утопая, блуждают многие в утробе ада долго, неся свои отрепья, прикрепленные ремнями, изнывая, друг с другом сталкиваясь и в страданиях испуская вопли.

24. Другие же в аду Джвалаткукула безостановочно бегут, израненные ноги утруждая; освобожденья жаждут, но конца не достигают ни в грехах, ни в продолжительности этой жизни.

25. Подобно плотникам жестокие там слуги Ямы³, грешников связав, с весельем обтесывают их тела отточенными топорами, как будто срубленные только что деревья.

26. С иных вся кожа содрана, и, болью мучимые, мышцы потеряв и став скелетом, они все ж не находят гибели; их держат собственные злодеянья,— а также тех, кого на части разрубают.

27. И, закусив во рту горящие удила, по раскаленным улицам железным в багряных пламенных постромах, бичом гонимые, иные непрерывно пылающие колесницы возят.

28. Одни с горой Самгхаты⁴ встретившись, раздавленные ею, хотя тела их в пыль обращены ее громадой, в страдании великом, бесконечном все не умирают, пока не истощится злое дело их.

29. В колодах, пламенеющих огнем ужасным, пестами раскаленными могучими, большими других там непрерывно растирают пятьсот уж лет,— но жизни не лишаются они!

30. На острых пламенных шипах железных, растущих на деревьях, от жара красных, как кораллы, другие грешники терзаются, повешенные головою вниз; на части рвут с рычаньем их жестоким слуги Ямы — демоны ужасные!

31. На пламенных, расплавленному золоту подобных огромных кучах угля другие там вкушают собственных поступков плод, способные лишь извиваться и вопить.

32. Иные, между тем как сотни острых крючьев за языки их тянут, лежат на раскаленной пламенем земле, вопят ужасно от жестокой боли, которая терзает их тела. Уверовали и они теперь в потусторонний мир!

33. Одеты там на них медные повязки пламенные; в котлах из красной меди плавятся другие; третьим острый дождь из стрел терзает члены, а кожу, мышцы стаи хищников сдирают.

34. Иные, изнуренные страданием, в соленую и едкую, как пламя, воду Вайтарани⁵ вступают, где отпадают от костей их мышцы, однако не кончается дыханье, что держат злые их дела.

35. И в ад Ашучикунапа, как в озеро, огнем измученные и духом обессиленные попадают и несравнимые переживают там страдания: червей там сотни буравят кости тел их.

36. И целиком объаты пламенем, другие долго терпят от огня страдания, но так как держат их поступки злые, как пламенем объатое железо, то в пепел не обращаются они.

37. А некоторых пилами там пламенными режут, других же острыми ножами; одни там воют, томимые тоскою, меж тем как молоты по головам их бьют, другие, напизанные на широких вертелах, на очаге бездымном жарятся и пьют, как пламенный огонь, расплавленную медь, вопя ужасно.

38. Других могучие пятнистые там псы терзают и острыми зубами их грызут и отрывают мышцы тела им и, ободрав, на землю их, рыдающих, бросают.

39. В подобных страшных муках преисподней когда страдать ты будешь, низвергнутый туда деяньями своими, к томимому тоской, измученному, павшему в конец душой к тебе тогда кто с требованьем долга обратится?

40. Или в наполненных телами злых людей медных котлах, к которым от жгучего огня и подойти-то трудно, к тебе, которого помимо воли кипенья сила увлекает, кто с требованьем долга обратится?

41. Или когда тебя к пылающему там железному котлу привяжут или на красной от бездымного огня земле положат, когда гореть в огне там будет тело, ты ж — жалостно рыдать, к тебе тогда кто с требованьем долга обратится?

42. К попавшему во власть других, переносящему великие страдания, кто обратится с требованьем долга к человеку, который и ответ дать неспособен?

43. К разимому холодным ветром, стенать уже утратившему силу или на части разрываемому, вопящему ужасно в муках, в том мире кто мог бы с требованьем денег обратиться?

44. Иль истязуемого служителями Ямы, иль извивающегося в пламенном огне, иль если бы собаки и вороны твои все мышцы разрывали и пили кровь твою, в том мире кто тебя возвратом денег мог бы попрекнуть?

45. И, мучимый ударами смертельными, иль резаньем, битьем и разрываньем, обтесываньем иль сжиганьем, размалываньем или расщепленьем тела твоего, томимый казнями подобными, как же свой долг отдашь ты мне тогда?»

И царь, услышав этот потрясающий, страшный рассказ об аде и придя в сильное волнение, оставив свою привержен-

ность к лжеучениям и уверовав в потусторонний мир, поклонившись тому великому отшельнику, сказал:

46. «Услышав о мученьях в преисподней, от страха словно разрывается душа! Как быть мне, чтобы не попасть туда? Огонь сомнений будто жжет меня!

47. Ведь ложные воззрения затмили разум мой, по близорукости своей по ложному пути я следовал. Поэтому теперь мой путь благой, мое прибежище, моя защита — ты, святой отшельник!

48. И как моих воззрений мрак ты удалил, как солнце тьму, так путь ты, о отшельник мудрый укажи мне, которым следуя, в том мире я не впал бы в бедствия ужасные такие!»

И Бодхисаттва, видя его душевное волнение, видя, что его воззрения изменились к лучшему и что он сделался способным к восприятию святого закона, чувствуя к царю сострадание, как отец к сыну или учитель к ученику, стал наставлять его таким образом:

49. «Как добрые ученики вели себя по отношению к шраманам и брахманам, как прежние цари, что почитали добродетели и проявляли милосердие к подданным своим,— вот поведение славное, которого ведет на третье небо⁶ путь!

50. И посему, несправедливость побеждая, столь трудно победимую, и жадность низкую одолевая, столь трудно одолимую, достигнешь ты, блистающий, прекрасными сокровищами блещущего, с златой оградой города небес владыки.

51. Пусть воссияет вечным светом достойными людьми ценимое ученье, которое одобрено твоей душой, привыкшей только к лжеученью. Оставь ты лжеученье: оно несправедливость убежденная, и проповедуют его глупцам на радость.

52. Отныне ты, о царь, жить праведною жизнью пожелал, предписанной благим учением; и только

лишь разрушил в сердце злое чувство, как сразу сделал шаг ты на пути благом.

53. Употребляй поэтому свое богатство, чтоб добродетели приобретать, и милосердые проявляй, цельное для народа и умножающее собственное благо! Будь тверд в прекрасном обузданье чувств и добром поведенье: за это в мире том не будет неприятностей тебе!

54. Пусть власть твоя, о царь, твоих заслуг сиянием блистая, сдружится с теми, кто творит добро, и — чистая — приятна будет им. Стремись ко благу своему, а вместе с ним и к пользе, и мира муки изгоняй, благоприятствуя своей тем славе!

55. Ты здесь на колеснице: добрых уважение твоим возницею пусть будет, твое же тело, добродетелей исполненное, пусть будет колесницей, благорасположение пусть будет осью, самообладание и щедрость же — колесами, благочестивое стремление к заслугам — шкворнем;

56. А кони твои — чувства, обузданные внимательности дивными вожжами; а разум — бич; священного писания сокровища — оружие твое; стыдливость — снаряжение; смирение — чудеснейшее дышло, кротость же — ярмо: искусно в этой колеснице со стойкой волею держи свой путь.

57. При воздержанье от злых слов скрипеть она не будет; приятные слова звучат глубоко и серьезно; соединенные не разойдутся части, пока ты будешь сдерживать себя; извилистых путей недобрых дел чуждаясь, всегда ты будешь на прямом пути.

58. На этой колеснице, мудростью сияющей, где знамя — слава добрая, а свита — состраданье, спокойствие души — высокий стяг; так, направляясь к духу высочайшему, ты никогда, о царь, в мир ада не сойдешь».

Развевая блистающими лучами своих речей тьму ложного

учения того царя и показав ему путь к блаженству, Всемогуший исчез. И царь, проникнув в сокровенную сущность явлений другого мира и восприняв душою правое учение, вместе со своими советниками, горожанами и селянами стал искать прибежища в щедрости, смирении, самообуздании.

Таким образом, «отдаваться во власть лжеучению в высшей степени достойно порицания, поэтому особенного страдания заслуживают со стороны добродетельных попавшие во власть порока лжеучения».

[Это же следует приводить в пояснение слов: «Таким образом, слушание благого закона преисполняет полнейшей веры». Или: «Таким образом, слушание закона из уст другого возбуждает доверие, которое порождает правую веру». Так же при прославлении добрых дел и в слове о кротости следует говорить: «Таким образом, добродетельные отражают вражеское нападение добрым наставлением, великой кротостью, а не грубостью». Это же следует рассказывать и в слове о благочестивом волнении душевном: «В волнении душевном люди быстро обращают свои взоры на спасение».]

XXX. ДЖАТАКА О СЛОНЕ

Даже страдание, если оно несет благо ближнему, праведные ценят высоко, словно прибыль. Вот как об этом наизидательно повествуется.

Бодхисаттва как-то был большим слоном, живущим одинокой жизнью в некоем пригодном для жительства слонов лесу, словно украшенном нежными порослями прекрасных деревьев, верхушки которых были скрыты плодами, цветами и побегами; с землей, покрытой разнообразными кустарниками, деревьями и травами; с горами и возвышенностями, которые словно задержались здесь, привязавшись всем сердцем к чарующей красоте леса и не тоскуя по другим местам.

Этот лес, имевший многоводное и глубокое озеро, отделенный со всех сторон от населенных мест великою пустыней, где не было ни дерева, ни куста, ни воды, служил прибежищем лесных животных.

1. Деревьев листьями и лотоса побегами, водой питаюсь, как подвижник, он наслаждался удовлетворением и спокойствием.

Однажды Великосущный, проходя по опушке этого леса, услышал доносившийся из пустыни человеческий крик. У него явилась мысль:

«Что бы это могло быть? Ведь через эту местность не проходит никакая дорога, идущая в какую-либо страну; не похоже, чтобы эту великую пустыню пересекли охотники, тем более ради связанной с большими лишениями ловли моих сородичей-слонов.

2. Значит, либо с дороги это сбившиеся люди, проводники которых заблудились, иль люди, изгнанные гневом царским, либо беспутством собственным своим.

3. К тому же слышится оттуда звук бессильный, лишенный радости, веселья, бодрости и полный лишь одних страданий, как будто кто-то там рыдает!

Во всяком случае, я это узнаю».

И с этой мыслью Великосущный, увлекаемый состраданием, устремился туда, откуда слышались звуки человеческого голоса. Когда он услышал более ясные вопли, полные отчаяния и уныния, эти умоляющие крики преисполнили состраданием его сердце, и он побежал туда еще быстрее. Выйдя из лесной чащи и посмотрев вдаль, — а та местность была лишена деревьев и кустарников — он увидел людей, числом семьсот, ослабевших от голода, жажды и усталости, обративших взоры к тому лесу и умоляющих о помощи. Люди эти тоже заметили Великосущного, приближавшегося к ним, словно движущаяся вершина снежной горы, или сгустившийся белый туман, или осеннее облако, как будто гонимое к ним силою ветра; заметив, что он обратился в их сторону,

охваченные отчаянием и унынием, они подумали: «Он убьет нас теперь, мы погибли!» Но даже когда ужас овладел их сердцами, лишенные сил от голода, жажды и изнеможения, они не смогли сделать усилия, чтобы бежать.

4. Отчаяньем охваченные, бессильные от голода, усталости и жажды, даже в опасности они попытки сделать не могли к спасенью бегством.

И Бодхисаттва, видя их испуг, промолвил: «Не бойтесь, о не бойтесь! Вам от меня нет никакой опасности!» — и поднял свой хобот с гладким, меднокрасным широким пальцем, успокаивая их. Приблизившись к ним, он, испытывая сострадание, спросил: «Кто вы? И как вы попали в эту страну?»

5. От пыли, солнечных лучей вы побледнели и исхудали! Тоской, усталостью измученные, кто вы, зачем пришли сюда?»

И те люди, пришедшие в себя благодаря его обращению человеческим голосом, выразившим не только то, что он даровал им безопасность, но и готовность прийти на помощь, поклонились ему и сказали:

6. «Сюда мы гневом царским на глазах родных, отчаявшихся в скорби, заброшены, слонов владыка.

7. Но видно не совсем еще несчастна наша доля; теперь лицом к нам счастье обратилось, когда ты нас увидел, прекраснейший из всех друзей и родичей!

8. Теперь же выпало нам счастье лицезреть тебя, и потому мы знаем, что позади остались наши беды! Тебе подобного даже во сне увидев, кто от несчастья бы не спасся?»

И великий слон сказал им: «Сколько же вас?» Люди ответили:

9. «Была нас тысяча мужей, оставленных здесь государем, о прекраснотелый! Но многие, не знавшие страданий раньше, от голода, от жажды и тоски погибли.

10. И вот нас здесь, слонов владыка, семь сотен

лишь осталось, которых смерти пасть вот-вот проглотит; для нас ты воплощенным утешением явился!»

Когда Великосущный услышал это, от присущего ему сострадания у него на глазах выступили слезы и, охваченный жалостью к путникам, он сказал им приблизительно так:

«О горе!

11. Увы! Как жалости лишен, стыда не знает, о мире том не беспокоится ум этого царя! О, каково же к собственному благу пренебрежение чувств его, которых увлекает великолепия царское, изменчивое, как зарница.

12. Я думаю, не знает он, что смерть близка, не слушает, что грех плохим кончается. Увы, как же беспомощны цари, что, очень плохо рассуждать умея, столь невнимательны к словам совета.

13. Ведь тела одного лишь ради, вместилища болезней, от смерти гибнущего, подобная к живым жестокость! О неразумие великое!»

И вот у повелителя слонов, обратившего свои взоры, полные нежности и сострадания, на тех людей, явилась мысль:

«Измученные голодом, жаждою и усталостью, сильно ослабевшие телом, как смогут они без целительной пищи пройти эту безводную, без всякой тени, простирающуюся на много йоджан пустыню? Что могло бы без особых затруднений послужить для них пропитанием хотя бы на один день, даже и в этом лесу слонов? Тем не менее они смогли бы, захватив в дорогу мое мясо и набрав воды в мои внутренности, как в меха, пересечь эту пустыню, но никак иначе!

14. Поэтому пусть станет мое тело, вместилище столь многих сотен немощей, ладьей для спасения от несчастья объятых муками людей.

15. Для достижения блаженства — и неба, и освобождения конечного, пригодно рождение человеком. Но трудно достигается оно. Так пусть же не пройдет оно для них бесследно.

16. В своей я местности здесь нахожусь; пришедшие сюда — мои ведь по закону гости! В несчастье впавшие, родни лишенные, они особенного сострадания достойны!

17. О, наконец-то многих немощей сосуд, труда так много доставляющая из-за своих болезней постоянных, носящая название „тело“, зла громада на пользу ближних здесь себе употребление найдет!»

Некоторые из путников, с телами, истощенными от страдания, голода, жажды, усталости и зноя, сложив руки в мольбе, со слезами на глазах, поклонились ему и, в изнеможении, знаками рук просили у него воды:

18. «Ведь ты прибежище для нас, родни лишенных, защита наша! Благоволи спасти нас, высокоблаженный, путем, который знаешь ты!»

Так жалостно они ему говорили. Другие, более сильные духом, просили его указать место, где есть вода, и дорогу для спасения из гибельной пустыни:

19. «С водою пруд, с холодной водой река, здесь если есть, иль водопад, тенистые деревья иль зеленая лужайка? О царь слонов, ты нам их укажи!

20. И если полагаешь ты, что из пустыни этой можно выйти, то, милосердие проявив, нам направление это покажи!

Ведь мы уж много дней бродим здесь, в пустыне. Посему да благоволит владыка нас спасти!»

И сердце Великосущного еще сильнее преисполнилось состраданием из-за этих жалостных просьб, и так как из этой пустыни можно было спастись, то он, показывая им на гору своим поднятым, как изгиб большой змеи, толстым хоботом, сказал: «Под этой горой находится большое озеро с чистой водою, украшенной цветами лотоса; вот этой дорогой вы и идите. Там вы освободитесь от зноя и жажды и от усталости. Недалеко оттуда вы увидите тело слона, упавшего с горы. Захватив с собой в дорогу его мясо и, как в меха, набрав воды в его внутренности, идите все в том же направлении.

Таким образом без больших бед вы выйдете из этой пустыни». Так Великосущный сперва утешил этих людей, а затем поспешил уйти оттуда другою дорогою, поднявшись на вершину той горы; в стремлении спасти эту толпу людей, он решился отдать им свое тело и подкрепил свое твердое решение такими словами:

21. «Не для того стараюсь я, чтобы достигнуть состоянья лучшего, и не из-за стремления к зонту, знаку величья царского, ни к наслаждениям несравненным в небесах или к блаженству Брахмы или конечного освобожденья благу.

22. Но если есть заслуг хотя немного у меня, то пусть, стремясь спасти в пустыне гибнущих людей, буду я спасителем для мира, блуждающего в сансаре, как в пустыне».

Придя к такому решению, Великосущный, в радости своей не думая о мучительной смерти от удара при падении, согласно со своим решением бросился с обрыва.

23. Снял он, падая, как облако осеннее, или как с диском опрокинутым сающийся за Астагири¹ месяц, или как покрывало снежное вершины горной, сброшенное ветром, стремительным от взмахов крыльев гаруды².

24. И, потрясая землю и ее горы, а также сердце Мары, властью опьяненное, как вихрь, с ужасным шумом падал он на землю, склоняя долу все лианы леса и лесные божества.

25. И, несомненно, обитавшие в лесу в то время боги, глубоко изумившись, от радости простерли к небу руки, украшенные пальцев вытянутых нежными побегами, и от восторга поднялись у них на теле волоски.

26. Благоуханными цветами, окрашенными сандаловою пылью, его осыпали одни, другие — украшениями или блиставшими узорами из золота одеждами своими.

27. Одни, благоговейно созданными гимнами, вверх поднимая сложенные руки, похожие на лотоса цветков, склоняя головы в чарующе прекрасных диадемах, в почтительных молитвах славил его.

28. Благоуханным и насыщенным пылью цветочной ветром, убирающим венками пены волны, его другие оведали; а некоторые в воздухе над ним воздвигли балдахин из облаков густых.

29. Его почтить желая, одни в благоговенье в небесные литавры били; другие же украсили тогда деревья расцветшими не в их положенное время цветами, плодами и побегими.

30. А небеса осенней прелестью украсились, и солнца руки словно бы длиннее стали от радости его коснуться, и даже океан в своем стремлении к нему взметнул высоко волны.

Между тем путники, придя наконец к озеру и избавившись от зноя, жажды и усталости, как и было сказано Великосущным, недалеко от озера увидели тело недавно умершего слона. У них явилась мысль:

«О, как этот слон похож на того владыку слонов!

31. То брат того великого слона, иль родственник какой-нибудь, иль сын? Ведь и того, и этого красой вершины снежной блистает тело дивное, хоть этот слон разбился.

32. Как будто красота всех лотосов в одно слилась, иль лунный свет в громаду обратился, иль тень того слона на зеркала поверхности здесь отразилась?»

И у некоторых, которые были более проницательны, явилась мысль: «Насколько мы видим, это тот же самый слон, необычайною красой подобный слонам-миродержателям. Заботясь о спасении людей, настигнутых несчастьем, лишенных родственников и друзей, он сам бросился с обрыва.

33. Так, значит, шум, что был нам слышен, подобный шуму урагана, землю потрясшего, паденьем вызван был его.

34. Сомнений нет — его ведь это тело,— краснеющее, будто корни лотоса; с украшенною пятнами изящно шерстью белой, как месяца лучи; и те же с белыми ногтями поги, как у черепахи; тот же хребет, изогнутый красиво, словно лук.

35. Тот самый это, мады струйками блистающий, благоуханье ветру отдающий, продолговатый полный лнк; и та же голова, высокоподнятая, великолепная, на крепкой шее, которой никогда погонщика не тронуло бодило.

36. Клыков та ж пара медоцветных, со знаком гордым, покрывшимся откоса красной пылью; тот самый хобот, с длинным пальцем-лотосом, которым нам дорогу показал.

Поистине, это самое необыкновенное чудо!

37. О, какую дружбу проявил он к нам, чья вера, поведение, происхождение известны раньше не были ему. Не слышал даже он о нас, судьбой убитых! Так какова же доброта его к друзьям или родным!

Всяческая слава и поклонение да будет ему, высокоблагенному!

38. К таким, как мы, несчастием измученным, от страха и тоски отчаявшимся людям, на помощь приходя и тем поддерживая гибнущее поведение праведных³, кто же такой он в образе слона?

39. Где научился он такой необычайной доброте? У ног какого же учителя в лесу сидел он? „Одна телесная лишь красота без добродетелей не радуется“, — народ так говорит, и здесь воочию увидеть это можно.

40. О, как своей природы дивной совершенством святую доброту он, как и должно, проявил! Поистине он даже мертвый, найдя себе удовлетворенье, как будто радость выражает телом, сияющим, как снежная вершина.

Так кто же теперь сможет есть мясо того высокодобродетельного существа, которое своей добротой далеко пре-

восходя любящих родственников и друзей, явилось спасти нас и пожертвовало даже своею жизнью ради нас? Нам надлежит, оказав должное почитание, уплатить наш долг ему сожжением и похоронами его останков».

И, видя, что они, словно у них умер родственник, всем сердцем отдались скорби, что глаза их полны слез и рыдания прерываются в горле, более твердые духом, видя разницу в данном случае, сказали:

«Не так должен быть нами почтен и превознесен этот великий слон. Нам должно оказать ему почтение осуществлением его намеренья, вот так мы полагаем.

41. О нашем ведь спасении заботясь, он, незнакомый нам, пожертвовал свое так тело, что было дорого ему, ради любимых еще более гостей.

42. Поэтому намеренье его нам следует исполнить; иначе будет ведь напрасным этот подвиг!

43. Он из любви пожертвовал, чтоб оказать прием гостям, всем, что имел; так кто же, не приняв его, напрасным сделает его гостеприимство?

44. Приняв его слова, как наставление учителя, мы сможем оказать ему почтение и обеспечить безопасность для себя.

45. Избавившись от этих бедствий, потом все вместе или порознь, окажем почести ему. Для этого великого слона исполним все обряды, которые для родственника должно совершать, ушедшего от нас».

Тогда те люди, помня намерение того великого слона, вытекавшее из его заботы о спасении их из пустыни, и не противясь его слову, взяв с собою мясо Великосущного и, как мехи, наполнив его внутренности водою, по указанному им направлению благополучно выбрались из пустыни.

Таким образом, «даже страдание, если оно несет благо ближнему, добродетельные ценят высоко, словно прибыль». [Это следует сказать при восхвалении добродетельных. Это же должно рассказать в слове о Татхагате. Или научая вни-

мательно слушать святой закон. В слове о приобретении доброты должно говорить: «Таким образом, доброта, которую упражняли в других рожденьях, проявляет свое действие и в последующих!» Следует также рассказывать об этом, научая добродетели постоянной щедрости: «Таким образом, привыкнув жертвовать имением, люди без труда жертвуют и любовью к себе самому». И о словах, сказанных Владыкой в час великой нирваны, когда он был окружен небесными цветами и звуками музыки: «Не так, о Ананда, не таким образом почитают Татхагату!» — это должно рассказать так: «Таким образом, почитание должно быть оказано осуществлением намерения, а не благоуханием венков и прочими приношениями».]

XXXI. ДЖАТАКА О СУТАСОМЕ

Общение с добродетельными, так иль иначе достигнутое, сулит спасение; зная это, стремящемуся к спасению следует искать опоры в добрых людях. Вот как об этом назидательно повествуется.

Будучи еще бодхисаттвой, Владыка принял рождение в знаменитом царском роде Кауравья, известном своею славою и знатностью и благодаря своей глубокой привязанности к добродетелям пользовавшемся искреннейшей любовью своих подданных. Его величие заставило гордых соседей склониться перед ним. Своему сыну, украшенному венцом лучей сотен добродетелей, приятному для глаз, как Соме¹⁾, отец дал имя Сутасома. Подобно месяцу в светлой половине, ежедневно возрастала его красота и прелесть; с течением времени достигнув совершенного знания в области *Вед* с *Ангами* и *Упаведами*, сделав большие успехи в светских науках и искусствах, с их добавлениями, он сделался предметом глубокого уважения и любви народа. Вследствие своей всегдашней готовности оказать надлежащую поддержку, все возрастав-

шего почтения и самоотверженной охраны народа он сделался как бы родственником добродетелей.

1. Прекраснейшее поведение, ученость, щедрость, сострадание, самообладание и подвигов сиянье, кротость, мудрость, стойкость и смирение, а также скромность и стыдливость, разум, красота и слава, учтивость, проницательность и сила, чистота —

2. Подобные разнообразные, прекраснейшие добродетели, как бы украшенные юностью его и чистотой и благородством привлекавшие сердца, как *калы*² в месяце, в нем обитали.

И царь, видя его полную способность управлять народом, его великую и благую природу, возложил на него великолепие сана наследника престола.

3. И из любви к науке ему в высокой степени приятны были все изречения прекрасные, закону посвященные, и воздавал он почести высокие тому, кто с изречениями прекрасными к нему являлся.

И вот однажды Великосущный объезжал пригородные парки, которые были особенно приятны благодаря прелести разукрашенных могуществом весны побегов и чарующим улыбкам распускающихся цветов. Свежая трава, как ковром, повсюду устилала землю; пруды с синей прозрачной водой были устланы лепестками белых и голубых лотосов; воздух наполняло жужжание роев пчел, ползавших по цветам; развились стаи кукушек и павлинов; дул нежноароматный прохладный и приятный ветерок, и душу осеняла радость. Окруженный не особенно большим отрядом войска, он заехал для игр в один парк.

4. Он в том саду, самцов-кукушек криками наполненном, украшенном чудесными беседками, бродил с любимыми подругами своими, как добродетельный в Нандане, среди склонившихся под тяжестью цветов прекраснейших деревьев.

5. И наслаждался там он пеньем мелодичным, сопровождаемым игрой на музыкальных инструмен-

тах и пляскою искусною с призывами и милыми игривыми движениями от опьянения веселостью блиставших женщин, а также и чарующего леса красотой.

Когда он находился там, к нему пришел некий брахман, славившийся своими прекрасными изречениями. После того как ему был оказан учтивый прием, он уселся и погрузился в созерцание дивной красоты царевича. И вот Великосущный, хотя он по своей юности наслаждался различными играми, выпавшими ему на долю, тем не менее по прибытии брахмана в силу своих великих заслуг почувствовал к нему глубокое уважение; но не успел еще брахман насладиться плодами своего прихода, заключавшимися в чтении прекраснейших изречений, внезапно поднялся страшный шум, заглушивший звуки пения и музыки, убивший радость, рожденную увлечением игрой, породивший страх и отчаяние среди женщин.

Услышав его, царь ласково велел стражам гарема: «Узнайте, что это такое». И стражи, со страхом, отчаянием и печалью на лицах в смущении поспешно прибежав к нему, сказали: «Это, государь, пожиратель людей Калмашапада, сын Судасы, подобный самой смерти; по своей привычке губить сотни людей он более жесток, чем ракшаса; нечеловеческой силы, мужества и дерзости, подобный ракшасу по своему страшному, наводящему ужас виду, он — воплощение ужаса, и он приближается сюда. Рассеяно наше войско; его стойкость пожрал страх, расстроены ряды колесниц, всадников, слонов; смешались воины. Поэтому пусть будет готов государь к сопротивлению или же примет решение, подходящее для данного времени». И Сутасома, хотя и знал все сам, сказал им: «Да кто же тот, кого вы называете сыном Судасы?» Те ответили ему:

«Разве не известно государю, что был царь по имени Судаса. Отправившись на охоту и сброшенный лошадию, забравшись в лесную чашу, он соединился там со львицей, и эта львица забеременела, а через некоторое время родила мальчика. Пойманный лесниками, мальчик этот был приведен к Судасе. «Бездетен я», — подумал Судаса и воспитал его.

Когда же отец ушел во град богов³, его царство унаследовал этот юноша. Благодаря порокам матери он чувствовал склонность к мясу. «Это мясо имеет лучший вкус, чем то», — подумал он, попробовав человеческого мяса и, убивая в большом количестве своих же горожан, стал пожирать их. И горожане собрались убить его. Испуганный сын Судасы обещал демонам, пожирающим приношения из человеческого мяса и крови: «Если я избавлюсь от этой опасности, я принесу в жертву демонам сто царевичей». И он избежал опасности. Много уже царевичей было похищено им, и теперь он пришел похитить и государя. Ты все услышал, государь, воля твоя».

И Бодхисаттва, знавший об извращенном, греховном поведении сына Судасы, из сострадания еще прежде положил в своем сердце излечить его; и так как он был уверен в своей способности уничтожить извращенность его поведения, то с радостью, словно приятную новость, выслушал известие о прибытии сына Судасы. Он сказал приблизительно так:

6. «Лишившийся престола из страсти к человеческому мясу и, словно пьяный, неспособный владеть собой, отпавший от закона своего, заслуги уничтоживший и славу, пришел он в состояние, достойное лишь сожаленья.

7. Возможность есть ли здесь для применения моих сил, иль только для боязни и смятения перед подобным человеком? Я уничтожу его греховность злую без напряжения, смятения и силы.

8. Даже если бы он ушел, и то достоин был бы сожаленья моего, но он ведь сам пришел в мои владенья. Мне подобает гостя надлежащим образом почтить. Ведь так все добрые относятся к гостям!

Посему каждый из вас пусть исполняет свои обычные обязанности».

Повелев так стражам гарема и прежде всего успокоив своих телохранительниц — юных женщин, которые с широко раскрытыми от отчаяния глазами, заикаясь от волнения, приготовились преградить дорогу врагам, он направился ту-

да, откуда неся этот страшный шум. Между тем сын Судасы, грязные одежды которого, не стянутые поясом, развевались во все стороны; с повязкой из мочалы на голове, с пыльными и грязными, спутанными волосами, обросший бородой, густо покрывавшей его лицо, словно тьмою; со страшными глазами, вращавшимися от гнева и ярости, с высоко поднятым мечом и щитом преследовал бежавшее войско царя. Увидев сына Судасы, царь бесстрашно и спокойно сказал: «Послушай, вот я — Сутасома! Вернись сюда! К чему заниматься подобным избиением несчастных людей?» Эти слова вызова задели гордость сына Судасы, и он, как лев, повернулся к нему. Увидев Бодхисаттву, одного и безоружного, с естественной приветливостью во всем виде, он закричал: «Тебя-то я и ищу!» — и, недолго думая, внезапно в ярости стремительно бросился к нему и, подняв его на плечи, убежал с ним. Бодхисаттва же, понимая, что сердце его было возбуждено яростью и гордостью, дух же был исполнен смятения, а вследствие бегства царского войска в нем поднималась радость и тщеславие, подумал: «Теперь не время наставлять его», — и остался хладнокровно спокойным. А сын Судасы, добившись такой великой ценности, и словно получив желанное, с великою радостью в сердце вступил в свое недоступное жилище.

9. Ужасная земля, покрытая людей убитых трупами и кровью орошенная, зловещими шакалов криками как будто людям злобно угрожала;

10. Деревья, покрывавшие ту землю, зловещее прибежище ворон и коршунов, от дыма погребальных множества костров поблекли; их листья пожелтели; злые духи, привидения там исполняли отвратительные пляски; и издали то место страшным представлялось путника глазам, от ужаса застывшим.

Опустив на землю Бодхисаттву, необычайная красота которого приковала его взор, и упорно смотря на него, сын Судасы стал отдыхать. А у Бодхисаттвы, когда он вспомнил брахмана, который пришел к нему с приношением прекрас-

ных изречений и не был надлежащим образом почтен и ожидал его возвращения в увеселительный сад с надеждою в сердце, явилась мысль:

«О горе!

11. Прекрасных изречений приношение ароматное неся, с надеждой издалека он пришел; что ж будет делать брахман тот, услышав, что похитили меня.

12. Надежд разрушенных огнем охвачена его душа, еще острее его усталость от отчаяния. Вздыхать он будет, сожалея обо мне, или своей судьбе упреки посылать».

При этих мыслях у Великосущного, сердце которого горело такой мукой, от великого сострадания выступили слезы. И сын Судасы, увидев слезы в глазах Бодхисаттвы, разразившись смехом, сказал:

«О, не нужно этого!

13. Ты мудр и добродетелями славен! Но, во власть мою попав, ты слезы проливаешь!

Действительно, прекрасно говорится:

14. В несчастиях бесплодна мудрость, в скорби ученость бесполезна. И нет такого существа, что не дрожало бы, коль бьют его!

Поэтому скажи мне правду:

15. О жизни ли приятной, о богатстве, средстве к наслаждениям, или о родных, о сани царском сожалея, чадолюбивого ль отца, или в слезах заплаканные лица детей ты вспомнил, что из глаз твоих так полились обильно слезы?»

Бодхисаттва сказал:

16. «О, не о жизни, родителях или детях, не о родных, не о супруге и не о наслаждениях царской власти я вспомнил, что выступили слезы у меня. Надежд исполненный, с прекраснейшими изречениями ко мне пришедший брахман, услышав, что похищен я, отчаянья огнем горит, наверно! Вот это вспомнил я, и слезы оросили очи.

17. Поэтому ты отпустить меня благоволи, чтобы я сердце брахмана, крушением надежд смятенное, почтения водой обрызгав, оживил и выпил бы его прекрасных изречений мед.

18. И, уплатив таким путем долг брахману, вернись, чтоб и тебе не оставаться должным. Увижу я, как вспыхнут радостью нетерпеливо ждущие глаза твои при возвращении моем.

19. „Для бегства то предлог!“ — ты этим подзрением не омрачай души своей. Путь мне подобных, государь, отличен от пути, каким другие люди ходят!»

Сын Судасы сказал:

20. «Никак нельзя поверить в то, что ты с такой уверенностью произносишь, заслуживающим внимания. Кто ж, невредимым убежав из пасти смерти, к ней добровольно снова бы явился?»

21. Какая может быть тому причина, чтобы ты, страх смерти трудноодолимый оставив позади и наслаждаясь безопасностью в своем прекраснейшем дворце, ко мне опять явиться захотел?»

Бодхисаттва сказал:

«Как это? Разве ты не понимаешь очень важной причины для моего возвращения? Разве не дал я обещанья, что вернусь? Поэтому ты перестань подозревать, приравнивая меня к лжецам! Я ведь Сутасома!»

22. Правда, бывает, что из жадности или из страха смерти люди правду, как будто бы солому, оставляют; для добродетельных же правда есть имение и жизнь, поэтому и в злой беде они ее не покидают.

23. Ни жизнь, ни наслаждения земные от бедствий не спасут тех, кто от правды удалился. Так кто бы захотел оставить правду ради них? Она сама ведь воплощение хвалений, славы, наслаждений!

24. Кого все видят на погибельном пути, в ком сильного стремления к прекрасному не видно, того

благое поведение доверия не вызывает; но что во мне заметил ты, что подозрение свое направил даже на меня?

25. Когда бы страх был пред тобою у меня, или стремление к наслаждениям, иль сострадания не было бы в сердце, то на тебя, известного жестокостью, с высокоподнятым оружием и щитом пошел бы я, гордясь отвагою своей.

26. С тобой знакомство это ведь могло бы даже быть желанным для меня. Тому дважды рожденному награду за труды воздав, приду я снова сам к тебе. Ведь мне подобные не произносят слов неправды!»

Тогда сын Судасы, раздраженный этой речью Бодхисаттвы и считая ее притворной, подумал: «Прекрасно! Он так хвалится своею правдивостью и справедливостью! Ну, так я проверю его привязанность к правде и любовь к справедливости! Чем, собственно, грозит мне его утрата? Ведь у меня есть уже целая сотня царевичей, которыми я овладел великой силой своей десницы, их я и принесу, как хотел, в жертву дэмонам». Так подумав, он сказал Бодхисаттве:

«Хорошо, иди! Посмотрим, какова твоя верность обещаниям и твоя справедливость!

27. Иди и, брахмана того желание исполнив, скорее возвращайся! Тем временем костер здесь погребальный я приготовлю для тебя!»

И Бодхисаттва, промолвив: «Слушаю»,— отправился в свой дом, где его радостно приветствовали домочадцы. Позвав того брахмана, он выслушал от него четыре *гатхи*. Выслушав его и умиленный до глубины души прекрасными изречениями, Великосущный, исполненный радости, выразил ему сначала приятными словами почтение и, оценив каждую *гатху* в тысячу золотых, вознаградил затем брахмана желанным богатством. Его отец, имея в виду удержать его от неуместной расточительности, воспользовавшись представившимся случаем, ласково сказал ему так:

«Милый, в выражении почтения за прекрасные изречения

ты должен все же знать меру; ведь тебе нужно поддерживать большой двор, а от богатства казны зависит и блеск царя.

Поэтому я скажу тебе:

28. Одною сотнею почтить прекрасные те изречения в полной мере можно, и больше этого давать не подобает; у слишком щедрого надолго ли сияния Куберы станет, хотя б он был богат, как сам Кубера?

29. Действительное и наилучшее здесь средство есть — богатство, ведь без него приятного никак нельзя достичь! Ведь на царя богиня счастья, как блудница, и не взглянет даже, коль не полна его казна!

Бодхисаттва сказал:

30. «О, если бы установить возможно было цену, о государь, прекрасных изречений, то ясно, что тобой указанным путем я не пошел бы: за них в награду все царство даже дал бы я свое!

31. Ведь слушая их, сердце спокойствие, стремление к спасенью и твердость обретает, а разум, все возрастая, от тьмы освобождается: их покупать не должно ль даже и ценою своей плоти?

32. Священное писание — светильник, что ослепленья тьму один рассеять может; то наилучшее богатство, которое и воры не похитят! То меч, чтоб ослепление — нашего врага — пронзить, наставник в жизни и советник наилучший!

33. Даже в беду попавшего друг неизменный; против недуга скорби безболезненное средство; это — полки могучие, стирающие в порошок полки пороков, и лучший кладезь славы и блаженства.

34. А красноречие при встречах с праведными — дар чудесный: оно в собраниях ученых примиряет; как солнце, свет оно бросает в спорах; соперников высокомерие и славу посрамляет.

35. Необразованные даже люди приходят в восхищение и подтверждают превосходство красноречия

сияньем глаз и лиц довольных, с одобреньем хлопая в ладоши.

36. Для четких доводов искусно взятые примеры из книг священных или из трактатов оно нам позволяет приводить. Изысканностью, нежностью, очарованьем оно сравниться может лишь с неувядающей гирляндой.

37. Оно сияет блеском лампы совершенной, благодаря ему растет победоносно слава. И вот основа красноречия такого — благое знание, священных текстов применение — нам открывает путь к желанной цели.

38. Их слушая, на путь трех целей, свободный от мешающих пороков, вступают люди и, следуя в своих поступках священным текстам, легко пересекают поток рождений труднопроходимый.

39. Известных за их многие достоинства, полученных как дар желанный, как мне не почитать священных текстов? С другой же стороны, как твой приказ нарушить?

40. Поэтому вернись-ка я к сыну Судасы, не надо мне тревог о царской власти и тех, которые навлечь могу я, пойдя путем греховным, если бы нарушил обещание вернуться».

Тогда отец, придя в волнение из-за любви к нему, озабоченно сказал ему:

«Сын мой, я ведь говорил так, только желая тебе блага. Поэтому ты не должен предаваться обидам. Пусть враги твои попадают в руки сыну Судасы! Ну, конечно, ты пообещал прийти к нему, поэтому ты, желая быть честным, хочешь выполнить свое обещание. А я все же не разрешу тебе этого. Нет никакого греха в том, что человек вступает на путь неправды, если он делает это ради спасения собственной жизни или ради старших — такое правило есть в *Ведах*. Зачем же тебе надо стараться от него отказываться? Люди, опытные в житейской мудрости, называют такую преданность праведности, явно враждебную материальным интересам и удоволь-

ствиям, порочным правлением и дурным обычаем царей. Поэтому перестань настаивать, терзая мое сердце и пренебрегая своими личными интересами. Но ведь ты, мой дорогой, считая это позорным и противоречащим праведности и не привыкнув отказываться от своего обещания, не решишься на это. Если даже и так, то у меня есть наготове армия из слонов, конницы, колесницы и пехоты, рвущаяся в бой ради твоего спасения. Это преданное нам превосходное войско, устрашающее, как неистовый поток воды, состоит из воинов, умело владеющих оружием и не раз отличавшихся в битвах. И вот с этой армией отправляйся к нему и или покори его, или предай смерти. Таким образом, и обещание твое пустым не останется, и себя спасешь».

Бодхисаттва сказал:

«Я не хочу, о царь, обещать одно, а делать другое; или же нападать на такого рода заслуживающих жалости людей, увязших в болоте дурных привычек и катящихся в ад, которых я считаю моими друзьями, так как они лишились своих родных и чьего-либо покровительства. Более того:

41. Ведь этот людоед по отношению ко мне на редкость благородно поступил: он отпустил меня, хотя я был в его руках, поверив только слову моему.

42. И я, отец, благодаря ему узнал эти прекрасные реченья. Он сделал мне добро и потому особенно достоин сострадания.

И пусть царь не опасается чрезмерно за меня. Разве он в силах причинить вред, если я сам вернулся к нему?»

Таким образом он убедил своего отца. Отклонив просьбы друзей и верной армии, жаждавших удержать его, Великосущный один, без страха и уныния, хранивший верность правде, пришел в жилище сына Судасы, намереваясь ради блага людей смягчить его нрав. Сын Судасы еще издали увидел Великосущного и пришел в чрезвычайное изумление, причем еще больше возросли его уважение и приязнь. Хотя его ум был осквернен жестокостью, усилившейся от долгого ее проявления, он задумался:

43. «Ведь это чудо из чудес, невиданное из невиданного, сверхчеловеческая, сверхбожественная, царя возвышенная верность слову!

44. Ко мне, чей нрав, как смерть, свиреп, вернулся сам он, страх и трепет подавив. Вот это стойкость! Слава слову верному!

45. Недаром слава далеко идет о верности его своим словам, ведь ради верности решил расстаться он и с жизнью, и с саном царским».

Меж тем Бодхисаттва подошел к нему, пораженному в самое сердце изумлением и уважением, и сказал:

46. «Обрел сокровище прекрасных изречений, достойного почтил я, и в сердце радость снизошла благодаря тебе. И вот я здесь, съешь, как желал, меня или для жертвоприношения используй».

Сын Судасы сказал:

47. «Съесть тебя я не спешу, тем более что дымом костер окутан погребальный, а мясо, лишь без дыма приготовленное, вкусно. Поэтому давай послушаем твои прекрасные реченья».

Бодхисаттва сказал:

«Что пользы для тебя, дошедшего до такого состояния, в прекрасных речениях?

48. Безжалостный к подданным, желудка ради ты подобный образ жизни принял. А эти строфы прославляют праведность, и праведность не уживается с несправедливостью.

49. Для тебя, жизнь отвратительную ракшасов ведущего, оставившего благородных путь, нет веры и откуда праведность? Зачем тебе святые тексты?»

Тогда сын Судасы, раздраженный этим презрением, сказал:

«Ну нет, не говори так!

50. Ты назови такого мне царя, который бы, лук натянув, не убивал лесных животных в своем саду для игр. Если подобно им для поддержания жизни

людей я убиваю, так говорят уже, что я — несправедливый, но не они — живых существ убийцы!»

Бодхисаттва сказал:

51. «Нет, никогда не были праведными те, чьи стрелы направлены в животных, испуганно бегущих. Но пожиратели людей заслуживают порицания большего. Высокий род людей как пища ведь служить не должен».

Тогда, хотя Бодхисаттва поучал очень резкими словами, обаяние исходившего от него дружелюбия покорило жестокий нрав сына Судасы, и он, спокойно приняв эти слова, улыбаясь, сказал:

«Послушай, Сутасома!

52. Ты, мной отпущенный, придя в свой дом, прекрасный пышным блеском царского величия, ко мне вернулся. Так не большой же ты знаток житейской мудрости!»

Бодхисаттва ответил:

«Наоборот, я очень опытен в житейской мудрости, и поэтому я не хочу прибегать к ней.

53. Что в опытности той, которая, когда ее пускают в ход, не к достижению счастья ведет, а к полному от праведности отпадению!

Чего уж больше:

54. Кто постоянно следует путем житейской мудрости, тот после смерти в несчастье попадает. Поэтому, покинув извороты мудрости житейской и верность слову соблюдая, к тебе вернулся я.

55. Так вот именно я, который ложь оставив, правдой наслаждался, и есть знаток житейской мудрости. Не назовут ведь знающие судьи тот поступок мудрым, который слава добрая, довольство, польза не сопровождают».

Сын Судасы сказал:

56. «Оставив дорогую жизнь, родных в слезах и удовольствия, дарованные царским саном, какую

пользу из правдивости ты собираешься извлечь, что ради слова соблюдения вернулся?»

Бодхисаттва ответил:

«Много добродетелей основано на правдивости. Выслушай коротко об этом.

57. Правдивость превосходит красотой цветов гирлянды, а сладостью все яства, а также подвиги аскетов и полные трудов к святым местам паломничества благодаря тому, что без труда заслуги добродетельные накапливаются.

58. Правдивость, среди людей способствуя распространению доброй славы, ей открывает путь к проникновению в три мира. Она врата в обитель небожителей и мост через трясины перевоплощений».

Тогда сын Судасы, воскликнув: «Прекрасно! Правильно!» — и поклонившись, сказал, глядя на него с удивлением:

59. «Попавшие под власть мою другие люди, в отчаянье придя, от страха мужество теряют, отчаяньем проникшись. Тебя же доблестная стойкость не оставила; не вижу я в тебе, о царь, пред смертью страха».

Бодхисаттва ответил:

60. «Если нельзя чего-то избежать даже усилием большим, к чему тогда трусливый страх, негодный как защита?»

И все же трусливы люди, хотя знают удел всего живущего:

61. Ведь оттого, что связь со злом людей терзает, что для деяний чистых они не напрягают сил; страшась, предчувствуют страдания в том мире, их ослабляет страх пред неизбежной смертью.

62. Но я не помню, чтобы сделал я что-либо, из-за чего терзался бы мой ум; впитал в себя я чистые деянья. Кто, праведность храня, бояться станет смерти?

63. Не помню я просителей, которые не принесли бы удовольствие себе и мне. Кто, радость в щедрости найдя и праведность храня, бояться станет смерти?

64. И сколько бы ни вспоминал, не помню, чтобы хоть в мыслях сделал шаг я в сторону греха. Так если путь мне в небеса расчищен, зачем я стану страх испытывать пред смертью?

65. Брахманам, родственникам и друзьям, тем, кто зависит от меня, народу бедному и украшениям обителей — отшельникам я щедро раздарил огромное богатство, давая по заслугам; для каждого я сделал то, что для него и было нужно.

66. Я выстроил великолепных сотни храмов, для бедняков приюты, обители, для игр площадки, залы для собраний, водоемы. И у меня, таким путем достигшего удовлетворенья, нет страха смерти. Так в жертву принеси меня иль съешь!»

Слушая эти слова, сын Судасы со слезами умиления на глазах, с поднявшимися волосками на теле, забывший мрачность своего злого характера, почтительно глядя на Бодхисаттву, сказал:

«Пусть прекратится зло!

67. Пусть тот проглотит сам яд халахалу⁴ или змею свирепую, иль раскаленное железо, пусть разлетятся голова и сердце у того на сто кусков, кто пожелает зла тебе подобному, о тур среди царей!

Поэтому скажи мне и те прекрасные изречения. Мое сердце смягчилось цветочным дождем твоих слов, и еще больше возросло мое любопытство услышать их. И вот что:

68. Увидев поведение безобразное свое в зеркале праведности и придя в волнение, могу я разве жадно не стремиться к дхарме сердцем?»

Тогда, считая, что он всем сердцем желает услышать благой закон и совершенно этого достоин, Бодхисаттва сказал ему:

«Тебе, стремящемуся к благому закону, следует слушать его в должной позе, соответствующей этому действию:

69. Сидя на самом низком сидении, тем выражая красоту смиренья, с глазами радостными, словно мед речей вкушая,

70. Свой ум, спокойный, чистый направляя на цель единственную — проявление самого глубокого внимания, — так слушать следует закон благой с почтением, как слушает больной слова врача».

Тогда сын Судасы, покрыв своим одеянием самый высокий камень, предложил Бодхисаттве сесть на него, а сам уселся на голой земле перед ним и, устремив со вниманием глаза на лицо Великосущного, сказал: «Теперь говори, о почтенный!» И Бодхисаттва, как будто наполняя весь лес своим низким, звучным голосом, чарующим, как гром из только что образовавшейся тучи, сказал:

71. «Даже случайная, даже единственная встреча с праведным достаточна для нерушимой, вечной дружбы, которая не ищет новых встреч».

Услышав это, сын Судасы воскликнул: «Прекрасно! Прекрасно!» — и, кивнув головой и сделав жест одобрения, сказал Бодхисаттве: «Еще, продолжай!» Тогда Бодхисаттва произнес *гатху*:

72. «Не нужно жить вдали от праведных людей и почитать их должно, послушно следуя за ними. Ведь ароматная пыльца цветов их качеств совершенных, повсюду разлетаясь, того коснется без труда, кто близко подошел».

Сын Судасы сказал:

73. «Всей душой, о доблестный, ценя изящные реченья, ты, без сомнений, правильно свое богатство поместил, и правильно, что ты при этом своих трудов не принимаешь во внимание.

Еще, продолжай!»

Бодхисаттва ответил:

74. «Сияющие золотом и драгоценностями колесницы царей, а также их тела от старости становятся уродливыми. Но праведность людей достойных старо-

сти не поддается, ведь к добродетелям привязанность у них сильна».

«Это дождь из амриты! О, как велико мое удовлетворение! Еще, продолжай!» — [воскликнул сын Судасы].

И Бодхисаттва сказал:

75. «Как от земли далеко небо и друг от друга океана берега, как от горы на западе⁵ далек восход, так еще дальше добродетельных закон от поведения неправедных людей».

Тогда сын Судасы, преисполнившись любви и уважения от удивления и радости, сказал:

76. «Чудесными словами превзойден блестящий смысл в твоих прекрасных *гатхах*. Блаженство радости ты дал мне; и, чтоб тебя почтить, хочу я дать тебе в ответ четыре дара.

Так выбирай все, что от меня ты хочешь!»

И Бодхисаттва, удивляясь и чувствуя к нему уважение, сказал:

«Кто ты, чтобы раздавать дары?»

77. Страстью к дурным поступкам побежденный, ты даже над самим собой не властен. Какой же дар ты можешь дать другому, ты, сердцем отвернувшийся от праведного поведенья?

78. Назвал бы я желанный дар, но ослабеет вдруг в уме твоём желание дарить. Кто, сострадательный, несчастье такое может вызвать?⁶ Поэтому довольно, достаточно ты сделал для меня».

И сын Судасы, несколько пристыженный, опустил голову и сказал Бодхисаттве:

«Не надо больше сомневаться во мне.

79. Хочу тебе я дать эти дары, хотя бы жизнь пришлось оставить мне; поэтому, о царь, спокойно выбирай ты все, что хочешь».

Бодхисаттва сказал:

«Ну, тогда

80. Прими правдивости обет и перестань вредить

живому; всех пленных без остатка отпусти; не ешь отныне больше человеческого мяса; даруй мне, о герой среди людей, четыре этих 'несравненных дара'.

Сын Судасы ответил:

81. «Я дам тебе три первых дара, четвертый выбери другой. Не знаешь разве ты, что я не в силах от человеческого мяса отказаться».

Бодхисаттва воскликнул:

«О! Так вот каково твое поведение! Разве не говорил я: кто ты такой, чтоб раздавать дары? Более того,

82. Как сохранишь обет правдивости и как вреда не причинишь живому, если не бросишь ты, о царь, есть человечье мясо?»

Позор!

83. Не говорил ли ты сначала, что дашь свои дары, вплоть до того, что жизнь оставишь?

А получается другое!

84. Что говорить о невреждении, когда людей ты убиваешь ради мяса? А если так, что могут стоить данные тобой три дара?»

Сын Судасы сказал:

85. «Как я оставлю то, из-за чего, покинув царство, терпел мучения в лесу, разрушил праведность и славу погубил?»

Бодхисаттва сказал:

«Именно поэтому ты и должен отказаться от людоедства.

86. Ради подобной обители несчастья погибли праведность, богатство, наслаждение, слава. Как ты не можешь отказаться от нее?

87. А это сожаление об отданном бывает только в самом подлом человеке. Так как же эта низость тебя вдруг одолела?

Перестань же следовать этому злему пороку! Очнись! Разве ты не сын Судасы?

88. Искусно приготовленного и разрешенного врачами есть много мяса для тебя — домашнего скота,

в воде живущих рыб, оленей. Вот им себя и убажай!

Но, пожалуйста, оставь привычку к человеческому мясу, достойную сурового осуждения.

89. Бой барабанов, гремящий, словно голос облаков, водою напоенных, ночью звуки песен и другие царской власти различные блага, родных детей и слуг, тобой любимых, покинув, чем ты можешь в лесу уединенном наслаждаться?

90. Не следует тебе, о царь, идти по воле своих мыслей. Ты лучше встань на путь благоприятный для праведности и богатства. Царей с войсками их один в сраженьях побеждая, не будь же трусом, когда бороться надо с мыслями твоими.

91. О мире том, людей владыка, тоже задуматься бы надо, поэтому не стоит поддерживать дурное, хотя бы и приятное тебе. И если есть путь, привлекательный, способствующий доброй славе, прими его, как даже неприятное лекарство принимают».

Тогда сын Судасы, со слезами умиления на глазах, бросился к Бодхисаттве и, обняв его ноги, прерывающимся голосом воскликнул:

92. «Как справедливо, что слава о тебе расходуется повсюду, пылью цветочной добродетелей твоих мир усыпая и наполняя благоуханием твоих заслуг святых. Ко мне, погрязшему во зле, в жестокости, что сделала меня посланцем смерти, кроме тебя, никто другой не ощутил бы сострадания.

93. Ты, мой наставник, мой учитель, божество мое! Я славлю, голову склонив, твои слова. И никогда, о Сутасома, не буду есть я человеческое мясо. Я сделаю все так, как ты мне скажешь.

94. А те царевичи, которых ради жертвы я похитил, истерзанные пыткой заключения, утратили свое великолепие, и скорбь сердца им гложет! — Пойдем, освободим их вместе!»

Тогда Бодхисаттва ответил ему согласием и пошел с ним туда, где были заключены царевичи. Увидев Сутасому, они пришли в величайшую радость: «О, мы свободны!»

95. При виде Сутасомы на их лицах просияла расцветшая улыбки красота, как белый лотос распускается в объятьях месяца лучей с приходом осени.

Придя к ним, Бодхисаттва успокаивающе обратился к ним с ласковыми словами приветствия и, взяв с них клятву не хранить зла к сыну Судасы, освободил их от оков. Вместе с сыном Судасы, сопровождаемый этими царевичами, он вернулся в свое царство и, оказав им почетный прием, согласно их достоинству, возвел каждого на свой трон.

Таким образом, «общенье с добродетельными, так или иначе достигнутое, сулит спасенье; зная это, стремящемуся к спасению следует искать опоры в добрых людях». [В проповеди о Татхагате должно говорить так: «Еще в прежних рожденьях наш владыка Будда, стремясь творить добро, был другом даже незнакомым людям». А также, поучая внимательно слушанию закона, нужно говорить: «Таким образом, слушание праведного закона ведет к уменьшению греха и приобретению добродетелей». Прославляя священное писание, следует сказать: «Много достоинств имеет священное писание». А также, прославляя честность, нужно говорить: «Таким образом, добродетельные, не считаясь с жизнью, удовольствиями или властью, держат свое слово» — равным образом в проповеди о сострадании.]

XXXII. ДЖАТАКА ОБ АЙОГРИХЕ

Даже блеск царского величия не закрывает дорогу к спасению для людей, чья душа пришла в глубокое волнение, поэтому должно проникаться этим волнением.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Будучи бодхисаттвой, наш Владыка убедился, что этот мир измучен страданиями, что он не имеет ни защитника, ни покровителя, ни руководителя и полон несчастных случайностей, как болезни, старость, смерть, разлука с приятным и прочее. Благородный характером, движимый состраданием, он решил спасти мир и принести высшее счастье и благо даже противникам своим и незнакомым ему людям. И вот как-то он принял рождение в царском роде, прославленном своим добродетельным поведением. Великая судьба этого рода проявлялась в неуклонном процветании и благоденствии благодаря любви и преданности подданных в расширении владений вследствие подчинения гордых соседей. Своим рождением он доставил великое счастье не только царской семье, но и всей столице, делившей с царской семьей и радость и горе.

1. Обрадовались брахманы полученным дарам, в восторге были слуги в прекрасных одеяниях; звучали мелодично турьи, повсюду были танцы и представления веселые.

2. Смешались песни, игры, смех и возгласы; в объятиях взаимных радость проявлялась. Словно подарку, радуясь приятному известию, люди царю желали счастья.

3. Двери темниц раскрылись, узников свободив; на перекрестках высоко вздымались стяги разноцветные; земля была усыпана цветами и вином окроплена; весь город в праздничном убранстве ликовал.

4. Дождем одежд и украшений золотых, что лился из домов богатых, как будто мир желая напоить, как Ганга, разыгралось счастье.

Но, как правило, все сыновья у этого царя умирали, едва родившись. И он, считая, что это дело не человеческих рук, ради безопасности этого сына повелел растить его, совершив над ним все должные обряды, начиная с *джатакармана*, в прекрасном доме, сделанном целиком из железа и украшенном драгоценными камнями, золотом и серебром и порученном покровительству богов соответственными благоприятствующи-

ми церемониями. Согласно демонологии и традициям, установленным *Ведами*, такой дом обладал силой отражать и убивать злых духов. И нечистые силы не посмели тронуть Великосущного в силу накопленных им добродетельных заслуг и хорошей заботе о его защите. С течением времени над ним были совершены все обряды. Знаменитые своим поведением, происхождением и знанием священных текстов учителя, почитаемые за славу, которую они обрели ученостью, непревзойденные в умиротворенности, скромности и мудрости, посвятили его во многие науки. С каждым днем его тело наливалось красотой юности, и благодаря врожденной скромности он завоевал наивысшее уважение среди друзей и незнакомых людей.

5. Ведь благородный человек, пусть не родной и не знакомый, как далеко бы он ни находился, людей, как друг любимый, привлекает, причина этому — блёск добродетелей его.

6. Когда осенний месяц в небе, улыбаясь, лучей сиянье испускает, чем привлекает он людей?

И вот Великосущный наслаждался многими божественными благами, выпавшими на его долю вследствие великих заслуг. Уверенно и без опасений смотрел на него отец, относившийся к нему с большой любовью и уважением.

Однажды царевич пожелал видеть прекрасные украшения столицы, устроенные по поводу наступившего праздника Каумуди. Получив позволение у отца, он взошел на царскую колесницу, отделанную украшениями из золота, драгоценных камней и серебра, на которой развевались сверкающие разноцветные флаги и знамена. Ловкий, опытный, красивый, скромный и стойкий возничий управлял хорошо выезженными лошадьми в изукрашенной золотом упряжи. Царевича сопровождала свита в ярких блестящих нарядах и вооружении. Предшествуемый чарующими звуками музыкальных инструментов, он проезжал по столице, рассматривая живописные толпы горожан и сельских жителей, разодетых в лучшие праздничные одежды, которые, стремясь всем сердцем уви-

деть его, бросали любопытные взгляды и встречали его выражениями почета и уважения, приветствуя сложенными руками, поклонами и возгласами благословения. Но, хотя это был прекрасный случай для сердца радоваться, он, благодаря свойственному ему чувству душевного смятения, вспомнил о прежних рождениях.

7. Увы! Как жалок этот преходящий мир! От праздничного блеска Каумуди останется одно воспоминание!

8. И все же, хотя таков закон для всех живых существ, опасностью пренебрегают люди: на всех дорогах их встречает смерть, они ж веселью предаются беззаботно.

9. Да разве же разумный человек найдет возможным веселиться, когда пред ним стоят неодолимые враги, готовые сразить: болезни, старость, смерть, и неизбежен переход в потусторонний мир?

10. Увитые сверкающей гирляндой золотой из молний облака, грохочущие, словно океан, и изливающие яростно воды ревущие потоки, едва возникнув, снова исчезают.

11. Уносят реки стремительным теченьем половодья и берега, и в них корнями вросшие деревья, но постепенно снова иссякают, как будто пламя иссушило их.

12. Вершины гор и массы облаков уносит быстрый ветер. Он взвихривает и волнует воды океана, но очень скоро пропадает его сила.

13. Сверкая высоко взметнувшимися языками пламени, разбрасывая искры, огонь уничтожает лес, но гибнет сам при этом. И, подчиняясь вечному порядку, цветет и исчезает красота лесов и рощ.

14. Где встреча, что была б не связана с разлукой? Где счастье, за которым вслед не шла бы неудача? Не замечая зыбкого непостоянства мира, беспечно радуются люди.

Так размышляя, Великосущный в душевном смятении

отвратился сердцем от веселого праздника и перестал обращать внимание на живописные толпы людей, украшавшие своим видом столицу. Только вернувшись домой, он пришел в себя. Проникнутый еще большим волнением, он подумал, что прибежище можно найти только в праведности, ибо она безразлична к мирским наслаждениям, и потому решил обратиться к ней. Придя к царю, когда представился случай, он, почтительно сложив руки, попросил у него разрешения уйти в лес отшельников.

15. Уйдя в отшельники, я тем желаю благо принести себе. На это дай мне разрешение, как знак твоей великой милости ко мне.

16. Услышав это, царь, любивший сына, от скорби, охватившей его сердце, задрожал, как слон, отравленной стрелой пронзенный, как океан глубокий, возмущенный ветром.

17. Стараясь удержать его, обняв с любовью, с рыданьем в голосе промолвил царь: «О сын мой, почему ты вдруг решил покинуть нас?

18. Кто недруг твой, причина собственной гибели, таким путем себя на смерть обрекший? Глаза чьих родичей должны наполниться слезами горя?

19. Или ты что-нибудь подозреваешь, или услышал от меня обидное? Скажи, чтоб положил я этому конец, ведь сам я ничего подобного не вижу».

Бодхисаттва ответил:

20. «Какая может быть обида на тебя, ведь ты относишься ко мне с такой любовью! Да и вообще кто может причинить мне неприятность?»

«Так почему же тогда ты хочешь покинуть нас?» — спросил царь со слезами на глазах, и Бодхисаттва ответил ему: «Из страха перед смертью! Пойми, о царь!

21. С той самой ночи, о герой среди людей, как в лоне матери жить начинает человек, он день за днем неотвратимо движется навстречу смерти.

22. Хотя бы наделенный мудростью житейской иль

здоровьем, никто не в силах одолеть ни смерть, ни старость. Преследуют всех в мире эти двое. Поэтому я обращаюсь к жизни праведной в лесу.

23. Могучие и гордые цари одолевают армии из пехотинцев, конницы, слонов и колесниц. Но победить врага единственного — смерть — не могут. Поэтому возникло у меня желание к праведности обратиться.

24. Быстрых коней, слонов, пехоты, колесниц рядами защищенные цари успешно избавлялись от врагов. Но, начиная с Ману¹, все они со всеми армиями их бессильны были против смерти и покорялись власти этого могучего врага.

25. Клыками, как пестами, в порошок слоны ворота городские растирают в бешенстве, а также в битве — колесницы, воинов и вражеских слонов. Но смерть, представшую пред ними, прогнать не могут даже бивнями, что сокрушают укрепленные ворота.

26. Искусный лучник стрелами разит издалика врагов, одетых в прочную броню, и только смерть, исконного врага, он поразить не в силах.

27. А львы, вонзая остроережущие когти в виски слонов, обивают пыл своих врагов и с ревом рассекают уши им. Но, встретившись со смертью, засыпают, лишившись гордости и силы.

28. Вине согласно налагают наказание на врагов, совершивших преступление, цари. Но если преступление совершено таким врагом, как смерть, они бессильны.

29. Врагов, совершивших преступление против них, цари одолевают всеми средствами, начав с переговоров мирных². Но смерть свирепую, чья дерзость возросла от долгих упражнений, не подчинить ни уговорами, ни средствами другими.

30. Змеи людей кусают острыми зубами, несущими огонь смертельный яда, зажженный гневом; но даже

не пытаются ужалить смерть, хотя бы стоило ее убить за зло, которое она искусно причиняет.

31. Если укушен человек змеей, неистовой от гнева, врачи в нем яд лекарствами и заклинаниями подавляют. Но смерти яд, змеи опасной с вечным жалом, не поддается никаким лекарствам или заклинаньям.

32. С ужасным шумом, подобным грому облаков, взмахами крыльев разбрасывают стаи рыб играющих и воду океана, хватают змей протянутыми лапами хищные птицы. Но так же дерзко нападать на смерть не смеют.

33. Ведь тигры быстротой даже оленей, бегущих в страхе, превосходят, сбивают с ног разящим, словно молния, ударом лапы и пьют их кровь. Но, встретив смерть, такую ловкость проявить не в силах.

34. Даже столкнувшись с острозубой пастью тигра, олень спастись случайно может. Но кто избегнет пасти смерти с ее огромными клыками болезней, старости, мучений?

35. Ужасные, уродливые духи траха³, вцепившись крепкой хваткой, все жизненные силы выпивают у людей; но если смерть им предлагает схватку, теряют свою наглость и надменную ухватку.

36. Кто знает магию, тот может воспрепятствовать злым демонам, когда они мешать приходят почитанию богов. Но смерти демону нельзя противодействовать ни силой подвига, ни заклинаниями, ни лекарством.

37. А те, кто в фокусах искусен, людей обманывают на глазах в большом собрание. Как же могуча смерть, что и они ее глаза не могут обмануть!

38. Все лучшие врачи, кто силой подвига и заклинаньями волшебными уничтожали яды, кто изгонял болезни с помощью лекарств, все гибли сами, начиная с Дханвантари⁴. Поэтому склоняется мой разум к жизни праведной в лесу.

39. То появляются, то исчезают, летят по воздуху

и снова опускаются на землю видьядхары⁵; огромно их могущество благодаря различным заклинаниям. Но, встретившись со смертью, свое могущество они теряют.

40. Высокомерных асуров⁶ ведь отражают боги, и, в свою очередь, богов высокомерных — асуры. Но даже все их армии, объединившись и выступая гордо, смерть победить не могут.

41. И, сознавая неизбежную жестокость смерти — нашего врага, не радуюсь я жизни в доме. Не из-за гнева или уменьшения любви я ухожу, а потому, что я решил праведную жизнь вести в лесу».

Царь сказал: «Но если неотразим страх смерти, чего ты ждешь от жизни в лесу? Какие надежды возлагаешь на праведную жизнь?»

42. Разве в лесу со смертью ты не встретишься? Разве в лесу не умирают праведные риши? Везде один порядок неизменный. Какой же смысл, оставив дом, искать убежища в лесу?»

Бодхисаттва ответил:

43. «Хотя для смерти все равно, живет кто в доме иль в лесу, кто праведник иль добродетели лишен, но ведь у праведного нет причин для угрызений совести, и легче праведную жизнь вести в лесу.

44. Ведь дом —местилище забвенья к долгу, высокомерия, вражды, корысти, похоти; и разве место в нем найдешь для праведности, противоречащей порокам этим?»

45. Когда вступить домохозяин может на путь, ведущий к умиротворению, если его все время многие дела дурные отвлекают? Он занят добыванием и защитой состояния, и ум его не отдыхает от различных неудач.

46. В лесу же счастлив человек; оставив множество дурных занятий, освободившись от мучительных забот о состоянии, заботясь только об умиротворенно-

сти, с довольным сердцем, он достигает счастья, праведности, славы.

47. Лишь праведность — защита человеку, а не богатство или сила. Лишь праведность ведет к великому блаженству, а не богатства обречение. И преданному праведности смерть приносит радость потому, что он рождения дурного не страшится.

48. Как существуют для добра и зла особые поступки, признаки различные, так плод нечистого — несчастье, а плод прекрасный праведности — состояние блаженства».

Таким образом, Великосущный убедил своего отца и, получив у него разрешение, отбросил, как траву, весь царский блеск и нашел себе прибежище в лесу подвигов. Там он достиг несравненных степеней созерцания и, утвердив в них человечество, попал на небо Брахмы.

Таким образом, даже блеск царского величия не закрывает дорогу спасения для людей, чья душа пришла в глубокое волнение, поэтому должно проникаться этим волнением. [То же должно рассказывать при изложении вопроса о смерти: «Осознание скорой смерти ведет к смятению души». Так же при изложении того, что должно всегда помнить о смерти, следует приводить высказывания о невечности, а именно: «Невечны, преходящи все формы существования». «Ненадежно все сущее, мир беспомощен и беззащитен». А также следует поучать, что в лесу легче достигнуть праведности, чем в доме].

XXXIII. ДЖАТАКА О БУЙВОЛЕ

Лишь в том случае можно проявить кротость, когда представляется случай простить кого-либо. Поэтому добродетельные даже причиняющих им зло почитают как приносящих пользу. Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва жил как-то в одном лесном уголке в облике дикого буйвола, с телом в грязных пятнах тины, похожего на движущееся темное облако. Пребывая даже в таком, полном заблуждений, состоянии животного, в котором трудно познать праведный закон, он все же благодаря своему острому уму всеми мыслями ревностно стремился к праведному поведению.

1. И никогда его не оставляло сострадание, что, долго следуя за ним во всех рожденьях, его неотделимым свойством стало. Но все ж его какие-то поступки повлияли на то, что он родился в этом состоянии.

2. Поэтому Владыка говорил, что непонятна связь между поступками и воздаянием за них. Хотя он был проникнут состраданием, на долю его выпало рождение животным. Но и тогда сознание праведности было у него.

3. Без кармы нет рождений ряда, и добрые дела не могут принести дурного плода. Однако, хоть и праведности преданный, он иногда в различных состояниях рождался, определенных мелкими частями кармы¹.

И вот одна низкая, подлая обезьяна, видя его всегда проявляемое врожденное благородство и понимая, что благодаря своему милосердию он не может прийти в гнев или ярость и потому его нечего бояться, различным образом очень сильно досаждала Бодхисаттве.

4. Ведь самую большую наглость проявляет негодяй по отношению к сострадательным и мягким, доходит он до самых безобразных действий, так как нисколько не боится их. Но только лишь почувствует малейшую опасность, каким смиренным он становится, как быстро исчезает его наглость!

Эта обезьяна, то внезапно прыгала сверху на Великосущного, когда он спокойно засыпал или в полудреме клевал носом, то, взобравшись на него, как на дерево, она раскачива-

лась на нем. Иногда, когда он был голоден, она, загораживая ему дорогу, мешала пастись. Иногда она тыкала ему в уши палкой. Когда он желал искупаться, она забиралась ему на голову и закрывала ему глаза руками, а иногда, взобравшись на него и нахально усевшись ему на спину, она понукала его поднятой палкой и изображала из себя Яму².

Великосущный Бодхисаттва прощал ей безо всякого волнения, гнева или раздражения, считая все это наглое поведение обезьяны как бы даром.

5. Для прешников естественно идти дурной дорогой невоспитанности и нахальства. Для добродетельных же кротость — дар желанный, так долго шли они таким путем.

И вот как-то некий якша, возмущенный такими оскорблениями, наносимыми Великосущному, или же желая испытать его характер, когда низкая обезьяна ехала верхом на буйволе, остановился на пути у них и сказал: «Не довольно ли с тебя? Разве эта низкая обезьяна купила тебя или обыграла тебя в кости, или же ты чего-нибудь опасешься с ее стороны? Или же ты не знаешь собственной силы, что, подчинившись ей, возишь ее на себе? Поистине:

6. Твои ведь острые рога, подобно молнии, дробят алмаз, стволы деревьев расщепляют, а ноги месят гору в ярости, как будто бы болото.

7. Твое же тело крепкое похоже на утес, и совершенна красота его в соединенье с силой. Известна мощь твоя всем хищникам могучим, и даже льву опасно подходить к тебе.

8. Так сокруши ее копытом смело, иль рога острием разрушь ее нахальство. Зачем страдаешь ты от наглой обезьяны и сносишь все мученья, как бесильный?

9. Да разве скромностью и добротою и отношением добродетельным к нему возможно излечить злодея? Где действенны лишь острые, горячие и грубые лекарства, от неуместного подобного лечения лишь

возрастает дерзость, как болезнь, происходящая из флегмы».

Тогда Бодхисаттва, взглянув на якшу, сказал мягким голосом, выразившим его приверженность к кротости:

10. «Я знаю нрав ее непостоянный, к распушенности склонный. Поэтому я прав, когда ее прощаю.

11. И разве это называют кротостью, если сильнейшему не можешь ты ответить? А праведному, стойкому в смирении и поведенье добродетельном нам нечего прощать.

12. Поэтому, даже имея силу отомстить, сносить нам следует от слабых оскорбления. Лучше стерпеть обиду от него, чем добродетелей лишиться.

13. Слабого дурное обращение — возможность лучшая для проявления добродетели. Зачем же тот, кто предан добродетелям, в подобных случаях применит свою силу, чтоб в результате стойкость потерять?

14. Обычно ведь для проявления кротости удобный случай зависит от других и трудно достижим. И если кто-то нам дает для этого возможность, к чему здесь в ярость приходить?

15. Не думая о разрушении собственного блага, ведет себя он так, словно старается мои грехи очистить. И если кротость я не проявлю, то кто же, как не я, окажется неблагодарным?»

Якша сказал: «Тогда ты никогда не освободишься от ее преследований.

16. Не уважающего добродетели нахального злодея как можно укротить, не отказавшись от смиренного терпенья?»

Бодхисаттва сказал:

17. «Если счастье достается благодаря мученьям ближних, иль отвращается таким же образом беда, то счастья в результате не достигнуть, и так не стоит поступать.

18. А если он того не понимает, в чем наставляю я его своим терпением, то потом столкнется с тем, кто не прощает, и тот свернет его с неправого пути.

19. Узнав дурное обращение, он перестанет относиться дурно ко мне подобным. Наказанный, он больше так себя вести не станет, и я тогда освобожусь».

Тогда якша, преисполнившись верой, изумлением и уважением, воскликнул: «Прекрасно, прекрасно!» — кивая головой и делая одобрительные жесты, и прославил Великосущного следующими словами:

20. «Откуда у животных поведение такое? Откуда безграничное почтение к добродетелям? С каким-либо намерением ты принял этот облик, несомненно; наверное, ты — подвижник, обитающий в лесу».

Так восхвалив Бодхисаттву, якша сбросил негодную обезьяну с его спины и, научив его предохраняющим чарам, исчез.

Таким образом, «лишь в том случае можно проявить кротость, когда представляется случай простить кого-нибудь, поэтому добродетельные даже причиняющих им зло почитают, как приносящих пользу». [Так должно говорить, проповедуя о кротости. Также следует говорить: «Так проявляется непоколебимая стойкость бодхисаттв даже в животном облике; может ли человек или давший обет отречения от дома быть лишенным ее?» А также следует излагать этот рассказ при восхвалении Татхагаты и в проповеди о почтительном внимании праведному закону.]

XXXIV. ДЖАТАКА О ДЯТЛЕ

Даже побуждаемый к дурным поступкам добродетельный человек не будет совершать их в силу своей непривычности к ним.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва как-то жил в одной лесной стране в облике дятла, отличавшегося своим сияющим различными оттенками оперением. Проникнутый состраданием, даже в таком состоянии, он не следовал обычному образу жизни дятлов, оскверненному причинением вреда живым существам.

1 Он был вполне доволен нежными побегами деревьев, благоухающими ароматами цветов и сладкими плодами, разнообразными по вкусу, запаху и цвету.

2. Он наставлял как должно в праведности ближних, посильно помогая в беду попавшим, удерживал неблагородных от безнравственных поступков, свою заботу проявляя так об интересах ближних.

Таким образом, в том лесном уголке счастливо процветало под покровительством Великосущного множество животных, словно имевших в его лице наставника, родственника, целителя и справедливого царя.

3. И в той же степени, как многократно увеличивалось их число под покровительством величия сострадания его, в такой же мере росли и добродетели им охраняемых животных.

И вот однажды Великосущный, чувствовавший сострадание к живым существам, гулял по лесу. Он увидел корчившегося от нестерпимо острой боли, словно пронзенного ядовитой стрелой, льва с грязной от пыли и растрепанной гривой.

Подойдя к нему, движимый состраданием, он спросил: «Что случилось, о царь зверей? Я вижу, что ты, несомненно, тяжело болен.

4. Из-за того ль, что слишком заносился ты перед слонами, или из-за стремительной погони за оленем? Чем вызвано твое недомоганье? Усталостью, стрелой охотника или какой-нибудь болезнью?

5. Скажи же, что с тобой, а также объясни, что нужно сделать для тебя. И если есть возможность у меня прийти на помощь другу, то будешь ты доволен

тем, как я ее использую, чтобы вернуть тебе здоровье».

Лев рассказал: «О добродетельный, лучший из птиц! Мое недомогание вызвано не усталостью, не болезнью, не стрелой охотника. Кусок кости, застряв в горле, непрерывно терзает меня, как острие стрелы. Я не могу ни проглотить его, ни выплюнуть. Поэтому только друзья могут помочь мне. И если ты знаешь, как помочь, то сделай меня счастливым». Тогда Бодхисаттва, обдумав своим проницательным умом способ извлечения этого острого осколка, взял палку, достаточную по размерам, чтобы вставить ее в виде распорки в пасть льва, и сказал ему: «Открой рот, насколько можешь». Тот так и сделал. Тогда Бодхисаттва, укрепив как следует палку между двумя рядами зубов, проник до основания его глотки. Взяв клювом торчащий поперек горла кусок кости за один конец и расшатав его, он схватил его с другой стороны и наконец вытащил. Вылезая, он выбросил палку, удерживавшую челюсти льва.

6. Хирург искусный и умелый так ловно не извлек бы, сколько ни старался, подобную занозу, как вытащил ее он благодаря своим талантам, развившимся не от упражнений, а шедшим вслед за ним через рождений сотни.

7. Извлекши вместе с костью боль и причиняемые ею мученья устранив, возрадовался он тому, что удалил страдания причину, не меньше льва, спасенного от кости.

Такова праведная натура добродетельного человека:

8. Доставив счастье или отведя несчастье от другого существа, хоть и с трудом великим, гораздо более доволен добродетельный, чем если бы с легкостью он своего добился счастья.

Таким образом, Великосущный, избавив льва от страданий и радуясь этому всем сердцем, попрощался с ним и, выслушав его почтительную благодарность, отправился своим путем.

И вот однажды этот дятел летал повсюду, сияя блеском своих расправленных крыльев, и не смог нигде найти ничего пригодного для еды. Сжигаемый пламенем голода, увидел он того самого льва, наслаждавшегося мясом недавно убитой молодой антилопы. С испачканными кровью пастью, когтями и гривой он был похож на осеннее облако, освещенное отблеском заката.

9. Даже оказав когда-то льву услугу, он с приятными словами просьбы к нему все ж обратиться не посмел. И хоть он был в речах искусен, на этот раз его заставила стыдливость дать обет молчанья.

10. И все-таки желая своего добиться, он стал прогуливаться с робким видом пред его глазами. Но негодяй хотя следил за ним, не произнес ни слова приглашенья.

11. Как семя, брошенное на скалу, как жертва, вылитая на потухший пепел, иль как цветок на дереве видула,— такой же плод дает неблагодарному услуга, когда расплачиваться нужно.

Тогда Бодхисаттва, подумав, что нет, конечно, его не узнает, приблизился к нему, не испытывая никаких опасений, и попросил у него уделить что-нибудь, сопровождая просьбу, по обычаям просителей, надлежащими словами благословения:

12. «Да будет тебе благо, царь зверей, своей отвагой жизнь свою поддерживающему! Прошу тебя почтить просителя и увеличить тем свои заслуги и славу добрую».

Но даже когда к нему обратились с такими приятными словами благословения, лев, чье поведение из-за его жестокости и себялюбия было недостойно благородного, посмотрел искоса на Бодхисаттву, словно желая испепелить его взглядом своих глаз, покрасневших от пламени гнева, и сказал:

«Довольно!»

13. Достаточно того, что ты ушел живым, попавши в пасть ко мне, не знающему состраданья и пожирающему трепетных оленей.

14. Ты снова оскорбил меня, своею просьбой беспокоя. От жизни, видно, ты устал и хочешь мир иной **увидеть**».

Тогда его отказ, выраженный такими грубыми словами, вызвал чувство стыда у Бодхисаттвы, и он поднялся в небо. Он полетел своим путем, говоря ему шумом своих распростертых крыльев, что он — птица.

Между тем некий лесной бог, то ли потому, что не мог вынести такого оскорбительного обращения, или же желая испытать пределы его сдержанной стойкости, взлетел в небо и сказал Великосущному:

«О лучшая из птиц! Почему ты, оказав этому негодяю услугу, прощаешь его оскорбительное обращение, хотя в силах отомстить ему? Что значит твое бесстрастное отношение к этому неблагодарному?

15. Как ни могуч он, но, напав внезапно, ты можешь вырвать у него глаза, иль пищу утащить, зажатую в его зубах. Зачем же наглость ты его прощаешь?»

Тогда Бодхисаттва, хотя и оскорбленный грубым поведением, несмотря на подстрекательства лесного бога, ответил ему, раскрывая все благородство своей натуры:

«Довольно говорить о таких поступках. Не этим путем идут мне подобные.

16. Из сострадания, не из корысти поможет добродетельный в беду попавшему, и безразлично для него, поймет ли это тот. К чему же гнев здесь?

17. И тот — другой, не зная благодарности, обманывает только сам себя. Ведь кто, желая платы за услугу, второй раз сделает ему добро?

18. А тот, кто оказал услугу, в мире ином достигнет праведности и ее плодов благодаря спокойствию, а здесь — блестящей славы.

19. Если услуга — праведный поступок, то кто же будет сожалеть потом? А то, что сделано в расчете на награду, — не услуга, а лишь отдача в долг.

20. Кто замышляет вред ближнему, в обиде на его неблагодарность, тот, добродетелью своею сначала славу добрую сыскав, затем ведет себя слонам подобно.

21. Если же ближний по неразумению не знает как отблагодарить, он не достигнет того блеска, который любит только добродетели. Так кто ж благоразумный предпримет шаг такой, чтобы разрушить высоко поднявшуюся славу?

Вот что мне кажется наиболее подходящим.

22. Кто дружелюбья не питает, даже после услуги, оказанной ему достойным человеком, того покинуть следует спокойно, без грубости, без гнева».

Тогда бог, радуясь всем сердцем подобным прекрасным словам, несколько раз с похвалой воскликнув: «Прекрасно, прекрасно!» — сказал ему несколько приятных слов:

23. «Не носишь ты пучка волос на голове, себя не затрудняешь ты одеждой из рогожи, но в остальном ты настоящий риши, грядущее постигший. Ведь не одежда делает святого, поистине святой лишь тот, кто добродетелями наделен».

Отличив и почтив его таким образом, он исчез.

Таким образом, «даже побуждаемый к дурным поступкам добродетельный человек не будет совершать их в силу своей непривычности к ним». [Так следует говорить, восхваляя добродетельных. Это же нужно приводить в проповеди кротости и говорить так: «Человек, проникнутый кротостью, не знает ни с враждой, ни с оскорблениями. Он приятен многим людям, любящим его». Говоря о благоразумном спокойствии, следует привести следующие слова: «Мудрые, великие в своем благоразумном спокойствии сохраняют блеск своих добродетельных качеств». Так же, восхваляя величие души Татхагаты и постоянное проявление благородства его натуры, следует говорить: «Таким образом, даже в состоянии животного стремление к проявлению благородства характера не дает уйти с правильного пути».]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О м (om) — односложное слово, которое считали обладающим магической силой. Три составляющих его звука а+u+m почитались олицетворением трех *Вед*, или индуистской триады Вишну — Шива — Брахма. Слог «Ом» ставился в начале индуистских сочинений. В ряде буддийских сочинений и магических формул также употреблялся слог «Ом».

2. М у н и (munī) — «молчальник», отшельник, аскет, святой мудрец.

1. ДЖАТАКА О ТИГРИЦЕ. В собрании джатак палийского канона этот сюжет отсутствует, но он неоднократно встречается в различных собраниях легенд северного буддизма.

1. Три сокровища буддизма — Будда, его учение (dharma) и религиозная община (saṅgha).

2. Джатакарман (jātakarman) — обряд, совершаемый при рождении ребенка и заключающийся в том, что ему трижды смазывают язык топленым маслом, читая при этом соответствующие молитвы.

3. ...превосходной помощи в занятиях — имеется в виду помощь со стороны родителей и лучших наставников.

4. Восемнадцать областей знания (aṣṭadaśavidyāsthānāḥ) включают в себя четыре *Веды*, шесть *Веданг* (см. прим. VII, 1), четыре *Упаведы* (см. прим. XIX, 1), пураны (эпические поэмы мифологического, космогонического и легендарного содержания), итихаса (предания), ньяя (наука о правильном рассуждении, логика) и миманса (философская система, занимающаяся интерпретацией ведического ритуала и текста).

5. В оригинале эта строка имеет следующий вид: sa brahmavat brahmadevīdāṃ babbhūva rājeva rājñāṃ bahumānapāttram, — и может быть истолкована и переведена различным образом. Слово brahman, кроме данного в переводе значения «*Веды*», «священные тексты» означает также «*брахман* — мировая душа, первичная реальность». Отсюда brahmavid означает «знаток священного писания, т. е. *Вед*» (знание *Вед* было в основном привилегией брахманов), и «знающий (единого) *брахмана*». Слово rājap имеет значения «царь, правитель, член сословия (варны) воинов-кшатриев». Таким образом, эту строку можно также перевести: «Он был чтим знатоками *брахмана* как сам *брахман*, а царями — как царь [царей]».

6. ...бог тысячеглазый (*sahasrākṣa*) — эпитет Индры, бога неба, повелителя грома и молний в индуизме, слившегося в буддизме с Шакрой — владыкой второго божественного мира, называемого Траястринша (*trāyastriṃśa*).

7. ...домохозяина ашраму (*gārhasthya*) — вторая ступень жизни брахмана, когда он живет в доме, являясь главой семьи и выполняя обычные обязанности брахмана. Согласно установлениям индуизма, жизнь брахмана делилась на четыре ступени, так называемые ашрамы (*āśrama*): первая — ученичество, когда брахман изучал *Веды* и соблюдал обет воздержания, вторая — состояние домохозяина, третья — жизнь отшельника в лесу, посвященная религиозным упражнениям и размышлениям, и четвертая — жизнь странствующего монаха, живущего подаянием, аскета, отрешившегося от всех страстей и привязанностей.

8. ...чистотой чувств — аналогичный перевод дает и Шпейер: *purification of the organs of senses*. Но, вероятнее всего, слово *indriyabhāvanā*, стоящее здесь в тексте, употреблено в значении специфического термина буддийской психологии: развитие, культивирование пяти положительных свойств психики, направляющих моральных сил: *śraddhā* — вера, *vīrya* — энергия, *smṛti* — внимательность, *saṃādhi* — сосредоточенность мысли и *prajñā* — мудрость. Именно такое значение дает для *indriyabhāvanā* также словарь пали (T. W. Rhys Davids and W. Stede, *Pali-English dictionary*, London, 1959, p. 122).

9. ...о дружелюбии и прочем (*maitryādi ke manasamādhau*) — речь идет о четырех «безграничных, неизмеримых созерцаниях» (*aragatāpadhyāna*), положительных состояниях психики, называемых также *brahmapavihāra* — «высочайшие, божественные состояния, возвышенные настроения», а именно: доброжелательность, дружелюбие (*maitra* или *maitri*), альтруистическая радость (*muditā*), сострадание (*karuṇā*) и беспристрастие (*upekṣā*), которые достигаются созерцанием и составляют одновременно его содержание. Объектом этих созерцаний являются все живые существа.

10. Царь гор — Сумеру или Меру (*Sumeru, Meru*) — мифическая золотая гора, центр мира, от которой расходятся, как лепестки лотоса, мифические континенты (четыре или семь), омываемые соответственно четырьмя или семью мифическими океанами.

11. С а н с а р а — (*saṃsāra*) — непрерывная цепь перерождений живых существ, источник страдания, от которого, согласно буддизму, можно освободиться, познав истинное учение и достигнув нирваны.

12. М а р а (*Māra*) — олицетворение греха, соблазна, вожделения, дурных страстей и привязанностей в буддизме; в легендах выступает как мифическое существо, злой дух, мешающий Будде и его последователям идти по пути к просветлению. Народная этимология связывает имя Мары со словом «смерть». Войско Мары изображается в легендах как состоящее

из десяти частей, каждую из которых Будда обратил в бегство одним из своих совершенных качеств — *парамит*.

13. ...лучшая колесница (*yānavaṇa*), или «лучший путь» — путь бодхисаттвы, преисполненного любви и милосердия к страдающему миру, идеал махаяны, в отличие от узко-эгоистического пути архата, достигающего просветления только ради себя самого, идеала хинаяны (см. также прим. III, 5).

14. ...из стремления к благу ближних — в тексте *parārtha-siddhi*, что можно перевести также «достижение высшей цели». Очевидно, автор «Гирлянды джатак» имел в виду оба значения, ибо для бодхисаттвы высшей целью является благо ближних.

15. *М а н м а т х а* (*Manmatha*) — «взволнувший душу», один из эпитетов бога любви Камы, слившегося в буддизме с Марой.

16. *Г а н д х а р в ы* (*gandharva*) — название класса низших божеств, первоначально лесных божеств, позже, небесных музыкантов и виночерпиев богов; по буддийской мифологии, они обитают в низшем из шести божественных миров — небе четырех охранителей мира (*cāturmahārājika*).

17. *Я к ш и* (*yakṣa*) — полубожеества, выступавшие иногда благожелательными, иногда враждебными к людям; индийцы верили, что они могут по желанию принимать любой облик. В буддизме рассматривались как один из классов живых существ, рождение в котором зависит от деяний прошлой жизни; они могут воспринимать учение Будды и достигать нирваны.

18. *Н а г и* (*nāga*) — «змеи», мифические существа, наделенные большой силой и чудесными способностями, обитающие под горой Меру. Их представляли в виде полузмей-полулюдей. Наги играют большую роль в буддийских легендах.

19. В квадратные скобки заключены концовки джатак, являющиеся более поздними добавлениями. Они содержат рассуждения о том, по поводу какого положения буддийской этики и морали следует излагать ту или иную джатаку, и являются, очевидно, замечаниями переписчиков.

II. **ДЖАТАКА О ЦАРЕ ШИБИ.** Благородный и самоотверженный царь народа Шибхи (или Шиви) является героем многих легенд, в одной из которых (изложенной в *Махабхарате* и пуранах) он отдает свое тело как выкуп за голубя, преследуемого соколом. В буддийских легендах чаще всего излагается эпизод с пожертвованием глаз (палийская джатака № 409; *Чарияппитака*, 8; *Аваданапатака*, 34). Этот эпизод служит также поводом для одного из диалогов между буддийским мудрецом Нагасеной и царем Милиндой (*Milindapañha*, London, 1880, p. 119 f).

1. ...т р и а д а (*trivarga*) — согласно воззрениям индуизма, три основные цели или фактора жизни, которые должны находиться в равновесии:

dharma — религия, долг, праведность; artha — материальные интересы, богатство и kāma — чувственные удовольствия. Таково обычное толкование этой спрофы. Но, возможно, здесь имеется в виду другая триада — мысль, слово, действие.

2. Крита юга (kṛtāyuga) — название первого мирового периода, юги (yuga), «Золотого века» в индийской космологии. Вторая юга носит название Трета (tretā) — «Серебряный век», третья — Двапара (dvāpara) — «Медный век» и четвертая — Калиюга (kaliyuga) — «Железный век», начавшаяся в 3102 г. до н. э. и продолжающаяся в настоящее время. С каждой югой происходит падение физических и моральных качеств людей. Четыре юги составляют великую югу (mahāyuga), тысяча махаюг — одну кальпу, равную суткам Брахмы, или 4 320 000 000 земных лет. В конце кальпы миры разрушаются и создаются вновь в следующей кальпе. В буддизме существует несколько иное деление мировых периодов. Великая кальпа (mahākālpa) означает полный цикл сотворения и разрушения мира. Махакальпа состоит из четырех кальп: сотворение, сотворенное состояние, разрушение и разрушенное состояние мира. Длительность махакальпы — 1 280 000 000 земных лет.

3. ...ни в ком не встретивши к себе расположения — в тексте anuṣeṣa alabdharpaṇayāvakaṣāḥ. Благодаря многозначности слова rpaṇaya — «любовь», «дружеское расположение», «желание», «просьба», «мольба», «почтение» — возможны другие варианты перевода этого места. Так, Шпейер переводит: did not find in others an opportunity of putting forth their requests.

4. В оригинале в этой строфе непереводимая игра слов, основанная на различных значениях слова mada — «надменность», «высокомерие» и «ароматные истечения из лобных пахучих слонов во время течки».

5. Шакра (Śakra) — владыка второго божественного мира Тратастрипша, расположенного на вершине Меру; предводитель богов в их борьбе с демонами (асурами). На Шакру были перенесены многие эпитеты Индры (Maghavan, Vāsava, Sahasrākṣa и т. д.), хотя при этом они получили другое толкование. В буддийских легендах Шакра изображается как добрый и справедливый властитель, не свободный, однако, от многих несовершенств. Так, несмотря на свое долголетие, он, как и все живые существа, подвластен законам смерти и перерождения. Часто он проявляет в своих поступках жадность, глупость, страх, робость и т. п.

6. Гана (gaṇa) — класс полубогов, служителей Шивы.

7. Апсары (apsaras) — небесные танцовщицы и музыкантши, жены гандхарвов, воплощение женской красоты в индийской мифологии.

8. Йоджана (yojana) — мера длины, равная 15—17 км.

9. В оригинале непереводимая игра слов: nidhāna — «окровищница» и nidhana — уничтожение, гибель.

III. ДЖАТАКА О КОМОЧКЕ КАШИ. Соответствует палийской джатаке № 415. Эта легенда излагается также в *Дивьявадане*, VII и *Катхасаритсагаре*, XXVII.

1. Кошала (kośala) — название древнего народа и области в среднем течении Ганга (Сев. Кошала) и между нижним течением Джамны и верхним течением р. Маханади (Юж. Кошала).

2. Шри (śrī) — одно из имен богини счастья и красоты Лакшми.

3. Шрамана (śramaṇa) — религиозный аскет небрахманского толка, чаще всего буддийский монах, живущий подаянием, олицетворение праведности и умиротворенности.

4. ...услуга, оказанная буддам — в тексте sugataparicariyā. На основании сравнения с палийской джатакой, где соответствующее место имеет вид paricariyā buddesu, Шлейер считает, что первый элемент сложного слова в санскритской джатаке sugata («во благе пришедший», один из эпитетов Будды) означает в данном случае всех будд и буддийских монахов вообще.

5. Архат (arhat) — человек, достигший нирваны, состояния, позволяющего прервать цепь сансары.

6. ...изгнавшему свои все страсти (kṣīṇāsrava) — асрава (āsrava) — дурное влияние, преховное желание, заблуждение, привязывающее человека к цепи перерождений. Существует четыре вида асрав: kāmāsrava — дурное влияние чувственности, bhavāsrava — асрава существования, повторных рождений, dṛṣṭyāsrava — асрава ложных взглядов и avidyāsrava — асрава незнания, невежества. Уничтожение асрав является непременным условием достижения состояния архата.

7. ...для воров и прочих (caurāḍi) — причиной исчезновения, тибели богатства являются воров, огонь, вода и царь.

8. В тексте: bālyaprajñaiḥ pāṃsudānaṃ sudānaṃ. Шлейер переводит: even rags for dress, given away by the simpleminded, are a well bestowed gift, принимая для слова pāṃsu — «пыль, прах, песок» — значение «лэхмотья, [из кучи пыли]», что является неверным. См. F. Edgerton, *Buddhist hybrid Sanskrit grammar and dictionary*, New Haven, 1953, vol. II, p. 338. Эта строфа содержит намек на известную легенду об императоре Ашоке, который в одном из своих рождений, будучи еще мальчиком, подал Будде от всего сердца горсть песка в качестве подаяния. За это в одном из следующих рождений он стал могущественным императором. XXVI глава *Дивьяваданы*, излагающая эту легенду, называется «Подаяние песка» (Pāṃsupradāna).

IV. ДЖАТАКА О ГЛАВЕ ГИЛЬДИИ (cresṭhijātaka). Соответствует палийской джатаке № 40 «О раскаленных углях дерева кхадира» (khadigāgara). Перевод заглавия как «Джатака о главе гильдии» условен, так

как *ṣreṣṭhin* (в пали *seṭṭhi*) может означать «богатый человек», «банкир», «глава ремесленного цеха», «высокопоставленный кшатрий», «хранитель казны». Шпейер переводит это заглавие как «Джатака о главе гильдии», а Ольденбург как «Джатака о купце».

1. *П р а т ь е к а б у д д а* (*pratyekabuddha*) — индивидуальный будда, достигший высшего состояния, просветления, совершенной мудрости и знания, но не открывающий его миру. Путь *пратьекабудды* (*pratyekabuddhayaṇa*) занимает среднее положение между путем ученика (*śravaṇakauṇḍīya*) и путем бодхисаттвы (*bodhisattvayaṇa*) как высшим путем.

2. ...нечистые страсти (*kleṣa*) — страсти, загрязняющие ум. Существует несколько классификаций *клеша*. В буддийской литературе на санскрите упоминаются следующие: *rāga* — любовь, страсть, *pratighā* — ненависть, враждебность, *māna* — гордыня, самомнение, *avidyā* — невежество, незнание, *kudṛṣṭi* — ложные взгляды и *vicikitsā* — сомнение.

3. Обычная манера поведения буддийского монаха, просящего милостыню: держа в руках чашу для подаяния, он должен был смотреть вниз прямо перед собой, не обращая внимания на окружающих.

Ю г а (*yuga*) — мера длины, немногим более 1,5 м.

4. *Н а л я* (*pala*) — мера длины, около 2 м.

5. *М а х а р а у р а в а* (*mahārauga*) — название одного из горячих адов в буддийской космологии.

6. Богатства есть основа достижения трех целей жизни — т. е. если нет богатства, материальных возможностей, то нельзя совершать жертвоприношения, одарять брахманов и т. д., т. е. исполнять религиозный долг и накапливать праведные заслуги. Эта мысль довольно часто встречается в брахманской литературе.

7. *Н а р а к а н т а к а* (*parakāntaka*) — один из эпитетов Кришны, убившего демона Нараку.

8. В оригинале трудно переводимая игра слов: *araṇkājaṃ paṇkājaṃ babhūva*. *Paṇkāja* — букв. «рожденный из грязи, болота, ила», наиболее распространенное слово для обозначения лотоса; *araṇkāja* означает «рожденный не из грязи». Чистый лотос, растущий из грязи, является одним из очень распространенных символов индийской поэзии.

9. ...плодился в воздух нищий — речь идет о проявлении *пратьекабуддой* одной из *iddhi* — психофизических сверхчужественных сил, якобы приобретаемых благодаря совершенству в *самадхи*, сосредоточении мысли.

У. ДЖАТАКА О ГЛАВЕ ЦЕХА АВИШАХЬЕ. Соответствует палийской *джатаке* № 340, героя которой зовут *visayha*, что является, очевидно, ошибкой, вместо *avisayha*. *Aviṣahya* (санскр.) — «неодолимый, непобедимый».

1. Кубера (kubera) — бог богатства.

2. Саттра (sattra) — великое жертвоприношение богу луны Соме, а также другие столь же важные жертвоприношения.

3. Ракшасы (rākṣasa) — по индийской мифологии, злые духи, пожирающие трупы и живых людей.

4. Поэтому при встрече с бедным мы не ждем, пока придет богатство — такой вариант перевода предложен А. Гавронским, который считает, что в этой строфе более логично будет вместо ...yāsanakaṃ labdhvā na samgddhīr avekṣyate читать apekṣyate (Andrzej Gawronsky, *Studies about the Sanskrit buddhist literature*, Krakow, 1919, p. 42). Шпейер, придерживаясь чтения по изданию Керна, переводит: we need not care for riches when getting a mendicant.

VI. ДЖАТАКА О ЗАЙЦЕ. Соответствует палийской джатаке № 316; *Чарияпитака*, 10.

1. Пошадха (poṣadha) — неправильная санскритизация палийского uposatha, восходящего к ведийскому upavasatha — канун жертвоприношения сомы, впоследствии день накануне изменения фазы луны, т. е. 1-й, 8-й, 15-й и 23-й дни лунного месяца. У буддийских монахов дни *пошадха* были посвящены чтению канонических книг и проповедей учения. Буддисты-миряне придерживались в этот день восьми установлений нравственного поведения (aṣṭāṅgaṣoṣadha).

2. Неоднократно повторяющееся в «Гирлянде джатак» осуждение пути житейской мудрости (nītimārga).

3. ...почтительно обойдя его слева направо (pradakṣiṇīkṛtya) — движение по кругу слева направо служило выражением почтения и применялось также в религиозных церемониях у святых.

4. Рыбки рохита — Cyprinus Rohitaka.

5. Вайджаянта (vaijayanta) — дворец Шакры в небе Траястринша, возникший в день решительной победы Шакры над асурами.

6. Судхарма (sudharmā) — зала собраний богов в небе Шакры. Согласно буддийским легендам, боги собираются в ней по случаю различных торжеств и празднеств, а также регулярно каждый 8-й день лунного месяца (*пошадха*), чтобы послушать проповедь учения буддизма.

VII. ДЖАТАКА ОБ АГАСТЬЕ. Соответствует палийской джатаке № 480 (джатака об Акигги); *Чарияпитака*, 1.

1. ...Веды с Ангмами — *Веды* (veda) — древнейшие памятники индийской литературы, собрания гимнов, почитаемые священными: *Ригведа*, *Самaveda*, *Яджурведа* и *Атхарваведа*. К ведической литературе относятся также позднейшие комментарии на сборники гимнов — брахманы.

араньяки, упанишады. Создание древнейшего из сборников — *Ригведы* — относят обычно к середине второго тысячелетия до н. э. *Анги*, или *Веданги* (*vedāṅga* — «часть вед» — вспомогательные дисциплины при изучении *Вед*: *śikṣā* — фоетика, *chandas* — просодия, *vyākaraṇa* — грамматика, *nirukta* — этимология, *jyotiṣa* — астрономия и *kalpa* — ритуал).

2. ...остров *Ка́ра* (*kāradvīpa*) — остров недалеко от области Нагадипа (*nāgadīpa*), отождествляемой с современным полуостровом Джафна и северо-западной частью Цейлона.

3. *Амрита* (*amṛta*) — нектар, божественный напиток, дарующий бессмертие. Согласно мифу, боги добыли амриту при пахтании молочного океана.

4. ...наилучший путь украсить добродетели свои — *guṇasobhavīdhiḥ*. Шпейер предлагает читать вместо *vidhi* (установление, метод, способ, правило) *nidhi* (вместилище, сокровищница), по аналогии с II, 51 (*guṇābhyāsanidher udāratā*), и переводить «наилучшая сокровищница добродетелей».

5. *Агнихотра* (*agnihotra*) — жертвоприношение огню, чаще всего молоком, маслом и рисом.

6. Хотя героя джатаки зовут Агастья, Шакра, обращаясь к нему, называет его Кашьяпа (*kāśyapa*). То же самое в соответствующем месте палийской джатаки. Г. Малаласекера высказывает предположение, что, возможно, Ачитти (в «Гирьянде джатак» — Агастья) принадлежал к готре (роду, клану) Кашьяпа (G. Malalasekera, *Pali proper names dictionary*, vol. I, London, 1960, p. 2).

7. Сурьянараян Чаудхари предлагает читать в этой строфе *tāpasajana* не отдельно, как звательный падеж, а как первый компонент сложного слова *tāpasajanapratiṅgūre* и переводить «за слова, достойные подвижника». То же самое в строфе 16-й со словом *munijana*.

8. *Васава* (*vāsava*) — в индуистской мифологии эпитет Индры как предводителя класса богов *Vasu* (*vasu*), персонифицированных сил природы. В буддийской литературе *Васава* употребляется как эпитет Шакры. О его толковании см. G. Malalasekera, *Pali proper names dictionary*, vol. II, London, 1960, p. 857.

9. *Сокрушитель дайтев* (*daityanisūdana*) — один из эпитетов Индры-Шакры.

10. *Риши* (*ṛṣi*) — вдохновенные творцы ведийских гимнов, впоследствии слово «риши» стало употребляться в значении «мудрец», «учитель».

11. *Татхагата* (*tathāgata*) — эпитет будды Гаутамы (Шакья-муни), а также всех других будд.

VIII. ДЖАТАКА О МАЙТРИБАЛЕ. В собрании джатак палийского канона джатака с таким сюжетом отсутствует.

1. В оригинале непереводаемая игра слов: *ṣastra* — «меч», «оружие» и *ṣāstra* — шастры, священные книги, излагавшие религиозные обязанности индусов, наставления, руководства по различным дисциплинам.

2. Бодхи (*bodhi*) — состояние внутреннего просветления, постижения божественной истины.

3. Оджоха́ра (*ojohāra*) — «уносящий (жизненную) силу», эпитет класса якшей.

4. Ца́рь я́кшей — Кубера (*kubera*), бог богатства, охраняющий сокровища Индры, один из богов — охранителей мира, страж севера.

5. Пи́шача (*piśaṣa*) — класс демонов, питающихся человеческим мясом.

6. Сва́стья́яна (*svastyayana*) — магические действия и заклинания, благоприятствующие счастью и успеху.

7. А́рья (*ārya*) — «благородный»; в отличие от индуизма, где это слово связано с принадлежностью к высшим сословиям — варнам, в буддизме, оно означало вступившего на путь, ведущий к спасению.

8. ...воспользовавшись им (телом) для высочайшей цели — в тексте *sāraṁ ṣaṁgīrād ahaṁ uddhariṣye*. *Sāra* имеет следующие значения: сердцевина, ядро; сила, энергия; ценность; суть, сущность. Шнейер переводит: I will have the strength of my body taken out of it. Однако ясно, что речь здесь идет не о том, что Майтрибала, отдав свое тело якшам, подорвет этим свою силу и крепость, а об употреблении своего тела на благо ближних, в чем и состоит его единственное назначение. Ср. джатака XXIV, строфы 111 и 112: *yāvad abhyudharami tvam svadehāt sāraṁ eva sa* — «извлекая тебя, я извлеку пользу из тела своего» и *asārasya ṣaṁgīrasya sāro hveṣa mataḥ sātām* — «польза бесполезного тела именно в этом, таково мнение добродетельных» (противопоставление *sāra* и *asāra*).

9. ...соединиться с брахманом (*brahmabhūyam*) — брахман — мировая душа, первичная реальность, божественная субстанция, являющаяся объектом не поклонения, а абстрактного мышления. Соединение, слияние с брахманом является высшей целью, конечным освобождением в индуизме.

10. ...от умиления и радости поднялись волоски на теле — обычное в индийской литературе выражение, символизирующее высшую степень восторга или радостного волнения.

11. ...пятеро (первых учеников) — после того как Будда ушел из дома, он в течение некоторого времени предавался аскетическим подвигам в лесу Урувела, и его сподвижниками были пять отшельников. Когда же Будда отказался от умерщвления плоти, увидев, что этот путь не ведет к познанию истины и спасению, они, разочарованные, покинули его. Но, достигнув просветления, Будда им первым поведал свое учение. Они были слушателями первой проповеди Будды, так называемой «Бена-

репской проповеди» о приведении в движение колеса дхармы (dharma-sa-gravartana).

IX. ДЖАТАКА О ВИШВАНТАРЕ. Считается, что рождение Вишвантарой было предпоследним перерождением Будды на его пути к просветлению и что в этом рождении совершенные качества (*парамиты*) милосердия и щедрости достигли своего высшего развития. Поэтому джатака о Вишвантаре очень популярна и существует в виде пересказов и переводов на многих языках народов, воспринявших буддизм. История Вишвантары излагается в последней, 547-й джатаке палийского канона. Имя героя Вишвантара в литературе на санскрите объясняется как «все [чувства] подчиняющий». Любопытна этимология имени героя в палийской джатаке — «родился я в переулке гетер, поэтому зовут меня Вессантара» — *jāto mhi vessavithiyam tasmā vessantaro ahū* (*vessa* — санскр. *veśya* — гетера).

1. ...миров триада (*lokatriti*) — небеса, земля и промежуточное пространство, атмосфера или же, по другому толкованию, — небеса, земля и низший мир, ад.

2. Парван (*parvan*) — день изменения фазы луны, а также жертвоприношение, совершаемое в этот день.

3. Кайласа (*kailasa*) — гора в Гималаях, резиденция Шивы.

4. Часто повторяющаяся в «Гирлянде джатак», характерная для буддизма мысль, что тот, кто стремится причинить зло, на самом деле творит добро, так как дает возможность пострадавшему проявить добродетели кротости, щедрости, милосердия.

5. ...с поднятым кувшином золотым — обычай лить воду на руки служил символом завершения акта передачи собственности, например, при дарении, передаче невесты жениху при бракосочетании и пр.

6. В тексте эта строка имеет следующий вид: *sa vidvān api rājaśāstram arthānuyūṭṭya gatadharmamārgam*. Шлейер дает перевод, аналогичный переводу акад. А. П. Баранникова. Чаудхари переводит: «он же, зная, что наука державной политики, следуя выгоде, покинула путь праведности...» Если вспомнить, как часто в «Гирлянде джатак» осуждается житейская мудрость, политика (*nīti*), преследующая только корыстные цели в этом мире, то этот вариант перевода следует признать более удачным.

7. Три цели — см. прим. II, 1.

8. Сиддхи (*siddha*) — полубожества, обладающие в силу своей исключительной святости и благочестия сверхъестественными способностями.

9. Дукула (*dukula*) — очень тонкая ткань из волокон растения того же названия.

10. Мирохранители (*lokapāla*) — согласно буддийской мифологии, обитающие в низшем божественном мире боги — охранители четырех стран света. Из богов-охранителей индуистской мифологии (Куберы, Ин-

дры, Ямы и Варуны) в буддизме сохранился только Кубера — страж севера, часто называемый Вайшравана (*vaiśravaṇa*); при других буддийских мирохранителях: Дхритараштра (*dhṛtarāṣṭra*) — страж востока, Вирудхака (*virūḍhaka*) — страж юга и Вирулакша (*virūpākṣa*) — страж запада.

11. Вишвакарман (*viśvakarman*) — мифический архитектор и художник богов.

12. ...но в этом мире, потрясшем в мраке себялюбья, не может моя просьба иметь другое выражение. — Эта строка довольно сложна для понимания: в рукописях стояло: *rgāyo 'smin jagati tu matsarāndhakāre pāṇye na graṇayapadāni me vahanti*. В издании Керна принято исправление Бётлингера — *matsarāndhakārenāṇye na* вместо *'kāre pāṇye*. А. Гавронский предлагает восстановить в данном случае написание рукописи и, кроме того, читать *pāṇyena* вместе и соотнести его с *durgamena* («трудным путем», «путем препятствий») в первом полустиих. В таком случае получается следующий смысл второго стиха: «поскольку мир этот окутан мраком себялюбия, слова моей просьбы не могут пойти другим путем, кроме как путем неблагодарности, несправедливо-сти к тебе».

13. ...прекрасной супротивницей — в оригинале непереводаемая игра слов: брахман называет женщину *vāṃśā*, что означает «прекрасная», но с ударением на первом слоге слово — *vāṃśa*, означает «левый», «противоположный», «противный».

14. Чатака (*cataka*) — *Cuculus melancholeus*, пестрая индийская кукушка.

15. Кама (в тексте *manobhū*) — здесь выступает как Мара, посрамленный стойкостью Вишванатары в стремлении к щедрости.

Х. ДЖАТАКА О ЖЕРТВЕ. Очень близка к этой джатаке палийская джатака № 50, в которой Бодхисаттва тоже объявляет о принесении в жертву тысячи грешников. Но если в «Гирлянде джатак» Бодхисаттва делает это, чтобы наставить свой народ на стезю праведной жизни, то в палийской джатаке сильнее выступает желание Бодхисаттвы отучить свой народ от кровавых жертвоприношений.

1. Дикшита (*dikṣita*) — так называется человек, начиная с момента *дикши* (*dikṣā* — очищающие обряды перед большим жертвоприношением) до *авабхритха* (см. след. прим.).

2. Авабхритха (*avabhṛtha*) — заключительное омовение после совершения жертвоприношения.

3. Брахма (*brahmā*) — высший бог, творец вселенной в религиозно-философской традиции индуизма.

4. Это очень спорная строфа: *Lakṣmeva kṣaṇadāraḥasya vitatāni gātre na kṣṇājinaṃ dikṣāyantraṇayā nisargalalitā ceṣṭā na mandodyamaḥ mūrdh-*

naç chattranibhasya keçaracanā çobhā tathā eva athā caṭṭyāgaṇis te çatayaajvano 'py apahṛtaḥ kirtyāçrayo vismayaḥ. Принято толкование Шпейера, предложившего читать вместо gātre na (в рукописях gātreṇa) gātreṣu и mandodyamā вместо mandodyamaḥ. Смысл этой строфы, по толкованию Шпейера, заключается в том, что ограничения, налагаемые при жертвоприношении (в так называемом состоянии dikṣā), для праведного царя не являются чем-то новым, ибо и до этого его поведение отвечало строгим предписаниям. Чаудхари, придерживаясь чтения Керна, переводит: «Ты не окутал свое тело мехом черной антилопы, ты не уменьшил ограничениями состояния dikṣā естественную прелесть своего поведения», т. е. царь фактически не приносил жертву и все же своею щедростью лишил славы Индру. Но этот вариант никак не сочетается с третьей строкой: «Так же прекрасна прическа на твоей голове, как и под зонтиком», потому что, если царь не совершал жертвоприношений, то зонтик был при нем, в состоянии же dikṣā царь не носил знаков царственного достоинства (зонтик и т. п.); chattranibhasya можно перевести «подобно тому как под зонтиком» (о голове).

5. Кто сотню жертв принес (çatayaajvan) — синоним çatakratu, одного из эпитетов Индры.

XI. ДЖАТАКА О ШАКРЕ. В собрании палийских джатак легенда о том, как Шакра повернул колесницу, чтобы не причинить вреда птенцам, входит как один из эпизодов в джатаку № 31 (*Кулавака-джатака*). Этот эпизод излагается также в *Кулавака-сутте* (Saṃyutta-nikāya, I, 224).

1. Дити (diti) — слабо персонифицированное ведическое божество, противопоставляемое Адити (aditi — «безграничная») — матери богов. Сыновья Дити, дайты (daitya) — демоны, враждующие с богами.

2. Диннага (dinnāga) — мифические слоны, поддерживающие землю.

3. Данава (dānava) — класс демонов, враждующих с богами; часто их объединяют с дайтьями.

4. ...божественные десять троиц (tridaça) — класс буддийских богов, обитающих в мире Шакры.

XII. ДЖАТАКА О БРАХМАНЕ. В палийской джатаке № 305 учитель, желая испытать своих учеников, говорит им, что он отдаст свою дочь в жены тому, кто украдет для нее больше украшений и одежд.

1. Здесь перечисляются различные обряды, связанные с благополучным зачатием и рождением ребенка: гарбхадхана (garbhadhāna) — обряд, совершаемый для благополучного зачатия ребенка; пумсавана (pumsavana) — обряд очищения от греха, совершаемый над ребенком; симантонна (si-

mantonpayana) — обряд, совершаемый женщиной, чтобы защитить от зла ожидаемого ребенка; *джатакарман* — см. прим. 1, 2.

2. ...и за богатство почитают род наш люди — в тексте: *santatyārādhanaṃ dhanam*. Очень близко переводит это место Шлейер: ...wealth, that cause of being honoured by one's kinsmen, принимая для *ārādhana* значение «почитание», «уважение», и для *santati* — «род», «семья», «потомство», «поколение», «родня». Чаудхари переводит: «богатство, приобретаемое [стараниями] поколений», исходя из даваемого в санскритских лекоиконах для *ārādhana* значения «приобретение, получение» (*ārādhanaṃ sādhanē syād vāptaḥ*, — *Амаракоша*). Мы считаем, что *santati* здесь имеет значение «непрерывность», «длительность», «постоянство», и, принимая для *ārādhana* толкование Чаудхари, данное место следует переводить: «непрерывно [вновь] обретаемое богатство [прогоняет страдание бедности]»,

3. *Ша́стра* (*śāstra*) — священные книги, определяющие правила поведения (дхарму) индусов; также трактаты по различным дисциплинам.

4. Согласно закону (дхарме), в дни бедствий, в черные дни (*ārad-dharma*) можно было совершать поступки, запрещенные в другое время (см. «Законы Ману», М., 1960, VIII, 348 и примечание на стр. 307).

5. *Су́тра* (*sūtra*) — буквально «нить», краткое изречение, афоризм; сочинение, состоящее из афоризмов. В буддийской литературе сутры (или сутты) — поучения, вкладываемые в уста Будды, один из девяти (или двенадцати) видов, жанров, на которые разделяют в зависимости от содержания каноническую литературу.

6. *Шрава́ка* (*śrāvaka*) — «слушающий», «тот, кому проповедуют» — последователь буддизма, ученик, первая ступень на пути к познанию истины и спасению.

XIII. **ДЖАТАКА ОБ УНМАДАЯНТИ.** Соответствует палийской джатаке № 527. Этот сюжет встречается также в *Катхасаритсагаре* (главы 15, 23 и 91).

1. *Лакшми* (*Lakṣmī*) — богиня счастья, любви и красоты. *Рати* (*Rati*) — персонифицированное наслаждение, жена бога любви *Камы*. В буддийской мифологии *Рати* — одна из дочерей *Мары*.

2. *Каумуди* (*kaumudī*) — лунный свет, персонифицированный как жена бога месяца — *Чандры*, а также день полнолуния в месяце *картика* (октябрь — ноябрь) и отмечавшийся в этот день праздник, посвященный богу войны *Карттикейе* (месяц *картика* считался наиболее удобным для ведения военных действий).

3. ...раздается звон — звон металлических литавр, отбивавших время каждые полчаса.

4. ...огня великого, тебя превыше — в тексте *āhavanīya* — «тот, кому следует приносить жертву, совершать возлияния», образное

название жертвенного огня. Абхипарага сравнивает Бодхисаттву с ним, а Улмадаянти с жертвенным приношением огню, а также с платой жрецу за совершенные жертвоприношения.

Б. ...и в мире том он без сомнения лишен блаженства будет — в тексте *dhruvaṃ sa lakṣmāri vivarjyate saḥ*. А. П. Баранников принял толкование Шпейера, который считает, что *lakṣmī* обозначает здесь «блаженство в том мире», как параллель к первой строке стиха, т. е. тот, кто не заботится о людском осуждении (в этом мире), лишится донерия людского (в этом мире), а кто не заботится о напrade в том мире, лишится блаженства (в том мире).

6. Брихаспати (*bṛhaspati*) — одно из древнейших ведийских божеств, мудрый наставник и жрец богов.

XIV. ДЖАТАКА О СУПАРАГЕ. Соответствует палийской джатаке № 463, героя которой зовут Суппарака (*suppāga*), восходящее к санскр. *ṣṭrāga* — название народа. Имя героя в «Гирлянде джатак» *Supāga* является неправильной санскритизацией палийского слова (см. Н. Kern, *Jā-taka-Mālā*, p. 246).

1. Бхарукачча (*bharukaccha*) — морской порт, современный г. Броч в Катхьяваре.

2. Суварнабхуми (*suvarṇabhūmi*) — название страны, отождествляемой с Нижней Бирмой, вероятно, округа Пагана и Моулмейна.

3. Патала (*pātala*) — название подземного царства нагов и его столпцы

4. Кхурамалин (*khuramālin*) — название мифического моря, в котором живут существа с человеческими телами и с копытами (*khura* — санскр. копыто).

5. Дадхималин (*dadhimālin*) — «молочного цвета», — название мифического моря, имеющего белый цвет молока благодаря обилию в нем серебра.

6. Агнималин (*agnimālin*) — «огненного цвета», — название мифического моря, обязанного своим цветом обилию в нем сияющего, как огонь, золота.

7. Куша (*kuṣa*) — *Poa cynosuroides*, священная трава, употребляемая при религиозных церемониях.

8. Кушамалин (*kuṣamālin*) — название мифического моря, цвет которого благодаря находящимся в нем изумрудам похож на цвет тразы куша.

9. Наламалин (*nalamālin*) — название мифического моря цвета тростника (*pala* — санскр. «тростник»).

10. Владыка рек (*sarīpati*) — один из эпитетов океана в индийской поэзии.

11. Вадабамукха (vaḍabāmukha) — «пасть кобылицы», по индийской мифологии пропасть на дне океана, ведущая в подземные миры. В ней пылает подводный огонь (vāḍaba) в виде пламени с головой лошади, который, согласно одному из мифов, был сыном риши Аурвы и хотел сжечь всю вселенную; но Брахма опустил его на дно океана и разрешил пожирать воду.

12. Здесь перечисляются различные индуистские божества и классы божеств. Адитьи (āditya) — класс второстепенных божеств, сыновей Адити, число которых в Ведах колебалось от 6 до 7. Позднее их стало 12 и они превратились в олицетворения 12 месяцев года. Рудры (rudra) — класс 11 божеств бурь. Маруты (marut) — боги ветра, спутники Индры. Васу (vasu) — класс восьми божеств, олицетворяющих силы природы. Сагара (Sāgara) — персонифицированный океан.

13. Девы (devī) — букв. «богиня»; употребляется как имя ряда богинь, чаще всего жестокой богини Дурги, жены Шивы.

XV. ДЖАТАКА О РЫБЕ. Соответствует палийской джатаке № 75; *Чарияпитака*, 30.

1. Каранда (kāgaṇḍa, kāgaṇḍava) — вид утки. Чакравакка (cakravāka) — Anas Casarka, индийская казарка, птица с красновато-коричневым оперением.

2. Кадамба (kadamba) — Nauclea Cadamba, дерево с оранжевыми ароматными цветами.

3. В оригинале непереводаемая игра слов, поэтический прием *шлеша* (śleṣa), основанный на одинаковом звучании слов «черный» и «время» — kāla: akālameghāḥ kālameghāḥ. Шпейер дает другой возможный вариант перевода: ...out of season yet in the proper time.

4. Турья (tūrya) — музыкальный инструмент.

5. Парджанья (paṇḍana) — «дождевое облако», персонифицированное как бог дождя.

XVI. ДЖАТАКА О ПТЕНЦЕ ПЕРЕПЕЛА. Соответствует палийской джатаке № 35; *Чарияпитака*, 29.

1. Гатха (gātha) — стихи, метрическая часть буддийских сутр.

2. Эти две строфы почти точно совпадают по своему содержанию со строфами 244 и 245 *Дхаммапаты*.

XVII. ДЖАТАКА О ЧАШЕ. Соответствует палийской джатаке № 512.

1. Сура (sūra) — хмельной напиток.

2. Асава (āsava), сидху (sīdhu), майрея (maireya) — названия различных опьяняющих напитков.

3. Ниргрантха (nirgrantha) — букв. «отрешившийся от уз». В буддийской литературе это слово часто употребляется как презрительное наименование джайнских монахов, особенно принадлежащих к секте дигамбаров (digambara — «одетый странами света»), ходивших обнаженными.

4. Вришни (vṛṣṇī), Андхака (andhaka) — названия двух родов, часто упоминаемых вместе. Легенда о междоусобице в роде Вришни изложена в *Махабхарате*.

5. Здесь перечисляются три дурных состояния (durgati), в которых человек рождается за греховные деяния, совершенные в прошлых рождениях: пребывающим в аду, в состоянии животного и в состоянии призрака — преты. В индуистской мифологии (preta) — злое существо, дух мертвеца, потомки которого не совершают обрядов почитания предков. В буддийских легендах преты описываются как существа с огромными животами и крошечными ртами, обреченные страдать от голода и жажды. Хорошими состояниями являются рождение в мире людей и в мире богов.

6. ...кто человека путь проходит — т. е. кто рождается в состоянии человека.

7. Авичи (avīci) — название самого ужасного из адов буддизма, пылающего языками пламени, расположенного в самом низшем месте вселенной.

8. ...мир предков (в тексте pitṛloka) — мир праотцев, питаров. В буддизме питар (pitar) является синонимом слова «прета».

ХVIII. ДЖАТАКА О БЕЗДЕТНОМ — в собрании палийского канона джатака с таким сюжетом отсутствует.

ХІХ. ДЖАТАКА О ЛОТОСОВЫХ СТЕБЛЯХ. Соответствует палийской джатаке № 488; *Чарияпутака*, 24.

1. Упаведы (upaveda) — четыре науки, считавшиеся дополнениями к *Ведам*: медицина (ayurveda), военное искусство (dhanurveda), музыка (gandharvaveda), архитектура или наука о ремесле (śilpaśāstra).

2. ...деревню, четырежды обильную — в тексте catuṣṣaṭṭaṃ grāmapaṇaṃ. По мнению Шлейера, catuṣṣaṭṭaṃ здесь означает не «четырежды», а является неверной санскритизацией палийского catussaṭṭaṃ. В палийской джатаке в соответствующей строфе catussaṭṭaṃ grāmapaṇaṃ толкуется комментаторами как «обладающая четырьмя изобилиями: людей, хлеба, леса, воды».

3. Касаңгала (kaśaṅgala) — название города, который, по преданию, находился на восточной границе Мадхьядеши (madhyadeśa — «Срединная страна»), обширной страны, соответствовавшей области среднего течения Ганга, а в буддизме включавшей и долину нижнего Ганга. Согласно

комментаторам палийской джатаки о лотосовых стеблях, якша, произносящий это проклятие, был в одном из прошлых рождений во время будды Кашьяпы (предшественника будды Гаутамы) настоятелем монастыря в Качангале и предпринял непосильный труд по ремонту этого монастыря.

4. ...мимо змеиной пасти — т. е. пусть он будет обезьяной у заклинателя змей.

5. Действующие лица джатаки о лотосовых стеблях отождествляются с наиболее выдающимися учениками Будды. Сын Шарадвати (*śāradvatīputra*), или Шарипутра и Маудгальяяна (*maudgalyāyana*), близкие друзья с самого детства, одновременно восприняли буддизм и стали главными учениками Будды, который говорил о них, что в мудрости они уступают только ему, и поручал им иногда заканчивать за него проповеди. Кашьяпа, или Махакашьяпа (*mahākāśyapa*) был одним из организаторов и руководителей Первого собора после смерти Будды; Ананда (*ānanda*) — любимый ученик и слуга Будды. Пурна (*pūrṇa*) и Анируддха (*aniruddha*) также упоминаются в буддийских сочинениях как ближайшие ученики Будды. Ананда и Анируддха были двоюродными братьями Будды. Утпалаварна (*utpalavarṇa*) — буддийская монахиня, которую Будда считал одной из двух своих самых выдающихся учениц. Кубджоттара (*kubjottarā*) — служанка жены царя Удайны, последовательница Будды — мирянка. Читра (*citra*) — считался Буддой одним из самых выдающихся его последователей-мирян. Сатагири (*sātāgiri*). — согласно легендам, был монахом во времена будды Кашьяпы, 24-го будды, предшественника будды Гаутамы, но за провинность был рожден якшей во времена последнего. Парилея (*pārileya*) — имя слона Будды. Мадхудаатар (*madhudātar*) — имя обезьяны, которая, согласно одной из легенд, принесла Будде мед. Калодайин (*kālodayin*) — товарищ детских игр Будды, ставший впоследствии его учеником.

XX. ДЖАТАКА О ХРАНИТЕЛЕ КАЗНЫ Соответствует палийской джатаке № 171 (*Кальянадхамма-джатака*). В «Гирлянде джатак» она называется так же, как и 4-я джатака — «Джатака о главе тильдии» (*Geṣṭhijātaka*), но поскольку здесь говорится о том, что герой джатаки служит царю, Шпейер переводит ее заглавие как «Джатака о хранителе казны».

XXI. ДЖАТАКА О ЧУДДАБОДХИ. Соответствует палийской джатаке № 443 (*Чуллободхи-джатака*), *Чарияпитака*, 14.

1. Выцветшее желтое одеяние из старых изношенных лохмотьев было отличительной одеждой буддийского странствующего монаха.

XXII. ДЖАТАКА О ЛЕБЕДЕ. История о мудром царе лебедей Дашаратхе и его благородном военачальнике Сумукхи излагается в палийском каноне в трех джатаках: 502 (*Ханса-джатака*), 533 (*Чуллаханса-джатака*) и 534 (*Махаханса-джатака*). Источником санскритской джатаки послужила *Чуллаханса-джатака*, так как именно с ней совпадают стихи «Гирлянды джатак».

1. М а н а с а (*mānasa*) — озеро в Гималаях, почитаемое священным, место паломничества.

2. Брахмадатта в палийских джатаках часто упоминается как царь Каши, при котором происходили события, изображаемые в джатаках. Поскольку все эти события относятся к самым различным временам, Г. Малаласекера предполагает, что Брахмадатта было династическим именем царей Каши.

3. Здесь перечисляются различные виды лотосов и водяных лилий: п а д м а (*padma*) — чаще всего так называют цветок лотоса *Nelumbium speciosum*; у т п а л а (*utpala*) — голубой лотос *Nymphæa Cærulea*; к у м у д а (*kumuda*) — белая водяная лилия *Nymphæa Esculenta* или же красный лотос *Nymphæa rubra*; п у н д а р и к а (*puṇḍarika*) чаще всего обозначает белый лотос; с а у г а н д х и к а (*saugandhika*) — «ароматная», белая или голубая водяная лилия; т а м а р а с а (*tamarasa*) — дневной лотос; к а х л а р а (*kahlara*) — белая водяная лилия *Nymphæa Lotus*.

4. В оригинале в этой строфе непереводимая ипра слов, основанная на различных значениях слова *mānasa* — «сердце» и название озера: *ataṣṣiram tadgatamānasānām na mānase mānasam āsa teṣām*.

5. Шпэйер, на основании сравнения с палийской джатакой, где соответствующее место имеет вид *dhammo arapacito santo*, предлагает вместо *dhammo huipacito* читать **arapacito* и переводить: «дхарма, как должно почитаемая».

6. Н и ш а д е ц (*niṣāda*) — часто упоминаемое в источниках неарийское племя нишада, существовало охотой и рыбной ловлей.

7. М а х е н д р а (*mahendra*) — «великий Индра», эпитет Индры-Шакры.

8. ...к благополучию обоих — народа и царя или же, по другому толкованию, в обоих мирах.

9. В л а д ы к а т р и д ц а т и — Шакра.

10. ...п р и н о с и т б л а г а о б о и м — говорящему и слушающему.

XXIII. ДЖАТАКА О МАХАБОДХИ. Соответствует палийской джатаке № 528. В этой джатаке особенно ярко проявляется пропагандистская тенденция буддизма. Сюжет джатаки специально сталкивает здесь буддизм со всеми основными этическими и онтологическими идеями того времени.

1. ...противных полезному и приятному — т. е. материальным интересам, богатству (*artha*) и удовольствиям (*kāma*).

2. Тройной посох (*tridaṇḍa*) — посох из трех связанных вместе палок являлся принадлежностью странствующего аскета.

3. Четыре ступени созерцания (*catvari dhyānāni*) в буддизме суть следующие: первая *дхьяна* — радость и восторг, экстаз, порожденные уединением, сопровождаемые рассуждением и исследованием какого-нибудь одного объекта мысли; вторая *дхьяна* — радость и экстаз внутреннего спокойствия и глубокой умиротворенности, освободившиеся от рассуждений и исследования; третья *дхьяна* — освобождение от экстаза, чистая радость полного отсутствия всех страстей и привязанностей; четвертая *дхьяна* — состояние полного бесстрастия, лишенное как приятных, так и неприятных эмоций.

4. Пять совершенных знаний — пять высших психических способностей, достигаемых совершенством в созерцании и сосредоточении мысли:

1) сверхъестественная способность творить чудеса (*iddhi* — см. прим. IV, 9);

2) божественный слух, позволяющий слышать на любом расстоянии (*divyaśrota*);

3) видение на любом расстоянии, чудесное зрение (*divyacakṣus*);

4) проникновение в мысли других людей (*cetaḥpariyāya*);

5) память о прошлых рождениях (*pūrvanivāsanasmṛti*).

Ниже Бодхисаттва использует одну из этих способностей — чудесное зрение.

5. Учение о беспричинности противоречило идее буддийского закона зависимого происхождения.

6. ... все сотворено верховным существом — буддизм отрицал идею личного бога, творца и руководителя вселенной, и рассматривал мировой процесс как управляемый естественным законом зависимого происхождения.

7. Буддизм в своем понимании закона кармы выступает против такой абсолютизации причинно-следственной связи, полного детерминизма. Настоящее не определяется механически прошлым, а согласуется с ним, и для человека остается огромное поле для проявления своей энергии, для изменения своей кармы и преодоления ее.

8. ...уничтожение всех вещей — по-видимому, здесь имеются в виду воззрения, близкие к *локаяте* (древне-индийский материализм).

9. Т. е. с помощью богатства будет выполнять свои религиозные обязанности и накапливать добродетельные заслуги. Ср. в «Джатаке об олене руру» рассуждение человека о том, как он будет выполнять религиозный долг и достигнет спасения при помощи богатства, полученного за предательство.

10. ...народ свой охраняя, ты этим и свои миры храни — игра слов, основанная на значениях слова loka — «мир», «народ», «люди» и «миры» — этот и тот, «мир после смерти».

XXIV. ДЖАТАКА О ВЕЛИКОЙ ОБЕЗЬЯНЕ. Соответствует палийской джатаке 516.

1. ...отсутствием добродетельных качеств — в тексте kuṣalapakṣahānī. Шпейер переводит: loss of happiness. Однако в данном случае к смыслу сентенции больше подходит значение, даваемое для kuṣalapakṣa в «Buddhist hybrid Sanskrit dictionary» Эдджертона: side of virtue, good morals.

2. Тиндуки (tinduki) — *Diospyras embriopteris*, вечнозеленое дерево с блестящими листьями и съедобными кислыми плодами.

3. ...закон для черных дней — см. прим. XII, 4.

4. Папман (pāpman) — злой дух, воплощение греха. Путана (pūtaṇa) — вид злых демонов или духов.

XXV. ДЖАТАКА О ШАРАБХЕ. Соответствует палийской джатаке № 483.

1. Шарабха — сказочный олень с восемью ногами, обитающий в снежных горах и превосходящий силой льва и слона.

XXVI. ДЖАТАКА ОБ ОЛЕНЕ РУРУ. Соответствует палийской джатаке 482; *Чарияпитака*, 16.

1. Сал (sāla) — дерево *Vatica Robusta*; бакула (bakula) — дерево *Mimusops Elengi*; пияла (piyāla) — дерево *Buchanania Latifolia*; хинтала (hintāla) — дерево *Phoenix* или *Elate Paludosa*; тамала (tamāla) — *Xanthochymus pictorius*, вечнозеленое дерево с красивыми цветами; нактамала (naktamāla) — *Pongamia Glabra*; видула (vidula) — растение *Calamus Rotang Fasciculatus*; ничула (nicula) — название двух деревьев *Barringtonia Acutangula* и *Calamus Rotang*; шиншала (ṣimṣapā) — дерево *Dalbergia Sisu*; тиниша (tiniṣa) — *Dalbergia Ujjenensis*; шами (ṣamī) — *Prosopis Spicigera* или *Mimosa suma*; палаша (palāṣa) — *Butea Frondosa*; шака (ṣāka) — *Tektona Grandis*; сарджа (sarja) — дерево *Vatica Robusta*; арджуна (ārjuna) — *Terminalia arjuna*; дхава (dha-va) — растение *Grislea Tormentosa* или *Latifolia*; кхадира (khadira) — дерево *Acacia Catechu*; кугаджа (kutaja) — растение *Wrightia antide-sinterica*.

2. Руру (rūru), сримара (sṛmāra), ньянку (nyaṅku) — различные виды оленей; гаваяя (gavaya) — *Bos gaurus*, вид индийских диких быков.

3. Существовала традиция будить царя звуками музыки и песен. См., например, *Рамаяна*, II, гл. 65; Y. S. Speyer, *Jātakamalā*, p. 237.

4. Т а р а м р и г а (tāramṛga или другие названия: mṛgaçiṣa, mṛgaçigas) — «Голова оленя», название созвездия в древнеиндийской астрономии, состоящего из трех звезд, одна из которых λ Orionis.

5. ...надев на палец защитное приспособление — щиток или особой формы кольцо надевалось на большой палец левой руки для защиты от удара тетивой.

XXVII. ДЖАТАКА О ВЕЛИКОЙ ОБЕЗЬЯНЕ. Соответствует палийской джатаке 407; *Чарияпуттака*, 27.

1. ...и х в р а г а м — т. е. добродетелям.

2. В оригинале непереводаемая игра слов, буквально: его необыкновенным вкусом — (adbhūtena gasena), царь был также поражен как *расой* изумления (adbhūtena gasena) в представлении. *Расами* в индийской поэтике называется основное настроение, проходящее через все поэтическое или драматическое произведение и вызывающее ответную эмоцию у зрителя или читателя. В трактатах по поэтике называют восемь или десять *рас*: *раса* любви (çṛṅgara); героизма (vīra); отвращения (bībhatsa); гнева (raudra); веселья или смеха (hāsyā); страха (bhayānaka); сострадания (karuṇa); изумления (adbhūta); а также умиротворенности (çānta) и нежности (vātsalya).

3. ...и х п р о т и в н и к и — противники добродетелей, т. е. пороки.

XXVIII. ДЖАТАКА О КШАНТИВАДИНЕ. Соответствует палийской джатаке 313.

1. Н а н д а н а (nandana) — по буддийской мифологии, главный парк в небе Шакры Траястринша, в котором развлекаются боги.

2. К у к у ш к а (kokila) — Cuculus Indicus, индийская кукушка с очень нежным и мелодичным голосом. В индийской поэзии кокила играет такую же роль, как соловей в европейской поэзии.

4. ...о б и д д р у г и х л ю д е й в с е г д а н е п о м н и т ь (paṇapaṇodheṣu sadānabhiñjā). — А. Гавронский предлагает вместо этого читать °ma-dānabhiñjā, т. е. не знать раздражения, не выходить из себя при надоедливости, докучливости других. По смыслу этот вариант более удачен, чем в издании Керна, ибо точнее выражает сущность совершенного качества кротости.

XXIX. ДЖАТАКА ОБ ОБИТАТЕЛЕ МИРА БРАХМЫ. Соответствует последней части 544-й палийской джатаки, в которой Бодхисаттва, родив-

шийся Махабрахмой Нарадой, помогает дочери царя Антати опровергнуть еретические взгляды последнего.

1. В буддизме все миры делятся на Камалока — мир чувственных ощущений и Брахмалока — свободный от чувственных ощущений. Камалока включает в себя пять миров живых существ: людей, демонов (асуров), претов, животных и ад, а также шесть низших божественных миров. Брахмалока делится на шестнадцать миров, обусловленных формой (*gūpaloka*, *gūpadhāti*), и четыре мира, лишенных формы (*agūpyaloka*, *agūpyadhātu*). Рождение в Брахмалоке достигается великой добродетелью и совершенством в созерцании.

2. Нишка (*niṣka*) — золотая монета, стоимость которой была различна в различные времена.

3. Яма (*yama*) — бог смерти, первый из умерших ставший судьей и владыкой царства мертвых.

4. Самгхата (*saṃghāta*) — название ада, где грешников дробити сталкивающиеся горы.

5. Вайтарани (*Vaitaraṇī*) — название мифической реки, протекающей в аду, с едкой, жгучей водой и берегами, утыканными острыми мечами и другим оружием.

6. ...третье небо — небо Шакры.

XXX. ДЖАТАКА О СЛОНЕ. Эта джатака не имеет соответствия в палийском собрании.

1. Астагири (*Astagiri*) — мифическая гора на западе, за которую заходит солнце.

2. Гаруда (*garuda*) — мифическая гигантская птица с человеческой головой.

3. ...и тем поддерживая гибнущее поведение праведных—Шпейер считает *siṇṇasatām udvahati iva vṛttam* («словно удерживает жизнь тех, кто собирается погибнуть») неправильным исправлением Керна и предлагает восстановить чтение рукописи: *sidat satām... vṛttam* («гибнущее, портящееся поведение праведных»).

XXXI. ДЖАТАКА О СУТАСОМЕ. Соответствует палийской джатаке 537, *Чарияпитака*, 32.

1. Сомма (*soma*) — название растения, а также его сока, употреблявшегося при жертвоприношениях, персонифицированного и отождествленного с луной; бог луны. Сутасома — «выжимающий сому», «совершающий возлияние сомы».

2. Кала (*kalā*) — одна шестнадцатая часть лунного диска, каждая из которых была посвящена определенному божеству.

3. ...ушел во град богов (*suragāṃ uṇṇagāṃ*) — т. е. умер.

4. Х а л а х а л а (hālāhala) — смертельный яд, полученный, согласно легенде, при пахтании богами океана.

5. Г о р а н а з а п а д е — см. прим. XXX, 1.

6. Назвав дар, который сын Судасы откажется дать, Бодхисаттва тем самым послужит причиной дурного поступка — нарушения обещания — и наказания за него.

XXXII. ДЖАТАКА ОБ АЙОГРИХЕ соответствует палийской джатаке 510; *Чарияпитака*, 23. Айогриха (ayoggha) — «[живущий] в железном доме».

1. М а н у (manu) — прародитель людей, легендарный мудрец и законодатель, которому приписывается составление сборника брахманских наставлений *Мавадхармашастра* — «Законов Ману».

2. ...всеми средствами, начав с переговоров мирных — имеются в виду четыре способа ведения политики: мирные отношения, умиротворение противников (sāma); подарки, подкуп (dāna); раскол, сеяние раздоров среди врагов (bheda) и применение силы (daṇḍa).

3. Г р а х а (graha) — злые духи, причиняющие вред телу человека и вызывающие безумие.

4. Д х а н в а н т а р и (dhanvantari) — мифический врач богов, которому приписывается *Аюрведа* — трактат по медицине.

5. В и д ь я д х а р ы (vidyādhāra) — мифические существа, полубоги — служители Шивы, владеющие магическими знаниями.

6. А с у р ы (asura) — в буддийской мифологии, демоны, обитающие под горой Меру и враждующие с богами. Мир асуров (asuranikaya) представляет собой одну из низших сфер существования.

XXXIII. ДЖАТАКА О БУЙВОЛЕ. Соответствует палийской джатаке 278; *Чарияпитака*, 23.

1. В строках 1—3 автор «Гирлянды джатак» пытается как-то объяснить рождение такого совершенного, исполненного добродетелей существа, как Бодхисаттва, в одной из низших сфер существования — в облике животного.

2. Я м а — бог смерти, обычно изображался верхом на буйволе.

XXXIV. ДЖАТАКА О ДЯТЛЕ. Соответствует палийской джатаке 308.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
К «ДЖАТАКАМАЛЕ» («ГИРЛЯНДЕ ДЖАТАК»)
АРЬЯ ШУРЫ

Предание гласит, что Будда Шакьямуни излагал свое учение в беседах с учениками, приводя в качестве примеров истории, случившиеся с ним когда-то в прошлых рожденьях. Он был единственным, кто, достигнув «просветления» и став буддой при жизни, помнил все, что пережил, многократно рождаясь то повелителем богов, могущественным царем, ученым брахманом, мореплавателем, святым отшельником, то слоном, обезьяной, птицей, рыбой. Несмотря на разнообразие своих ипостасей, в каждой из них Будда представлял «существом, стремящимся к пробуждению» — бодхисаттвой.

С начала распространения буддизма рассказы о прошлых рожденьях Будды пользовались популярностью в Индии, а потом и за ее пределами. В I в. до н. э. на о-ве Ланка был записан свод священных буддийских текстов на языке пали — «Типитака», в один из разделов которого вошли 547 джатак — «рассказов о пережитом» Буддой¹. Позднее эти рассказы стали известны в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной, Центральной и Средней Азии². Сюжеты некоторых джатак уже в средневековье были известны в Европе и на Руси³.

Писатели-буддисты обращались к джатакам, используя их для создания собственных литературных произведений, отражавших запросы времени и особенности национальной культуры. Одним из таких писателей был Арья Шура — создатель «Джатакамалы» («Гирлянды джатак, или Сказаний о подвигах Бодхисаттвы»), выдающегося литературного памятника народов Востока. Об Арье Шуре известно немного, и высказывались некоторые сомнения в достоверности этих сведений⁴. Однако художественные достоинства произведения, высокий гуманизм и идеальная нравственность снова и снова привлекают внимание исследователей как к самому произведению, так и к личности его создателя⁵.

Можно утверждать, что «Гирлянда джатак» была хорошо известна в ряде стран буддийской культуры, в том числе и в Тибете. Учение Будды стало утверждаться в этой высокогорной стране с середины VII в., а вместе с ним распространялась и буддийская литература. За два с половиной века, пока страна не стала жертвой кровавых междоусобиц, переводчики-лоцзава перевели на тибетский огромное количество священных буддийских текстов. В их числе были и джатаки, ставшие самобытными произведениями центральноазиатской буддийской культуры⁶. В тибетский канон включен, например, цикл «рассказов о пережитом» под названием «Сутра о мудрости и глупости»⁷.

Вместе с буддийской литературой в Тибет пришла и традиция иллюстрирования джатак, возникшая еще в Древней Индии⁸. «Рассказы о пережитом» оставались излюбленными сюжетами в творчестве мастеров разных стран и в последующие века. До наших дней сохранились циклы джатак на рельефах ступ в Санчи и Бхархуте, в росписях пещерных храмов Аджанты и Дуньхуана. Их сюжеты были понятны людям, говорившим на разных языках и жившим в различных странах. Эти творения безымянных мастеров воплощали в возвышенных или назидательных образах сложные философские идеи и понятия, служившие источником просвещения и художественно-эстетического воспитания современников. Они видели в произведениях изобразительного искусства то, что не мог передать по условиям жанра и художественного метода писатель, — зримые образы Будды, его сторонников и противников⁹.

В собрании Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ) в Москве хранятся две тибетские иконы-танки, иллюстрирующие «Джатакамалу» Арья Шуры. Первая (инв. № 14287-I) написана во 2-й половине XVIII в.¹⁰. На ней представлены сюжеты джатак XI–XX. Вторая танка (инв. № 5988-I), с иллюстрациями к джатакам XVIII–XXIX, создана в начале XIX в.¹¹. Каждая из них была частью серии икон, иллюстрирующих произведение Арья Шуры. Об этом свидетельствует и тибетская надпись на обрамлении иконы 5988-I — «левая первая».

Размещение изображений на иконах из ГМИНВ подобно композиции «Гирлянды джатак» Арья Шуры. Изображения строго следуют очередности и содержанию рассказов «Джатакамалы». На первой танке помещены иллюстрации к десяти джатакам. Они расположены по периметру иконы, начинаясь с XI, изображенной сверху справа, и оканчиваясь XX сверху слева. На второй иконе — двенадцать джатак: джатака XVIII, с которой начинается изобразительный ряд, помещена в верхнем левом углу, следующие за ней располагаются против часовой стрелки. Последними изображены сюжеты джатак XXVIII — сверху справа — и расположенной ниже XXIX. Сравнение этих танок показывает, что в Тибете существовали разные варианты размещения иллюстраций к джатакам Арья Шуры.

Богатый образный мир средневековой живописи был сопрячен как буддийской культуре, ее религии, литературе, истории, искусству, так и верованиям, философским представлениям и ритуалу народов тех стран, куда проникал буддизм. Это сочетание наложило отпечаток неповторимого своеобразия на художественное мышление живописцев, определив помимо национальной самобытности такие особенности их творений, как поэтическая грация и лиризм, экспрессия и острая характерность, многозначность содержания и совершенство технического мастерства. Не натура, а канон определял изобразительный ряд произведения, его композицию и цветовое решение, а также весь процесс творчества художников, целью которого было не столько воссоздание

окружающего мира, сколько передача особого внутреннего «духовного» видения.

В основе построения каждого изображения была заложена идея мандалы, ее графическая формула, которая в зависимости от жанра или сюжета могла быть реализована в большей или меньшей степени¹². Ее простейшим обозначением являлись две пересекающиеся под прямым углом линии. Точка пересечения этих двух прямых — начало времени, пространства, всего сущего. Мандала могла быть графической, живописной, объемной, оставаясь неотъемлемым атрибутом всех инициаций и посвящений в эзотерический буддизм. Первоначально она являлась планом мироздания, космического пространства, иллюстрацией к каноническим текстам о единстве времени и пространства, выступающих в своей безграничной и идеальной протяженности, где совмещаются события, их причины и следствия. Сущность мандалы — сфера трансцендентного знания, которое открывалось посвященному в процессе медитации¹³. В это время икона приобретала свойства сакральной поддержки верующего. Изображения на иконе размещались по направлениям основных пространственных координат мандалы и соотносились между собой с позиции зрителя: верх—низ, правое—левое. Структура иконы концентрировала внимание человека во время медитации, являлась средством, с помощью которого адепт мог представить, что он по отношению к божеству есть то же, что отражение в зеркале, — не одинаково и не различно.

Однако реалии повседневной жизни благодаря острой зрительной памяти мастеров — этой хранильнице живых воспоминаний вплетались в иконографическую основу образов буддийской средневековой живописи. Формула канона не подавляла творческого начала. Всякий раз художник создавал произведение, отличавшееся от предшествовавших психологически значимыми оттенками композиции, ритма, цвета. В результате эти нюансы, едва заметные на первый взгляд, приводили к новым, неожиданным и оригинальным живописным решениям, в чем можно убедиться при исследовании икон из ГМИНВ, иллюстрирующих «Гирлянду джатак» Арья Шуры. Они написаны в традиционной для средневекового искусства Тибета технике. К созданию подобных произведений допускались только художники-профессионалы, виртуозно владевшие секретами мастерства рисунка и живописи, что достигалось многолетней учебой и постоянной практикой.

Основа икон-танок — тонкая, но достаточно плотная хлопковая ткань ручного ткачества, которая могла быть как местного, тибетского, так и индийского происхождения. Художники предпочитали использовать для работы вытянутые по вертикали прямоугольные полотнища. Их форма обладает декоративным ритмом, останавливая динамику живописной композиции, как в высоту, так и в ширину, придавая ей определенную представительность.

Выбранное для письма полотно натягивалось на специальную прямоугольную рамку. Ее крепили прочными нитями к большей, которую можно было устанавливать как в вертикальном, так и в горизонтальном положениях. Натянутое на таком мольберте полотно грунтовали, предварительно пропитав его теплым клеем. Если главными персонажами иконы являлись Будда Шакьямуни, другие будды или милостивые божества, то все ингредиенты живописи были только растительного происхождения. Когда полотно, пропитанное клеем, высыхало, на его поверхность наносили несколько слоев мелового грунта. Для придания ему большей плотности и прочности каждый слой тщательно ложили агатовым шариком или медвежьим зубом. У икон из ГМИНВ слоем грунта покрыты и оборотные стороны. Так поступали, желая в будущем уберечь ценные иконы от возможных повреждений.

Контур изображения на загрунтованный холст наносили тонким угольным штифтом. Рисунок фиксировался специальным составом, приготовленным из смолы лиственницы, сахара и березовой сажи. Обычно художник умел строить две-три иконографические композиции, охотнее используя для этого прориси. Они были для него подготовительным материалом, своеобразным словарем терминов и понятий для передачи определенной информации, заложенной в исполняемом образе. Прориси облегчали и ускоряли работу, но отнюдь не исчерпывали стоящих перед мастером художественных и эстетических задач. Использование образцов позволяло отказаться от труднейших математических расчетов и геометрических построений, избежать путаницы в атрибутах, передать устойчивые, неизменяющиеся признаки божеств. Тем самым из работы художника исключались возможные иконографические и иконометрические ошибки, сохранялась в неприкосновенности символика образов — эта азбука традиционного искусства. Лишь в особых случаях, выполняя ответственный заказ или религиозный обет, художник самостоятельно строил всю композицию иконы от начала до конца. Именно так написаны обе танки из ГМИНВ, что ставит их в ряд особо ценных произведений живописи средневекового Тибета. Их рисунок подобен тончайшей миниатюре, когда каждая деталь прописывалась с максимальной точностью и тщательностью. Это предполагало пристальное разглядывание зрителем всего изображенного на иконах, что воспитывало терпение и внимание, которое вознаграждалось каждый раз новым прочтением и осмыслением, казалось бы, знакомого сюжета. Иконы с джатаками обычно помещались на боковых стенах храма. Там всегда царил полумрак, и увидеть тончайший рисунок было нелегко. Гораздо отчетливее видны заключенные в абрисы тонких четких линий яркие и насыщенные цветовые пятна. Палитра тибетских художников чрезвычайно разнообразна. На иконах из ГМИНВ основные цвета дополнены десятками оттенков. Так, напри-

мер, зеленый имеет их около пятнадцати: от глухого охристо-зеленого до нежнейшего зеленовато-голубого, подобного цвету неба в высокогорье после захода солнца. В состав красок входили пигменты минерального, животного и растительного происхождения. Художники использовали как привозные, так и местные красители. Например, темно-бордовые доставляли из Бутана, оранжевые — из Непала, а лучшие зеленые и синие краски поступали из тибетской провинции Цзан. Яркорозовые, лимонные и ультрамариновые привозили из Китая, сиреневорозовые и фиолетовые покупали в Индии. Высоко ценилась темно-синяя краска с пигментом из растертого лазурита. Нанесенная на поверхность грунта, она начинала вспыхивать золотыми искрами: это отражали свет входившие в ее состав мельчайшие частицы минерала пирита. Такая краска была очень стойкой и своих свойств не теряла даже по прошествии длительного времени. На первой танке из ГМИНВ ею прописаны волосы на голове Будды Шакьямуни, сияющая мандорла вокруг его фигуры, детали трона. Хотя прошло более двух веков с момента написания этой иконы, по-прежнему в ее холодной синеве сверкают золотистые блики.

Несмотря на разнообразие уже готовых красок, которыми могли воспользоваться художники, они умели готовить их и сами, храня секреты получения пигментов редких цветов и оттенков, например золотисто-желтого, добывавшегося из мышьяка, или красного из киновари. При письме икон мастера использовали золото различных оттенков: от красновато-оранжевого до лимонно-белого. Для придания прочности краскам, а также для того, чтобы полотно не повреждали насекомые, в краску добавляли специальные консерванты: лимонную кислоту, сахарный сироп, соки ароматических и лекарственных растений. Когда писали изображения особо чтимых персонажей, то в состав красок вводили размельченные в порошок драгоценные камни, частицы праха святых, землю из священных для буддистов мест Индии, а также свежую или сухую кровь из носа художника и его духовного наставника, которая называлась «носовая краска». Присутствие каждого компонента в составе краски или грунта было определено не только его физико-химическими свойствами, но и ритуальными традициями буддизма. Например, наличие сока сахарного тростника или возможных его заменителей — сахара, сахарного сиропа было связано с включением этого растения в сложную систему образов-символов Шакьямуни. Сахарный тростник, его сок и аромат олицетворяли сладость и благоухание наставлений Будды, символизировали благовонное, очищающее дыхание и выдыхание им сверхъестественной мудрости¹⁴.

Живописные полотна икон по краям ограничены двумя полосами-рамками желтого и красного цветов, которые, в свою очередь, оконтурены витыми шелковыми нитями желтого цвета. Подобные рамки определяли границу между живописной поверхностью и основным об-

рамлением: оно сшивалось из полос шелка, цвет которого гармонировал с гаммой самой живописи. Ткань могла быть гладкой, одноцветной или украшенной разнообразными красочными узорами, составленными из цветов, побегов растений, геометрических знаков или изображений буддийских символов.

Так, обрамление танки 14287-1 — темно-синего цвета с одноцветным тканым узором в виде изящно стилизованных облачков, а внизу по центру золотой нитью и цветными шелками вышита фигура дракона, играющего с жемчужиной. Чешуя, покрывающая его тело, переливается желто-голубыми, оранжево-золотистыми и зелено-голубыми оттенками. Фигура дракона заключена в квадратную рамку. Сюжет и характер исполнения изображения подсказывают, что это буфан — квадратный кусок шелка, украшенный вышивкой, который нашивался на грудь и спину средневекового китайского церемониального костюма. При минской династии (1368–1644) украшавшие костюмы придворных изображения птиц и животных превратились в знаки отличия гражданских и военных чинов¹⁵. С середины XVII в. буфаны стали разрезать посередине. На иконе из ГМИНВ буфан не разрезан, и следовательно, его, как и все обрамление, можно датировать 1-й половиной XVII в., хотя сама икона моложе. Это объясняется тем, что китайский император награждал или одаривал представителей высших сословий соседних стран драгоценными шелками, в том числе и предназначенными для шитья придворных костюмов. Светские и духовные правители Тибета и Монголии жертвовали такие подарки в буддийские монастыри для обрамления особо ценных храмовых икон. Буфан помещен в центре нижней части обрамления не случайно. Шелковые вставки, называвшиеся «вход в танку», имели лишь немногие тибетские иконы, использовавшиеся при медитации. Со временем эти вставки потеряли свое сакральное значение, превратившись в элемент декора, иногда повторяемый и в верхней части танки.

Обрамление второй иконы из ГМИНВ выполнено из синего шелка с многоцветным тканым орнаментом в виде буддийских символов — зонта, цветка, двух рыб. К верхнему краю обрамления пришивались специальные завесы из шелка золотисто-желтого или светло-зеленого цветов. Они могли быть одинарными, двойными, состоять из одного или двух полотнищ. Большие храмовые или особо ценимые иконы обязательно имели завесы. Со временем танки могли их утратить. Так случилось с первой иконой, зато у второй она двойная и хорошо сохранилась. Подобные завесы защищали живопись от возможных повреждений, а также от копоти светильников, в которых горело, сильно чадая, коровье масло.

С оборотной стороны иконы обшивались полотнищами тонкой ткани: гладкой или украшенной мелким растительным либо геометрическим орнаментом, исполненным в технике ручной набойки. Первая

икона из ГМИНВ с оборотной стороны по периметру обшита широкой полосой ткани без рисунка так, что центральная часть осталась свободной. Вторая икона с оборотной стороны целиком зашита полотнищем ткани без орнамента.

К верхнему и нижнему краям иконы крепились специальные деревянные штанги. Верхняя — меньшего сечения, прямоугольного профиля, а нижняя — более массивная, круглая в поперечнике. За верхнюю штангу икона подвешивалась в интерьере храма. Нижняя штанга служила отвесом. На нее икона сворачивалась во время перемещения и хранения. Концы штанг украшались специальными наконечниками с изображением буддийской символики. Они делались из красного или сандалового дерева, золотистой или красно-коричневой бронзы, белого металла или меди. У первой танки из ГМИНВ обе штанги отсутствуют, что часто случается со старинными иконами, зато у второй есть и штанги и наконечники из бронзы, украшенные чеканным орнаментом. К концам верхней штанги второй иконы прикреплены две узкие ленты из красного шелка, достигающие нижнего края обрамления. В народном сознании эти алые ленты означали радугу — символ духовной энергии, исходившей от иконы. Весь процесс создания иконы сопровождался религиозными церемониями, среди которых самой ответственной был обряд «открытия глаз», приуроченный к тому моменту, когда художник приступал к изображению глаз главного персонажа¹⁶. В этом обряде участвовали выдающиеся деятели буддийской церкви. В особых случаях они прикасались ладонями, смоченными красной охрой, к оборотной стороне танки, оставляя отпечатки, подтверждавшие ее святость. Иногда к обороту иконы прикладывали личные печати священнослужителей высокого ранга. По оттиску можно определить имя лица, совершившего церемонию освящения изображения. Эти сведения помогают уточнить время создания иконы, восстановить отдельные эпизоды истории искусства Тибета.

На оборотной стороне танок часто встречаются фрагменты священных текстов, написанных специальными чернилами, приготовленными из золота, серебра, перламутра, коралла и ляпис-лазури. На обороте иконы 14287-I в три строки написана мантра *Om Ah Hum* — магическая формула призывания и заклинания божеств¹⁷. Гораздо реже оборотную сторону икон занимают графические изображения. Так, на обороте первой иконы из ГМИНВ помещен рисунок чортена. Чортены — мемориальные сооружения, ведущие свое происхождение от древнеиндийских ступ¹⁸. Чортены были широко известны в средневековом Тибете и получили там тщательную архитектурную разработку. Они символизировали одно из трех мистических тел Будды и часто изображались в виде пластических моделей небольшого размера. В живописи и графике их очертания иногда сопровождалось обширными комментариями.

Техника исполнения и обрамление танки подготавливали человека к процессу восприятия главного иконного образа. В центре каждой танки из ГМИНВ — фигура облаченного в монашеские одежды Будды Шакьямуни. Он сидит на лотосовом троне со сложенными перед собою ногами — поза «ваджрапарьянка». Однако руки Будды на каждой из икон изображены по-разному. На первой его правая рука «касается земли» — жест «бхумиспаршамудра», а левая лежит у лона; на ее ладони стоит монашеская чаша для сбора подаяния, в которой лежит целебный плод миробалана. На второй танке обе руки Будды подняты к груди — жест «вращения колеса Закона» — «дхармачакрамудра». Неравнозначность жестов указывает на то, что Будда предстает перед зрителями в своих различных ипостасях.

На первой иконе Шакьямуни — существо, обретшее высшее знание, но не так, как Христос, превосходящий все человеческое своим метафизическим величием. Он получил его вместе со свойствами будды, пройдя длительную череду рождений в мире сансары¹⁹. Одновременно Шакьямуни выступает как великий целитель, знающий причину страдания всего живого²⁰. На второй иконе изображен Будда, «приведший в движение колесо Закона», указавший путь к прекращению страдания²¹.

Художественная трактовка образа Будды имеет особое значение. В контексте буддийской иконы заложена идея о том, что тела будд не материальны, а потому линия, которой художник обозначает их на полотне, всего лишь условный знак. Он должен быстро узнаваться и закрепляться в памяти. Поэтому в живописи так важен силуэт главного персонажа. Особенности внешних очертаний фигуры и лика должны соответствовать внутренней сосредоточенности образа, которую невозможно вместить в конкретную психологическую характеристику. Отвечающая этим задачам композиция фигуры Будды приближается своими очертаниями к кругу или равностороннему треугольнику. Она в центре иконы своим положением и, безусловно, большими, по сравнению с окружающими, размерами воспринимается зрителем приближенной к нему, как бы находящейся в вершине условного конуса, направленного из иконного пространства в реальное. При этом размеры центрального персонажа и окружающих его фигур свидетельствуют не только о подлинном значении того или иного из них, но и об очередности вступления изображенного на иконе персонажа в контакт с верующим во время медитации²².

Художник, изображая лик Будды, отказывался от передачи каких-либо индивидуальных черт или психологических характеристик, заставляя зрителя погружаться в сферу чистого духовного созерцания. Значимость образа Будды осознавалась не в его эмоциональной наполненности, а в абсолютной отрешенности. Его состояние воспринималось зрителем как бесстрастное и одновременно переживалось как бес-

конечный во времени момент высочайшей духовной концентрации. При созерцании иконного образа человек невольно освобождался от своих эмоций и становился способным к постижению божественного прототипа.

Мягкие очертания лица Будды, его взгляд, обращенный не в мир, а внутрь себя, текучие линии контура фигуры, плавные переходы одной формы в другую, деликатное распределение цвета создают почти физическое ощущение глубокого покоя, приближающегося по своей сути к нирване. Возникает осознание того, что в иконе передается посредством «внутреннего видения» образ, в основе которого лежит идея, по сути своей неизобразимая. Следует отметить такую черту буддийских икон, как полная «спрятанность» технической стороны живописи: материальная вещественность краски, как и ремесленная сторона работы, совсем не видна. Живописная поверхность кажется самосветящейся, что в танке как нельзя лучше соответствует идеальной отвлеченности ее образов.

Одно из главных предназначений иконы — служить для зрителя средством постижения высшей истины путем слияния со своим божественным патроном, что требовало определенной интеллектуальной и психологической подготовки²³. На иконах из ГМИНВ Будда предстает перед зрителем в своем последнем, перед уходом в нирвану, обличье, окруженный участниками событий, пережитых им в прошлых жизнях. Сопоставление мира идеального, представленного в образе Будды, и реального — его окружения — являлось относительным. Это позволяло зрителю осознать, что перед ним не то, что можно видеть глазами, а то, что постигается интуицией, которая соответственно подготовлена, «разбужена». В сознании зрителя постоянно шел процесс соотнесения обычного, повседневного и иного, доступного лишь подготовленному религиозной дисциплиной сознанию. Если Будда в центре иконы предстает возвышенно отстраненным от земной жизни, то в сюжетах, разворачивающихся на периферии иконы, он выступает как бодхисаттва, все усилия которого направлены на спасение людей от страданий, а потому трактовка его образа отличается большей свободой и непосредственностью. В таком сопоставлении «реального» и «идеального» присутствует представление о том, что материальный мир, мир сансары с его мимолетностью и суетностью, являет собой по сути нечто совершенно несопоставимое с высокой духовностью абсолюта нирваны, но, с другой стороны, этот нелогичный и иллюзорный мир — непременное условие существования другого, т.е. будда становится Буддой, лишь пройдя жизненный путь человека.

Развитие сюжета каждой джатаки представлено несколькими эпизодами, в которых участвуют один и более персонажей. Разглядывая эти изображения, человек постигал смысл слов Будды о непреходящей ценности жизни независимо от того, кому она принадлежит: птенцу

перепела (джатака XVI), обезьяне (джатака XXVII) или человеку (джатака XIV). Следя за развитием сюжетов, зритель мог оценить глубину страдания Будды, осознавшего чудовищную абсурдность войн, питаемых ненавистью людей друг к другу (джатака XI), мог поверить его непреклонной убежденности в том, что необходимо жертвовать собой, спасая живые существа (джатака I).

Персонажи «рассказов о пережитом» делятся на постигших цель жизни, знающих пути к ее достижению (джатаки XII, XXIII) и тех, чей разум омрачен страстями окружающего мира (джатака XXVIII). Мудрость и благородство присущи не только просветленным людям, но и иным живым существам, например повелителю лебедей (джатака XXII), мудрому оленю руру (джатака XXVI), чудесному зверю шарабхе (джатака XXV), благородному царю обезьян (джатака XXVII). В истории о лотосовых стеблях (джатака XIX) зритель становится очевидцем противостояния Будды козням одного из могущественных богов Древней Индии Шакры (Индры). Благодаря величию духа, чистоте помыслов и поведения Будда вышел победителем из столкновения с повелителем богов, заодно пристыдив его за недостойное поведение.

Читателям и зрителям импонировало и то, что Будда отказывался делить людей на «чистых» и «нечистых», подчеркивать их принадлежность к определенным социальным группам. Он говорил о нелепости и противоречии естеству человека подобного обычая. Среди его ближайших учеников были представители разных национальностей, сословий, профессий и даже изгой общества — мусорщик, канатный плясун, раскаявшийся разбойник²⁴. Будда был всегда внимателен к людям любого рода, племени, касты или варны, считая, что у каждого человека всегда есть возможность изменить себя к лучшему. Следя за развитием сюжетов «Гирлянды джатак» Арья Шуры, представленных художниками на иконах-танках из ГМИНВ, зритель невольно проникался мыслью, что спасение от невзгод бытия есть дело ума и сердца каждого. В этом человек должен рассчитывать не на молитвы жрецов и щедрые жертвоприношения, а на самого себя, накапливая добрые поступки, искореняя в собственном сердце зависть, похоть и злобу. Поддавшийся своим заблуждениям обречен на бесконечные муки, подобно царю в рассказе о Кшантивадине (джатака XXVIII). Глубокой убежденностью в истинности проповедуемого учения, нравственной чистотой, мудростью и бескорыстием проникнут образ Будды в повествовании Арья Шуры. Благодаря этому в сознании читателей он постепенно утрачивает бесплотность фантома, вызывая искренние симпатию и уважение²⁵.

На первой иконе действующих лиц меньше, чем на второй. Эпизоды даже одного сюжета воспринимаются как вполне законченные обособленные композиции, расположенные почти симметрично по отно-

шению друг к другу. Их персонажи также вполне самостоятельны и существуют сами по себе, а взаимоотношения между ними определяются лишь литературной фабулой. Джатаки отделены друг от друга свободными участками фона, выступающими как своеобразные ритмические паузы, а переходы от эпизода к эпизоду или от сюжета к сюжету совершаются в нейтральных частях фона. Поэтому ощущения неестественности пространственных отношений не возникает. Разновременные и в разных местах происходящие события представлены в композиционном единстве, принадлежавшем плоскости полотна. В иконе время беспредельно и разнонаправленно.

Художника, изображавшего эпизоды джатак на первой иконе, интересовало не столько развитие сюжета, сколько выражение нравственных идей, носителями которых были главные действующие лица повествований. Поэтому они оказываются некими знаками, или символами, намекающими на нечто, оставшееся за пределами видимого на иконе. Связывающие их отношения почти не отражены в композициях сюжетов. Они лишь подразумеваются, хотя зритель безошибочно угадывал скрытый подтекст, зная его литературный источник. Например, первый эпизод джатаки XI (ил. 3) имеет мало общего с изображенным рядом (ил. 4). Лишь хорошо зная текст «Джатакамалы», можно понять, что это — великий бог Шакра в своем небесном дворце, что в данном эпизоде присутствуют главные элементы буддийской картины мира как космоса. Дворец Шакры возвышается на вершине горы, окруженной водами мирового океана, в волнах которого плавают материки²⁶. На одном из них сражаются воины Шакры. Далее художник изобразил саму битву. В Древней Индии войско состояло из пехоты, конницы, воинов на колесницах и слонах. Художник рисует многочисленных пехотинцев, двух всадников, слона, а колесницу Шакры изображает дважды. В первый раз — когда Шакра и два его соратника остались на поле боя одни, «своею колесницей сдерживая полчища врагов». Второй раз — когда Шакра приказал повернуть колесницу, спасая птенцов в гнезде, попавшемся на пути. Описанная Арья Шурой как чудо военной техники, колесница Шакры в представлении тибетского художника больше напоминает телегу, но над ней, как и следует из текста, развевается царский стяг.

Художник изображает многочисленные фигуры воинов в различные моменты битвы: спасающихся бегством и наступающих, стреляющих, рубящих, колющих, поверженных на землю, притаившихся в засаде. Их фигуры, подобно могучей волне, заполняют пространство иконы. Сияют золотые доспехи, а их черные оторочки напоминают молнии, прочерчивающие окружающее пространство. Многообразны приемы, с помощью которых художник передает ощущение стремительности происходящего, заставляя зрителя ощущать шум битвы, чувствовать, «как будто океан бушевал во время бури».

В джатаке XII представлены только два персонажа: брахман и его ученик — бодхисаттва (ил. 5). Художник отказывается от изображения других персонажей, все внимание сосредоточив на противостоянии этих двух. Каждый из них воплощал свой нравственный идеал: брахман заявлял, что благая цель оправдывает любые средства ее достижения, а ученик брахмана уверял, что невозможно безнаказанно совершить зло. Перед величественной фигурой старого мудреца — его юный, но непреклонный в своей правоте ученик. Художник изобразил бодхисаттву в позе, которую принимали буддийские монахи, ведя между собой диспут-диалог, и зритель, без сомнения, понимал, что ученик говорит своему учителю: «Мой разум никогда не примирится с мыслью, что ты действительно хотел нас обмануть богатства ради».

Тема нравственности продолжается в иллюстрациях к XIII джатаке о красавице Унмадаянти, имя которой значило «Сводящая с ума» (ил. 6). Сама героиня этого сюжета изображена один раз: видна лишь голова женщины позади фигуры степенно сидящего Абхипараги — ее мужа. Далее художник изображает маленькую уединенную беседку, а в ней царя шибийцев, влюбленного в Унмадаянти. У него «мысли были только с ней, вся его нравственная стойкость была похищена богом любви». Третий эпизод — возница царя Сунанда открывает царю, что Унмадаянти — жена министра Абхипараги. В последней сцене — царь и Абхипарага. Этот эпизод самый значительный как в тексте джатаки, так и в иллюстрации к ней. Он занимает большую часть иконного пространства, на котором изображена история об Унмадаянти. В дворцовом покое, на троне предстает величественная фигура царя, а перед ним — Абхипарага, смиренный и умоляющий. Министр — преданный слуга предлагает царю свою жену. Он не видит в этом ничего предосудительного, но для царя невозможно преступить нравственный закон, ибо «от поведения царей зависит благо и несчастье народа». Смысл диалога между царем и Абхипарагой художник передал языком жестов: жест министра — настойчивая мольба, царя — непреклонный отказ.

К композиционным особенностям первой иконы следует отнести неожиданный обрез краев полотна, проходящий по изображениям построек и затрагивающий даже фигуры людей, что позволяет предположить обязательное присутствие других, рядом находящихся икон той же серии. Однако этот прием не нарушает целостности всего построенного изображения благодаря определенной направленности движения персонажей и предметов к центру иконы. Она подчеркнута даже цветом гор, волн океана, кровлей зданий. Создается ощущение своеобразного «притяжения» к графическому, сюжетному и семантическому центру — фигуре Будды Шакьямуни — всего, что изображено вокруг него. Художественным достоинством первой иконы является необычайное изящество ее рисунка. Зрителю предоставлена возможность

оценить особую выразительность линейной графики, несомненно преобладающей над живописным исполнением этой танки. Рисунок выявляет выразительность силуэтов действующих лиц, подчеркивает острую характерность их жестов (ил. 10, 15).

Вторая икона являет совсем иной принцип построения сцен, в которых с подчеркнутой последовательностью перечислены все события, описанные в джатаках XVIII–XXIX. Многочисленные персонажи, изображенные на них, взаимодействуют друг с другом, что обозначено жестами и направлением движения. Если художнику представляется возможность уточнить происходящее, он делает это не задумываясь. Он раскрывает сюжет в многочисленных эпизодах, каждый из которых насыщает массой разнообразных деталей (ил. 18, 26). Мастер подробно изображает место действия и всех участников в наиболее характерных ситуациях, которые трактуются с известной долей юмора и даже гротеска. Кажется, что автор, следуя за литературным текстом, задался целью показать максимально подробно все, о чем рассказано, и о том, что только упомянуто или подразумевается в тексте Арья Шуры. Так появляется чудесная в своем жизнеподобии сцена из рассказа о Чуддабодхи (джатака XXI), герой которого решил стать отшельником, а его жена пожелала разделить с ним его судьбу и последовать за ним. Изображен брадобрей, готовящийся остричь голову Чуддабодхи, рядом — полуобнаженная фигура его жены. Она склонилась над чашей, готовясь срезать свои прекрасные длинные волосы (ил. 22). Не менее прелестна в своей неожиданной откровенности сцена купания царских жен в джатаке о Великой обезьяне (XXVII) (ил. 29). Изображая мельчайшие подробности происходящего, художник добавляет отдельные детали, которые иногда расходятся с текстом, но усиливают восприятие происходящего, как, например, в эпизоде джатаки о шарабхе (XXV). Желая подчеркнуть стремительность падения в пропасть царя, художник изобразил летящим вниз его тюрбан, хотя из текста следует, что тюрбан остался на голове своего владельца и лишь измялся после падения того в пропасть (ил. 27).

На второй иконе из ГМИНВ все подчинено стройной логике литературного сюжета, тем не менее художник подчеркивает ее вновь и вновь, как бы не доверяя зрителю самостоятельное прочтение сюжета. Возникает даже некоторая сюжетная риторика, которая успешно маскируется техническим совершенством исполнения, легкой грацией линейного рисунка и восхитительной цветовой гаммой. Так, иллюстрируя джатаку о Великой обезьяне (XXIV), художник совмещает два эпизода в один, буквально накладывая изображения персонажей друг на друга (ил. 25). Все это заставляет зрителя невольно погружаться в очарование эфемерной живописной действительности, переживая каждый ее нюанс как откровение, длящееся неопределенно долго.

Персонажи джатак на второй иконе изображены в движении, находятся в острых, необычных ракурсах, подчеркивая которые художник

смело укорачивает одни части тел своих героев и удлиняет другие, добиваясь предельной экспрессии в их трактовке. Для художника не имеют значения психологическая выразительность и индивидуальная характеристика их лиц. Фигуры и жесты персонажей говорят зрителю значительно больше. При передаче движения художник выбирал наиболее типичный его вариант — эталон движения, неоднократно повторяя его. Выработывался условный набор поз и жестов персонажей, на которые зритель должен был реагировать определенным образом. Тем самым эмоции зрителя изначально предусмотрены как литературной фабулой, так и ее живописным решением.

Художественная трактовка сюжетов на иконах из ГМИНВ различна, что особенно заметно при сравнении изображений одноименных джатак — XVIII (ил. 11, 18), XIX (ил. 12, 19), XX (ил. 14, 20). Это не случайно. Отличия обусловлены не только разницей во времени, но в большей мере теми изменениями, которые за это время произошли в Тибете. В середине XVIII в. осознание ценности и неповторимости человеческой жизни, интерес к ней художников вызвали прилив реалистических элементов в иконографию, расширили возможности художественных средств живописи, что, в свою очередь, поколебало существовавшие стилистические системы средневекового искусства, способствовало возникновению новых, с большим кругом возможностей.

В иконах с таким разнообразием сюжетов, участников и мест действий сохранялась принадлежность каждой отдельной сцены к единому миру — миру сансары, что достигалось строгой иерархией представленных объектов, развернутых в сторону зрителя. Таким образом, своим содержанием и формой икона стремилась установить духовную и зрительную связь с обращенным к ней зрителем. Величины живописных поверхностей обеих икон сравнительно невелики: у первой — 70 x 46 см при общем размере 133 x 81 см, а у второй — 93 x 59 см при общем размере 182 x 97 см, но на них воспроизведены десятки сцен, в которых участвует множество людей. При этом такие понятия, как верх, низ, глубина, выступают не как пространственные категории, а лишь как орнаментально-символические сочетания. Этому способствует используемый в иконах принцип «зеркальной» симметрии, содействующий восприятию единого целого, упорядочению его составных частей, выделению центрального образа. Перед зрителем происходит как бы остановка действия в пространстве, когда об одном и том же в схожей форме повествуется не единожды.

В иконописи встречаются и примеры «абсолютной» симметрии, способной превратить изображение в повторяющийся орнаментальный мотив, на котором взгляд зрителя не задерживается и следует дальше. Однако приемы «зеркальной» и «абсолютной» симметрии можно отнести скорее к архаизирующим особенностям буддийской средневековой

живописи. Большие художественные возможности художники средневековья усматривали в использовании «неточной», или «нарушенной», симметрии, когда несколькими чисто формальными диссонансами разрушается, казалась бы, «абсолютная» симметрия. В таких случаях взгляд зрителя снова и снова критически анализирует новую, неожиданную ситуацию, стараясь восстановить утраченную гармонию, и тем самым концентрирует свое внимание там, где этого требует сценарий композиции.

Восприятие произведения искусства развивается в определенной последовательности, предложенной зрителю художником, который ориентирует его на сопричастность творческому акту. Эта предсказуемость восприятия позволяла мастеру менее тщательно исполнять изображение, допускать некоторые нарушения ритма или пропорций. Главные и второстепенные персонажи в иконе наделены постоянными признаками: размеры, положение в иконном пространстве, отношение к движению. Эти признаки, как постоянные эпитеты в литературном произведении, делают образы персонажей легкоузнаваемыми. Такими значительными по информативности, дифференцирующими признаками были позы (асаны), положения рук и пальцев (мудры), являющиеся традиционными для буддийской культуры. Проблема движения в буддийской иконе разрешается и на уровне семантики жеста. Лаконизм и тактичность, ритмическая согласованность жестикуляции вообще характерны для произведений тибетской живописи, отчего действие в иконной живописи воспринимается не как свершившееся, а длящееся бесконечно.

Идея вечности просматривается и в цветовой интерпретации как отдельного изображения, так и всей иконы в целом. В основе цветового строя буддийской иконы лежит представление о том, что бесцветный абсолют — Адибудда эмануирует пять цветов, соответствующих пяти дхьяни-буддам: белый — Вайрочане, синий — Акшобхье, желтый — Ратнасамбхаве, красный — Амитабхе, зеленый — Амогхасиддхи. Канон буддийской средневековой живописи отчасти основан на реалистическом использовании цвета, но это «реализм» в его средневековом понимании, что особенно очевидно при анализе символической заданности использования цвета. Например, контрастные цвета «доличного» письма — всего, что окружает лик Будды на второй иконе, — имеют одинаковую довольно насыщенную плотность и, объединенные на этом уровне, противостоят тону личного письма — мягким и прозрачным.

Золотистые тона божественных ликов, столь нежные по сравнению с плотными, подчеркнуто «материальными» цветами одежды и окружения, создают ощущение прозрачной поверхности, сквозь которую просвечивает внутренний свет, придающий форме строгую организованность. Однако следует учитывать, что ни о какой пространственно-

сти в европейском понимании этого слова не может быть и речи. Это не перспектива, создаваемая уходящими в пространство планами, а скорее ощущение глубины, которое усиливается контрастом между воздушностью холодного зеленовато-голубого фона и необычайными по декоративности и насыщенности цветовыми созвучиями деталей окружения, с присущей им определенной упорядоченностью величины, интенсивности и ритма.

Не менее важным, чем цвет, оказывается в буддийской живописи и свет. Он не определяет, какое время дня или года изображено, так как эти понятия связаны с изменчивым и преходящим миром сансары. Свет, как и цвет, категория постоянная, предназначенная передать вечную сущность явления, квинтэссенцию знания, приходящего к верующему постепенно, на различных уровнях посвящения, или внезапно, как вспышка молнии, во время состояния глубокой медитации. Решая художественные задачи в своей практической работе, художник использовал свет, чтобы привлечь внимание зрителя к главному в иконе. Различная светоносность красок давала возможность акцентировать особенности самого изображенного предмета, а свойство краски отражать свет создавало эффект свечения, когда виден не свет, а часть поверхности иконы, как бы излучающей сияние.

Имена персонажей, последовательность эпизодов, изображенных на иконе, указывались иногда надписями. В иконах из ГМИНВ каждая джатака имеет подпись, в которой указан ее номер и название. Плохая сохранность надписей затрудняет их прочтение и перевод, над которыми в разное время работали отечественные тибетологи — Ю.М.Парфионович, Е.Д.Огнева, Р.Э.Тынурист. В результате было установлено, что указанная в подписях нумерация строго соответствует принятой в «Гирлянде джатак», но в названиях джатак имеются отдельные незначительные разночтения. Например, XI джатака о Шакре названа «Одиннадцатое рождение Индрой», XIII джатака об Унмадаянти — «Тринадцатое рождение красавицей Сводящей с ума», XVI джатака о птенце перепела — «Шестнадцатое рождение птенцом птицы Сэг». Надписи имели большое значение. На иконах XVIII и особенно XIX в. они не только обозначали, например, имя главного персонажа, но указывали определенную форму обращения к нему, поясняли изображенное вокруг. Нередко надписи на иконах, где представлены сцены жизни выдающихся деятелей буддизма, помогают уточнить или восстановить страницы их жизнеописаний. На иконах начала и середины XVIII в. надписи исполнены тонкой золотой линией на свободных от изображений участках фона. В XIX в. они маскируются в завитках орнаментов тронов или в лепестках лотосов, на которых восседают персонажи. В их графике нередко использовались алографы, орнаментальные элементы, что в целом усиливало восприятие декоративности иконной живописи.

Надписи на танках из ГМИНВ были видны лишь при значительном приближении к ним и служили своеобразными «подсказками» для монахов — «рассказчиков джатак». В буддийских текстах есть прямые указания на то, что в монастырях были особые лица, в обязанности которых входило объяснять мирянам значение тех или иных изображений²⁷.

Творчество художников было ориентировано на восприятие иконных образов зрителями и находилось в прямой зависимости от их субъективных ощущений и интеллектуальной подготовленности. Буддийский художник, долгие годы осваивая как практические навыки искусства, его технический регламент, так и многоаспектную медитацию, получал практически неограниченные возможности для раскрытия своего творческого дара, реализации духовного потенциала. Подобный синтез, присущий средневековому буддийскому искусству, всегда приводил к появлению произведений, значительных не только для своего времени, но и для последующего. Творческий процесс становился одинаково значимым как для художника-иконописца, так и для художника-писателя, примером чего являются «Гирлянда джатак» Арья Шуры и иллюстрации к ней — творения безвестных иконописцев средневекового Тибета.

¹ Джатаки. Из первой книги «Джатак». Пер. с пали Б.Захарьина. М., 1979.

² Конрад Н.И. К вопросу о литературных связях. — Литература и театр. Избранные труды. М., 1978, с. 59; Ставиский Б.Я. Кара-тепе — буддийский культовый центр кушанского Термеза как памятник древних среднеазиатско-индийских связей. — Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987, с. 284.

³ Шохин В.К. Древняя Индия в культуре Руси (XI — середина XV в.). Источниковедческие проблемы. М., 1988, с. 143–147.

⁴ См. Предисловие О.Ф.Волковой к настоящему изданию.

⁵ Халоупкова Л.Ж. «Гирлянда джатак» Арьяшуры в Тибете. — Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985, с. 37–38.

⁶ Дылыкова В.С. Тибетская литература. 2-е изд., дополн. М., 1990, с. 8–11.

⁷ Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо). Пер. с тибет., введ. и коммент. Ю.М.Парфионовича. М., 1978 (Памятники письменности Востока. VII), с. 8–9.

⁸ Пугаченкова Г.А. Искусство Гандхары. М., 1982, с. 97 и сл., ил. 100, 141 и др.

⁹ Минаев И.П. Индийские сказки. — Избранные труды русских индологов-филологов. М., 1962, с. 51.

¹⁰ Икона 14287-I поступила в ГМИНВ из Музея народов СССР — см.: Инвентарная книга отдела Дальнего Востока, № 12, с. 38.

¹¹ Икона 5988-I поступила в ГМИНВ из Музея народов СССР — см.: Инвентарная книга отдела Дальнего Востока, № 41, с. 62.

¹² Tucci G. The Theory and Practice of the Mandala. L., 1961; Жуковская Н.Л. Мандала как предмет ламаистского культа. — Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XXIX. Культура народов зарубежной Азии. Л., 1973, с. 56–57.

¹³ Roerich G. Tibetan Painting. P., 1925, c. 21; Tucci G. Tibetan Painted Scrolls. Vol. 1. Roma, MCMXLIX (1949), c. 287; Dargyab L.Sh. Tibetan Religious Art. Pt 1. Texts. Wiesbaden, 1977 (Asiatische Forschungen. Bd. 52), c. 25.

¹⁴ Thingo T.T. Tibetische Malerei (Thanka und Tsagli). — Buddhistische Kunst aus dem Himalaya. Köln, 1975, c. 16; Jackson D., Jackson J. Tibetan Thangka Painting, c. 79; Dargyab L.Sh. Tibetan Religious Art, c. 44–45.

¹⁵ Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. М., 1975, c. 65.

¹⁶ Thingo T.T. Tibetische Malerei, c. 13; Dargyab L.Sh. Tibetan Religious Art, c. 27–28.

¹⁷ Дандарон Б.Д. Содержание мантры ом-ма-ни-падмэ-хум. — Труды по востоковедению. Тарту, 1973, вып. II (2) (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 313), c. 464–465.

¹⁸ Franz H.G. Buddhistische Kunst Indiens. Lpz., 1965, c. 17; Минаев И.П. Буддизм. Исследования и материалы. Т. I, вып. I. Введение: об источниках. СПб., 1887, c. 182.

¹⁹ Ольденберг Г. Будда, его жизнь, учение и община. Пер. с нем. А.Н.Ачкасова. М., 1905, c. 122.

²⁰ Дылыкова-Парфионович В.С. Тракаты «Четверокнижие» и «Голубой берилл» как научная основа публикуемого свода иллюстраций. — Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVIII века «Голубой берилл». М., 1994, c. 17.

²¹ Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. Пер. с кит., коммент., заключительная ст., словарь, список сутр и трактатов А.Н.Игнатовича. М., 1998, c. 154, 172 и сл.

²² Топоров В.Н. К реконструкции некоторых мифологических представлений (на материале буддийского изобразительного искусства). — Народы Азии и Африки. 1963, № 3, c. 102–103.

²³ Цыбиков Г.Ц. Цзонхавы и его сочинение «Лам-рим чэн-по». — Избранные труды в двух томах. Т. II. Новосибирск, 1981, c. 61; Дашиев Д.Б. Буддийские категории в популярном изложении ламаизма. — Философские вопросы буддизма. Новосибирск, 1984, c. 30–31; Кузнецов Б.И. Основные идейные принципы трактата Цзонхавы «Великие этапы пути к бодхи». — Источниковедение и историография буддизма. Новосибирск, 1986, c. 43–45.

²⁴ Дайсаку Икэда. Мой Будда. Земной путь Шакьямуни. Пер. с англ. М.В.Самсоновой. М., 1994, c. 89 и сл.; Парибок А.В. Разбойник, обретший святость, или Просветленный как целитель (к истолкованию «Сутры об Ангулимане»). — Гаруда. СПб., 1996, № 2, c. 14–15.

²⁵ Ольденберг Г. Будда, его жизнь, c. 387.

²⁶ Пубаев Р.Е. Буддийская космология в историческом труде Сумба-канбо «Древо созерцания». — Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ, 1968 (Труды Бурятского института общественных наук. Бурятский филиал СО АН СССР. Вып. 1. Серия востоковедная), c. 136–137.

²⁷ Ольденбург С.Ф. Странствование сказки. — Избранные труды русских филологов-индологов. М., 1962, c. 243.

Ил. 2

Будда Шакьямуни

Танка 14287-I, фрагмент

←

Ил. 1

Танка «Джатакамала» (джатаки XI–XX)

Тибет, 2-я пол. XVIII в.; полотно, минеральные краски

Собрание ГМИНВ, инв. № 14287-I

Эпизод: Шакра, владыка богов, в своем небесном дворце

Эпизоды: а) Шакра с возничим Матали и оруженосцем на колеснице спасаются от преследования войска дайтьев; б) увидев гнездо с птенцами, Шакра приказал повернуть колесницу, направив ее на врагов; в) войско Шакры, последовавшее за своим предводителем, одержало победу над дайтьями

Эпизоды: а) в уединенной пещере учитель-брахман обучает своего ученика;
б) ученик объясняет учителю, почему не может выполнить его просьбу

- Эпизоды: а) Унмадаянти и ее супруг Абхипарага в своем доме;
б) влюбленный царь шибийцев в уединении мечтает об Унмадаянти;
в) царь узнает от своего возницы Суранды о том,
что Унмадаянти — жена Абхипараги;
г) беседа царя и Абхипараги об Унмадаянти

- Эпизоды: а) состарившегося Супарагу купцы уговаривают
отправиться с ними в плавание;
б) корабль с Супарагой и купцами плывет по опасным морям;
в) благополучное возвращение к родным берегам
Супараги и его спутников

Ил. 8

XV. Джатака о рыбе

Танка 14287-1, фрагмент

Эпизоды: а) повелитель рыб в окружении
рыб — своих подданных плывет по озеру;
б) Шакра, владыка богов, является повелителю рыб

Эпизоды: а) огонь объел дерево с гнездом, из которого вылетели перепела;
б) в гнезде остался самый маленький и слабый птенец,
приказавший огню отступить

Эпизоды: а) Шакра, повелитель богов, в своем небесном дворце;
б) Шакра, принявший образ брахмана, отказывается
от подарков царя Сарвамитры

Эпизоды: а) богатый дом бездетного;
б) бездетного, ставшего отшельником, пришли почтить люди;
в) бездетный беседует с другом своего отца

Ил. 12

ХІХ. Джатака о лотосовых стеблях

Танка 14287-І, фрагмент

Эпизод: Бодхисаттва – сын брахмана
в родительском доме

Эпизоды: а) в хижинах возле лесного озера
 сидят Бодхисаттва и его братья;
 б) Шакра наблюдает за Бодхисаттвой и его братьями

Эпизоды: а) дом хранителя казны;

б) хранитель казны прощается с друзьями;

в) хранитель казны, ставший монахом, в уединении
предается размышлениям; г) царь в своем дворце

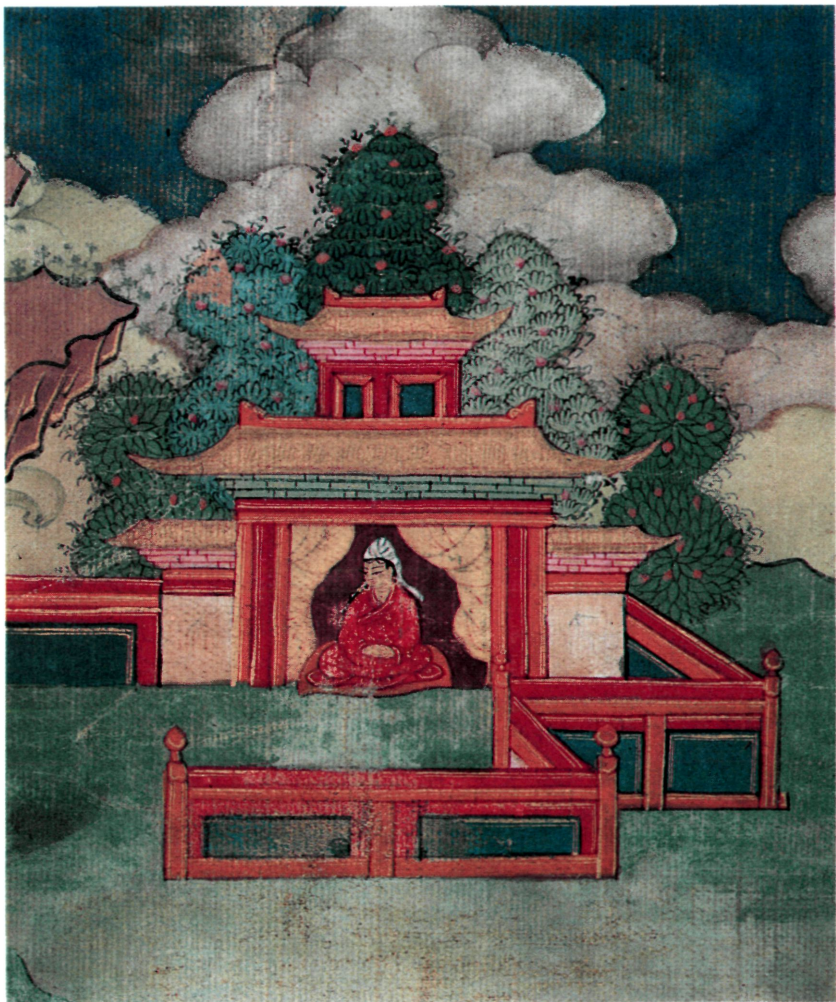

Эпизоды: а) хранитель казны прощается с друзьями;
 б) хранитель казны, ставший монахом, в уединении
 предаётся размышлениям

Ил. 16

XX. Джатака о хранителе казны

Танка 14287-I, фрагмент

Эпизод: царь в своем дворце

Эпизоды: а) дом хранителя казны;
 б) хранитель казны прощается с друзьями;
 в) хранитель казны, ставший монахом, в уединении
 предается размышлениям

- Эпизоды: а) бездетный в своем доме оплакивает умерших родителей;
б) бездетный раздает свое имущество всем желающим;
в) бездетный уходит из отчего дома;
г) бездетный, став отшельником, беседует с другом своего отца;
д) рядом с хижинкой бездетного сидят его почитатели

- Эпизоды: а) Бодхисаттва рассказывает братьям о своем решении покинуть отчий дом; б) Бодхисаттва уходит из дома вместе с братьями, сестрой, другом, рабом и рабыней; в) в лесу Бодхисаттва и его последователи предаются созерцанию; г) из стеблей лотоса рабыня приготовила еду, разложив ее на листьях; д) Бодхисаттва порицает Шакру и наставляет своих последователей, к которым присоединились якша, слон и обезьяна

Ил. 20

XX. Джатака о хранителе казны

Танка 5988-I, фрагмент

Эпизоды: а) в доме хранителя казны его жена рыдает над словами своей матери;
б) хранитель казны посылает слугу узнать, что происходит в его доме;
в) хранитель казны прощается с народом

- Эпизоды: а) хранитель казны отправляется к царю во дворец;
б) хранитель казны идет в одиночестве через лес;
в) хранитель казны предается созерцанию
в лесной хижине

- Эпизоды: а) Чуддабодхи рассказывает жене о своем решении стать отшельником;
б) слуга бьет голову Чуддабодхи, а рядом его жена отрезает свои волосы;
в) Чуддабодхи и его жена уходят из дома;
г) царь на колеснице едет на прогулку в лес;
д) Чуддабодхи сидит в лесной хижине и разговаривает с царем;
е) слуги царя силой уводят жену Чуддабодхи;
ж) рыдающую жену Чуддабодхи слуги царя хотят увести на колеснице

- Эпизоды: а) озеро Манас, где живут лебеди;
 б) царь лебедей и его военачальник прилетают на озеро возле Бенареса;
 в) птицелов отпускает на свободу пойманного царя лебедей,
 а военачальник царя лебедей предлагает себя взамен;
 г) птицелов несет птиц во дворец царя Бенареса;
 д) царь лебедей, сидя на троне, беседует с царем Бенареса;
 е) оба лебедя взмывают над крышей дворца,
 улетаая к родному озеру

Эпизоды: а) Махабодхи приходит в город;
б) приглашенный во дворец,
Махабодхи разговаривает с царем и его свитой;
в) покинув дворец, Махабодхи благословляет жителей города;
г) Махабодхи в лесной хижине предается созерцанию;
д) Махабодхи опровергает доводы лжеучителей;
е) Махабодхи объясняет царю истинное учение;
ж) перед собравшимися на крыше дворца Махабодхи
взмывает в воздух, чтобы исчезнуть

- Эпизоды: а) заблудившийся в лесу человек, страдая от голода, забрался на дерево за плодами; б) человек падает в пропасть; в) человек лежит на дне пропасти; г) обезьяна спустилась в пропасть, желая спасти попавшего в беду; д) обезьяна, держа в лапах камень, пробует выбраться из пропасти; е) обезьяна с человеком на спине выбирается из пропасти; ж) обезьяна просит человека охранять ее во время сна; з) человек, взяв в руки камень, хочет убить обезьяну; и) человек умоляет обезьяну простить его

Ил. 26

XXIV. Джатака о Великой обезьяне

Танка 5988-I, фрагмент

Эпизоды: а) отпущенный обезьяной человек заболел проказой, и люди не пускают его в дом, прогоняют палками;
б) человек, страдающий от болезни, поселился в глухом месте;
в) раджа увидел в лесной глуши больного и услышал его рассказ

- Эпизоды: а) царь в своем дворце; б) царь отправляется на охоту;
в) погоня за чудесным шарабхой; г) царь падает в пропасть;
д) шарабха пробует силы, сможет ли он вынести царя из пропасти;
е) шарабха с царем на спине выбирается из пропасти;
ж) царь возвращается во дворец, а шарабха в лес

Эпизоды: а) олень руру спасает тонущего в реке; б) спасенный благодарит руру и уходит в город; в) спасенный приводит царя и охотников в лес, где обитает руру; г) руру окружен охотниками со всех сторон; д) после разговора с руру, царь приглашает его в свой дворец; е) собравшиеся слушают проповедь руру, а потом он возвращается в лес

- Эпизоды: а) царь пирует на берегу реки, наблюдая за купающимися женами;
б) одна из них поймала в воде чудесный плод;
в) царь, окруженный свитой, отправляется искать дерево, на котором вырос удивительный плод;
г) обезьяны убегают по телу своего царя от охотников;
д) израненный царь обезьян падает с дерева;
е) его приводят в чувство; ж) беседа царя с царем обезьян

Эпизоды: а) царь во дворце; б) царь на колеснице вместе со своими женами отправляется на прогулку в лес; в) царь спит, охраняемый слугами; г) его жены, гуляя по лесу, видят Кшантивадина, сидящего в хижине; д) царь, охваченный гневом, отрубает у Кшантивадина руки и ноги; е) совершивший злодеяние царь охвачен пламенем; ж) люди просят у Кшантивадина прощения

Эпизод справа вверху: Бодхисаттва беседует с царем видехов Ангадинной.
В центре Будда Шакьямуни

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. Ф. Волкова. Предисловие</i>	5
Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы	25
I. Джатака о тигрице	28
II. Джатака о царе Шиби	34
III. Джатака о комочке каши	45
IV. Джатака о главе гильдии	50
V. Джатака о главе цеха Авишахье	55
VI. Джатака о зайце	61
VII. Джатака об Агастье	69
VIII. Джатака о Майтрибале	79
IX. Джатака о Вишвантаре	93
X. Джатака о жертве	113
XI. Джатака о Шакре	121
XII. Джатака о брахмане	125
XIII. Джатака об Улмадаянти	130
XIV. Джатака о Супараге	139
XV. Джатака о рыбе	148
XVI. Джатака о птенце перепела	152
XVII. Джатака о чаше	155
XVIII. Джатака о бездетном	161
XIX. Джатака о лотосовых стеблях	166
XX. Джатака о хранителе казны	176
XXI. Джатака о Чуддабодхи	184
XXII. Джатака о лебеде	191

XXIII. Джатака о Махабодхи.....	208
XXIV. Джатака о Великой обезьяне.....	224
XXV. Джатака о шарабхе.....	232
XXVI. Джатака об олене руру.....	238
XXVII. Джатака о Великой обезьяне.....	246
XXVIII. Джатака о Кшантивадине.....	254
XXIX. Джатака об обитателе мира Брахмы.....	267
XXX. Джатака о слоне	277
XXXI. Джатака о Сутасоме.....	286
XXXII. Джатака об Айогрихе.....	305
XXXIII. Джатака о буйволе	313
XXXIV. Джатака о дятле.....	317
Примечания	323

Иллюстрации

<i>Т.В.Сергеева.</i> Иллюстрации к «Джатакамале» («Гирлянде джатак») Арья Шуры	348
--	-----

Научное издание

Арья Шура

**ГИРЛЯНДА ДЖАТАК,
или Сказания о подвигах Бодхисаттвы**

Второе издание, дополненное

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редакторы *Н.Б.Кондырева, Е.М.Медведев, Н.Г.Михайлова*

Художественный редактор *Э.Л.Эрман*

Технические редакторы *С.В.Цветкова, О.В.Волкова*

Корректоры *А.Д.Поздняковская, Н.Н.Щигорева*

ЛР № 020297 от 23.06.97

Подписано к печати 24.03.2000

Формат 60×90¹/₁₆

Печать офсетная. Усл. п. л. 23,0+2,0 (вкл.)

Усл. кр.-отт. 29,3. Уч.-изд. л. 21,3

Тираж 2000 экз. Изд. № 7488

Зак. № 1993

Издательская фирма

«Восточная литература» РАН

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

